

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ.
СТИЛИСТИКА.
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ПОЭТИКА

Сборник научных статей, посвященный юбилею
В. Н. Виноградовой

МОСКВА
2024

УДК 81'373.611+81'38(07)

ББК 81.20: Русский язык

С48

Рецензенты:

*Доктор филологических наук М. Л. Ковшова
Кандидат филологических наук М. М. Вознесенская*

Словообразование. Стилистика. Лингвистическая поэтика.

С48 Сборник научных статей, посвященный юбилею В. Н. Виноградовой / Под редакцией Н. А. Николиной, З. Ю. Петровой, Н. А. Фатеевой — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024. — 288 с.

ISBN 978-5-7164-1429-7

В сборник, посвященный юбилею Валентины Николаевны Виноградовой, вошли работы, касающиеся широкого круга вопросов, входящих в научные интересы юбиляра. Это статьи, посвященные словообразовательным процессам в различных функциональных разновидностях языка, как в синхронии, так и в диахронии; работы, касающиеся процессов и явлений, происходящих в стихотворных и прозаических текстах, в идиостилиях отдельных авторов. Рассматриваются также проблемы авторской и общей лексикографии. Книга предназначена как для специалистов-филологов, так и для всех любителей русской словесности.

В дизайне обложки использован рисунок для ткани Варвары Степановой (1920-е гг.)

doi:10.31912/anniversary_vinogradova_288

ISBN 978-5-7164-1429-7

© Тексты, коллектив авторов, 2024
© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

- Виноградова В. Н.** (Москва)
Языковая картина мира в сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина 8
- Арская Ю. А., Мамедов А. А.** (Иркутск)
Художественный потенциал несовершенного вида глагола
в лирическом тексте..... 17
- Белова А. В.** (Москва)
О способах выражения авторской модальности
в стихотворении К. Д. Бальмонта «Заветная рифма» 26
- Гик А. В.** (Москва)
Непоэтическая лексика в поэтическом словаре
(слова с корнем -дур-
в Словаре языка русской поэзии XX века)..... 39
- Годизова З. И.** (Шэньчжэнь, КНР)
Глаголы с конфиксом *до-...-ся* в русском языке:
функционально-стилистический аспект 49
- Дозорова Д. В.** (Москва)
Типы и функции новообразований в прозе В. Пелевина 57
- Драгичевич Райна** (Белград, Сербия)
Проблемы представления новых сербских слов
в сербско-русском словаре 66
- Ерёмин А. Н., Петрова О. О.** (Калуга)
Динамика семантики производного слова в синхронии 77
- Жданова Е. А., Самыличева Н. А.** (Нижний Новгород)
Специфика функционирования новообразований
в интернет-комментариях 85
- Иорданиди С. И.** (Москва)
Семантико-словообразовательное описание дериватов
с уникальными суффиксами в истории русского языка I 94
- Козел Н. Я.** (Москва)
О тактике употребления диминутивов в прозе С. Довлатова..... 106
- Крылов С. А.** (Москва)
Опыт инвентаризации элементов семантического метаязыка
описания коннотаций русского словообразования
(на материале академической «Русской грамматики»
1980 года)..... 118

Лазуткина Е. М. (Москва)	
Приемы третьеличного нарратива в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».....	136
Маринова Е. В. (Нижний Новгород)	
Словотворчество в дискурсе о «цифре»	146
Менгель Светлана (Берлин–Халле, Германия)	
К вопросу о наименовании женщин и мужчин в славянских языках. диахронный аспект	156
Николина Н. А. (Москва)	
Наречия-неодериваты в современной художественной речи.....	172
Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. (Москва)	
К вопросу о типах межтекстового взаимодействия в компаративных тропах (на материале современной русской прозы)	180
Плунгян В. А. (Москва)	
Из истории словообразовательных утрат: <i>разронять</i>	196
Радбиль Т. Б. (Нижний Новгород)	
Словообразовательные аномалии в художественной речи Осипа Мандельштама: лингвокогнитивный аспект	205
Рацибурская Л. В. (Нижний Новгород)	
Проявления тенденции к демократизации в современных словообразовательных процессах.....	213
Саакян Л. Н. (Москва)	
«На языке кенгурусском» (транспозиция формы и языковой перенос в анималистических скорнениях Анны Логвиновой).....	221
Северская О. И. (Москва)	
Паронимическая квазиморфемика и квазиморфонология	233
Тошович Бранко (Грац, Австрия)	
Стили виртуальности.....	242
Улуханов И. С. (Москва)	
История слов <i>волостель, избавитель, кормитель,</i> <i>лечитель, мститель, родитель</i>	252
Чернышева М. И. (Москва)	
«Зеленый камень» А. Блока в контексте средневековых представлений	265
Шестакова Л. Л., Кулева А. С. (Москва)	
Сноска к поэтическому тексту и ее отражение в «Словаре языка русской поэзии XX века».....	275

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2024 году отмечает свой юбилей доктор филологических наук Валентина Николаевна Виноградова, долгие годы работавшая в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. В. Н. Виноградова окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова в 1956 году. Была одним из создателей картотеки «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» и автором ряда его статей. В 1967 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Имена с отрицательными приставками в древнерусском языке XI–XIV вв.» под руководством чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. В 1987 г. В. Н. Виноградова защитила докторскую диссертацию на тему «Стилистический аспект русского словообразования».

Основные научные интересы В. Н. Виноградовой связаны с изучением словообразования и языка художественной литературы. Она автор более 130 работ, посвященных языку и поэтике русских прозаиков и поэтов (И. Анненского, И. Северянина, М. Волошина, М. Салтыкова-Щедрина и др.), а также работ по различным проблемам стилистики русского языка, словообразования и поэтической грамматики. В ее монографии «Стилистический аспект русского словообразования» рассматриваются стилистические особенности использования производных слов в текстах СМИ и художественной литературы. Особое внимание в книге уделено окказиональным способам словообразования (контаминация, обратное словообразование и т. д.). Эта книга В. Н. Виноградовой получила широкую известность как в нашей стране, так и за рубежом, в частности, была переиздана в Германии в 1992 г.

В. Н. Виноградова принимала активное участие в создании многолетнего научного труда коллектива авторов под руководством В. П. Григорьева «Очерки истории языка русской поэзии XX века», была автором разделов «Словотворчество» и «Игорь Северянин». Совместно со Светланой Менгель (Университет Халле в Германии) она выступила как редактор коллективной монографии: Swetlana Mengel, Valentina Vinogradova (Hrsg.). *Linguistische Poetik*. Verlag Dr. Kovač. Hamburg, 2002.

Коллеги знают Валентину Николаевну как чуткого, доброжелательного человека, отличающегося чувством высокой ответственности и преданности науке.

В сборник, посвященный В. Н. Виноградовой, вошли статьи ученых-филологов из разных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Калуги, Нижнего Новгорода, Владикавказа, — а также работы зарубежных ученых из Германии, Австрии и Сербии. Сборник характеризуется разнообразием выбранных авторами тем. Это статьи, посвященные словообразовательным процессам в разных сферах речи, а также работы, в которых рассматриваются проблемы лингвистической поэтики и лексикографии.

Сборник открывается статьей В. Н. Виноградовой «Языковая картина мира в сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина». Эта работа посвящена особенностям стиля писателя-сатирика. Особое внимание в сборнике, в соответствии с научными интересами В. Н. Виноградовой, уделено вопросам словообразования в синхронии и диахронии. Деривационные процессы рассматриваются на материале современной публицистики, языка СМИ, интернет-коммуникации; см., например, статьи Е. А. Ждановой и Н. А. Самыличевой «Специфика функционирования новообразований в интернет-комментариях», Е. В. Мариновой «Словотворчество в дискурсе о “цифре”», Л. В. Рацибурской «Проявления демократизации в современных словообразовательных процессах». Языку художественной литературы и словообразовательным средствам в художественной речи посвящены статьи Н. А. Николиной «Наречия-неодериваты в современной художественной речи», Т. Б. Радбиля «Словообразовательные аномалии в художественной речи Осипа Мандельштама: лингвокогнитивный аспект», Л. Н. Саакяна «“На языке кенгурусском” (транспозиция формы и языковой перенос в анималистических скорнениях Анны Логвиновой)», Д. В. Дозоровой «Типы и функции новообразований в прозе В. Пелевина», Ю. А. Арской и А. А. Мамедова «Художественный потенциал несовершенного вида глагола в лирическом тексте», выполненная на материале современной поэзии, А. В. Беловой «О способах выражения авторской модальности в стихотворении К. Д. Бальмонта “Заветная рифма”», Е. М. Лазуткиной «Приемы третьеличного нарратива в романе М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”», О. И. Северской «Паронимическая квазиморфемика и квазиморфонология», М. И. Чернышевой «“Зеленый камень” А. Блока в контексте средневековых представлений». В статье З. Ю. Петровой и Н. А. Фатеевой анализируется межтекстовое взаимодействие в компаративных тропах современной русской прозы.

В статье В. А. Плунгяна «О глаголе *разрывать* в русском языке» исследуется вышедший из употребления глагол с особым аспектуальным

значением. В работе З. И. Годизовой представлено описание глаголов с конфиксом *до... ся* в функционально-стилистическом аспекте.

Ряд работ посвящен словообразовательным явлениям в диахронии. В статье И. С. Улуханова прослеживается история шести отглагольных существительных с суффиксом *-тель*, в статье С. Менгель рассматриваются наименования женщин и мужчин в диахронном аспекте, в работе С. И. Иорданиди дается семантико-словообразовательное описание дериватов с уникальным суффиксами в истории русского языка.

Вопросы лексикографии стали предметом исследования в работах А. В. Гик «Не-поэтическая лексика в поэтическом словаре (слова с корнем *-дур-* в Словаре языка русской поэзии XX века)», Р. Драгичевич «Проблемы представления новых сербских слов в сербско-русском словаре», А. Н. Ерёмина и О. О. Петровой «Динамика семантики производного слова в синхронии», Л. Л. Шестаковой и А. С. Кулевой «Сноска к поэтическому тексту и ее отражение в “Словаре языка русской поэзии XX века”».

Новейшие явления современной стилистики отражены в работе Б. Тошовича «Стили виртуальности».

Итак, в сборнике, посвященном юбилею В. Н. Виноградовой, рассматриваются актуальные вопросы современной лингвистики. Надеемся, что он будет интересен широкому кругу читателей — лингвистов, литературоведов, лексикографов и всех, интересующихся отечественной филологией.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В САТИРЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

В статье на материале анализа творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина рассматриваются такие проблемы, как становление в XIX в. сатирического словоупотребления, становление лексических новообразований, новой фразеологии, синтаксических приемов, характерных для разных жанров сатирического изображения, в том числе разных «образов автора».

Ключевые слова: сатирический жанр, проблемы авторства, «маски» автора, «образы авторов».

Сатира — это «идея в маске». Так определил особенности сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина А. Луначарский. Известный публицист второй половины XIX века Н. К. Михайловский в своей статье о Щедрина писал о задаче сатиры: «Задача сатиры состоит в бичевании или осмеивании уклонения действительности от идеала» [Михайловский 1959: 325]. Подобное бичевание никогда не приводило в восторг цензоров, как и власти предрежашие.

Действительно, и современные Щедрина критики, и он сам отмечали, что ему приходилось, по условиям российской действительности, выражать свои мысли не прямо, а иносказательно, прибегая к эзоповским приемам и средствам оценки действительности. Цензура парадоксальным образом способствовала выработке индивидуальной манеры изложения Щедрина и особых художественных средств, многие из которых в дальнейшем развивались в сатирической и даже «орнаментальной» прозе.

Эзоповская манера, по мнению Щедрина, «небезвыгодна», потому что благодаря ее обязательности писатель отыскивает такие пояснительные черты и краски, в которых при прямом изложении предмета не было бы надобности, но которые все-таки не без пользы врезаются в память читателя. ... Она нимало не затемняет моих намерений, а напротив делает их только общедоступными» (ПСС, т. IX, с. 113). Эзоповская манера, сопровождаемая обычно и прямыми оценками, даваемыми, как нередко у Щедрина, от разных лиц, и от

лица автора или рассказчика, и героями, в том числе отрицательными, не оставляла сомнений в направленности его презрения.

А. П. Чехов точно отметил в отклике на его смерть в письме к А. Н. Плещееву 14 мая 1889 г.: «...Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочной дух, который живет в мелком, измощенничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, издеваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения...».

Сатира обладает своими, только ей присущими способами выявления истины — способами представления зла в уродливом, карикатурном, смешном виде с помощью иронии, насмешки, гиперболы, гротеска, доведения до абсурда и другими способами иносказательного выражения отрицательно-оценочного авторского отношения, т. е. с помощью, в конечном итоге, того смеха, который, по выражению Гоголя, «углубляет предмет»: «Нет, смех значительней и глубже, чем думают. <...> тот смех <...>, который углубляет предмет, заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы, без проникающей силы которого мелочь и пустота жизни не испугали бы так человека» (Гоголь. Театральный разъезд).

Таким образом, публицистическому, прямому, непосредственному выражению мыслей автора сопутствует в сатире Щедрина целая система иронических, переносных, образных средств выражения тех же мыслей. Из композиционных средств такого рода можно выделить два, часто между собой связанных: прием доведения до абсурда и прием введения наивного, «непонимающего» рассказчика или героя, необычное словоупотребление которого служит его обличению. Наивные персонажи нужны для демонстрации «перевернутого» сознания общества или их самих. Такие персонажи настолько «не понимают», что их и виновными счесть трудно: «Невиновность же есть отчасти отсутствие всякого образа мыслей, отчасти же отсутствие того смысла, который дает возможность различать добро от зла» (Признаки времени). Ср.: «Зная твое доброе сердце, я очень понимаю, как тягостно для тебя должно быть всех обвинять, но если *начальство* твое желает этого, то, что же делать, мой друг! — *обвиняй!*» (Благонамеренные речи).

Сатира Щедрина обладает рядом характерных особенностей в речевых способах н о м и н а ц и и, которые, как правило, в сатире

содержат и оценку — в особенности благодаря пропуску определенных звеньев.

Символические определения Щедрина часто им же самим выделяются кавычками или курсивом, как в знаменитой «сказке» «Либерал». Такова характеристика либералов как «пенкоснимателей» (Дневник провинциала в Петербурге), действующих *применительно к подлости*: «А главное, никогда и ничего он не требовал наступая на горло, а всегда только *по возможности*. Ежели нельзя “*по возможности*”, так удовольствуйся тем, что отвоюешь “*хоть что-нибудь*”. Ведь и “*хоть что-нибудь*” свою цену имеет... — Не хочешь ли, например, “*применительно к подлости*»» (Либерал // Сказки).

Не находят конкретизации и такие наименования, как *сеятели* (земские деятели), *столпы* («теперь Дерунов — опора и столп»): «Какой вопрос прежде всего занял умы *сеятелей*? — Вопрос о снабжении друг друга фондами. Мне тысячу, тебе тысячу <...> Рассортировка “умников” и “неумников” должна быть представлена молодцам из охотного ряда <...> Разуваемым и молодцам, *на персях у них возлежащим*» (Finis Монрепо).

Разоблачение языковой манипуляции также оказывается более экспрессивным, если используются смысловые лакуны, недоговаривание — отсутствие всякой конкретизации делает фразеологию и описываемые ею ситуации бессмысленными: «В воздухе колом стоят и “рутинные пути”, и “великое будущее”, и “твердые упования”, и “светлые надежды”, словом, все, чем красна речь всякого благонадежного сеятеля» (Признаки времени), «<...> у нас, вследствие укоренившейся привычки говорить псевдонимами, понятия самые простые и вразумительные получают загадочный смысл. У нас выражение “народная политика” означает совсем не общее довольство и преуспеяние, а, во-первых, “жизнь духа”, во-вторых — “дух жизни” и, в-третьих, “оздоровление корней”. Или, говоря другими словами: “мели, Емеля, твоя неделя” (Пестрые письма).

Особенности эзоповской манеры выражения в сатирической прозе Щедрина проявляются также в приемах **н е н а з ы в а н и я**.

Один из самых характерных приемов — пропуск необходимого звена в повествовании, который читатель может заполнить благодаря описанию звена предшествующего и последующего. Например, легко догадаться, что кроме «речей» были и не упомянутые автором пытки («с боли») при допросе Алешки Беспятова: И он тоже «от расспросных речей да с испугу и с боли умре» (История одного города).

В другом месте Салтыков-Щедрин, опять-таки не называя цель градоначальника, лишь упоминая о его действиях, дает читателю понять, что такой целью был отнюдь не прогресс науки: «Что названия произвольны и весьма редко что-либо изменяют — это очень хорошо доказал <...> Бородавкин. Он тоже ходатайствовал об учреждении *академии*, и когда получил отказ, то, без дальнейших размышлений, выстроил вместо нее *съезжий дом*. Название изменилось, но предположенная цель была достигнута — Бородавкин ничего больше и не желал» (Известие о Двоекурове // История одного города).

Для сатирической литературы характерно ироническое использование э в ф е м и з м о в самого широкого значения, которые читатель конкретизировал из контекста и «фоновых», известных ему социальных условий, например, обозначений *меры (спасительной) строгости, вразумление* вместо *действий команды для усмирения бунтовщиков*: «прибегли к истории Глупова, стали отыскивать в ней примеры *спасительной строгости*, нашли разнообразие изумительное» (Органчик // История одного города), «Кончилось достославное градоначальство, омрачившееся в последние годы двукратным *вразумлением* глуповцев» (Фантастический путешественник // История одного города).

Ироническое «переименование» в тексте обычно обличает точку зрения героя: «градоначальник никогда не должен действовать иначе, как чрез посредство мероприятий. Всякое его действие не есть действие, а есть *мероприятие*» (Оправдательные документы... // История одного города), «Ужели литература разожгла аппетиты...? ужель она породила эти легионы сорванцов, у которых на языке — “государство”, а в мыслях — *пирог с казенной начинкой?*» (Круглый год).

Прием иронии, заключающийся в употреблении в препозиции положительно-оценочных слов, переосмысливаемых далее как ироническое выражение отрицательно-оценочных значений, является одним из самых характерных для сатирических произведений. У Щедрина это и способ обличения абсурдной, «перевернутой» точки зрения его героев: «И в первое время по приезде его на место баран действительно зарекомендовал себя *с самой лучшей стороны*. Ни о чем он не рассуждал, ничем не интересовался <...>» (Баран-непомнящий // Сказки).

Иронически преувеличенные похвалы — традиционное выразительное средство сатиры. Они часто оформлены по всем правилам риторики — представляют собой пространные периоды текста, включающие риторические обращения, восклицательные предложения, восклицательные междометия и лексические способы выражения

мелиоративной оценки, которая, так сказать, дезавуируется столкновением со «сниженным» продолжением: «Где вы, воспетые некогда мною литераторы-обыватели? Где вы, *непреклонные* обличители *исправниковой* неосновательности и *городнического* заблуждения?» (Легковесные // Признаки времени), «О, счастливые, о, стократ блаженные Молчалины! Они бесшумно, не торопясь, *переползают* из одного периода истории в другой, никому не *бросивши слова участия*, но и никого не вздернувши на дыбу» (Господа Молчалины).

Ирония может состоять и в намеренном абсурдном смешении точек зрения и выражающих их положительно- и отрицательно-оценочных слов, например, в «Обращении к читателю от последнего архивариуса-летописца» в «Истории одного города»: «Ежели древним еллинам и римлянам дозволено было слагать хвалу своим *безбожным* начальникам и предавать потомству *мерзкие* их деяния для назидания, ужели же мы, христиане, от Византии свет получившие, окажемся в сем случае *менее достойными и благодарными?*».

Сравните также: «предки мои кресты целовали *по чистой совести, кому прикажут, беспрекословно*» (Пошехонская старина).

Читателю по ходу изложения приходится менять свое осмысление и оценки довольно часто, иногда даже в пределах абзаца или одного высказывания: «— Мужик умный. А в настоящее время даже и христианин-с. — Ну, батя! что христианин-то он — это еще бабушка надвое сказала! *Умница* — это так! *Из шельмов шельма* — это я и при нем скажу! — отрекомендовал Терпибедов» (Благонамеренные речи).

Перечислительные конструкции и сопоставления выражений, включающих разнородные понятия, проясняют и абсурдность ситуации, и иронию по отношению к тем лицам, которые действительно склонны считать их близкозначимыми: «Бывали, правда, и в то время *казнокрады, вымогатели, взятчники*; бывали даже *люди, позволявшие себе носить волосы более длинные, чем нужно*» (Убежище Монрепо).

Однако в ряде случаев наивные герои Щедрина наделены такой долей самоиронии, благодаря которой просвечивают уши автора: «Я либерал, а между своими слышу даже красным. <...>

В середине 50-х гг. я помню одну ночь, которую я всю напролет прошагал по Невскому и чувствовал, как все мое существо словно уносит *куда-то* высоко, навстречу *какой-то* заре, которую *совершенно явственно видел мой умственный взор*. <...>

Я не жил в то время, а *реял* и трепетал при звуках: “гласность”, “устность”, “свобода слова”, “вольный труд”, “независимость суда” и т. д., которыми был полон тогдашний воздух <...>

Даже и ныне, когда *все уже совершилось и желать больше нечего*, я все-таки не прочь посочувствовать тем людям, которые *продолжают нечто желать*. <...> Если я люблю *на досуге* послушать, какие бывают на свете вольные мысли, то ведь это ни в каком случае никому и ничему повредить не может» (Благонамеренные речи).

Следует отметить характерный, пожалуй, лишь для сатиры прием как бы обратного сравнения — в противоположность обычным сравнениям мира людей с миром животных, Щедрин часто прибегает к (по форме) обратному сравнению, когда мир животных уподобляется миру современного ему общества, ср. в описании пейзажа: «... везде жужжат мириады *пчел*, которые, *как чиновники перед реформой спешат добрать последние взятки*» (Современная идиллия) или действующих «лиц»: «И Трезорка <пёс>, очевидно, сознавал свою вину, потому что не *подбежал к хозяину гоголем*, как это делают *исполнившие свой долг чиновники*, а униженно и поджавши хвост подползал к ногам его» (Верный Трезор // Сказки).

Интересно, что Щедрин часто использует при описании животных переносные, оценочные значения, основанные на образах животных же. Рождающаяся при этом двусмысленность способствует оживлению внутренней формы слова и повышению экспрессивности и слова и картины в целом. Таково использование наименований животных в «Сказках» Щедрина: «Топтыгин собственно говоря, не был зол, а так, *скотина*» (Медведь на воеводстве), «Ежели ты *баран*, так и оставайся *бараном* без дальних затей. И хозяину будет хорошо, и тебе хорошо, и государству приятно. И всего у тебя будет довольно...» (Баран-непомнящий).

«Снегирь начал издавать <...> газету «Вестник лесов», только никак приноровиться не мог. То чего-нибудь коснется — ан касаться нельзя; то чего-нибудь не коснется — ан касаться не только можно, но и должно. А его за это в головку *тук да тук* (Орел-меценат). Звукоподражательные слова и междометия широко используются Щедриным.

Сатирическая гипербола в тексте часто имеет целью «умаление», способствует сатирическому обнажению ничтожности чего-либо: «И публика, и сеятели — все смолкло под гнетом впечатления, произведенного заключительною речью одного из ораторов, смелая мысль которого, *по поводу вопроса о возобновлении верстовых столбов*, успела, в какую-нибудь четверть часа, облететь все страны Европы, сходить в Америку, окунуться в мрак прошедшего и приподнять таинственную завесу будущего» (Новый Нарциз, или влюбленный в себя // Признаки времени).

В качестве приема иронической экспрессивизации текста используется и изменение лексико-семантической сочетаемости слов, выявляющее истинную оценку автора:

Маменька пишет: «Почему теперь именно такое время настало, когда не оправдывать, а обвинять надлежит, дабы хотя этим *постигшую нас волю* несколько *остепенить*» (Переписка).

Ироническому осмыслению текста немало способствует также «нарушение» синтаксическое — опущение управления. Отсутствие распространителей у глаголов призвано передать бессмысленность действий, не направленных конкретно, например, о «легковесном»: «Посмотрите <...>, как он *стремится*, *изгибается*, *цепляется*...». И далее в прямой речи одного из них: «Мы *стремимся* и *достигаем!*» (Легковесные // Признаки времени).

Для творчества Щедрина характерна «игра логическими формами» (В. В. Виноградов), которая проявляется в тексте смысловыми несоответствиями разного рода как в пределах предложения, так и в более широком контексте.

В таких изменениях ярко ощущаются смысловые лакуны, восстановление которых «за кадром» обнаруживает истинный иронический смысл текста. Таким образом выявляется логическое несоответствие причины и следствия: «Это что говорить! — прибавляли другие: — *нам терпеть можно! потому мы знаем, что у нас есть начальники!*» (Голодный город // История одного города), «Но все, как бурные, так и кроткие, *оставили по себе благодарную память в сердцах сограждан, ибо все были градоначальники*» (Обращение к читателю // История одного города), «<Снегирь> служил в полку писарем и, *научившись ставить знаки препинания*, начал издавать, без предварительной цензуры, газету “Вестник лесов”» (Орел-меченат // Сказки).

Перемена мест причины и следствия обесмысливает описываемое событие и одновременно выявляет противоположные точки зрения: «— Мало ли было бунтов! У нас, сударь, насчет этого такая примета: *коли секут, — так уж и знаешь, что бунт!*» (Войны за просвещение // История одного города).

Ирония, конечно, заключается и в полной противоположности указанного следствия тому, что можно было бы ожидать: «сороке-белобоке, *благо воровка она, ключи от казны препоручили*» (Орел-меченат // Сказки).

«Перевернутые» сравнительные конструкции также выявляют и обличают чужую точку зрения: «Дятел был скромный ученый и вел строго уединенную жизнь. Ни с кем никогда не виделся (многие

даже думали, что *он* запоет, как и все серьезные ученые, пьет») (Орел-меценат // Сказки).

Присоединение «поясняющих», а по существу противоречащих, обличающих обстоятельств разного рода, выявляет истинный характер явления: «Взглянул он на погибшую артиллерию <...> “ — Сколько лет копил, берег, холил — роптал он <Бородавкин> — что я теперь делать буду! *как без пушек буду править*”» (Войны за просвещение // История одного города), о мерах одного из градоначальников: «*просвещения и сопряженные с оным экзекуции временно прекратить*» (Эпоха увольнения от войн // Там же), «Ястреб и коршун <...> свалили все невзгоды на просвещение <...> *И в доказательство, что весь вред от наук идет, начали открывать заговоры*, и непременно такие, чтобы хоть Часослов да замешан в них был» (Орел-меценат // Сказки).

Можно отметить также несоответствие места и действия: «Сгорел только *архив, в котором временно откармливалась к праздникам свинья*» (Голодный город // История одного города).

При синтаксическом построении, выражающем несоответствие (союз *а* соединяет два предложения, второе из которых выражает несоответствие тому, что выражено в первом, и противоречит ожидаемому, должному с точки зрения говорящего), осмеивается еще одно несоответствие — ожидаемое и должное с точки зрения говорящего и тем самым осмеивается и действительность, эту точку зрения спровоцировавшая: «Наконец мир сказал: — Сколько ты, Евсеич, на свете годов живешь, *сколько начальников видел, а все жив состоишь!*» (Голодный город // История одного города).

Несоответствие авторской оценки или чужой оценки изображаемому, о чем уже говорилось выше: «*К довершению бедствия, глуповцы взялись за ум*» (Голодный город // История одного города).

Ко всем этим типам логических «деформаций» при сохранении нормативного синтаксиса можно отнести слова В. В. Виноградова: «То они напоминают мозаику словесных групп, по синтаксической внешности своей организованных, но без логического оправдания. Получается острая форма комической симметрии, построенной на смысловых неожиданностях» [Виноградов 1976: 27].

Таким образом, сатиру вообще и сатиру Щедрина в особенности можно представить как тот жанр, в котором автор с целью изображения мира как деформированного, абсурдного, не отвечающего естественным человеческим понятиям и устремлениям, использует разнообразные способы деформации и языковых средств: пересмысление и деформацию лексики, литературных штампов, разных

стилей, фразеологизмов, цитат, синонимизацию разнородных и антинормализацию однородных понятий, разнообразие способов игры синтаксическими формами. Текст сатирических произведений Щедрина характеризуется тенденцией к разнообразным способам актуализации всех языковых средств. К сатирическим произведениям в высшей степени относятся слова Б. Эйхенбаума о том, что «художественное произведение есть всегда нечто сделанное, оформленное, придуманное — не только искусное, но и искусственное в хорошем смысле слова» [Эйхенбаум 1986: 59]. В известном смысле именно в сатире Щедрина осуществляется мобилизация всех сторон языковой и эстетической «компетентности», что делает его во многом предшественником «орнаментальной прозы» А. Белого. Мастерство М. Е. Салтыкова-Щедрина (наряду с бессмертием изображаемых им ситуаций) обещает долгую жизнь его лучшим произведениям.

ЛИТЕРАТУРА

Бушмин С. А. Салтыков-Щедрин. Искусство сатиры. М., 1976.

Виноградов В. В. Натуралистический гротеск (Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос») // Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976.

Михайловский Н. К. Щедрин // М. Е. Салтыков-Щедрин в русской критике. М.: ГИХЛ, 1959.

Эйхенбаум Б. О прозе. О поэзии. Л., 1986.

Ю. А. Арская, *Иркутск*
Иркутский государственный университет
juliaarskaja@mail.ru

А. А. Мамедов, *Иркутск*
Иркутский государственный университет
achmedved@inbox.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА ГЛАГОЛА В ЛИРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена функционированию форм настоящего времени несовершенного вида (НСВ) глагола в стихотворениях современных российских поэтов последней трети XX — начала XXI вв. (М. Н. Айзенберга, Е. Г. Боярских, Ю. П. Мориц, В. А. Сосноры, О. Г. Чухонцева и О. А. Юрьева). Выявляются примеры использования глаголов НСВ в постоянно-непрерывном значении для выражения мыслей лирического героя. Выделяется изобразительная функция НСВ, которая реализуется при описании ситуаций, разворачивающихся в перцептивном поле лирического героя, и при создании элементов хронотопа. Показывается, как смена частновидовых значений глаголов НСВ в одном контексте может менять временную перспективу текста.

Ключевые слова: поэтический язык, лингвистическая поэтика, поэтика грамматических категорий, категория вида глагола, художественный мир.

Художественный текст содержит особый художественный мир, функционирующий в соответствии с замыслом автора и вследствие этого представляющий собой самостоятельную семиотическую, во многом автореферентную систему. Одно из принципиальных отличий поэтического текста от прозаического — это выражение смыслов небольшим количеством языковых знаков.

Ю. Н. Тынянов в качестве главных отличий стиха называет «единство и тесноту стихового ряда» [Тынянов 1924: 41], которые, наряду с ритмом, представляют собой, по его мнению, особые условия, предъявляемые языку стихотворной конструкции. Прозаический художественный текст пользуется гораздо большим репертуаром возможностей создания художественного мира. В прозаическом тексте, как правило, присутствуют отчетливая система персонажей, повествователь, определенный хронотоп, множество деталей, фабула и пр.

Поэтический же текст (и в первую очередь лирический) организован прежде всего сознанием лирического героя, хотя в нем могут встречаться и элементы системы персонажей, хронотопа, сюжета и прочих особенностей прозы. Художественный мир лирического текста как бы балансирует между мимесисом и не-мимесисом, т. е. выражением мыслей и переживаний лирического субъекта. При этом, как показала О. Г. Ревзина, стихотворный текст не соотносит языковые высказывания с внеязыковой действительностью, а моделирует особый поэтический мир с их помощью [Ревзина 1998].

С нашей точки зрения, специфика языковой организации поэтического текста обуславливает более существенный вклад грамматических значений в артикулируемые смыслы, чем в случае с прозаическим художественным текстом. Изучением, в частности, этого занимается поэтическая грамматика, являющаяся одной из сфер научных интересов В. Н. Виноградовой.

В данной статье, посвященной поэтике грамматических категорий, рассматривается функционирование форм настоящего времени НСВ глагола в стихотворных текстах М. Н. Айзенберга, Е. Г. Боярских, Ю. П. Мориц, В. А. Сосноры, О. Г. Чухонцева и О. А. Юрьева последней трети XX — начала XXI вв.

С точки зрения современной аспектологии, русский НСВ представляет собой аспектуальный кластер, так как формы НСВ способны выражать целый набор видовых значений, каждому из которых в разных языках мира соответствуют отдельные видовые граммы (см., например, [Плунгян 2011]). Так, НСВ, в отличие от СВ, может обозначать процесс, разворачивающийся в момент наблюдения (прогрессив); повторяющееся и/или привычное действие (хабитуалис); процесс, ограниченный временным отрезком (дуратив); состояние, не охарактеризованное с точки зрения протекания; факт совершения действия; физическую или интеллектуальную способность осуществления действия и др. При этом, если сравнить отдельные частновидовые значения СВ и НСВ, описанные, например, в монографии А. А. Зализняк и А. Д. Шмелева «Введение в русскую аспектологию» [Зализняк, Шмелев 2000], становится очевидно, что у НСВ нет «основного» частновидового значения. Все отдельные частновидовые значения НСВ достаточно употребительны, в то время как частновидовые значения СВ, за исключением конкретно-фактического, периферийны и их реализация существенно ограничена синтаксически или контекстуально. Финитные формы НСВ более употребительны в русском языке, что, вероятно, обусловлено наличием форм всех трех времен в парадигме глаголов НСВ, а также — многообразием его частновидовых значений.

Привлечение Национального корпуса русского языка позволяет установить преобладание форм НСВ по сравнению с формами СВ: по данным основного корпуса (на 13.05.2024 г.) финитных форм изъявительного наклонения НСВ на 49 % больше, чем форм СВ (24 429 477 против 16 384 551). В поэтическом корпусе финитных форм НСВ на 61 % больше, чем форм СВ (1 057 813 против 655 427). Рассмотрим некоторые возможные функции форм настоящего времени НСВ в лирическом тексте.

Поскольку для поэзии характерно присутствие лирического субъекта в тексте, глаголы НСВ часто используются в постоянно-непрерывном значении, выражая его мысли и переживания:

*Многих забыл, а этих помню: Ползиков
и Судариков. Свой у возраста взгляд,
не вспоминаю, а воскрешаю: где они?
что с ними стало?..*

О. Г. Чухонцев. Общее фото.¹

Формы НСВ глагола способны выполнять изобразительную функцию, описывая ситуации, разворачивающиеся в перцептивном поле лирического героя:

*Живого мрака дачный обиход:
скулит собака, соловей поет.
На языке ночном: **скулят, поют,**
и я не понимаю, что я тут.
Поют, скулят, и торкается сад
в потемках: где сестра твоя, где брат?*

О. Г. Чухонцев. Живого мрака дачный обиход...

С помощью этих форм в придаточных предложениях со значением времени и места создаются элементы хронотопа:

*Ты прими меня, море, в свою колыбель,
где и буй ни один не жывал.
Вниз и вниз, мимо всех браконьерских сетей
и застав, я кончаюсь туда,
где осетр тяжелеет в себе сам-третьей
и как кровь солонееет вода*

О. Г. Чухонцев. И не то чтобы тайна сия велика...;

¹ Все стихотворные тексты, кроме произведений Е. Г. Боярских и В. А. Сосноры, цитируются по Национальному корпусу русского языка: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 13.05.2024).

*Такая вот волшебная петрушка,
Вакансия, где козьим молоком
Питается кудрявая пастушка,
Умыв лицо хрустальным родником*

Ю. П. Мориц. Когда берёшь их дивные интриги...;

*Какое счастье — впасть в самозабвенье,
Когда играет музыка живая!..
В моих коленях — джазовое пенье,
Гранёные стаканчики трамвая*

Ю. П. Мориц. Гранёные стаканчики трамвая;

*Город как веер. Это почти Китай.
<...>*

*Там, где торгуют обувью и вином
и фонари стоят в одноногий ряд —
прошлое к ним спиной, будущее спиной,
из никогда в нигде о себе горят,
дворники-воры там стоят на стекле вдвоём,
стекло состоит из зренья и языка*

Е. Г. Боярских. Черновики;

*Когда над Балтийским горят облака,
Чухонской тоскою взбухает щека
И алая к солнцу полоска
Бежит от пивного киоска*

О. А. Юрьев. Письмо с моря, июль 1999 г.

Поскольку действия, описываемые последовательным рядом глаголов НСВ, воспринимаются как происходящие одновременно, то с помощью глаголов НСВ могут создаваться подробные картины художественного мира лирического текста:

*Катит кораблик, не зная куда,
Спящие мимо ползут города,
Компас разбит, сломан секстан,
В снежную мглу глядит капитан*

О. А. Юрьев. Хор на юго-восточный ветер;

Конец июня. Конница **стоит**
 Кузнечиков. Бел земляничный плод.
 Во тьме земли уже **глядут** грибы.
 Листву **листают** пальцем дерева.
 Светла роса, как лунная. Во мхах
 Лягушки **лают** немо наукам...
 А муха? Вот **летит**, **шумит**, как шар
 В. А. Соснора. Слеза в лесу;

Соседи, леди, плотники, рыбаки
 в сумраке над рекой
звонят друг другу в тысячи разных мест,
 всё такая голь, шантрапа, пруть.
 <...>
Звонят друг другу в сумраке на мосту.
 В реку **падает** «я иду», «я жду»,
дрожит, **дребезжит** о лёд.
 Руки им **протягивают** еду
 не сверху — издалека
 Е. Г. Боярских. Мост;

липы **перемещают** прищемленные кривизны
 кипарисы **покачивают** спрессованной вермишелью
 падубы **коченеют** шипами
 над пологой рекою вызелены глаза бузины
 там галки **зовут** с золоченых дубов к веромощью
 и **сжимаются** елки точно их обципали
 в синюю воду **нагибается** голубая ветла
 искры **бегут** по боярышнику содрогая
 а где моя девочка ветрена и светла
 кругломордая дорогая
 ах успеть бы досчитать эти выстроенные тополя
 инвалидные роты каштанов дождать на подмогу
плачет — на ежевику наколота — тля
 золотоголов болеголову **подмаргивает** через дорогу
 О. А. Юрьев. Перечень.

Встречается в лирическом тексте и настоящее изобразительное, выделенное Н. С. Поспеловым [Поспелов 1955: 220]. Настоящее

изобразительное характерно для сюжетной лирики или лирики с элементами сюжета. Например, в стихотворении О. Г. Чухонцева «Общее фото» большой сюжетный фрагмент передает воспоминания лирического героя:

*Вот они — рядом **стоят**,
бок о бок с нами, шпаной девиантной из школы
для дефективных, уличной мелюзгой,
на переключке сорок пятого года
у деревянных сараев в тылу двора,
где молодой инвалид, он же завуч, палку
отложив, **проверяет** по списку: — Быков, **есть?**
Мухин! так, кто у нас тут дальше? Ползиков! —
бумажка не **слушается**, Ползиков, **отзовись!** —
а Ползиков, в шароварах сатиновых,
заправленных в сапоги, стриженный наголо
невозмутимый крепыш, **стоит** как не **слышит**.
потом неожиданно **делает** шаг вперед
и **застывает**, и так **стоит**, один перед всеми;
а долговязый Судариков, в фуфайке куцей своей
с оторванной пуговицей, **дергается** от возбуждения,
что-то **выкрикивает**, но Ползиков весь в себе;
меж тем инвалид, добравшись уже до Якушева,
складывает бумаженцию: — ну, орлы,
с первым вас сентябрем! с боевым крещением!*
О. Г. Чухонцев. Общее фото.

В таких случаях мы имеем дело с текстами, которые «строятся как имитация непосредственного наблюдения восприятия или речевой коммуникации» [Николина 2005: 107] и в которых присутствуют различные выделенные Н. А. Николиной актуализаторы условного момента восприятия (наблюдения) [Там же: 107–110]. Так, в приведенном выше контексте имеется указательная частица (*вот*), вопросительные конструкции (*Быков, есть?*) и различные формы адресации: обращения (*Быков, Мухин, Ползиков, орлы*), императив (*отзовись*). В следующем стихотворении Е. Г. Боярских, помимо этих языковых средств, есть местоимения 2-го лица, формы глаголов настоящего времени 1-го лица с семантикой восприятия, выражающие перцептивную точку зрения:

*Вода, меня коснись, ведь я не яд.
И от меня проснись, ведь я не я.
Ты можешь испытать меня, потрогать,
ты можешь выпить руку или ногу,
так не шути, что ты со мною врозь —
я вижу речь растенья-пониманья
как лестницу его непониманья,
которое мы называем рост*

Е. Г. Боярских. Так вот я кто. Не камень, не зола...

Наличие всех этих показателей в контекстах с формами настоящего времени глаголов НСВ подчеркивает значимость для лирического героя событийной ситуации или коммуникативного акта, описываемых в художественном тексте.

В образных, метафорических контекстах настоящее время глаголов НСВ со значением конкретного физического действия не только усиливает образный эффект за счет изобразительности, но и способствует восприятию ситуации, описываемой рядом глаголов, как единой:

*Слепленный из мягкого, из ватного,
сделанный из снега на воде,
тёмный воздух ищет виноватого,
в накладной выходит бороде.
И уходит. Места не нашлось ему,
в памяти как будто снежный ком —
тёмный воздух, тонкими полозьями
увозящий прошлое тайком*

М. Н. Айзенберг. Слепленный из мягкого, из ватного...

Разные частновидовые значения НСВ реализуются только в характерных контекстах. В лирическом тексте контекст зачастую недостаточен, чтобы однозначно интерпретировать значение вида. В отсутствие референции к реальной действительности точная интерпретация и не требуется от читателя. Однако смена частновидовых значений глаголов НСВ в одном контексте может менять, например, временную перспективу текста. Так, переход от актуально-длительного значения к узуальному в следующем стихотворении

В. А. Соснора маркирует расширение временного измерения, а также превращает лирического героя в «надмирного» наблюдателя:

Над Ладогой

*на длинном стебле **расцветает** солнце.*

<...>

На берегу валуны

***сверкают**, как маяки.*

Тюлени

***плавают** в недрах влаги, торпедируя сети:*

*они **отъедают** головы сладким сигам,*

*а туловища **оставляют**.*

Иногда

*эта операция **увенчивается** триумфом тюленей,*

иногда

результаты ее плачевны:

*рыбаки **вынимают** тюленей одновременно с рыбой*

В. А. Соснора. Легенда Ладogi.

Глаголы НСВ в начале стихотворения (*расцветает, сверкают*) имеют в семантике перцептивный компонент, что говорит об актуальном значении вида: действие, процесс или состояние совпадают по времени с моментом наблюдения. Контекст глаголов НСВ последнего предложения, в первую очередь наречие *иногда*, представляет описываемые ситуации повторяющимися и не связанными с моментом речи. Что касается глаголов *плавают, отъедают* и *оставляют* в середине текста, то в предложении нет контекстуального индикатора частновидового значения, так что они могут быть интерпретированы и как актуально-длительные действия, и как узуальные. Таким образом с помощью игры с интерпретацией глаголов НСВ настоящего времени в тексте осуществляется переход от актуальной ко вневременной перспективе.

Таким образом, формы настоящего времени НСВ в силу своего образительного потенциала используются в поэтическом тексте для создания элементов хронотопа и сюжета, а также усиливают образность. Контекст употребления данных форм не всегда позволяет однозначно интерпретировать их частновидовое значение, что в целом соответствует такой черте поэзии, как нереферентность. Однако в отдельных случаях сочетание форм настоящего времени НСВ в разных частновидовых значениях создает художественный эффект расширения временной перспективы и наделения лирического субъекта всезнанием.

ЛИТЕРАТУРА

Боярских Е. Г. Народные песни дождевых червей. New York, Ailuros Publishing, 2016. 73 с.

Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 221 с.

Николина Н. А. Категория времени глагола // Поэтическая грамматика. Том I. М.: Азбуковник, 2005. С. 73–187.

Плунгян В. А. Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме) // Scando-Slavica, 57.2, 2011, pp. 290–310.

Поспелов Н. С. Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке // Исследования по грамматике русского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 219–221.

Ревзина О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: дис. ... докт. филол. наук в форме научн. доклада. М.: МГУ, 1998. 86 с.

Соснора В. А. Песнь лунная: Стихи. Л.: Советский писатель, 1982. 176 с.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Л.: Academia, 1924. 139 с.

О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СТИХОТВОРЕНИИ К. Д. БАЛЬМОНТА «ЗАВЕТНАЯ РИФМА»

В статье речь идет об авторской модальности и способах ее выражения в стихотворении К. Д. Бальмонта «Заветная рифма». Данный текст анализируется на разных уровнях, а именно: на содержательном, композиционном, грамматическом. Рассматриваются отношения заглавие / текст, основные образы, связанные с темой творчества, особое внимание обращается на поэтику грамматических повторов.

Ключевые слова: авторская модальность, рифма, семантическая доминанта, композиция, грамматический повтор.

К. Д. Бальмонт

Заветная рифма

Не Пушкин, за ямбами певший хорей,
Легчайший стиха образец,
Не Фет, иссекавший в напевах камеи,
Усладу пронзенных сердец,
Не Тютчев, понявший созвучия шума,
Что Хаос родит по ночам,
Не Лермонтов — весь многозвездная дума,
Порыв, обращенный к мечам,
Не тот многомудрый, в словах меткострельный,
Кем был Баратынский для нас, —
Меня научили науке свирельной,
Гранили мой светлый алмаз.
Хорей и ямбы с их звуком коротким
Я слышал в журчанье ручьев,
И голубь своим воркованием кротким
Учил меня музыке слов.

Качаясь под ветром, как в пляске, как в страхе,
Плакучие ветви берез
Мне дали певучий размер амфибрахий, —
В нем вальс улетающих грез.
И дактиль я в звоне ловил колокольном,
И в марше солдат — анапест.
Напевный мой опыт был с детства невольным,
Как нежность на лице невест.
В саду, где светили бессмертные зори
Счастливых младенческих дней,
От липы до липы, в обветренном хоре
Качались шуршанья ветвей.
Близ нивы беседовал сам я с собою
И видел в колосьях намеков,
И рифмою чудился мне голубою
Среди желтизны василек.
В горячем июле, в пробегах безгласных
Качавших полнеба зарниц
Читал я сказанья о странах прекрасных,
Где райских увижу я птиц.
В звучанье ли долгом пастушьего рога,
В громах ли — всё звонче, светлей —
Мне слышались, снились напев и дорога, —
И я полюбил журавлей.
Свершилось. Дорога моя беспредельна.
Певучие — песни мои.
Хваленье, что пели вы мне колыбельно
В далекой деревне, ручьи.
Быть может, дадутся другому удачи
Полней и светлей, чем моя.
Но мир облетел я. И как же иначе
Крылатым ответил бы я?
Я видел всю Землю от края до края.
Но сердцу всех сказок милей,
Как в детстве, та рифма моя голубая
Широкошумящих полей.

Впервые опубликовано: Современные записки. Париж. 1924. Кн. 22. С. 174. Бальмонт, Константин Дмитриевич (1867–1942) — поэт-символист, переводчик, эссеист, один из виднейших представителей русской поэзии Серебряного века.

Выявление способов выражения авторской позиции, или модальности, в поэтическом тексте является одной из основных задач филологического анализа, что отражено в работах видных исследователей: В. В. Виноградова [1975], Ю. М. Лотмана [1996], М. В. Панова [2017], И. И. Ковтуновой [1986], Е. Г. Эткинда [2001], Л. А. Новикова [2001], Н. А. Николиной [2003] и др. «Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности», — отмечает ученый [Виноградов 1975: 55–56].

Под модальностью лирического стихотворения мы понимаем грамматико-семантический признак, выражающий авторскую позицию, то есть субъективную модальность, а именно уверенность / неуверенность, оценку, чувство. Способы проявления авторской модальности в поэтическом тексте, как известно, различны. Это модальные глаголы и специальные модальные слова, междометия, особые синтаксические конструкции, порядок слов, интонация. Кроме того, в художественном тексте авторская позиция может проявляться на разных уровнях системы текста. На содержательном уровне это заглавие произведения, у которого всегда сильная позиция; это семантические доминанты и связанные с ними ключевые слова текста; это наиболее частотные лексические единицы, их положение в тексте; это имена собственные, позволяющие понять особенности авторской картины мира. На формальном уровне проявление авторской модальности можно наблюдать не только в особенностях композиции, в организации пространственно-временных отношений, в смене способов изложения, отражающих мировосприятие автора, но и в архитектонике стихотворения, дающей представление о нем как целостном явлении, неотделимом от личности его автора.

Стихотворение К. Бальмонта «Заветная рифма» (ЗР) было опубликовано в 1924 г. в Париже в литературном журнале русской эмиграции «Современные записки» (кн. 22, с. 174) и при жизни автора не входило в его сборники. Предметом анализа в данной статье будут отношения заглавие / текст, семантические доминанты и их ключевые слова, имена собственные, повторы на разных языковых уровнях, так как, по верному замечанию Г. О. Винокура, в художественном

произведении «всё стремится стать мотивированным со стороны значения» [Винокур 1959: 248].

Отношения заглавие / текст в ЗР весьма сложны. Заглавие имеет многоплановое, символическое значение, в нем концентрируется смысл всего стихотворения, речь идет не о конкретной рифме — (от греч. *rhythmos* — плавность, соразмерность), созвучие концов стихов (или полустуший), отмечающее их границы и связывающее их между собой [ЛЭС: 328], — а о таланте, о становлении поэта. Данное заглавие указывает, прежде всего, на авторское отношение к поэтическому творчеству как дару свыше. Причем этот дар расслышать музыку слов во всем многообразии окружающего мира поэт называет *невольным*, то есть естественным, как способность дышать, видеть, слышать: *Напевный мой опыт был с детства невольным, Как нежность на лице невест.*

Помимо этого возникает ассоциативный ряд: образ *летучей рифмы* у Пушкина в стихотворении «Прозаик и поэт» (1825), а также посвященные рифме его стихотворения «Рифма, звучная подруга...» (1828) и «Рифма» (1830).

В поэтическом языке слова и выражения получают дополнительные значения, которые как бы надстраиваются над исходным значением «практического» языка, что и порождает образность как основной признак эстетической функции языка. «Суть эстетически переживаемого значения — в его переходности, подвижности, многоплановости, гибкости, предполагающих творческое восприятие текста» [Новиков 2001: 498].

Словосочетание *заветная рифма* имеет образное значение, носит оценочный характер, в нем заключена авторская точка зрения. Прилагательное-эпитет *заветный* в этом контексте употреблено не только в значении ‘особенно ценный, оберегаемый, свято хранимый; самый дорогой для кого-л., душевный’ [МАС. Т. I: 502].

Это заглавие можно рассматривать как тему (функция номинации, присвоение имени) по отношению к тексту-реме (функция предикации, присвоение признака), в котором, как в древнем свитке, раскрываются признаки понятия *заветной рифмы*, представленные поэтом не только через галерею метафорических образов стихотворных размеров — хорей, ямбы, амфибрахий, дактиль, анапест, но и через такие приемы, как отрицание, уподобление, сравнение, перифраза, многообразные повторы. Так, перифрастическими, иноказательными, по отношению к заглавию становятся в тексте-реме

выражения *наука свирельная, мой светлый алмаз, музыка слов, певучие — песни мои.*

Лексема *рифма* является ключевым словом всего стихотворения, о чем свидетельствует двойное словоупотребление этой лексемы в тексте, его смысловым стержнем:

И рифмою чудился мне голубою / Среди желтизны василек.

Но сердцу всех сказок милей, / Как в детстве, та рифма моя голубая / Широкошумящих полей.

Заметим, что сочетание ключевого слова *рифма* с цветовым эпитетом *голубая* в данном контексте приобретает дополнительное коннотативное значение *небесная, божественная*, что говорит уже о символическом смысле заветной рифмы. Одним из подтверждений этого могут служить рассуждения В. И. Иванова о мистическом значении символа Голубого Цветка: «Есть люди, которых томит какая-то память, ими самими не осознанная, но которая может влиять на их творчество, хотя мы часто это не знаем. <...> Голубой Цветок это — чистое мечтание. Для иных это мечтание, имеющее в себе ценное, это импульс к хорошему — нечто идеальное... Голубой Цветок — это Небо, проникающее землю» [Иванов 1987: 739–741].

Необходимо также обратить внимание на положение в тексте ключевого слова *рифма* и на то, как это положение усиливает его семантику. В приведенном первом примере метафора-сравнение *рифмою чудился мне голубою* акцентуирована цветовым контрастом: голубой василек на фоне желтеющей, спеющей нивы. Данный пример отмечен у Н. А. Кожевниковой: «Прилагательное, характеризующее предмет сравнения, передается образу сравнения: *И рифмою чудился мне голубою Среди желтизны василек*» [Кожевникова 1986: 19].

Среди всего многообразия летних луговых и полевых цветов именно этот цветок притягивает взгляд ребенка и становится в дальнейшем для него на протяжении всей жизни нетленным символом красоты, божественным творением. Здесь уместно будет вспомнить слова К. Д. Бальмонта из его статьи «Чувство личности в поэзии»: «Цветы <...> владеют тайной мира, и каждый цветок, будь это нежный ландыш или ядовитая орхидея, равен Богу» [Бальмонт 2021: 26]. Укажем также на верное замечание Т. С. Петровой, тонкого исследователя творчества поэта, об образе цветов как «наиважнейшей ипостаси Красоты» [Петрова 2015: 30].

Во втором примере (*Но сердцу всех сказок милей, / Как в детстве, та рифма моя голубая / Широкошумящих полей*) ключевое слово *рифма* находится в сильной позиции, а именно в последнем предложении стихотворения, являясь в определенном смысле зеркальным отображением заглавия и тем самым приобретая особую смысловую значимость. Повтор ключевого слова в конце стихотворения — это своеобразный завершающий аккорд, итог зрелого поэта, оценивающего свое творчество. «Текст, таким образом, характеризуется своеобразной кольцевой композицией: заглавие как смысловая доминанта произведения соотносится с его финальной метафорой», — отмечает Н. А. Николина [Николина 2003:171].

Итак, при прочтении текста-ремы, в котором происходит «концентрация предикативности» [Ковтунова 1986: 152], сгущение признаков, характеризующих заглавие, его семантика расширяется, преобразуется из конкретного значения в обобщенно-эстетическое, приобретает значение творческого процесса, авторского кредо. В заглавии также заключена адресация, обращение к читателю, тем самым автор определяет через заглавие вектор своего мировосприятия.

Далее рассмотрим способы авторской модальности на примере особенностей композиции текста ЗР, семантических доминант и связанных с ними ключевых слов. Стихотворение написано амфибрахией, имеет перекрёстную рифмовку, не разделено на строфы, но в синтаксическом плане каждые четыре стиха соответствуют завершённому высказыванию.

Условно в тексте можно выделить три части. Первая из них, включающая 12 стихов, — это своеобразная завязка — представляет сложную синтаксическую конструкцию с включением пяти фамилий любимых автором ЗР русских поэтов. Использование имени собственного в поэтическом тексте создает особую выразительность, так как эти имена «нарушают обычный для лирики закон безымянности», ее принцип неопределенности [Эткинд 2001: 46]. Начало стихотворения открывает пятикратное анафорическое отрицание с частицей *не* перед собственными именами существительными в функции однородных субъектов предложения: *Не Пушкин..., Не Фет, Не Тютчев, Не Лермонтов, Не тот ... Баратынский*. Повтор отрицания в абсолютном начале стиха в препозиции к имени собственному создает высокую экспрессию высказывания. Такое перечисление фамилий поэтов с точными характеристиками каждого из

них, представленными в тексте определительными конструкциями с положительной коннотацией — *за ямбами певший хорей, Легчайший стиха образец; иссекавший в напевах камеи, Усладу пронзенных сердец; понявший созвучия шума...; весь многозвездная дума, Порыв, обращенный к мечам; многомудрый, в словах меткострельный* — создает резкий семантический контраст, который порождает оппозицию *я — другие (поэты)*. Это позволяет считать, что в первой части стихотворения роль доминанты играет грамматико-семантический признак отрицания.

Глагольные предикаты *научили, гранили* актуализируются препозиционным тире, словно отсекающим автора стихотворения от названных в тексте поэтов, что, на первый взгляд, говорит о высокой самооценке, но при дальнейшем внимательном прочтении стихотворения становится ясно, что первостепенным для автора является не сравнение себя с другими поэтами, не подражание им, пусть даже великим, но исключительно его музыка слов, его божественный дар и служение ему. Отметим, что порядок следования фамилий Фета и Баратынского не соответствует хронологии их жизни, и в этом также проявляется авторская модальность, открывающая симпатии-предпочтения К. Бальмонта, как известно, высоко ценившего поэзию Фета, прежде всего за его психологизм и музыкальность. В этом смысле он ставил Фета и вслед ему Тютчева выше Пушкина и Лермонтова [Иванов 1987: 86–94]. Можно, наверное, сказать, что этот список поэтов здесь представлен в виде своеобразной пирамиды, определяющей литературный вкус автора ЗР.

Вторая часть является основной, она включает 32 стиха, это подробный ответ на тезис о заветной рифме. Семантическими доминантами, через которые проявляется авторская модальность в этой части ЗР, являются такие понятия, как *память, чувство (слух, зрение, осязание), речь* с ключевыми словами *слышать, слышаться, видеть, чудиться* и их контекстными синонимами *учить, читать, ловить, беседовать, сниться*.

К. Бальмонт обладает абсолютным слухом, отличается обостренным восприятием окружающего мира, прежде всего природы. Многообразные звукообразы представлены в ЗР повторами глагольных форм: *Хорей и ямбы с их звуком коротким / Я слышал в журчанье ручьев. // И голубь своим воркованием кротким / Учил меня музыке слов. // И дактиль я в звоне ловил колокольном. // Мне слышались, снились напев и дорога. // Хваленье, что пели вы мне колыбельно.* Эту же роль

выполняют повторы отглагольных существительных со значением 'проявление определенных звуков': *журчанье ручьёв, воркование голубя, шурианье ветвей, звучанье пастушьего рога, хваленье — Хваленье, что пели вы мне колыбельно / В далекой деревне, ручьи*. К ним также следует отнести существительные, имеющие семантику звучания: *звук короткий, музыка (слов), вальс улетающих грез, звон колокольный, марш солдат, обветренный хор лип, пастуший рог, громы, напев*.

Со звукообразами чередуются зрительные (визуальные) образы, бережно хранимые в подробной памяти поэта, они имеют зачастую пространственно-временное значение. Это, прежде всего, родные просторы утраченной родины: родное имение — *далекая деревня*, где *пели колыбельно ручьи*; *сад — В саду, где светили бессмертные зори / Счастливых младенческих лет; березы — плакучие ветви берез; липы — обветренный хор лип; нива — Близ нивы беседовал сам я с собою / И видел в колосьях намек; цветок — И рифмою чудился мне голубою / Среди желтизны василек; июльские зарницы — В пробегах безгласных ... зарниц / Читал я сказанья о странах прекрасных; птицы — Где райских увижу я птиц; И я полюбил журавлей; дорога — Мне слышались, снились напев и дорога. // Дорога моя беспредельна*.

Чувство осязания передано примером *В горячем июле*.

Среди всех звукообразов второй части повторяющимся является образ ручьев, причем он играет важную композиционную роль доминанты текста всего стихотворения, журчащие ручьи появляются в самом начале (стихи 13 и 14), они «открывают» мир заветной рифмы (*Хореи и ямбы с их звуком коротким / Я слышал в журчанье ручьев*) и «закрывают» этот мир (*Хваленье, что пели вы мне колыбельно / В далекой деревне, ручьи*). Следовательно, можно говорить о ключевой роли этого звукообраза в данном тексте, так как кольцевая композиция образа не только актуализирует его, но и служит в определенном смысле итогом творческой судьбы — заветной рифмы поэта. Обращение *ручьи* (их колыбельные песни) можно рассматривать как обращение к малой родине, потому что это та ее часть, которая вошла в сердце поэта, в его память. «Особое место в лирике занимают обращения к родной стране, к родине. Обращение к родине может наполняться широким смыслом. <...> Лирическое сознание обнимает и вмещает в себя то, что входит в представление о родине», — отмечает И. И. Ковтунова [Ковтунова 1986: 98].

В третьей, заключительной части стихотворения, состоящей из 8 стихов, поэт обобщает свой пройденный путь и задается вопросом

о смысле этого пути, прежде всего творческого. Образ дороги (два словоупотребления: *Мне слышались, снились напев и дорога. // Дорога моя беспредельна.*) возникает в конце стихотворения, расширяя художественное пространство текста. Мотив пути, возвращения к своим истокам проявляется через память о голубом цветке, символизирующем начало творческого познания мира, его мелодий, когда, может быть, еще не осознанно лирический герой (в данном случае автор, так как лирическое я покрывает человеческое я) принимает свой жребий — заветную рифму.

Быть может, дадутся другому удачи
 Полней и светлей, чем моя.
 Но мир облетел я. И как же иначе
 Крылатым ответил бы я?
 Я видел всю Землю от края до края.
 Но сердцу всех сказок милей,
 Как в детстве, та рифма моя голубая
 Широкошумящих полей.

На грамматическом уровне также следует отметить разнообразные повторы, связанные с авторской модальностью.

Во-первых, это повторы причастных форм, сконцентрированных в основном в первой части текста и имеющих в большинстве своем метафорическое значение. Эти формы являются признаковыми словами, эпитетами, а «повторение эпитетов <...> создает динамическое напряжение признаков» [Панов 2017: 142], через которое передается авторская оценка: *за ямбами певший хорей; иссекавший в напевах камей, / Усладу пронзенных сердец; понявший созвучия шума; Порыв, обращенный к мечам; Плакучие ветви берез / Мне дали певучий размер амфибрахий, — / В нем вальс улетающих грез; От липы до липы, в обветренном хоре / Качались шуришанья ветвей; В горячем июле, в пробегах безгласных / Качавших полнеба зарниц.*

Во-вторых, это однокорневой повтор глагольных форм от глаголов *качать, качаться: качаясь — качались — качавших* во второй части ЗР, создающих динамичный образ деревьев (берез и лип) и неба — летних зарниц, живущих в памяти поэта. Центральный ударный слог в этих лексемах совпадает с ударным слогом амфибрахия — «певучего размера». Рассмотрим эти примеры.

Качаясь под ветром, как в пляске, как в страхе,
Плакучие ветви берез
Мне дали певучий размер амфибрахий, —
В нем вальс улетающих грез.

Первая форма *качаясь*, деепричастие несовершенного вида, имеет неопределенное значение добавочного действия, то есть речь идет о признаке, продолжающемся во времени. Кроме того, в этом образе волнующихся берез мы наблюдаем взаимодействие тропов: развернутая метафора, или симфора, осложненная двумя сравнениями.

Вторая форма прошедшего времени *качались* участвует в метонимическом образе шуршащих, лепечущих листьев (*шуршанья ветвей*), он продолжает образы сада «счастливых младенческих дней»:

От липы до липы, в обветренном хоре
Качались шуршанья ветвей.

Третья форма действительного причастия прошедшего времени *качавших* обозначает признак по действию, направленному на объект, протекавшему когда-то во времени, незавершенному, сохраняющемуся в памяти. Это образ июльских зарниц, передающий динамику их ослепительных пробегов, «качавших полнеба», он также участвует в развернутой метафоре:

В горячем июле, в пробеге безгласных
Качавших полнеба зарниц
Читал я сказанья о странах прекрасных,
Где райских увижу я птиц.

В-третьих, это повторы личного местоимения 1-го лица единственного числа *я* (15 словоупотреблений), которое «воплощает» в тексте лирическое *я*, и притяжательного *мой* (6 словоупотреблений). «Поэтическое сознание (лирическое *я*) может ограничиваться своим внутренним эмоциональным миром и даже быть противопоставлено внешнему миру, может, напротив, вмещать в себя широкий внешний мир, с которым у лирического поэта возникает непосредственный и тесный контакт. <...> И дело не в том, что поэт чувствует и выражает не только свою личность, свой эмоциональный мир, но и внешний мир. Происходит более сложное явление — рост

масштабов лирического *я*, которое в равной степени охватывает мир внутренний и мир внешний, разрушая границы между ними. Собственная личность становится лишь частью мира» [Ковтунова 1986: 15].

Важная роль местоимений *я* и *мой* в тексте ЗР раскрывает глубинное отношение человеческой личности, поэта, и мира; повторы личного, *человеческого я* передают способы постижения этого мира, его многообразия, становление поэта. С каждой повторяющейся формой местоимения возрастает концентрация силы *лирического я*: *Не Пушкин... Не Фет... Не Тютчев... Не Лермонтов... Не тот... Баратынский... меня научили науке свирельной; Хореи и ямбы с их звуком коротким Я слышал в журчанье ручьев; И голубь своим воркованием кротким Учил меня музыке слов; Плакучие ветви берез Мне дали певучий размер амфибрахий; И дактиль я в звоне ловил колокольном, И в марше солдат — анапест; Близ нивы беседовал сам я с собою И видел в колосьях намек, И рифмою чудился мне голубою Среди желтизны василек; В горячем июле, в пробегах безгласных Качавших полнеба зарниц Читал я сказанья о странах прекрасных, Где райских увижу я птиц; Мне слышались, слылись напев и дорога, — И я полюбил журавлей; Хваленье, что пели вы мне колыбельно В далекой деревне, ручьи; Но мир облетел я. И как же иначе Крылатым ответил бы я?*

Повторяющиеся формы притяжательного местоимения *мой*, с одной стороны, определяют пространственно-временные рамки человеческого *я* (*дорога моя беспредельна*), с другой — определяют творческое начало пути (*мой светлый алмаз*), богатую картину мира поэта (*напевный мой опыт; певучие — песни мои; Быть может, дадутся другому удачи Полней и светлей, чем моя; Как в детстве, та рифма моя голубая*).

Человеческое *я* у К. Бальмонта подчинено лирическому *я*, которое вмещает в себя весь мир — *Я видел всю землю от края до края*. Поэтическое сознание формируется уже в детские годы, поэт впитывает в себя с ранних лет многоликий мир малой родины, его краски, звуки, пространство и время. Лирический герой отождествлен с поэтом, который ведет прямой разговор о своей удачной творческой судьбе — полной и светлой, уподобляя себя птице:

Быть может, дадутся другому удачи
 Полней и светлей, чем моя.
 Но мир облетел я. И как же иначе
 Крылатым ответил бы я?

Я видел всю Землю от края до края.
Но сердцу всех сказок милей,
Как в детстве, та рифма моя голубая
Широкошумящих полей.

Итак, модальная оценка, раскрывающая отношение высказывания к действительности, проявляется в стихотворении ЗР на разных уровнях данного текста, а именно: на содержательном, композиционном, грамматическом.

Семантической доминантой текста является ключевое слово *рифма*, вынесенное в заглавие, и отношения заглавие / текст.

Композиционной доминантой — на широком фоне звукообразов и зрительных образов — является повторяющийся образ ручьев (кольцевая композиция).

На грамматическом уровне доминируют повторы личного местоимения первого лица единственного числа *я* и притяжательного местоимения *мой*, которые раскрывают глубинное отношение человеческой личности (поэта) и мира.

Заветная рифма — это символическое выражение, в тексте оно приобретает значение творческого процесса, авторского кредо. Это синтетический образ, в котором происходит сгущение «колеблющихся» признаков, от исходных до метафорических, таким путем поэтический язык рождает новые и новые образы.

ЛИТЕРАТУРА

Бальмонт К. Д. Горные вершины: *Сборник статей.* Искусство и литература / К. Д. Бальмонт; подгот. текста, вступ. статья и примеч. Н. А. Молчановой. Иваново: Издатель Ольга Епишева, 2021. 248 с.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике: избранные труды. М., 1975. С. 53–87.

Винокур Г. О. Об изучении языка литературных произведений // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Иванов В. И. Собрание сочинений. Т. 4. Брюссель, 1987. 801 с.

Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.

Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М.: Наука, 1986. 253 с.

Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. Санкт-Петербург: «Искусство — СПб», 1996. 848 с.

ЛЭС — Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. С. 502.

Николина Н. А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.

Новиков Л. А. Избранные труды. Т. I. Проблемы языкового значения. М.: Изд-во РУДН, 2001. 672 с.

Панов М. В. Язык русской поэзии XVIII–XX веков: Курс лекций / Сост., подгот. текста и прим. Т. Ф. Нешумовой; предисл. М. Л. Каленчук. — 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 584 с.

Петрова Т. С. «Из мрака к свету...»: мотив пути в лирике К. Д. Бальмонта. Шуя: Шуйский филиал ИвГУ, 2015. 226 с.

Эткинд Е. Г. Проза о стихах. СПб.: «Знание», 2001. 448 с.

doi:10.31912/anniversary_vinogradova_26-38

НЕПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ (СЛОВА С КОРНЕМ -ДУР- В СЛОВАРЕ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА)

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

А. Ахматова

В статье на основе лексикографического анализа описываются семантические, прагматические, фразеологические, стилистические свойства слов с корнем -дур-. Просторечная и разговорная лексика в поэтическом словаре авторов серебряного века встречается не только в позиции прямой или косвенной речи, но и в авторском тексте. Слова с обозначенным корнем имеют амбивалентные культурные коннотации (ср. дура — дуреха, дурак — дуралей и др.), выполняют различные функции. Материалом исследования является «Словарь языка поэзии начала XX века» (СЯРП). Он позволяет проследить общие тенденции развития разных идиостилей.

Ключевые слова: дурак, дура, дурашливый, лексикографический портрет, семантическая структура, коннотации.

Сниженная лексика в поэтическом произведении обладает сильной экспрессией, образностью и многозначностью, может выполнять различные функции, которые согласуются с жанром произведения или его стилистическим заданием. Прием введения в стихотворное произведение сниженной бранной лексики становится ярким стилистическим знаком, захватывающим в том числе уровень ритма и звукообраза (— *Завела аму — уры! В подворотне — шавки: — Урры, урры, дуры!* РП Цв919 (1,468.2)); служит речевой характеристикой персонажа; ситуации. Маркирует принадлежность к определенной группе как автора, так и читателя, т. е. выполняет не только оценочную

функцию, но и функцию выделения «своих» от чужих. В последнем случае пейоративная окраска слов сглаживается.

До некоторой степени включение указанной лексики в поэтический текст поднимает ее стилистический регистр. Лексемы словообразовательного гнезда с корнем -дур- в толковых словарях имеют пометы как *прост.*, так и *разг.*, некоторые единицы вообще не маркированы. В СЯРП данные слова определяются как разговорные. Нужно обозначить специфику введения в текст таких лексем.

До XX века поэтические жанры были строго соотнесены с определенным стилистическим регистром (высокие, средние, низкие). И сниженная лексика, соответственно, могла быть использована только в низких/средних жанрах.

Например, А. Д. Кантемир в произведении «Из Буало. Сатира первая» (1727–1729) свободно использует сниженную лексику:

*Есть, что и стихотворцы часто были в моде,
Но дураками зовут их в нынешнем годе;
Хотя б был лучший разум и творец рассудны,
Пред Ангелием шутком вход ему есть трудный.*

Постепенно границы жанров размывались, и эстетическое задание сниженной лексики также обновилось.

Этимология слова «дурак» не содержит прямых указаний на основной семантический компонент: нарушение «интеллектуальной» нормы — у интересующих нас слов. Однако включает свойства и качества, указывающие на отклонение от обычного положения вещей: Укр., блр. дур, словен. *dur* ‘пугливый, дикий’, чеш. *dur* ‘свое-нравность, коварство’, польск. *dur* ‘умопомрачение’; производн. с суф. -г- однокоренное с **duti* (рус. дуть), **dux* (рус. дух). Сюда же дурной [Толковый словарь 2007].

Диффузность значения этого слова связана с тем, что слово «дурак» можно отнести к ключевым понятиям культуры, которые имеют особую значимость.

Такие слова называют «ключевыми словами культуры» (А. Вежицкая), «константами» (Ю. С. Степанов), «логоэпистемами» (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров), «лингвокультуремами» (В. В. Воробьев), «лингвокультурными концептами» (З. Д. Попова, И. А. Стернин). В поэтической картине мира переплетаются языковые и культурные коннотации и смыслы. В языковой картине мира выделяются

следующие элементы смысла: 1) «слабоумный, лишенный рассудка человек» (отступление от медицинской нормы), 2) «глупый человек» (отступление от интеллектуальной нормы), 3) «неадекватный человек» (неадекватное поведение в ситуациях частной и общественной жизни); 4) наименование карточной игры; 5) шут; 6) тяжелый объект большого размера (только в форме ж. р.).

В рамках данной модели концепта «дурак» номинации, как правило, являются пейоративно окрашенными, т. к. отступают от аксиологической нормы, которая по своей природе всегда положительна.

В основе мифологической модели лежит фольклорный образ «дурака» из русской волшебной сказки. Для сказочного «дурака» релевантными оказываются высокие душевные и моральные качества (доброта, бескорыстие, бесхитростность, нестяжательство), за которые он награждается удачей и счастьем. Содержание образа может редуцироваться до семантического признака 'человек, которому везет'.

Образ дурака также соотносится с русским культурным явлением юродства. Концепт «дурак» апеллирует к таким чертам поведения и сущности юродивого, как открытость, правдивость, обладание высшими духовными добродетелями (святость, праведность), самоотречение.

Таким образом, в мифологической картине мира дается положительная оценка образа дурака. Еще одну важную характеристику героя русских сказок описывают В. В. Иванов и В. Н. Топоров — авторы словарной статьи «Иван Дурак» в Мифологическом словаре: дурак — носитель особой разновидности поэтической речи. Как считают исследователи, «он воплощает первую магико-юридическую функцию, связанную не столько с делом, сколько со словом, с жреческими обязанностями. Иван Дурак единственный из братьев, кто говорит в сказке. И. Д. — носитель особой речи, в которой, помимо загадок прибауток, шуток, отмечены фрагменты, где нарушаются или фонетические, или семантические принципы обычной речи, или даже нечто, напоминающее заумь; ср. бессмыслицы, нелепицы, языковые парадоксы, основанные, в частности, на игре омонимии и синонимии, многозначности и многореферентности слова и т. п.» [Иванов, Топоров 1991: 228–229].

Несмотря на синкретичность образа дурака, интересующие нас лексемы относятся в том числе и к бранной лексике. Брань — это 'оскорбительные, бранные слова; ругань' [ССРЯ 1991: 737].

Конечно, бранная лексика и фразеология не является табуированной, как обценная, но сближается с последней на основе эмоционально-экспрессивной реакции на неожиданные и неприятные события, слова, действия и т. п.

По классификации Мокиенко, «Дурак (дура)» входит в группу русской бранной лексики — «Наименования лиц с подчеркнuto отрицательными характеристиками типа»: ‘глупый, непонятливый человек’: дурак, болван, оболдуй, остолоп, недоумок, дуб, дубарь, гегемон, тормоз, круглый дурак, олух царя небесного, дубина стоеросовая, с тараканом в голове (в котелке), с прибабахом, чурка с глазами, сибирский валенок и т. п.

Разнобой стилистической характеристики в разных лексикографических продуктах: *народн. пренебр.*; *пренебр. грубо*; *ирон. грубо*; *прост. ирон.* или *шутл.*; *неодобр. грубо*; *прост. пренебр.*; *прост. шутл.*; *ум.-уничиж. пренебр.*; *ум.-уничиж.* или *ум.-ласк. пренебр.*; *уменьш. и ласк.*; *прост. пренебр.* и *шутл.*; *устар.* и *в прост.*; *разг. фам.*; *истор.* (ср. материалы словарей: ([Ушаков 1935–1940]; [ССРЯ 1954: 1161–1167]; [Мокиенко 2003]; [Толковый словарь 2007]).

В СЯРП собрано 39 единиц с корнем -дур-. Методом сплошной выборки мы выписали интересующие нас лексемы, ориентируясь на заглавные слова Словаря. Словарная статья СЯРП включает в себя стихотворные строки из источников Словаря — произведений десяти выдающихся поэтов Серебряного века: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой. Все строки-контексты сопровождаются шифрами, например: Анн909, Ахм912, АБ914, Ес915, Куз916, ОМ918, М920, П921, Хл921, Цв935.

Чаще других в указанных идиостиях встречается слово «дурак». В поэтическом языке представлены и окказиональные образования (см. пометы *нов.*). Некоторые лексемы встречаются в идиостиле одного автора: дурак-батрак, дурачество, дурашливый, дюррак, придурковато и др. Мы приводим список интересующих нас слов с указанием частоты, стилистических помет, в наиболее интересных случаях указываем автора поэтического текста: дура 23 (разг.; тж бран.); Катька-дура АБ; дурак 37 (разг.; тж бран.); Иван-дурак; Царь-дурак; дурак-батрак (нов.) Ес; дуралей (разг.) Ес; дурацкий (разг.) АБ 2, Цв; дурачьсь (разг.) Хл; блаженно-дураческий; дурачество (разг.) П; дурачок 3 (разг.) АБ, Анн, Хл; дурашливый (разг.) Ес; дурашный (прост.) Анн; дурен П; дурень (прост.) Цв 5, М 2; дуреть (прост.) П; дурья

(прост.) П; дурий (прост.) М 2; дурить (разг.) Ес; дурища (прост.) Цв; Дурость-така-соплячество (нов.) Цв; дурочка 3 (разг.) Ахм, Куз, Хл; дурь 8 (разг.) Хл, Цв 5, Ес 2, Куз; дурь-ты-деревня (нов.) Цв; дюррак (вар. к дурак) Хл; одураченный (разг.) М; одурачить (разг.) Хл; одурев (разг.) П; одуревши (прост.) Ес; одурённый (разг.) Анн, П; одуренье (разг.) П; одурь 9 (разг.) Анн 2, П 2, Хл, М, Цв, Ахм 2; одурять М, П2; одуряющий Анн, ОМ; одуряя П; придурковато Куз; сдуревший (прост.) П; сдуреть (прост.) М; сдуру (разг.) П 2.

Анализ словообразовательного гнезда лексемы *дурак* показал высокую активность в пределах данного поля, что свидетельствует об актуальности концепта «дурак» и его заметном месте в поэтической картине мира. Гнездо лексемы *дурак* представляет весь частеречный спектр. Слова можно распределить по четырем семантическим группам: 1) отступления от нормы, непосредственно присущие лицу, предмету или явлению: дурацкий, дурной, дурачок, дурий, дурить ('совершать глупые поступки'), придурковато, сдуреть, сдуру и т. д.; 2) отступления от нормы, направленные на достижение комического эффекта: дурачась, валять дурака ('вести себя несерьезно, шалить'), дурачество, дурашливый, дурашный и т. д.; 3) отступления от нормы, связанные с ситуацией обмана: дурить ('обманывать'), одураченный, одурачить, одурять и т. д.; 4) отступления от нормы под воздействием каких-либо внешних воздействий или внутреннего эмоционального состояния: дуреть, дурь и т. д.

Первая из указанных групп является самой обширной по лексической представленности, к ней относятся номинации, репрезентирующие все элементы смысла «слабоумный, лишенный рассудка человек», «глупый человек» и «неадекватно поступающий человек». Большинство номинаций оказываются пейоративно окрашенными (кроме единиц, принадлежащих группе 'отступления от нормы, направленные на достижение комического эффекта', и субъективно-оценочных номинаций с уменьшительно-ласкательным или ласкательным значениями дурачок, дурашка и т. п.).

Лексема ДУРА (23) [разг.; тж бран.] чаще других используется Цветаевой (10): «<...> — Д. старая, что хнычешь? Али жалко, что последний День встает наш, Царь-Девыцын?» — РП Цв920 (111,197) и Маяковским (8): *Недавно уверяла одна дура, / что у нее / тридцать девять тысяч семь сотых температура.* Ирон. М921 (93).

По одному контексту находим у Блока, Хлебникова, Кузмина, два контекста у Пастернака.

Так как *дура* — эмоционально и экспрессивно окрашенная лексема, то определений у слова минимум: господни М; старая, новая, праздные Цв; бесноватые П.

Метапоэтические замечания о рифменной паре «дура — цензура» находим у Цветаевой: *Ох, брадатые авгуры! Задал, задал бы вам бал Тот [Пушкин], кто царскую цензуру Только с дурой рифмовал, Цв931 (11,281)*

Лексема включается в три фразеологизма: *губа не дура; дура из дур; как дура: Пока / по работам / Том болтается, / — у Кубы / губа не д. — / жену его / прогнали с плантаций / за неотработку / натурой. М925 (181); Лишилась дара речи... рву косынку, Как дура.. А Эдит моя лежит — Как спит; РП Куз928 (320).*

Большое количество цитат представляет собой речь персонажей. В Словаре такие контексты отмечены — РП (речь прямая): *Серчают стоящие навловцы. «В политику... / начали... / баловаться. / Куда / против нас / бочкаревским дурам?! <...>» РП М927 (539).*

Сочетание «каменная дура» воспроизводится у Хлебникова. Оно представляет собой определение каменных изваяний, поставленных скифами и половцами в честь умерших предков: *И доски каменные дур, Тоска о кобзаре, [рфм. к жур; о каменных бабах] Хл920 (275).*

Лексему ДУРАК (37) [разг.; тж бран.; ду... Хл909,10; см. тж ДЮРЬ-РАК] чаще других включает в свои произведения В. Хлебников (10). По одному примеру находим у Анненского, Ахматовой, Кузмина, по четыре у Есенина и Пастернака, по три стихотворения у Мандельштама, по две цитаты у Блока и Цветаевой.

Лексема *дурак* используется в значениях:

Дурак — умалишенный: Куда ушла усталость, И робость, и тоска... Была ли это жалость К судьбишке дурака, — Анн906 (169).

Дурак — глупый человек: Укладбища направо пылил пустырь, А за ним голубела река. Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь Или замуж за дурака...» РП Ахм909 (21.3); В зал многолюдный и многоколонный Спешит мертвец. На нем — изящный фрак. Его дарят улыбкой благосклонной Хозяйка — дура и супруг — д. Ирон. АБ912 (111,36); [Распорядитель:] О, олух! олух! ду... Я говорил тебе: вино! [здесь: усеч.] РП Хл909,11 (410);

Обращает на себя внимание лексическое окружение разбираемой лексемы. *Дурак* встраивается в ряд однородных членов: *дурак, герой, интеллигент: А зади, в зареве легенд, Д., герой, интеллигент*

В огне декретов и реклам Горел во славу темной силы, П923,28 (1,275); дурак и старый мерин: из письма / Онегина к Татьяне. / — *Дескать, / муж у вас / д. / и старый мерин, / я люблю вас, / будьте обязательно моя, / я сейчас же / утром должен быть уверен, / что с вами днем увижусь я.* — / Аллюз. Ирон. М924 (123); дураки и подхалимы: *Дураков / больших / обдумав, / взяли б / в лапы / лупы вы. <...> крупных / вылови налимов — / кулаков / и бюрократов, / дураков / и подхалимов*, М929 (361); шелкунчик, дружок, дурак: *Ох, как крошится наш табак, Шелкунчик, дружок, дурак!* ОМ930 (160.1).

Разнообразят образ дурака определения у Блока — *нищий*, а также у Хлебникова: *святочный, бедный, безумный*.

В поэтической картине мира начала XX века мифологический пласт образа дурака представлен только аллюзийно у Пастернака: *Что мне сказать? <...> Что ум черствеет в царстве дурака?* П926 (1,244).

Элемент значения 'юродивый' находим лишь у Мандельштама: *На тебя [А. Белого] надевали тиару — юрода колпак, Бирюзовый учитель, мучитель, властитель, дурак!* ОМ934 (206.2)

Анализируемые лексемы используются в поэтических произведениях в составе фразеологических оборотов. Так у поэтов начала XX века находим выражения: *ищи получше дураков; нет дураков, валять дурака, не дурак* (что-либо сделать), *как дурак* (3 контекста): *И древние болячки от оков Ты указал ночному богу — Ищи получше дураков!* — НАР Хл920,21 (281); *Нет дураков, / ждя, что выйдет из уст его, / стоять перед «маэстрами» толпой разинь. / Товарищи, / дайте новое искусство — / такое, / чтобы выволочь республику из грязи.* М921 (95); *Буду громко сморкаться в руку И во всем дурака валять.* Ес922 (11,117); *Шофер, как видно, не дурак, Пускает запрещенный ход, Застопорил лишь у ворот.* Куз928 (316); *А я как дурак на гребенке Обязан кому-то играть.* ОМ933 (197.2).

Хлебников в стихотворении «Зверинец» воспроизводит речь попугая, у поэта появляется слово *дюрьяк*: *Где, войдя в душную обитель, в которой трудно быть долго, я осыпаем единокдушным «дюрьяк!» и кожурой семян праздных попугаев, болтающих гладко.* Хл909,11 (185).

Лексема «дурачок» характеризуется как разговорная: *И сидим мы, дурачки, — Нежить, немочь вод.* РП АБ905 (11,10).

У Анненского слово наделяется эмоционально-положительной окраской. Оно сочетается со словом «дурашный»: *«Что это — д.?» — «Так точно, он — дурашный... <...>»* РП Анн906 (169).

Существительное «дурень» имеет характеристику «просторечное»: Цв (5), М (2): *Разошелся д.: Аж грозитя Деве! — А родства-то: шурин,*

Тесть, да зять, да деверь... Цв920 (111,247); — Что вы, дурни, Царю брюхо пороть? У Царя-то, чай, священная плоть! РП Цв920 (111,267); То звякнет, / то вспыхнет / трехверстный джаз. / Дурню покажется, / что и взаправду / бывший рай / в Гаване как раз. М925 (178);

Лексема «дурочка» встречается по одному разу у трех поэтов: Ахм, Куз, Хл. Обращает на себя внимание субъект данной характеристики в стихотворении Кузмина. Не человек, а муза наделяется свойством «дурочки»: *Муза вскочит, про любовь расскажет (Она ведь глупенькая, д.) Но взглянешь, как веревкой вяжет Последний тюк наш милый Юрочка [Юркун], — Куз917 (175).*

Лексема «дурь» [разг.] Хл, Цв 4, Ес 2, Куз используется в том числе в конструкции «до дури» в значении — очень интенсивно: *Потом, насосавшись до дури, Взволнованно и горячо О сдавшемся Порт-Артуре Соседу слезил на плечо. Ес925 (111,199).*

Таким образом, анализ словарных статей СЯРП доказывает, что язык художественной литературы лишен замкнутости, он включает лексемы, принадлежащие к различным стилистическим пластам, в том числе бранную лексику. Широта привлекаемых в художественный текст языковых средств обусловлена свойственной ей широтой охвата действительности, проникновением во все сферы человеческой деятельности. Установка на сближение различных стилистических пластов лежит в русле демократизации поэтических произведений начала бурного XX века. Семантика лексем данной группы синкретична, диффузна в силу неоднозначности образа «дурака» в русской культуре. В поэтический текст слова указанной группы входят как элементы речевой характеристики, в основном в значении 'глупый человек'. В переносном значении «дурочка» определяет высокую лексику — «муза» в идиостиле Кузмина.

Чаще других в начале XX века интересующей нас лексикой пользовались: Цветаева, Пастернак, Маяковский. Именно эти авторы и стали первопроходцами в деле скрещения высокой поэтической лексики и разговорных и просторечных единиц языка.

ЛИТЕРАТУРА

Бусурина Е. В. Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2004.

Владыко Н. Образ дурак в русском языке (опыт сравнительного анализа психически актуального и лексикографического значений слова) //

Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 4. С. 51–59.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А — З. М.: 2006.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000.

Жельвис В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема. М.: Ладомир, 2001. 350 с.

Иванов В. В., Топоров В. Н. ИВАН ДУРАК // Мифологический словарь. Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1991. С. 228–229.

Карасик В. И. Оценочно-статусное значение // Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. С. 263–299.

Левин Ю. И. Об обценных выражениях русского языка // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 809–819.

Маслова Ю. В. Лингвокультурема «Дурак» в англоязычной и русскоязычной рок-поэзии // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 10 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturemadurak-v-angloyazychnoy-i-russkoyazychnoy-rok-poezii> (дата обращения: 28.04.2024).

Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. № 1/2. Берлин, 1994. С. 50–73.

Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. СПб.: Норинт, 2003. 608 с.

Петрова Л. А., Лиходеева А. А. Коммуникативные черты Трикстера в фольклорных образах героя-дурака // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyecherty-trikstera-v-folklornyh-obrazah-geroya-duraka> (дата обращения: 28.04.2024).

Словарь современного русского литературного языка (ССРЯ). Изд. 2-е, переработанное. Т. 1. М.: «Русский язык», 1991. С. 737.

Словарь современного русского литературного языка (ССРЯ). Том третий. М.—Л., 1954. С. 1161–1167.

Словарь языка русской поэзии XX века. Том II: Г — Ж / Сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Колодяжная Л. И., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. М.: Языки славянской культуры, 2003. 800 с. (Studia philologica).

Словарь языка русской поэзии XX века. Том VI: Пе — Радость / Сост.: Григорьев В. П., Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Кулева А. С. (ред.), Колодяжная Л. И., Гик А. В., Фатеева Н. А. М.: Языки славянской культуры, 2015. 968 с. (Studia philologica).

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007. С. 219.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: «Советская энциклопедия», 1935–1940.

Черкасова М. Н. К вопросу о фреймо-слотовой структуре концепта дурак // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-freymo-slotovoy-strukture-kontseptadurak> (дата обращения: 02.04.2024).

doi:10.31912/anniversary_vinogradova_39-48

З. И. Годизова, *Шэньчжэнь (КНР)*
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
godizovazi@rambler.ru

ГЛАГОЛЫ С КОНФИКСОМ *ДО-...-СЯ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируются функционально-стилистические особенности конфиксальных глаголов с формантом *до-...-ся* в русском языке с XI века по настоящее время. Данный словообразовательный тип соответствует двум способам действия — длительно-усилительному и финально-отрицательному, являющимся носителями целого комплекса акциональных значений — длительности, кратности, интенсивности, негативного результата действия. Установлена функционально-стилистическая динамика способов действия в рамках данного словообразовательного типа, их оценка с точки зрения продуктивности и регулярности на широком временном отрезке.

Ключевые слова: функционально-стилистические особенности, стилистическая динамика, словообразовательный тип, продуктивность типа, конфикс, длительно-усилительный способ действия, финально-отрицательный способ действия.

Конфиксальные глаголы с формантом *до-...-ся* в русском языке представляют интерес прежде всего в связи со способностью выражать совокупность смысловых оттенков: интенсивность, совмещенную с длительностью, кратностью и отрицательными последствиями действия для субъекта. Такая «идиоматичность комплекса смыслов», с точки зрения Е. А. Петрухиной, позволяет подобным глаголам связать сразу несколько ситуаций, что в значительной степени обусловлено самой словообразовательной моделью *до-...-ся* [Петрухина 2002: 6]. Способность выражать комплекс смыслов сочетается в этих глаголах с особой экспрессивностью, выразительностью. Очевидно, это связано с тем, что интенсивный, длительный, повторяющийся характер проявления действия, приводящий к отрицательным последствиям действия, связан с преодолением какой-то границы,

означающей нормальный предел действия, после которой действие приобретает чрезмерный характер. Эта чрезмерность проявления действия и создает особую экспрессивность подобных глаголов.

Некоторые другие конфиксальные глаголы тоже обладают способностью выражать комплекс акциональных смыслов (например, *исстрадаться, зашиться, уработаться, выбегаться, обноситься, наголодаться* и др.).

Данный словообразовательный тип соответствует двум способам действия (СД) — длительно-усилительному и финально-отрицательному [Теория функциональной грамматики 2017], семантические различия между которыми не столь существенны — в глаголах финально-отрицательного СД в большей степени актуализируется семантика негативного результата действия, являющегося следствием слишком длительного и интенсивного проявления действия, в глаголах длительно-усилительного СД — длительность проявления действия, сопряженная часто с кратностью и интенсивностью.

Представляется актуальным рассмотреть функционально-стилистические особенности глаголов этих двух СД с конфиксом *до-...-ся* в диахроническом аспекте (с XI века по настоящее время) — их стилистическую динамику, а также степень их регулярности и продуктивности.

В ходе исследования применялись методы сплошной выборки, наблюдения, классификации, компонентного анализа, количественный метод, метод описания.

Древнерусский и старорусский языковой материал выбран из исторических словарей, современный материал — из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Функционально-стилистическая характеристика тех или иных словообразовательных типов и соответствующих способов глагольного действия в древнерусском и старорусском языках должна осуществляться с учетом особой языковой ситуации в Древней Руси, где сложилось два типа литературного языка при отсутствии устной разновидности литературного языка. При определении стилистической окраски глаголов в этот период существенно, в произведениях каких жанров они функционируют. Кроме того, важно учитывать связь между функционально-стилистическими особенностями слова и его происхождением [Улуханов 2002].

Анализ исторических словарей русского языка [Срезн., СДРЯ XI–XIV, СлРЯ XI–XVII] (толкования значений глаголов и приведенные

в них контексты функционирования этих глаголов) позволяет утверждать, что количество глаголов с конфи́ксом *до-...-ся*, соответствующих по своему значению длительно-усилительному способу действия, в древнерусском и старорусском языке достаточно репрезентативно (23 глагола), чтобы судить о стилистической окраске данного словообразовательного типа. Можно предполагать, что глаголы со значением «настойчивого, усиленно-интенсивного и длительного осуществления результативного действия исходного глагола» [Теория функциональной грамматики 2017: 77] первоначально возникли приставочным способом, поскольку в древнерусском языке существуют одноосновные префиксальные и префиксально-постфиксальные глаголы со значением длительно-усилительного способа действия, а для глаголов *достояти* и *досидѹти* вообще отсутствуют семантически тождественные префиксально-постфиксальные соответствия (*достоятися* и *досидѹтися*) даже в старорусском языке.

О стилистической окраске глаголов финально-отрицательного способа действия, обозначающих «чрезмерность как разового, так и кратного проявления действия с отрицательными для субъекта последствиями» [Теория функциональной грамматики 2017: 81], в этот период невозможно судить ввиду отсутствия глаголов с подобной семантикой.

Жанрово-стилистический анализ глаголов длительно-усилительного способа действия в древнерусском и старорусском языке позволяет определить данный словообразовательный тип как нейтральный и разговорный.

Один из наиболее ранних глаголов *домыслитися* — *домышлятися*, очень употребительный в древнерусском языке, является стилистически нейтральным. В [СДРЯ XI–XIV] зафиксировано 20 употреблений этого глагола в памятниках церковно-книжных. Глаголы *доразумѹтися*, *дочестися*, *допрашатися* и *допроситися*, *досолитися*, функционирующие только в старорусском языке в памятниках различной стилистической принадлежности, также имеют нейтральную стилистическую окраску.

Глаголы *додуматися*, *домолитися*, *дослужитися*, *досочитися*, *доискатися*, *достеречися*, встречающиеся в древнерусском языке в летописях, в памятниках делового характера, иногда в светских памятниках, имеют скорее разговорную окраску.

Глаголы *докучитися*, *досудитися*, *домаятися*, *дослатися*, *досмотретися*, *дотягаться*, *догадаться*, *докупитися* зафиксированы

в старорусских памятниках деловой письменности, некоторые из них (*докучиться, домаяться, досмотреться, докупиться*) зафиксированы в [СРНГ].

С точки зрения происхождения почти все глаголы, за исключением праславянизмов *домыслиться, докучиться*, являются восточнославянскими новообразованиями.

В современном русском языке оба СД с конфи́ксом *до-...-ся* — и длительно-усилительный, и финально-отрицательный — продуктивны. Их сближает не только структура, но и общая производящая база; их семантические различия сводятся к тому, что длительно-усилительный СД, выражая интенсивность, кратность, длительность, не содержит семы негативных последствий действия в отличие от финально-отрицательного СД, например, *дождаться, дозвониться, доискаться*¹. В контексте: «Как *трудно доискаться* истины в самом пустячном деле!» (Нагибин Ю. Зимний дуб (1953) [НКРЯ], «И все же я *долго не мог доискаться*, в чем польза детского влечения к игре в “перевернутый мир”» (Чуковский К. От двух до пяти (1933–1965) [НКРЯ], «Вы лишены свободы вот уже, кажется, десять дней, а потому имели время и должны были обдумать и *доискаться* причины, за что вы лишены свободы?» (Достоевский Ф. Воспоминания (1896) [НКРЯ], «И ведет себя он порой соответственно — к нему *не достучишься, не дозвонишься* и прийти *не допросишься*» (Четвергов В. Наш дом. Сам себе сантехник // Юный техник, 2010) [НКРЯ].

Семантическая близость этих двух СД обуславливает их зависимость от контекста, часто именно контекст определяет, возникает

¹ В. В. Лопатин и И. С. Улуханов определяют значение глаголов, соответствующих длительно-усилительному СД, так: «ЗТ: действие, названное мотивирующим глг (часто интенсивное, длительное или повторяющееся), довести до какого-л. предела, результата (неперех.). Звать > до-звать-ся (разг.) ‘неоднократным, повторяющимся зовом заставить кого-л. откликнуться или прийти’, до-будить-ся (разг.), до-думать-ся, до-звонить-ся (разг.), до-ждать-ся, до-искать-ся (разг.), до-кликать-ся (прост.), до-мыслить-ся (устар.), до-скоблить-ся (разг.), до-скрести-сь (разг.), до-стучать-ся (разг.). Прод. [Лопатин, Улуханов 2016: 73]. Глаголы с конфи́ксом *до-...-ся*, соответствующие финально-отрицательному СД, определяются следующим образом: «ЗТ: ‘довести себя до неприятных последствий посредством действия, названного мотивирующим глг (неперех.). Гулять > до-гулять-ся ‘гулянием довести себя до неприятных последствий’, до-курить-ся ‘курением довести себя до неприятных последствий’ [Лопатин, Улуханов 2016: 75].

ли значение негативных последствий действия (НПД) для субъекта, которое является характерным для финально-отрицательного СД. Семантика НПД в этих глаголах проявляется как негативное состояние субъекта (увлечение чем-то либо утомление, негодность, полная исчерпанность), негативные для субъекта обстоятельства, возникшие в результате действия субъекта. Например, глаголы длительно-усилительного СД *додуматься* и *дождаться* могут в определенном контексте выражать семантику негативного результата, например: «— То-то, брат, вот этакая валаамова ослица думает, думает, да и черт знает про себя там *до чего додумается*» (Достоевский Ф. Братья Карамазовы (1880) [НКРЯ], «— *Дождалась* ты своей участи... *Не хотела жить на белом свете? Подыхай*» (Шукшин В. Жена мужа в Париж провожала (1970–1974) [НКРЯ] [Годизова, Ван 2019: 99].

В современном русском языке финально-отрицательный СД очень продуктивен, любые непредельные и непереходные базовые глаголы способны образовывать производные со значением этого СД. Данные словарей и собранный языковой материал позволяют характеризовать данный тип как разговорный и просторечный: «до-гулять-ся, до-курить-ся, до-петь-ся, до-сидеть-ся, до-слушать-ся, до-спать-ся, до-спорить-ся, до-читать-ся — все разг.» [Лопатин, Улуханов 2016: 75]. Например, в контексте: «Отсеяли меня из эшелона, под конвоем увели в комендатуру — *довоевался! Допрыгался!*» (Астафьев В. Веселый солдат (1987–1997) // «Новый Мир», 1998) [НКРЯ], «—Давно пора спасать Советский Союз». — «Навалят горы трупов». — «Ну все, Горбач *допрыгался*» (Алексиевич С. *Время second-hand* // «Дружба народов», 2013) [НКРЯ], «*Дожился!* Да ведь *дожилась* и она. Со вчерашнего не было во рту маковой росинки, и теперь кусок черствого хлеба показался ей лакомством» (Быков В. Знак беды (1982) [НКРЯ].

Экспрессивность, разговорная или просторечная окраска глаголов финально-отрицательного СД обуславливает их функционирование в произведениях, для которых характерно преобладание диалогической речи персонажей. Особенно характерны эти глаголы для произведений В. Шукшина. Очень редко глаголы этого СД встречаются в произведениях русской классики, например, в романах Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и др.

Отрицательный результат действия может выражаться предположно-падежными конструкциями: «— *До белых слонов довраля!* — не выдержал кто-то» (Скиталец (С. Г. Петров). Огарки (1906)

[НКРЯ], «*Догулявшись до боли в колене, возвращаюсь в Гнездовище*» (Петросян М. Дом, в котором... (2009) [НКРЯ], «— Погоди, погоди, *догуляешься еще до Невы, как Нюткина мать!*» (Шеллер-Михайлов. Нюткин отец // «Живописное обозрѣніе», 1899) [НКРЯ].

Характерны определенные синтаксические конструкции, в которых функционируют глаголы финально-отрицательного СД (конструкции типа: *до того, что...*): «Мы *до того доврались, что* даже то, что писал Ленин, опасно вытаскивать на свет ...» (Троицкий. Дневник (1982) [НКРЯ], «Пошла пьянка и гулянка и *до того догулялись и допьянствовались, что* через сколько-то времени очнулся он в Ерофее Павловиче, свободный от моря, от денег, женатый, прописанный в Ерофее и в должности кочегара» (Покровская. Дневник русской женщины. 1945–1966 гг. (1958) [НКРЯ].

Глаголы с конфиксом *до-...-ся* часто выражают угрозу, которая из потенциального обещания вполне может стать реальной в случае, если собеседник не примет ее как руководство к изменению своего поведения: «— Ох, *доиграешься* ты, дон Саккариас, со своими белыми голубками, — то и дело повторяет ему Марго, энергично потряхивая рыжей гривой и тройным подбородком» (Рубина Д. Белая голубка Кордовы (2008–2009) [НКРЯ].

Как видно из приведенных выше примеров, в создании семантики негативного результата в финально-отрицательных глаголах большая роль принадлежит контексту, но также и другим факторам — стилистически сниженной окраске глаголов данного СД (например, *довраться, донарываться, дофорситься, докорячиться* и под.), семантике приставки и самой словообразовательной модели *до-...-ся*, предполагающей достижение интенсивного предела действия, после чего действие легко переходит через некую границу дозволенного, в силу чего появляются НПД.

Мотивирующими глаголами для длительно-усилительного и финально-отрицательного СД служат неопредельные непереходные глаголы: эволютивные (*говорить, гулять, думать, жить, играть, кричать, петь, пить, прыгать, ругаться, смеяться, читать, шутить* и др.), состояния (*ждать, лежать, сидеть, спать* и др.), восприятия (*слушать, смотреть* и др.).

Таким образом, диахроническое исследование глаголов с конфиксом *до-...-ся* позволяет не только установить время, пути становления и динамику развития этих глаголов, но и проследить их стилистические особенности на широком временном срезе. Наблюдения

над языковым материалом, выбранным из исторических словарей и Национального корпуса русского языка, позволяют делать выводы о стилистической эволюции данного словообразовательного типа от нейтрально-разговорного к разговорно-просторечному. В рамках словообразовательного типа с конфиксом *до-...-ся* представлены два СД — длительно-усилительный и финально-отрицательный, характеризующиеся сложной семантической структурой, содержащей целый комплекс смыслов (длительность, кратность, интенсивность, а финально-отрицательный СД — негативные последствия действия). В древнерусском и старорусском языках глаголы с длительно-усилительным значением достаточно представлены, а глаголы с финально-отрицательным значением практически отсутствуют. В современном русском языке оба СД характеризуются регулярностью и продуктивностью. Глаголы обоих СД тождественны по структуре, по мотивирующей базе, по стилистической окраске, близки в семантическом отношении: глаголы длительно-усилительного СД отличаются от финально-отрицательных глаголов отсутствием в их семантической структуре значения негативного результата действия.

ЛИТЕРАТУРА

Годизова З. И., Ван Ц. Системно-функциональные особенности глаголов финально-отрицательного способа действия в современном русском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 95–102.

Лопатин В. В., Улуканов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. 812 с.

Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. В 3-х томах. М.: Знак, 2003 [Срезн.].

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. М.: АН СССР. Институт русского языка, 1988–2008 [СДРЯ XI–XIV].

Словарь русских народных говоров. М.–Л.: Наука, 1965–2007. Вып. 1–44 [СРНГ].

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–2008. Вып. 1–28 [СлРЯ XI–XVII].

Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: Editorial URSS, Ленанд, 2017. 352 с.

Улуханов И. С., Солдатенкова Т. Н. О некоторых перспективах изучения исторической лексикологии русского языка // *Russian Linguistics*. № 26. 2002, pp. 29–62.

Петрухина Е. В. Когнитивные аспекты изучения производного слова в славянских языках // *The Slavic and East European Language Resource Center*. Issue 3, Spring 2002. Pp. 1–17.

doi:10.31912/anniversary_vinogradova_49-56

Д. В. Дозорова, *Москва*
Московский педагогический государственный университет
dozorowa.dasha@yandex.ru

ТИПЫ И ФУНКЦИИ НОВООБРАЗОВАНИЙ В ПРОЗЕ В. ПЕЛЕВИНА

Статья посвящена анализу словотворчества в художественной прозе В. Пелевина. В качестве материала исследования привлекаются романы писателя 2010–2020-х гг. («Тайные виды на гору Фудзи», «S.N.U.F.F.», «iPhuck 10», «Непобедимое солнце», «Искусство легких касаний», «Путешествие в Элевсин», «КГВТ+» и др.). Рассматриваются структурно-семантические особенности неологизмов в романах В. Пелевина, словообразовательные модели и продуктивные способы словообразования, а также специфика выполняемых новообразованиями функций в художественном пространстве текстов автора.

Ключевые слова: новообразование, В. Пелевин, способ словообразования, окказиональный дериват, функция.

Художественная проза В. Пелевина отличается активным словотворчеством. Так, в одном только романе «iPhuck 10» было обнаружено около 200 индивидуально-авторских новообразований, созданных как по узуальным, так и окказиональным словообразовательным моделям. Использование новообразований разных типов, окказиональной лексики в целом характерно для современной прозы, в особенности для писателей постмодернистской эстетики: «Тексты авторов-постмодернистов характеризуются свободной самовыражения, а значит разнообразными способами репрезентации индивидуально-авторской картины мира» [Родкина 2020: 233].

Особой продуктивностью в текстах В. Пелевина отличается использование иноязычных вкраплений, в основном англицизмов, в некоторых романах встречающихся буквально на каждой странице. Заимствования вводятся в текст как в исходном виде, так и с помощью транскрипции или транслитерации, становясь производящей основой для создания авторских неологизмов: *slave-режим* (англ. slave — раб), *консумерический* (от англ. consumer — потребитель), *селф-хелпинструкция* (от англ. self-help — самопомощь), *скрипт-машина*, *хелпер-биоробот* (от англ. helper — помощник), *дарк-промо*

(от англ. dark — темный, мрачный и promo — акция) («KGBT+»), *блокчейн-датум* (от англ. blockchain — цепочка блоков, содержащих какую-либо информацию), *enhanced-версия* (англ. enhanced — улучшенный), *пингвин-сьют* (от англ. suit — костюм), *ресторация* (от англ. restore — восстановить), *transageist people*, *трансэйджист-пипл* (от англ. trans — через, age — возраст, а также ageist — эйджист, т. е. сторонник эйджизма — вида дискриминации по возрасту), *хай-эксзекьютивы* (от англ. high — высокий, executive — руководитель, администратор) («iPhuck 10»).

Заемствованные основы порождают целые словообразовательные гнезда. Так, в футуристическом романе «iPhuck 10» перед читателем открывается альтернативное будущее конца XXI в., в котором искусственный интеллект и виртуальная реальность заняли главенствующее место в жизни человека. Вымышленная вселенная описывается большим количеством авторских неологизмов, например, сложных слов с препозитивным компонентом *e-* (вероятно, от англ. electronic): *e-тян* (виртуальная любовница), *e-тянка*, *e-контакт*, *e-пары*, *e-охрана*; *огмент* (от англ. augment — ‘увеличение, приращение’) — *огмент-очки*, *огментированный*, *огментирование*, *огментация*. В самом названии романа функционирует элемент аббревиатуры AI (artificial intelligent — искусственный интеллект), который становится основой для производства целого каскада неодериватов: *iPhuck*, *айфак* — *айфачный*, *айфак-барбекю*, *айфак-линия*, *айфак-индустрия*; *айкинематограф*, *айфильмы*, *БДСМ-айфильм*. В романе «KGBT+» главный герой занимается новой разновидностью искусства — *крэпом* (вероятно, от англ. ‘чушь, бред, отстой’ и по ассоциации со словом *рэт*). Словообразовательное гнездо с вершиной *крэп* в тексте романа включает номинацию лица *крэпер*, образованную суффиксальным способом, и ряд сложных существительных: *крепофон*, *крэпофон-треха*, *крэпер-музыкант*, *крэпофон-мальчики*, *крэп-тусняк*.

Все вышеприведенные неологизмы выполняют номинативную функцию, описывая процессы и артефакты другой реальности, в которой разворачивается действие романов, а также детализируют художественное пространство, реализуя как эстетическую функцию, так и функцию образной характеристики.

Тексты В. Пелевина пронизаны отсылками к современным общественно-политическим событиям и идеологической повестке, в связи с чем широко используются иноязычные термины, описывающие текущую культурную ситуацию, которые также становятся основой словопроизводства: *нон-байнари-варианты* (от англ. поп-

binary — наименование небинарных личностей, позиционирующих свою идентичность как отличную от мужской и женской), *Велферленд* (от англ. — welfare — программы государственной помощи населению в США; land — земля), *аффирмативно-миноритарная identity* (англ. identity — идентичность, принадлежность), *she-зрители* (от англ. she — местоимение «она», отсылка к современной тенденции за борьбу трансгендерных людей, реализующейся в использовании личных гендерных местоимений) («iPhuck 10»), *woke-бижутерия* (от англ. woke — проснувшийся; термин, обозначающий фокусирование общественного внимания на вопросах полового, расового и социального равноправия) («Непобедимое солнце»).

Высокой продуктивностью в пелевинских текстах отличается производство сложных слов, в первую очередь, имен существительных, представляющих собой сложносоставные дефисные комплексы или слова, образованные с помощью основосложения с использованием интерфикса. В качестве производящих основ сложных слов функционируют в том числе и заимствованные компоненты (преимущественно англицизмы и латинизмы): *событие-селфидром, либертен-политолог* («Непобедимое солнце»), *цереброконтейнер, ошейники-кукухи, мемо-пособие, имплант-подсветка* («KGBT+»), *нейролинк-импланты, церебровичпы* («TRANSHUMANISM INC. (Трансгуманизм Inc.)»), *огмент-очки, стрейт-сборка, хакеры-шахиды, котики-скринсейверы, эстамп-репрезентация, сексотерапевт, бутик-сексодрама, мистик-гик, зорро-муви, тамагочи-склепы* («iPhuck 10»), *хайтек-спецпарк* («Искусство легких касаний»), *фи-самцы, грядко-майнинг, эмо-пантограф, скриботерапия, пневмодуновение* («Тайные виды на гору Фудзи»), *адмирал-епископ, кодер-боты, ретро-будущее, мемо-ролик* («Путешествие в Элевсин»).

Препозиционный компонент ряда дериватов может рассматриваться как префиксоид, регулярно образующий цепочки однотипных производных, например, **микро-**: *микроагрессии, микроплантатор* («Путешествие в Элевсин»), *микрофреска, микрокуки, микровибратор* («iPhuck 10»); **мета-**: *мета-социализм, поэты-метасимволисты* («KGBT+»), *метазпах, метапрограммы* («iPhuck 10»); **гипер-**: *гипероптика* («S.N.U.F.F.»), *гиперкурьер* («TRANSHUMANISM INC. (Трансгуманизм Inc.)»), *гиперчленовагина* («iPhuck 10»); **евро-**: *евроислам* («TRANSHUMANISM INC. (Трансгуманизм Inc.)»), *еврошариат, европодход* («iPhuck 10»), *еврофоб* («Путешествие в Элевсин»); **крипто-**: *криптолибералы* («KGBT+»), *криптосмыслы* («Тайные виды на гору Фудзи»). Отдельно может быть отмечен компонент **гипно-**

(от *гипноз*, *гипнотический*), неоднократно появляющийся в дериватах аббревиатурного типа, например: *гипнобалалаечники*, *гипнобалалаечная трель*, *гипномедицина* («iPhuck 10»), *гипноимпринт* («Искусство легких касаний»), *гипносон* («Путешествие в Элевсин»).

Регулярной повторяемостью в разных романах автора отличаются дериваты с первыми компонентами-аффиксоидами *полу-* и *само-*: *полуотношения*, *полуосвященный* («Тайные виды на гору Фудзи»), *полуфутляр-полунакидка*, *полусложенный* («iPhuck 10»), *полудетский*, *полуежик* («Непобедимое солнце»), *полуколонны*, *полусодранный* («TRANSHUMANISM INC. (Трансгуманизм Inc.)»), *полулежачий*, *полугражданский*, *полусфера*, *полуось* («S.N.U.F.F.»); *самораспаковывающийся*, *самопозиционирование*, *саморазоблачительность*, *самостереться* («iPhuck 10»), *самоубившийся* («TRANSHUMANISM INC. (Трансгуманизм Inc.)»), *самоподдерживающийся*, *самовосстанавливающийся*, *самозаглушаться* («S.N.U.F.F.»). Среди таких дериватов отмечаются как узуальные, так и потенциальные единицы, созданные по продуктивной модели. Как отмечает Е. А. Земская, производство подобных слов — «это чистая реализация возможностей словообразовательной системы» [Земская 1973: 218].

Помимо существительных-композигов, отмечается также функционирование сложных прилагательных, образованных с помощью основосложения или сложносUFFIXАЛЬНОГО СПОСОБА С НУЛЕВОЙ СУФФИКСАЦИЕЙ: *баночно-мозговые сущности* («KGBT+»), *административно-криминальное уложение*, *крутобедрая красавица* («iPhuck 10»), *седомудрый либертен-маркетолог* («Непобедимое солнце»), *церковно-английский язык*, *верхнерусский язык* («S.N.U.F.F.»), *второсигнальная эра* («Тайные виды на гору «Фудзи»). Отмечается функционирование ряда прилагательных с первой иноязычной частью: *криптолиберальные круги*, («KGBT+»), *лингвокосметические процедуры* («Путешествие в Элевсин»).

В семантике сложных прилагательных нередко объединяются несопоставимые признаки, что создает неоднозначный и во многом парадоксальный образ описываемого объекта: *финансово-творческий успех* («KGBT+»), *животно-лингвистические программы*, *полицейско-литературный робот*, *литературно-массажный алгоритм*, *коммунально-молитвенное собрание* («iPhuck 10»), *следственно-сочинительские шаги*, *криминально-литературный опыт* («Путешествие в Элевсин»), *что-то принудительно-эротическое* («Искусство легких касаний»).

Наряду со сложными однословными единицами, В. Пелевин вводит собственные многокомпонентные номинации, характеризующие создаваемый автором мир, которые функционируют как в полном составе, так и в качестве аббревиатур разных типов: *BET* (Bounded exhaustive testing), *RCP* (Random code programming), *NAC* (North American Confederation), *Ебанк* (Единый банк), *cap* (second amendment people), *эсдиар* (от SDR — special drawing rights), *ТС* (транскарниальный стимулятор), «*ВзломП*» («Взлом Приличий»), *СПАС* (система полного автоматического сканирования) («iPhuck 10»), *ноофреска* (**ноосфера** + **фреска**), *фемтеллигенция* (**феминизм** + **интеллигенция**) («Искусство легких касаний»), *сельхозхолопы* («КГВТ+»), «*дезолоджи*» (design + ideology), «*идеозайн*» (идеология + дизайн) («Непобедимое солнце»). Большое количество таких аббревиатур, как видно из приведенных примеров, образованы на базе заимствований.

Широко используется также отаббревиатурная деривация: *ЗА-роботы*, *хрусты* (от начальных букв H и R словосочетания human rights), *RCP-фасоль*, *БДСМ-мотивы* («iPhuck 10»), *RCP-артефакт*, *LLM-боты*, *LLM-модели* («Путешествие в Элевсин»).

Дериваты, образованные с помощью осново-, словосложения и аббревиации, выполняют компрессивную функцию, сворачивая неоднословные составные наименования, словосочетания или сочинительный ряд и создавая емкую, семантически сжатую номинацию.

Следует отметить, что не только заимствования становятся базой пелевинского словотворчества, но и русскоязычные основы. В составе таких дериватов выделяются суффиксальные единицы (в том числе с нулевым суффиксом), например, номинации лица: *баночник* — *банка*, *сердобол*Ø — *сердобольный* («Путешествие в Элевсин»), *вбойщик* — *вбить* («КГВТ+»), *презиратор* — *презирать* («S.N.U.F.F.»), *свинюки* — *свиной* («iPhuck 10»); отвлеченные понятия: *вбойка* — *вбить*, *вруб*Ø («мгновенное постижение») — *врубиться* («КГВТ+»), *свинючество* — *свинюк* («iPhuck 10»).

Суффиксальные производные, наряду с дериватами, образованными сложением, являются одним из продуктивных в текстах романов В. Пелевина. Так, выделяются типы неологизмов с суффиксом **-изм** и словообразовательным значением “общественно-политическое или идеологическое течение, имеющее отношение к тому, что названо в производящей базе”: *антлантизм* («TRANSHUMANISM INC. (Трансгуманизм Inc.)»), *кормосексуализм* («КГВТ+»), *хазмизм* (от собственного имени ученого Хазма), *бизантизм* (от наименования

города и государства Бизантиума), *Манитуизм* (от наименования духа Маниту) («S.N.U.F.F.»), а также СЗ “отдельное слово или выражение, принятое в местности, указанной в производящей базе” — *сибиризм* («S.N.U.F.F.»).

При помощи суффиксации образуются глаголы, в том числе от иноязычных основ:

- с суффиксом **-и-** и общим словообразовательным значением ‘совершать действие, имеющее отношение к тому, что названо в производящей базе’: *интуичить* — *интуиция* («KGBT+»), *андейтить* — *андейт* («Тайные виды на гору Фудзи»);
- с суффиксом **-а-** с тем же словообразовательным значением: *харасскать* — *харассмент* («iPhuck 10»); в качестве морфоно-логического явления отмечается усечение производящей основы и использование интерфикса;
- с суффиксом **-ну-** и общим словообразовательным значением ‘однократное действие’: *дефектнуть* — *дефект* («Непобедимое солнце»).

Отмечается отдельное использование префиксально-суффиксальных (*расшэрить* — от англ. to share — ‘делиться’ + префикс **рас-** и суффикс **-и-** («KGBT+»)), *засейвлишь* — от англ. to save — ‘сохранить’ + префикс **за-** и суффикс **-и-**; «Непобедимое солнце») и сложных глаголов (*душестыдить*, *телопозорить* («Тайные виды на гору Фудзи»)), *интим-пицать* («TRANSHUMANISM INC. (Трансгуманизм Inc.)»).

Суффиксальным способом образованы номинации женского пола, как не имеющие в узуальном употреблении закрепленных соответствий мужского рода, так и являющиеся авторскими новообразованиями в отдельно взятом тексте, см., например, дериваты с суффиксом **-к(а)**: *философка* («Тайные виды на гору Фудзи»), *архатка* («Непобедимое солнце»), *зоофобка* («iPhuck 10»); **-истк(а)**: *вуманистка* (от англ. woman + *-ист*) («KGBT+»), **-иуц(а)**: *космолетчица* («Тайные виды на гору Фудзи»). Для пелевинских текстов в целом характерно обращение к гендерным вопросам и актуальной феминисткой повестке, которая становится предметом авторского осмысления и нередко иронического обыгрывания: «*В современном русскоязычном издании эта глава опущена для защиты трудящихся от полиаморофобных микроагрессий — но мы уверяем читателя, читателе и читательку, что **она ничего не потеряла***» («Непобедимое солнце»); «*В общем, все зависит от твоих потребностей в настоящий момент, милый читатель, читательница и читательнице*» («KGBT+»).

Помимо производства индивидуально-авторских имен существительных и прилагательных, для текстов В. Пелевина характерно образование наречий-неодериватов (а также слов категории состояния) как от узуальных, так и от потенциальных имен прилагательных с помощью суффикса *-о*: *хтонично*, *сублиминально*, *ультрафиолетово* («iPhuck 10»), *ватно* («Искусство легких касаний»), *консентно*, *возрастосогласно* («Путешествие в Элевсин»), *быстрозаменяемо*, *космично* («Непобедимое солнце»).

В составе новообразований В. Пелевина менее частотны префиксальные производные (*квазиантичный транс*, *прекарбоновые дворяне*, *суперзащищенные банки* («Путешествие в Элевсин»), *пост-антихристианский дворянин-экзистенциалист*, *квазиорганическая наноткань* («S.N.U.F.F.»), *недоамерика* («Искусство легких касаний»)), усеченные дериваты (*уд* — *удочка* («Путешествие в Элевсин»), *преког* — *прекогниция* («Непобедимое солнце»)) и универбаты («*славянка*» — от *slave-режим* («KGBT+»), *транскраниальник* — *транскраниальный стимулятор* («iPhuck 10»)).

В качестве основы деривации автор прибегает к прецедентным текстам или прецедентным именам. Согласно определению Д. Б. Гудкова, прецедентный текст — это «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену лингво-культурного сообщества...» [Гудков 2003: 106], а прецедентное имя понимается как «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (напр., *Обломов*, *Тарас Бульба*), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (напр., *Иван Сусанин*, *Колумб*), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (*Моцарт*, *Ломоносов*)» [Там же: 108]. Такие дериваты выполняют интертекстуальную функцию, устанавливая межтекстовые связи с популярными именами, известными объектами культуры и искусства или широко распространенными явлениями: «*Летитбизм*» (от известной песни The Beatles «Let it be» + *-изм*) («KGBT+»), *штирлицуана* (от Штрилиц + *-иан*(а), ср.: *пушкиниана*, *мольериана*) («Искусство легких касаний»), *Царь-химера* (словосложение, отсылка к памятникам русского искусства: *Царь-пушка*, *Царь-колокол* («Искусство легких касаний»), «*гитлерпанк*» (словосложение на базе прецедентного имени *Гитлер*), *#микрогибельбогов* (оказиональное

словопроизводство на базе сращения словосочетания — названия известного фильма Лукино Висконти «Гибель богов» с использованием первого компонента-аффиксоида и хештега; *тумбалалайки* (отсылка на известную песню «Тум-балалайка») («Путешествие в Элевсин»); *бодлерки* (от имени французского поэта-символиста Ш. Бодлера + суффикс **-к(а)**). («iPhuck 10»).

Помимо узуальных словообразовательных способов, отмечается использование окказиональных приемов словопроизводства, в частности контаминации: *иллюмонад* (иллюминация + лимонад) («TRANSHUMANISM INC. (Трансгуманизм Inc.)»), *химема* (химера + мем) («Искусство легких касаний»), *анархипстер* (анархист + хипстер) («Непобедимое солнце»); заменительной деривации: *смыслократия*, *Мощнопожатный* («KGBT+»), *лgbтариат* («Путешествие в Элевсин»); графодеривация: *горе look'овое* («iPhuck 10»); «Goolag» (от Google) («Непобедимое солнце»).

Средства узуального и окказионального словотворчества в пелевинских произведениях используются в целях языковой игры и реализуют комическую, экспрессивную и развлекательную функции: «*Оставшихся на поверхности земли гомиков (от «homo sapiens») держат на электронных ошейниках-кукухах как собак на цепи — разумеется, для нашего же удобства*» («KGBT+»), «*С чего начинается человек? С ранних детских впечатлений, сказал бы кукухотерапевт. И был бы прав*» («TRANSHUMANISM INC. (Трансгуманизм Inc.)»); «*...в этой главе впервые в мировой климатологии была прослежена корреляция между ростом среднегодовых температур и законодательными послаблениями для **LGBTQIESRHHЩ++***» («Путешествие в Элевсин»).

Использование сниженной, обценной, табуированной лексики в неодериватах реализует оценочную функцию, выражая отношение автора к описываемым процессам или точку зрения персонажа: «*...бесчисленные пресститутки из корпоративных медиа...*» — от преса + проститутка; «*А в так называемой представительной демократии наверху всегда будет кишеть сто омерзительных червей-сенаторов, у каждого из которых — своя гнусная повестка и штат на все готовых информационных говночерпиев*» («iPhuck 10»); «*Есть примерно настолько же легитимная мировая элита — такие же дебило-упыри, которые неудержимо печатают бабки за кордоном из десяти авианосных групп...*» («Непобедимое солнце»).

Итак, проза В. Пелевина изобилует авторскими новообразованиями, построенными как по узуальным, так и по окказиональным моделям, с широким использованием в качестве производящих основ

заимствованной лексики (преимущественно англицизмов), а также актуальных понятий современной политической и культурной жизни. Среди наиболее распространенных типов дериватов отмечаются сложные слова разных частей речи, аббревиатуры, суффиксальные единицы. Отдельные словообразовательные инновации повторяются в разных романах автора, являясь одним из средств объединения ряда произведений в общий цикл: *цереброконтейнер*, *крэпофон*, *Добросуд*, *сердобол* и т. д. Неодериваты в текстах В. Пелевина выполняют ряд взаимодействующих функций: номинативную, компрессивную, интертекстуальную, оценочную, развлекательную, комическую и эстетическую.

ЛИТЕРАТУРА

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: «Просвещение», 1973. 303 с.

Новосельцева Л. А. Новообразования в языке романов В. Пелевина: проблемы словотворчества и ассимиляции // *Филоlogos*. 2019. № 2 (41). С. 48–55.

Пелевин В. О. Тайные виды на гору Фудзи. М.: Эксмо, 2020. 416 с.

Пелевин В. О. Искусство легких касаний. М.: Эксмо, 2021. 384 с.

Пелевин В. О. Путешествие в Элевсин. М.: Эксмо, 2023. 480 с.

Пелевин В. iPhuck 10: роман. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 384 с.

Пелевин В. О. Непобедимое солнце. М.: Эксмо, 2021. 704 с.

Пелевин В. О. TRANSHUMANISM INC. (Трансгуманизм Inc.). URL: <https://knizhnik.org/viktor-pelevin/transhumanism-inc/>

Пелевин В. О. KGBT+ / URL: http://samlib.ru/a/aristah_w_s/wiktor_pelewinkgbt.shtml

Пелевин В. О. S.N.U.F.F. URL: <https://homeread.net/book/s-n-u-f-f-viktor-pelevin?ysclid=lwqjm6z5h454521723>

Родкина А. А. К вопросу об окказиональном словотворчестве (на примере романа В. Пелевина «iPhuck 10») // Слово. Словесность. Словесник: материалы межрегион. с международным участием науч.-практ. конф. преподавателей и студентов, 20 апреля 2020 года / отв. ред. Ю. А. Южакова; Рязанский гос. ун-т имени С. А. Есенина. Рязань: ИП Коняхин А. В. Book Jet), 2020. С. 232–235.

Рајна Драгићевић, Београд
Универзитет у Београду

Райна Драгичевич, Белград
Белградский университет
rajnad@yahoo.com

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОВЫХ СЕРБСКИХ СЛОВ В СЕРБСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ¹

Статья посвящена проблеме отбора новых сербских слов, которые необходимо описать в сербско-русском словаре, создаваемом совместно на филологических факультетах Московского и Белградского университетов. На материале новых слов, начинающихся на букву Е, показано, что новые слова могут входить в язык большими группами, объединяемыми общим префиксом или префиксоидом. Появление таких групп вызвано общественными и технологическими переменами, отражаемыми в языке. Все эти слова не должны включаться в двуязычные словари. В работе анализируются группы новых слов на букву Е, объединенные словообразовательным компонентом, и предлагаются критерии отбора этих слов для словаря.

Ключевые слова: префикс, префиксоид, новые слова, двуязычный словарь, лексикография.

1. СЕРБСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ. С 2021 г. на кафедре славянской филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова совместно с кафедрой сербского языка филологического факультета Белградского университета ведется работа по созданию двуязычного сербско-русского словаря. Инициатива составления словаря принадлежит доценту кафедры славянской филологии Е. И. Якушкиной, организовавшей работу и взявшей на себя большую ее часть. Сложившийся сербско-русский авторский коллектив на данный момент успешно справляется с многочисленными проблемами, которые подразумевает это нелегкое лексикографическое начинание. Планируется, что сербско-русский словарь будет насчитывать около 100 тыс.

¹ Статью перевела доктор филол. наук Е. И. Якушкина.

слов и будет предназначен для носителей русского языка, изучающих сербский и интересующихся современной сербской литературой, культурой, экономикой, политикой и СМИ.²

В настоящее время ведется работа над буквой Е. Источником сербской лексики для сербско-русского словаря служит однотомный толковый словарь сербского языка Матицы сербской *Речник српскога језика*, включающий около 80 тыс. слов современного сербского языка. Первое издание этого словаря было опубликовано в 2008 г., а второе — в 2018. Наша задача заключается, с одной стороны, в том, чтобы из данного словаря, являющегося для нас исходной базой, исключить архаизмы, а с другой — расширить словник за счет активно употребляемых слов, не вошедших в *Речник српскога језика*. Источником обнаружения новых слов, не вошедших в существующие словари, для нас служат электронные корпуса сербского языка (PDRS, SrWas, Српо). Составление словника для сербско-русского словаря — это чрезвычайно интересная задача, в ходе решения которой можно обнаружить и описать новые процессы в сербском языке. Часть своего опыта в связи с составлением списка слов на букву Е мы и представим в данной статье.

2. НОВЫЕ СЛОВА ПОЯВЛЯЮТСЯ НЕ ТОЛЬКО В ОДИНОЧКУ, НО И ГРУППАМИ. Первое и самое важное наблюдение над поведением новых слов, начинающихся на букву Е в современном сербском языке, полностью подтверждает мнение М. А. Кронгауза [2008: 14]: «Слова появляются по отдельности, группами, а иногда очень большими группами. Последнее самое интересное, поскольку речь в этом случае идет о значительном изменении среды, о некоей волне изменений, накрывающей наше общество. Можно отметить по крайней мере несколько таких больших волн новых слов и значений, возникших на рубеже веков, а возможно, продолжающихся и дальше».

Согласно замечанию М. А. Кронгауза, новая лексика на букву Е свидетельствует о том, что слова в языке появляются группами, то есть что их словообразовательные модели быстро и легко распространяются. Так, оказалось, что за последние десять лет в сербский язык вошло несколько групп новых слов с компонентами *е-*, *евро-*, *эко-*, *екс-*, *экстра-*. Многие из них являются окказионализмами с низкой частотностью, и пока невозможно прогнозировать, распространятся ли они в сербском языке или уйдут из него. Все эти группы слов

² Подробнее об этом словаре см. в [Драгичевич и др. 2024].

тесно связаны с общественными преобразованиями и представляют собой отражение в языке социальных процессов и идеологических положений.

2.1. НОВЫЕ СЛОВА С КОМПОНЕНТОМ *ЕВРО-* В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ. Поскольку граждане Сербии делятся на левых, считающих, что будущее Сербии в Евросоюзе, и правых, которые резко против вхождения Сербии в ЕС, язык приобрел много новых слов, которые отражают ту или иную позицию (ЗА и ПРОТИВ ЕС). Многие из этих слов очень экспрессивны и отражают ярое отстаивание идеологической позиции.

Приведем примеры неологизмов на *евро-*:

евроактивиста ‘евроактивист’, евроамбис ‘европропасть’, евроаристократа ‘евроаристократ’, евробалкан ‘евробалканы’, евробогови ‘евробоги’, евробрука ‘европозор’, евроглобализм ‘евроглобализм’, еврогубитник ‘европроигравший’, евродемократа ‘евродемократ’, евродиктатура ‘евродиктатура’, евроегзалтација ‘евроэксальтация’, евроентузијазам ‘евроэнтузиазм’, евроентузијаста ‘евроэнтузиаст’, евроеуфорија ‘евроэйфория’, еврожандар ‘еврожандарм’, еврозанос ‘евровосторг’, евроза, еврозанесењак ‘евроувлеченный’, еврозаслепљеност ‘евроослепленность’, евроид ‘евроид’, евроизација ‘евроизация’, евроизиран ‘евроизированный’, евроизованост ‘евроизированность’, евроилузионизам ‘евроиллюзионизм’, еврокаријериста ‘еврокарьерист’, еврокатастрофа ‘еврокатастрофа’, еврокич ‘еврокич’, евроклон ‘евроклон’, евроколаборационист(а) ‘евроколлаборационист’, еврократ(а) ‘еврократ’, еврократија ‘еврократия’, еврокритичар ‘еврокритик’, евроландија ‘евроландия’, евроланци ‘евроландцы’, евроленд ‘евроленд’, евролудило ‘евробезумие’, еврољуб ‘евролюб’, еврољубље ‘евролюбие’, еврољубац ‘евролюбец’, евроманијак ‘евроманьяк’, евромафија ‘евромафия’, евромешетар ‘евроинтриган’, евромишљеник ‘евросторонник’, евромрзац ‘евроненавистник’, еврооптимизам ‘еврооптимизм’, евроортодоксија ‘евроортодоксия’, европатриота ‘европатриот’, европерспектива ‘европерспектива’, европесимист(а) ‘европессимист’, европрагматизам ‘европрагматизм’, европропаганда ‘европропаганда’, европромотер ‘европромоутер’, еврорасизам ‘евдорасизм’, еврореалист(а) ‘евдореалист’, еврореволуција ‘евдореволюция’, еврореторика ‘евдориторика’, евроречник ‘евдорсловарь’, евроскепса ‘евдорскеп-

сис', евроскептик 'евроскептик', еврослинавац 'евросопляк', еврострашливац 'евротрус', евротероризам 'евротерроризм', евроугодан 'евроугодный', евроусловљавање 'еврообусловливание', евроутопија 'евроутопия', еврофанатик 'еврофанатик', еврофашист(а) 'еврофашист', еврофил 'еврофил', еврофилија 'еврофилия', еврофоб 'еврофоб', еврофобија 'еврофобия', еврофундаментализам 'еврофундаментализм', еврохистерија 'евроистерия', евроцентризам 'евроцентризм', евроциркус 'евроцирк'.

Хотя можно было бы ожидать, что новые слова возникают прежде всего для именованя новых реалий, группа дериватов с компонентом *евро-* демонстрирует потребность говорящего как можно более экспрессивно, по-новому, другим способом выразить свою идейную позицию в отношении системы ценностей, которую подразумевает ЕС. Обращает на себя внимание разделение общества по критерию отношения к этим ценностям, и новые слова очень точно отражают эту поляризацию. Часть общества ЗА, часть — ПРОТИВ, но больше всего тех, кто осуждает сторонников ЕС, так что многие, на первый взгляд, имеющие положительную коннотацию наименования (например, *еврозанесењак* 'евроувлеченный', *еврољуб* 'евролюб'), на самом деле ироничны и демонстрируют глубокое сопротивление тех, кто ПРОТИВ, тем, кто ЗА.

Много новых слов возникло по словообразовательным моделям уже существующих лексем, прежде всего экспрессивных. Так, например, человек, любящий деньги и богатство, экспрессивно именуется *среброљубац* ('сребролюбец'). Существует и много других слов с этой структурой (*властољубац* 'властолюбец', *књигољубац* 'книголюб', *славољубац* 'любящий славу'), послуживших образцом для слова *еврољубац*. В соответствии с экспрессивными архаизмами *богоугодан* 'богоугодный' и *благоугодан* 'приятный', возникло прилагательное *евроугодан*. Носители сербского языка узнают известные им модели в новых словах, и поэтому некоторые лексемы звучат остроумно и привлекают внимание.

2.2. НОВЫЕ СЛОВА С КОМПОНЕНТОМ *ЕКО-* В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ. Раскол сербского общества вызывают и экологические проблемы. Экология в наши дни — это не просто борьба за чистоту рек и воздуха, но и мировоззрение, связанное с ценностями «левой» идеологии, соответствующей политической ориентацией и образом жизни. Хотя забота об окружающей среде существует испокон веков, сегодня она

приобрела новый вид, разделила население на два лагеря и исполнила людей бурных эмоций, отразившихся в лексике с компонентом *эко-*. Огромное богатство этой лексической группы — показатель высокого эмоционального накала общества, который является важнейшей экстралингвистической причиной разрастания подобной лексики по существующей модели.

экоавантура ‘экоавантюра’, экоактивист(а) ‘экоактивист’, экоактивизм ‘экоактивизм’, экоакција ‘экоакция’, экоальтернатива ‘экоальтернатива’, экоанархија ‘экоанархия’, экоанксиозност ‘экострах’, экобезбедност ‘экобезопасность’, екодизјан ‘экодизайн’, экозаједница ‘экоосообщество’, экокатастрофа ‘экокатастрофа’, экокритика ‘экокритика’, экокулт ‘экокульт’, эколенд ‘эколенд’, екомобилност ‘экомобильность’, екомотивација ‘экомотивация’, экоопштина ‘экообщина’, екопесница ‘экокулак’, екопокрет ‘экодвижение’, екополис ‘экополис’, екопопулизам ‘экопопулизм’, екопорука ‘экоосообщение’, екосвест ‘экосознание’, екоселебрити ‘экознаменитость’, екостража ‘экокараул’, екосфера ‘экосфера’, екотерапија ‘экотерапия’, екотероризам ‘экотерроризм’, екотерорист(а) ‘экотеррорист’, екоужас ‘экоужас’, екофашизам ‘экофашизм’, екофашиста ‘экофашист’, экофеминизам ‘экофеминизм’, экофил ‘экофил’, екофилија ‘экофилия’, экофрендли ‘экофрендли’, екофундаменталист(а) ‘экофундаменталист’, екофункционер ‘экофункционер’, екоцид ‘экоцид’, екошкола ‘экошкола’.

Борьбой за чистоту окружающей среды и сохранение природы должны были бы руководить активисты, занимающиеся естественными науками, но в современном мире эта борьба неожиданно превратилась в идеологическую тему. Кажется странным, что кто-то, кто заботится о природе, может быть назван «экофашистом» или «экотеррористом», потому что в нормальном мире забота об окружающей среде не может быть доведена до крайности, какой бы она ни была, однако идейная позиция и система ценностей, стоящие за этой заботой, вызывают сопротивление некоторых членов общества.

Дериваты, принадлежащие к этому гнезду, возникли путем соединения префиксоида *эко-* к уже существующим словам (ср. *экомотивација*, *экоопштина*), но в некоторых случаях префиксоид *эко-* присоединяется к суффиксу или суффиксоиду, образуя необычные слова без производящей основы (ср. *экоцид*, *экофилија*).

2.3. НОВЫЕ СЛОВА С КОМПОНЕНТОМ *ЕКС-* В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ. В мире, в котором мы легко от всего отрекаемся, увеличивается число новых слов с компонентом *екс-*. Вот примеры из электронного корпуса сербского языка:

ексагент ‘эксагент’, ексгосподски ‘эксгосподский’, ексдемократа ‘эксдемократ’, ексдиректор ‘эксдиректор’, ексэксперт ‘экс-эксперт’, ексимператор ‘эксимператор’, ексирати ‘отставить, сделать бывшим’, екс-ју ‘экс-Ю(гославия)’, екс-Југославија ‘экс-Югославия’, екс-југословенски ‘экс-югославский’, екскраљ ‘экс-король’, ексмуж ‘эксмуж’, екснамесник ‘экснаместник’, екстери-торијалност ‘экстери-ториальность’, екстери-торијалан ‘экстери-ториальный’, ексцрногорски ‘эксчерногорский’, ексшпијун ‘эксшпион’.

Вместо прилагательного *бивши* ‘бывший’, употребляемого при существительном, в наше время все чаще к существительному просто добавляется компонент *екс*, и корпуса подтверждают большое число таких необычных образований. Однако этот латинский префикс может себя вести и как самостоятельная единица, которая легла в основу жаргонного глагола *ексирати*, выражающего значение ‘сделать кого-либо или что-либо бывшим’. Еще два десятилетия назад, И. Клайн [Клајн 2002: 199] заметил, что «*екс-* почти всегда произносится с особым ударением и может предшествовать словосочетаниям (*екс мис Југославије* ‘экс мисс Югославия’, *екс главни уредник* ‘экс главный редактор’ и т. п.), что означает, что нередко этот элемент более походит на неизменяемое прилагательное, чем на приставку». Превращение префиксов и префиксоидов в самостоятельные неизменяемые слова все чаще встречается в последнее время и представляет собой весьма опасное явление, нарушающее лексическую и грамматическую системы славянских языков, основанную на словоизменении.

2.4. НОВЫЕ СЛОВА С КОМПОНЕНТОМ *ЕКСТРА-* В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ. Компонент *екстра-* в качестве первой части производного слова означает: а) что что-то находится вне чего-то; б) что что-то является исключительным, особенным [Клајн, Шипка]. В современном сербском языке растет число слов с этим компонентом в обоих значениях.

Новые слова с *екстра-* (в значении *изван чега, ван*): *екстра-*бюджетски ‘экстрабюджетный’, *екстраверзија* ‘экстраверсия’, *екстрадимензија* ‘экстраразмер’, *екстрадобит* ‘экстраприбыль’,

экстрадоходак ‘экстрадоход’, экстразона ‘экстразона’, экстразонални ‘экстразональный’, экстраиздатак ‘экстрарасход’, экстраимовина ‘экстраимущество’, экстралегалан ‘экстралегальный’, экстралингвистички ‘экстралингвистический’, экстрапитања ‘экстравопросы’, экстрапоказатель ‘экстрапоказатель’, экстрапорезивање ‘экстраналогообложение’, экстрапорез ‘экстранолог’, экстрапрофит ‘экстраприбыль’, экстраприход ‘экстрадоход’, экстрарента ‘экстрарента’, экстрасоларни ‘экстрасоларный’, экстратекстуални ‘экстратекстуальный’.

Новые слова с *екстра-* (в значении *изузетно, посебно*): екстрабогат ‘экстрабогатый’, екстрабрендиран ‘экстрафирменный’, екстрабрз ‘экстрабыстрый’, екстравечера ‘экстраужин’, екстрависок ‘экстравысокий’, екстравиталан ‘экстравитальный’, екстрагол ‘экстрагол’, екстрагубитнички ‘экстрапроигрышный’, екстрадесни ‘экстраправый’, екстрадугачак ‘экстрадлинный’, екстраквалитет ‘экстракачество’, екстракласа ‘экстракласс’, екстракратак ‘экстракороткий’, екстралуксузни ‘экстрашикарный’, екстралут ‘экстраострый’, екстрамастан ‘экстражирный’, екстрамодеран ‘экстрасовременный’, екстранега ‘экстрауход’, екстранормалан ‘экстранормальный’, екстраординарни ‘экстраординарный’, екстраосетљив ‘экстрачувствительный’, екстрапаметан ‘экстраумный’, екстрапогодност ‘экстраблагоприятное обстоятельство’, екстрапопуст ‘экстраскидка’, екстраромантичан ‘экстраромантический’, екстрасветлуцав ‘экстрасветящий’, екстрасјај ‘экстраблеск’, екстрасуптилан ‘экстрасубтильный’, екстраталентован ‘экстраталантливый’, екстрахуман ‘экстрагуманный’, екстраширок ‘экстраширокий’.

Слова, выражающие преувеличенную степень какого-либо признака, в большой моде в сербских СМИ [ср. Драгичевич 2024], поскольку с их помощью привлекается внимание читателя к содержанию медиатекстов, Учитывая то, что внимание современного человека все более ослабевает, привлечь его и удержать на какое-то время можно только преувеличением.

2.5. НОВЫЕ СЛОВА С КОМПОНЕНТОМ *Е-* В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ. Развитие технологий и интернета сделало возможным появление большого числа электронных услуг и других цифровых реалий. Этот факт определил возникновение большого числа новых слов с компонентом *е-* (‘цифровой, электронный, онлайн, кибер’):

е-архив³ (< ‘архив’), е-мобилност (< ‘мобильность’), е-модел (< ‘модель’), е-набавка (< ‘приобретение’), е-настава (< ‘преподавание’), е-новине (< ‘газета’), е-новац (< ‘деньги’), е-новчаник (< ‘кошелек’), е-образовање (< ‘образование’), е-обука (< ‘обучение’), е-оглас (< ‘объявление’), е-отпад (< ‘мусор’), е-отпремница (< ‘квитанция’), е-оцена (< ‘оценка’), е-панел (< ‘панель’), е-партнер (< ‘партнер’), е-писарница (< ‘канцелярия’), е-платформа (< ‘платформа’), е-плаћање (< ‘оплата’), е-понуда (< ‘предложение’), е-порез (< ‘налог’), е-портал (< ‘портал’), е-порука (< ‘сообщение’), е-пословање (< ‘делопроизводство’), е-потпис (< ‘подпись’), е-потрошња (< ‘потребление’), е-пошта (< ‘почта’), е-пријава (< ‘заявка’), е-прогрес (< ‘прогресс’), е-продавница (< ‘магазин’), е-продаја (< ‘продажа’), е-простор (< ‘пространство’), е-пуњач (< ‘зарядное устройство’), е-рам (< ‘рамка’), е-рачун (< ‘счет’), е-регистрација (< ‘регистрация’), е-рецепт (< ‘рецепт’), е-рециклажа (< ‘переработка отходов’), е-садржај (< ‘содержание’), е-сервис (< ‘сервис’), е-систем (< ‘система’), е-служба (< ‘служба’), е-спорт (< ‘спорт’), е-станица (< ‘станция’), е-трговина (< ‘торговля’), е-трговац (< ‘продавец’), е-тржиште (< ‘рынок’), е-туризам (< ‘туризм’), е-туриста (< ‘турист’), е-управа (< ‘администрация’), е-услуга (< ‘услуга’), е-учење (< ‘учение’), е-фактура (< ‘фактура’), е-фискализација (< ‘фискализация’), е-форум (< ‘форум’), е-царина (< ‘таможня’), е-цигарета (< ‘сигарета’), е-час (< ‘урок’), е-читач (< ‘считыватель’), е-шалтер (< ‘окно приема документов’), е-шифра (< ‘шифр’), е-шоп (< ‘шоп’).

Число слов с компонентом *e-* в будущем продолжит расти, поскольку множество услуг теперь имеет электронную форму. Однако, как кажется, больше всего их в настоящее время связано с торговлей.

3. ОПИСАНИЕ ПРОАНАЛИЗИРОВАННЫХ СЛОВ В СЕРБСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ. Проанализированные выше группы слов в сербском языке отражают общественные, культурные и технологические перемены в нашей реальности. Особенно важно отметить, что данные слова отражают основные направления общественных преобразований и группы новых слов представляют собой реакцию языка на эти

³ В силу того, что в зависимости от контекста префиксоид *e-* может по-разному переводиться на русский, вместо перевода мы укажем семантику исходного слова.

перемены. Поэтому, казалось бы, все эти слова нужно было бы внести в левую часть сербско-русского словаря.

3.1. Однако имеется несколько причин, по которым, возможно, эти слова не нужно вносить в словарь.

Первая причина. Эти слова, как и все слова, описывающие реальность сербского общества, относятся к современным словам, но несмотря на свою актуальность, они не относятся к ключевым словам эпохи и не удовлетворяют почти ни одному лингвистическому критерию, которые сформулировала Т. В. Шмелева [1993] для ключевых слов эпохи. Один из основных показателей, не допускающих их до этого статуса, — это их низкая частотность. Многие приведенные слова являются окказионализмами, которые могут стать неологизмами, но могут и уйти из языка как слова-однодневки, как Е. С. Кубрякова [2006] назвала многочисленные слова, которые в большем количестве появляются в современном мире и быстро исчезают.

Вторая причина. Даже если некоторые из этих слов характеризуются большей частотностью, возможно, их не нужно вносить в словарь, потому что частотность — это не единственный критерий, который нужно учитывать при внесении слова в словник. Встает вопрос, должен ли лексикограф соблюдать этические нормы при внесении слова в словарь или его задача — описывать слова, отвечающие критерию частотности. Нужно ли включать в словник лексему *экофашист(а)* или *экотерорист(а)* и, если это допустимо, то как их описать? Если следовать словообразовательной структуре этих слов, то их значение нужно истолковать как ‘тот, кто фашистски, террористически, насильно занимается экологией’. Такие толкования бессмысленны, так как занятия экологией можно только приветствовать. Даже если лексикограф найдет подходящий способ истолковать эти и другие пейоративы и ироничные слова, встает вопрос влияния таких слов на пользователя словаря. Лексикографический труд должен побуждать пользователя самому образовывать новые слова по моделям слов, представленных в словаре. Подобные слова оказывают негативное влияние на пользователя, вызывают в нем ненависть, и увеличение их числа делает мир более безнадежным местом для жизни.

Третья причина. Неологизмы известных писателей нужно вносить в словарь, потому что их язык должен быть образцом для других носителей языка. Однако время изменилось, и сейчас все создают новые слова. Эта ситуация характерна и для русского языка, и ее прекрасно описал М. А. Кронгауз [2008]. Окказионализмы пользователей интернета и даже журналистов не имеют шансов сохраниться в языке,

поэтому встает вопрос, нужно ли их включать в словарь, а особенно в двуязычный, в который должна входить лексика, известная большинству носителей того языка, который является исходным для словаря.

3.2. Наше предложение заключается в том, чтобы в сербско-русском словаре в качестве лемм были описаны все префиксы и префиксоиды, с помощью которых образуются гнезда новых слов, а также отражена семантика словообразовательной модели, которую манифестируют данные единицы.

Что касается отдельных лексем, мы предлагаем включать в словарь: а) слова с большей частотностью; б) слова, достаточно устоявшиеся в языке и, возможно, имеющие дериваты; в) слова, в которых не содержится оскорбление и которые не побуждают пользователя к вербальной агрессии.

Этим условиям в сербском языке удовлетворяют следующие слова: *е-књига*, *е-новине*, *е-мобилност*, *е-набавка*; *евроглобализам*, *евроинтеграције*, *еврозона*, *еврокриза*; *екоактивизам*, *екокожа*, *екотакса*, *еколингвистика*; *екс-Југославија*; *екстериторијални*; *екстрабрз*, *екстрапрофитер* и др.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Данная статья посвящена лишь одной из проблем, возникающих при отборе слов для словника сербско-русского словаря на букву Е. Хотя обычно считается, что новые слова входят в язык по одному, на примере новых слова на букву Е в сербском языке мы показали, что слова могут входить в язык и группами, так как словообразовательная модель новых слов вызывает целую их серию. Все эти слова не заслуживают того, чтобы быть описанными в словаре. В работе предлагаются критерии, которых нужно придерживаться при включении таких слов в словарь. Рассмотренная проблема далеко не единственная, которую лексикографы должны решать при создании сербско-русского словаря, а также любого другого.

ЛИТЕРАТУРА

Драгичевич Р., Королькова М. Д., Рыжова Д. А., Шапич Ю. Л., Якушкина Е. И. Новый большой сербско-русский словарь (общая концепция и проблемы лексикографического описания) // Вопросы лексикографии. 2024. № 32. С. 43–60.

Драгичевич Р. «Апокалиптические слова» как вид модных слов в сербских СМИ // XVII Международные Карские чтения «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации», 16. и 17. мая 2024, Гродно (доклад).

Клајн И. Творба речи у савременом српском језику (први део: Слагање и префиксација). Београд: Завод за уџбенике, Институт за српски језик САНУ; Нови Сад: Матица српска, 2002.

Клајн И. и Шипка М. Велики речник страних речи и израза. Нови Сад: Прометеј, 2007.

Кронгауз А. М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянской культуры, 2008.

Кубрякова Е. С. О новых задачах в изучении функций словообразования // *Функциональные аспекты словау́тварэ́ння*. Мінск: ВТАА „Права і эканоміка”, 2006. С. 141–148.

Речник српскога језика. Друго издање. Нови Сад: Матица српска, 2018.

Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // *Collegium*, 1993. № 1. С. 33–41.

doi:10.31912/anniversary_vinogradova_66-76

А. Н. Ерёмин, *Калуга*
КГУ им. К. Э. Циолковского
eremin.an55@yandex.ru

О. О. Петрова, *Калуга*
КГУ им. К. Э. Циолковского

ДИНАМИКА СЕМАНТИКИ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА В СИНХРОНИИ

В статье рассмотрены некоторые вопросы динамических процессов в семантике производного слова в синхронии, ее корреляции с семантикой мотиватора и фиксации деривата в толковом словаре. Авторы приходят к следующим выводам:

1) семантика производного слова в сознании носителя языка (в частности, лексикографа) выводится с опорой на семантику мотиватора в разной ее степени охвата;

2) нередко она недостаточна для производного слова;

3) часть недостающей семантики мотиватора может восполняться за счет приращений: а) предиката или предикатов; б) актантов; в) модально-временных характеристик предиката;

4) семантическая недостаточность мотиватора может устраняться за счет развития нового значения мотиватора под воздействием семантики производного — внутрисловная обратная деривация;

5) мотиватор может осмысливаться во вторичных значениях (метафора, метонимия);

б) в толковом словаре семантика производного слова обычно не описывается с использованием вторичных значений, так как их использование само требует определенного контекста.

Ключевые слова: лексическая семантика, фразеологичность семантики производного слова, динамические процессы в семантике производного слова в синхронии, семантика мотивирующего.

А. М. Пешковский в работе «В чем же, наконец, сущность формальной грамматики?» поставил вопрос о корреляции семантики значения производного слова и распределенности или нераспределенности ее по формальным составляющим [Пешковский 1925: 5–38].

Этой проблеме посвящено множество работ известных ученых [Панов 1956; Милославский 1980; Ермакова 1985; Дорошевский

1973 и др.]. В то же время динамика семантики дериватов еще недостаточно изучена.

Анализ семантики производного слова значения может мыслиться в двух направлениях: 1) с позиции синтеза значения производного слова; 2) со стороны анализа производного значения.

Рассмотрим семантику некоторых производных имен лиц:

ВОДИТЕЛЬ, -я, м. Тот, кто управляет самоходной наземной машиной. *В. трамвая, троллейбуса, автобуса, трактора, комбайна.*

(Здесь и далее толкования даны по словарю под ред. Н. Ю. Шведовой 2011).

ПИСАТЕЛЬ, -я, м. Человек, к-рый занимается литературным трудом, пишет художественные литературные произведения. *Писатели-классики...*

Мотивирующие глаголы *водить*, *писать* под влиянием семантики производных развили метонимические значения по гипонимической проекции:

ВОДИТЬ, *несов.* 1. То же, что вести (в I, 2, 3 и 5 знач., но обозначает действие, совершающееся не в одно время, не за один приём или не в одном направлении). *В. детей гулять. В. войска в бой. В. корабли. В. машину.*

— *Бельгиец сел за руль, включил заднюю передачу и вывел «ситроен» на проезжую часть. — Хорошо водит, — констатировал Калугин. — Да и автомобиль у него неплохой, — ответил Вадим [Эдуард Хруцкий. Осень в Сокольниках (1983)].*

— *После этого выступил некто сумасшедший Петаки, который «славно пишет, переводит», и который сказал, что наша система обучения насквозь пропитана чиновничеством, формализмом и догматизмом... [А. А. Сарибан. Дневник (1965)].*

Рассмотрим семантику производного *утренник* ‘мороз...’ и др. Это производное в литературном языке имеет два приращения: а) ‘небольшой мороз весной или осенью, представляющий опасность для культивируемых растений’; б) ‘зрелище, представление, литературное или музыкальное собрание в первой половине дня (устар.)’.

С позиции семантического анализа, слово *утренник* в значении ‘зрелище, представление, литературное или музыкальное собрание

в первой половине дня (устар.)' является единицей без фразеологической семантики.

Мотиватор *утро* также может быть рассмотрен в прямом (1) или в метонимическом (2) значении:

УТРО, *ср.* 1. Часть суток, сменяющая ночь и переходящая в день, начало дня. *На следующее у.*

2. Зрелище, представление, литературное или музыкальное собрание в первой половине дня (устар.). *Литературное утро.*

Второе значение слово *утренник* в толковом словаре может быть представлено вариантами:

УТРЕННИК 2. Зрелище, представление, литературное или музыкальное собрание в первой половине дня.

УТРЕННИК 2. То же, что утро (во 2 знач.).

Однако словарь в толковании производного *утренник* во всех значениях опирается только на слово *утро* в прямом значении.

Ср.: **УТРЕННИК**, -а, *м.* 1. Утренний спектакль, представление, зрелище (обычно для детей). *Выступление артистов на утреннике.* 2. Утренний мороз весной или осенью. *Закреть рассаду от утренников.*

Рассмотрим другие примеры:

ЛЫЖНИК, -а, *м.* Спортсмен, занимающийся лыжным спортом, а также вообще тот, кто ходит, идёт на лыжах.

ЛЫЖИ, лыж, *ед.* лыжа, -и, *ж.* 1. Плоские деревянные (или пластиковые) полозья для хождения, бега по снегу. *Охотничьи л. Ходить на лыжах...* 2. Вид спорта — хождение, бег и спуск с гор на таких полозьях.

Очень увлекся лыжами и немало в том преуспел [Константин Ваншенкин. Писательский клуб (1998)].

Одно из значений производного *лыжник* могло бы быть истолковано с использованием метонимического значения у слова *лыжи*, что сделало бы толкование компактным, однако словарь предпочитает прямое значение.

Ср. возможное толкование:

ЛЫЖНИК. 2. Тот, кто увлекается лыжами (во 2 знач.)

В словаре: 1. Спортсмен, занимающийся лыжным спортом.

Таким образом, словари часто не учитывают вторичные значения мотиватора.

С точки зрения синтеза семантики производного слова идиоматическим компонентом может оказаться выбор возможного варианта составляющих словообразовательной структуры деривата, при этом должна учитываться: а) семантическая; б) модально-временная характеристика наличного или приращенного предиката. См., в частности: *утопленник, сабельник, отбойник...*

УТОПЛЕННИК, -а, *м.* Тот, кто утонул или кого утопили.

Производное слово *утопленник* потенциально допускает при мотивирующем предикат в разных модально-временных планах: в реальной модальности, в перфектном значении.

Отсюда общая потенциальная модель семантико-синтаксической структуры производного *утопленник* такова:

Мотиватор <i>утопить</i>	Предикат	Аффикс <i>-ник</i>
Прямое значение	Реальная модальность	Значение лица/ животного/ предмета
Метонимическое значение	Ирреальная модальность	Значение субъекта, объекта
Метафорическое значение	и др.	

Метонимическое значение предполагает предикат только в реальной модальности; метафорическое значение — предикат только в ирреальной модальности.

Однако и при этих ограничениях у слова *утопленник* при самом скромном подсчете может быть более 50 вариантов прочтения семантико-синтаксической структуры значений.

На практике слово *утопленник* реализует только часть из них.

У отыменных производных часто наблюдается приращенный имплицитный предикат или несколько таких предикатов.

КОШАТНИЦА. Женщина, любящая кошек и, как правило, содержащая их.

Ср. также: *выключатель*, он же и включает; *отвёртка*: её же и заворачивают; *раздевалка*: в ней же одеваются и хранят одежду.

Нередко у разных значений одного слова предикаты разных модально-временных планов, например, см. выше *лыжник*, а также *пловец, пьющий*.

О. П. Ермакова отмечала: «Фразеологичные по семантике производные представляют собой открытые семантические структуры: они вмещают в себя неограниченное количество прямых номинативных значений как результат неоднократного образования по данной модели» [Ермакова 1984: 75].

Развитие значений производного слова, как и непроизводного, предполагает неоднократное прочтение семантико-синтаксической структуры базового значения.

Часто именно к значениям толковые словари относят регулярные вторичные смыслы, а нерегулярные обычно определяются как употребления слова.

Рассмотрим слова, называющие учреждения, правоохранительные органы, религиозные организации.

Названия учреждений: *суд, банк, биржа, корпорация, парламент (который у нас называется Федеральным Собранием), министерство (например, по делам Дальнего Востока), Российская государственная библиотека им. Ленина, школа, гимназия, лицей, колледж, училище, институт, университет, консерватория, больница (гинекологическая, психиатрическая, госпиталь и др.), амбулаторного типа — амбулатории, поликлиники, консультации, диспансеры, медико-санитарные части и станции скорой помощи; стационарного типа — больницы, клиники, госпитали, родильные дома, санатории, хосписы...;*

названия правоохранительных органов:

государственные (*прокуратура, МВД, ФСБ, ФСО, ОМОН* и др.)
негосударственные (*адвокатура, частный нотариат, частные охранные организации* и т. д.);

названия религиозных организаций: *церковь, секта, религиозная община...*

Всем этим производным свойственны следующие модели метонимического переноса:

1. Названия учреждений, правоохранительных органов, религиозных организаций → место их локализации (здание/я; комната).

Капитан очистил от глинистых ковлаг сапоги об железную скобу и вошел в прокуратуру [Борис Можаев. Падение лесного короля (1975)].

Завтра, мол, в 2 ч. встретимся у церкви, прокатимся на мотоцикле [Н. Н. Козаков. Дневник (1962)].

Разрушенная больница скорой помощи в Зелёной роще города Екатеринбург [Андрей Пермяков. Мастер йода // «Волга», 2013].

2. Названия учреждений, правоохранительных органов, религиозных организаций → люди, профессионально связанные с учреждениями, правоохранительными органами, религиозными организациями.

Суд приговорил двух главных акционеров шахты к смертной казни [Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010–2011)].

Адвокатура наша поначалу довольно горячо заявила о своей солидарности с вопросами жизни и потому весьма естественно встретила со стороны либеральной прессы самое горячее сочувствие [М. Е. Салтыков-Щедрин. Недоконченные беседы («Между делом») (1873–1884)].

Иными словами, церковь заявила о притязаниях на формирование собственной повестки дня в общественных вопросах [Станислав Кувалдин. В окрестностях секулярного // «Эксперт», 2013].

3. Названия учреждений, правоохранительных органов, религиозных организаций → деятельность учреждений, правоохранительных органов, религиозных организаций.

Школа пока не началась, так что пока затишье [Наши дети: Подростки (2004)].

Сказав это, господин Голядкин спрятал письмо в боковой карман своего вицмундира и застегнул его на все пуговицы; потом осмотрелся кругом и, к удивлению своему, заметил, что уже находится в сенях департаментских, в кучке чиновников, столпившихся к выходу, ибо кончилось присутствие [Ф. М. Достоевский. Двойник (1846)].

Другие метонимические значения характеризуются относительной регулярностью.

Рассмотрим семантику наименований учреждений, правоохранительных органов, религиозных организаций с точки зрения качества их деятельности. Такие значения можно назвать метонимическими номинативно-оценочными употреблениями: *школа, суд...*

Средне окончили. Какая школа, так и окончили. И каждый поступил в институт [Феликс Кривин. Притчи о жизни (1981–1985)].

*Я уже давно заметил, что **Басманный суд** — это лейб-суд Генпрокуратуры: он штампует все ее предложения* [Марк Дейч. Черный передел, или Даешь национализацию! (2003) // «Московский комсомолец», 15.01.2003].

Итак, производное слово, опираясь на мотивирующее, получает новые семантические компоненты и нередко передаёт их мотиватору, развивая в нем новое значение. Новые семантические компоненты деривата могут не находить формального «пристанища» и оказываются смысловыми и модально-временными приращениями. Регулярность вторичных значений производного слова обуславливает такую характеристику, как «лексическое значение». Нерегулярные метонимические употребления чаще всего в толковых словарях не отмечаются, а в теоретических работах называются «употреблениями слов».

ЛИТЕРАТУРА

Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

Бухгалтерская энциклопедия: — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/18636?ysclid=lu7adw92ip989912033> (дата обращения: 20.04.2024).

Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики [Текст] / Авториз. пер. с польск. В. Ф. Конновой. М.: Прогресс, 1973. 286 с.

Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке / О. П. Ермакова. М.: Русский язык, 1984. 151 с.

Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М.: Изд-во МГУ, 1980. 296 с.

Панов М. В. О слове как единице языка // Ученые записки / Моск. гос. пед. ин-т им. В. П. Потемкина. Кафедра русского языка, 1956. Т. 51. Вып. 6. С. 129–165.

Пешковский А. М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? // Сборник статей. Методика русского языка. Стилистика. Поэтика. М. Гос. изд-во Ленинград — Москва, 1925. С. 5–38.

Словарь жаргона преступников (блатная музыка). Составил по новейшим данным С. М. Потапов. М., 1927. 197 с.

Словарь Ушакова: Толковый словарь русского языка (составили: Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. Т. Томашевский, Д. Н. Ушаков) / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». 1175 с.

doi:10.31912/anniversary_vinogradova_77-84

Е. А. Жданова, *Нижний Новгород*
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского
e-a-zhdanova@inbox.ru

Н. А. Самыличева, *Нижний Новгород*
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского
nasa85@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НОВООБРАЗОВАНИЙ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ¹

В статье анализируются новообразования, зафиксированные в интернет-комментариях. Выявляются продуктивные форманты, типы и способы создания словообразовательных новаций, при этом рассматриваемые новации можно относить к окказионализмам или потенциальным словам. Анализируется специфика функционирования новообразований в интернет-коммуникации. Неодериваты, созданные интернет-пользователями, не только отражают актуальные словообразовательные процессы, но и помогают создать языковой портрет современника, выявляют специфические черты менталитета российского народа.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, словообразование, продуктивные словообразовательные форманты, способы словообразования.

В связи с активным развитием и распространением сети Интернет интернет-коммуникация становится одним из наиболее востребованных видов речевой деятельности, и языковая игра, соответственно, всё более проявляется в сфере интернет-общения.

«Интернет-коммуникацию можно определить как полифункциональное общение в электронной среде, для которого характерны дистантность, опосредованность, мультимедийность (и как следствие — поликодовость сообщений), гипертекстуальность, разнообразие дискурсивных и жанровых воплощений, а также

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

возможность широкого варьирования по параметрам персональность / институциональность» [Интернет-коммуникация 2017: 5].

Свойственная языку современных массмедиа высокая степень экспрессивности и оценочности наблюдается и на уровне словообразования. Главным результатом экспрессивной деривации являются авторские новообразования. «Обращаясь к творческой стороне использования языка, прежде всего подразумевают способность человека каждый раз заново порождать завершённое оригинальное высказывание из стандартных строевых элементов. Наиболее выразительной иллюстрацией языкотворчества является обычно создание новых слов...» [Караулов 1987: 240]. «Степень необычности» новообразования демонстрирует проявление авторского начала.

В частности, интерес представляют словообразовательные новации, используемые в интернет-коммуникации авторами сообщений. «На форумах интернет-СМИ интернавты не только высказывают свою точку зрения, но и стараются аргументировать её, обращая внимание на логичность рассуждений. Рассуждая и анализируя полученную информацию, интернавты нередко создают “индуцированные неодериваты”, представляющие интерес для исследователя новых словообразовательных явлений и деривационных процессов» [Коряковцева 2016: 11]. Окаzionaliальные единицы отражают продуктивные словообразовательные процессы, идущие в национальном языке. Следует отметить, что словообразовательные новации очень широко представлены в рамках интернет-коммуникации. Новые единицы встречаются не только в авторских заметках, но и в комментариях к ним.

«Интернет-комментарий — один из самых ярких жанров в сфере интернет-коммуникации, поскольку именно в нем концентрируются те качества, которые отличают интернет-коммуникацию от коммуникации традиционной. Сочетание черт, изначально присущих как устной, так и письменной формам общения, и формирует облик интернет-комментария как речевого жанра» [Викторова, Пантеева 2023: 67].

Специфической чертой интернет-общения является его интерактивность и открытость. Любой человек, имеющий доступ к Сети, может выложить свои заметки (посты) на всеобщее обозрение. Задача автора интернет-комментария — «выразить собственную точку

зрения по поводу прочитанной статьи, предыдущего комментария, компетентности автора материала, других комментаторов и др. Комментарий является своеобразным выражением личностной позиции адресанта, актом самовыражения, проявлением его гражданской позиции» [Чусовитина 2016: 51]. Иногда комментарии оказываются столь же содержательными, что и мотивирующий их пост.

Специфической чертой проявления авторского начала в тексте, безусловно, следует считать создание новых слов. Новообразования, встреченные в подобных комментариях, и стали объектом настоящего исследования. Наиболее широко представлены новации, зафиксированные в комментариях каналов «Книга животных» (<https://dzen.ru/knigajivotih>) и «Галопом по кино» (<https://dzen.ru/id/612b443efc5995741e8f22ae>), кроме того материалы привлекались и из других интернет-источников, в том числе социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/>).

Новообразования в интернет-комментариях создаются как по узуальным, так и по неuzuальным словообразовательным моделям, востребованными оказываются самые разные словообразовательные форманты и способы. Появление подобных единиц отчетливо демонстрирует гибкость деривационной системы, её открытость и богатство.

Обращает на себя внимание тесная связь созданных интернет-пользователями неологизмов с текстами заметок. Как отмечал ещё А. Г. Лыков, зависимость от контекста является одним из определяющих признаков окказионального слова. «Зависимость окказионального слова от контекста в подавляющем большинстве случаев абсолютна: в речи окказионализмы изолированно, «вне контекста» не живут. Это обстоятельство, в свою очередь, зависит от того, что характер номинации (называния) и соотнесения с миром внеязыковой действительности у окказионального и канонического слова глубоко различны» [Лыков 1976: 19]. Яркое доказательство зависимости новообразования от содержания интернет-канала, предыдущих комментариев и заметок, можно видеть на примере единицы *наяблочить: ага, «наяблочить» до смерти, чтобы яблоки из ушей лезли*)) (<https://zen.yandex.ru/media/id/612b443efc5995741e8f22ae/razvedchicy-2013-esce-odni-geroicheskie-getery-62efc870b63eee2b94b73c5b?&>) [здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранена. — Авт.]. Данный окказионализм создан префиксально-суффиксальным способом от существительного *яблоко* и имеет значение ‘обильно и насильно накормить яблоками’ (ср. также *насытить, намакарониться*

(в детской речи)). Однако знакомство с содержанием канала, в том числе с предыдущими комментариями, позволяет говорить о том, что введение окказионализма *наяблочить* имеет понятный посвященным подтекст. Автор канала в одной из заметок обратил внимание на то, что современных низкокачественных фильмах или сериалах о Великой Отечественной войне в качестве реквизитов нередко присутствуют яблоки. В последующих обзорах и сам автор, и его подписчики вновь и вновь обращались к этому моменту, шутили обсуждали наличие или отсутствие яблок как показатель качества кинопродукции. В таком контексте появление новообразования *наяблочить* оказывается закономерным и показательным. В этом же смысловом ряду оказываются и другие производные от *яблоко*: *О, Яблоки, Вам имя — вероломство! По ходу, для некоторых фильмов пора вводить новые поджанры: яблокомедия, яблужасы, яблдрама и т. д.* (<https://dzen.ru/a/Y0V0KfxIhXJj0FJt?&>). Следует отметить, что созданный одним из комментаторов неодериват может быть подхвачен другими интернет-пользователями.

Ещё одним примером, иллюстрирующим зависимость новообразования от контекста, является новация *папаход*: *Папаход. Двигатель силой в 1 папу* (<https://zen.yandex.ru/video/watch/628653fd0855bc6b6aac2787?t=19>) — комментарий к видеоролику, на котором папа в костюме робота носит на себе дочь. Несмотря на прозрачность внутренней формы новообразования, однозначно интерпретировать его значение вне контекста весьма затруднительно. Таким образом, и само порождение новации, и её семантика тесным образом обусловлены интернет-контекстом.

Обратимся к анализу словообразовательной структуры выявленных новаций. Новые производные, как уже было отмечено, образуются разными способами, существующими в словообразовательной системе русского языка. Широко представлено словосложение, в том числе сложно-суффиксальный способ, контаминация и голофразис: *Это свиноликкий лесной эльф* (<https://zen.yandex.ru/video/watch/62911cd719128427c190be7d?t=14>); *Марина, породная особенность регдоллов окраса сил-миттед — белый подбородок, белые перчатки на передних лапках и носочки на задних. Возможно, кто то из котопредков погулял на стороне и Вашему досталась тряпичность в качестве приятного бонуса))* (<https://zen.yandex.ru/media/knigajivotih/regdollkoshka-triapichnaia-kukla-nastolko-liubiat-chelovecheskie-obiatiia-cto-rastekaiutsia-priamo-na-rukah-62a854ea9bc8c1016932ba9a?&>); *А ещё синички имеют «секретное» имя — «мозгоклюйки». И появилось*

оно отнюдь не из-за занудного характера)) (<https://dzen.ru/a/YiIKr3EHPOtTo88J>); *Фаналука: Мадагаскарская «лисишка» с жирненьким хвостом. В нём она хранит свои запасы! <...> Спасём фаналукошек!* [фаналука + кошка. — Авт.] (<https://zen.yandex.ru/media/knigajivotih/fanaluka-madagaskarskaia-lisichka-s-jirnenkim-hvostom-v-nem-ona-hranit-svoi-zapasy-628e6bfaea02765b96d8690f?&>); *А вот если взять двое часов с кукушкой и приложить друг к другу циферблатом? <...> Цифербатл...* [циферблат + жарг. батл. — Авт.]; *Это не Дюймовочка, а Почтичетырёхдоймовчик. Отъездивший эльф такой себе* [о маленьком примате — лемуре мадам Берты. — Авт.] (<https://dzen.ru/a/Y1LHnvmDsjLxNczf?&>).

Достаточно последовательно композиты представлены в комментариях канала «Книга животных», особенно в тех случаях, когда описываемое животное сочетает в себе признаки нескольких видов: *Значит медведи от котов произошли? Кошкомед или котведь. — BIGFOOT, медведкот* (<https://dzen.ru/a/Y2f9nYw57kFnBsTN>).

Контаминация нередко используется в рамках языковой игры, которая может опираться на случайное созвучие слов. Так, при обсуждении причин вымирания мамонтов на канале «Книга животных», пользователи (очевидно, с целью создания комического эффекта) сконструировали новообразования *папонты* (*papa* + *мамонт*) и по аналогии *дяденты* и *тётенты*: *Ну как-то я сомневаюсь, что древние человеки палками и камнями, могли забить всех мамонтов, включая папонтов. — stonecold Иванов, да валили всех. Даже дядентов и тётентов. А кто устоит против сотни копий в боку или ямы с кольями?* (<https://zen.yandex.ru/media/knigajivotih/mamont-kolumba-odin-iz-krupneishih-slono-v-istorii-planety-v-dva-raza-tiajelee-sovremennogo-po-indeicy-ego-pogubili-6300e4c07a9b2620bf3d0800?&>).

В интернет-комментариях с известной регулярностью встречаются единицы, образованные в результате голофразиса. Данный способ словообразования (как разновидность сращения) в последние годы становится все более популярным, т. к. обладает ярко выраженной экспрессивностью и «свежестью»: *Да всё было не так: князь не умел плавать, а море штормило... Кто ж сознается в своей трусости если яжкнязь?! Через три дня наступил штить* (<https://zen.yandex.ru/media/nikamarsh/ia-ne-vyidu-k-nei-vozmuscalsia-kniaz-eto-ona-doljna-sdelat-shag-vpered-62fe03e009540b71be1845c8?&>); *Собашиников, ладно ёжики. Даже если они мадагаскарские. А вот если ожидается бегомотопад, то уже ой-ой-ой! <...> Ольга Эн., не, это уж слишком... Может быть только бегомотонападиззакуста* (<https://zen.yandex.ru/media/nikamarsh/>

ia-ne-vyidu-k-nei-vozmuscalsia-kniaz-eto-ona-doljna-sdelat-shag-vpered-62fe03e009540b71be1845c8?&).

К новообразованиям, созданным разными видами словосложения, примыкают новации, при создании которых использовались аффиксоиды (*евро-*, *мини-*, *-фил*, *-фоби(я)* и др.): *Раз есть афрозльфы, то должны быть евроорки. Логично и равноправно!* (<https://dzen.ru/a/Yz-4aE0qZRHn2Ln4?&>); *Глафира Девяшина, ну, да. Ибо если он на правоверного еще чем то похож, то о этом знает только его мини гарем* (<https://dzen.ru/a/Y6WwQUsXRS0wNMA7>); *Ежи, если живут в доме, громко топаят по ночам, как минибегемотик.* (<https://dzen.ru/a/Yb2FDEtGwBynFGIJ?referrerclid=1400&>); *Тревожная новость... Опасаюсь, что кроме секты «шашкофилов» появится секта «броневойной шпаги»* (https://zen.yandex.ru/media/dnevnik_rolivika/o-shpagah-i-durakah-62ff68d5794c54610896415c?&); *Красивые науки! Испытываю нежность к этим животным. Видимо я арахнофилка* (<https://dzen.ru/a/Y1ZfYqemI2CPz9cJ?&>); *Елена, бананофобия — новинка психиатрии!; К моей арахнофобии добавилась бананофобия из-за арахнофобии... Како-то замкнутый круг получается* (<https://zen.yandex.ru/media/knigajivotih/brazilskii-stranstvuiuscii-pauk-smertelno-iadovityi-pauk-kotorogo-mojno-sluchaino-kupit-vmeste-s-grozdiu-bananov-hot-ishans-kraine-mal-63040882e83aca141d02760c?&>).

Помимо словосложения и аффиксоидации, при создании новообразований активно используется аффиксация, в первую очередь суффиксация. Возможности русского суффиксального словообразования чрезвычайно велики. С помощью суффиксов не только создаются новые номинации, но и выражается авторское отношение к называемым реалиям или ситуациям: *Зато если посмотреть, что там занимает вершины продаж на тех плейсах — то греха уныния не избежать. Одна упоротая фэнтезянтина во всех формах её извращений...* (<https://dzen.ru/a/ZOlewWky8yhJmYct>); *Юлия Георгиева, у меня среди знакомых тоже «запасун» имеется У него с собой есть всё и всегда* (https://dzen.ru/a/Yg9_M_zLqVaXCwuA); *Наш манипулятор умеет строчить всех и для всех, у него своя «напугалочка»!* (<https://zen.yandex.ru/media/knigajivotih/zachem-sobaki-nakloniaut-golovu-3-prichiny-dlia-milogo-jesta-625f07331869c0040fa4f4bb?&>).

Среди зафиксированных в комментариях суффиксальных производных нередко субъективно-оценочные слова, в первую очередь диминутивы, образованные с помощью суффиксов *-ушк(о)*, *-иц*, *-ик*, *-очк* и под.: *Силушка богатырская = массушка богатырская * ускореньице* (https://vk.com/love_russian_language); *Наталья Решетникова, вполне*

возможно, она умышленно скрывает «персидскую составляющую» новой породы, ибо «персы» современного образца — **зверику** **ОЧЕНЬ** непростые (<https://zen.yandex.ru/media/knigajivotih/regdoll-koshka-triapichnaia-kukla-nastolko-liubiat-chelovecheskie-obiatiia-chto-rastekaiutsiapriamo-na-rukah-62a854ea9bc8c1016932ba9a?&>); Хорошей поддержкой психотерапевта (ов) стало изобретение миллениалами сонмов триггеров, триггерищ и **триггерчиков**, от которых несчастные уникальные снежинки стройными рядами идут записываться на прием (<https://knife.media/neglect/>).

В русском языке новейшего периода весьма активно создаются производные, называющие лиц женского пола (феминитивы). Не являются исключением и новообразования в интернет-комментариях. При этом кроме обозначений женщин создаются и номинации самок животных: *Абсолютно вас поддерживаю! Как, я думаю, и большинство женщин. Потому что вы вытащили на свет божий определенный типаж — назовем их можно — **абьюзерок**, который на самом деле стар, как мир.* (<https://zen.yandex.ru/media/yazhebat/zakonomernyi-itog-lji-629b86ea9cd04c7f1cdd4357?&>); *Моя **мейнкуниша** так любит ласкаться и чтобы ее гладили, что удивительно)) правда она еще маленькая, 10 месяцев, но это 6,5 кг трехцветного счастья)) Помогает мне шить))* (<https://zen.yandex.ru/media/knigajivotih/regdoll-koshka-triapichnaia-kukla-nastolko-liubiat-chelovecheskie-obiatiia-chto-rastekaiutsiapriamo-na-rukah-62a854ea9bc8c1016932ba9a?&>); *Я как-то «неправила» свою **сеттериху** в лесу и вышла дальше от дачи, а она правильно показывала :)* (<https://dzen.ru/media/extremum/a-my-poidem-na-sever-a-my-poidem-na-sever-6285f67d1cda9044f74e4003>).

Суффиксальный способ востребован при образовании наименований лиц и отвлеченных существительных: *Фрея это вечный двигатель, вечный **прыгатель**, нет у ней кнопки выключения?* (https://dzen.ru/video/watch/6390ec02b3a2267e7b890706?comment-request=1#comments_data=p_root); *Все это омрачает **многомамость**. На старших смотрю и даже не верится, что это такие взрослые мои, как все быстро* (https://vk.com/feed?payload=%7B%22user%22%3A%7B%22first_name%22%3A%22%22%2C%22last_name%22%3A%22%22%7D%7D).

Большая часть новообразований в интернет-комментариях — имена существительные. Однако представлены и слова, относящиеся к другим частям речи, в первую очередь прилагательные и глаголы: *Бесит во многих подобных фильмах небритость и лохматость... Даже в те «**сразупоследевяности**» такого не было. <...>* (<https://dzen.ru/a/Yu2uGMz87XolhyC2?&>); *Интересно, зачем **немытой хообитобомжовке***

Мальве с волосатыми ногами и жесткими подошвами крем для ног? Чтоб волосы гуще росли на пальцах? И в чем вред полезнейшего кипрея, он же иван-чай, кстати, для хоббитячьих ног? Загадка, однако:-) (<https://dzen.ru/a/Yz-4aE0qZRHH2Ln4?&>); **Тыгдынкают** и ещё как. *Не растекается он ни у кого в руках ни разу, спит где хочет, на руках хрен удержишь, жирная такая тушка и красивая. Своенравный* (<https://zen.yandex.ru/media/knigajivotih/regdoll-koshka-triapichnaia-kukla-nastolko-liubiat-chelovecheskie-obiatiia-что-rastekaiutsia-priamo-na-rukah-62a854ea9bc8c1016932ba9a?&>); *У меня кошка-персик тоже не слезает с рук и спит рядом, очень привязана к человеку, ласкушка такая. И постоянно меня замурлыкивает)* (<https://zen.yandex.ru/media/knigajivotih/regdoll-koshka-triapichnaia-kukla-nastolko-liubiat-chelovecheskie-obiatiia-что-rastekaiutsia-priamo-na-rukah-62a854ea9bc8c1016932ba9a?&>).

Префиксация также востребована при создании новообразований. Были зафиксированы новые единицы с префиксами *супер-*, *мега-*, *недо-*, *микро-*: *Да, Фрея это супер-кошка на мега батарейках, и супер-воровка. И её не останавливает что кошки и люди на нее смотрят в упор* (https://dzen.ru/video/watch/6390ec02b3a2267e7b890706?comment-request=1#comments_data=p_root); *Вы считаете эту недошутку достойной опубликования в паблике с таким названием?* (https://vk.com/love_russian_language); *у меня абсолютно черный мохнатый микрокотик растекается просто в желе, если его на руки взять. Жидкий кот мы его называем* (<https://zen.yandex.ru/media/knigajivotih/regdoll-koshka-triapichnaia-kukla-nastolko-liubiat-chelovecheskie-obiatiia-что-rastekaiutsia-priamo-na-rukah-62a854ea9bc8c1016932ba9a?&>).

Производные слова, созданные интернет-пользователями в рамках комментариев к запомнившимся им публикациям, ещё раз наглядно подтверждают гибкость, богатство и высокий творческий потенциал, которым обладает деривационная подсистема русского языка. Как справедливо отмечают исследователи, «современная словообразовательная система имеет динамический характер и отличается активизацией определенных словообразовательных моделей, явно выраженной установкой на языковую игру, функциональным динамизмом морфем» [Рацибурская, Торопкина 2019: 42].

Несомненно, неодериваты, созданные интернет-пользователями, не только отражают актуальные словообразовательные процессы, но и помогают создать языковой портрет современника, выявляют специфические черты менталитета российского народа.

ЛИТЕРАТУРА

Викторова Е. Ю., Пантеева К. В. Жанр интернет-комментария: аксиологический аспект // *Жанры речи*. 2023. Т. 18. № 1 (37). С. 66–73. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-66-73>.

Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2017. 325 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

Коряковцева Е. И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательных и лингвокультурологический аспекты). Siedlce, 2016. 152 с.

Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М.: Высшая школа, 1976. 120 с.

Рацибурская Л. В., Торопкина В. А. Актуальные коммуникативные тенденции в современном медийном словотворчестве // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2019. № 2. С. 41–51.

Чусовитина Е. А. Интернет-комментарий как средство выявления ценностных установок интернет-пользователей // *Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований*. Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2016. С. 51–52.

С. И. Иорданиди, *Москва*
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
siordanidi@yandex.ru

СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ДЕРИВАТОВ С УНИКАЛЬНЫМИ СУФФИКСАМИ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА I

В работе излагаются наблюдения над субстантивами, словообразовательная структура которых прозрачна: их основы оформляются уникальными суффиксами, которые в силу их «непроизводительности» В. В. Виноградов называет «мертвыми». Описываемые словоформы исследуются с точки зрения их происхождения, семантики, употребительности на протяжении истории русского языка и принадлежности к тому или иному типу языка — книжно-письменному, народно-разговорному или диалектному. Обращено внимание также на их словообразовательный потенциал.

Ключевые слова: словообразование, этимология, семантика, функционирование, хронологические рамки.

В многовековом хождении затрепались слова. На одних своими языками вылизало время прекраснейшие метафорические фигуры, на других — звуковой образ, на третьих — мысль, тонкую и насмешливую.

А. Б. Мариенгоф. Роман без вранья

Эти слова я адресую В. Н. Виноградской. Ей, как прекрасному специалисту по стилистике словообразовательных морфем, должна быть интересна эта необычная образность высказывания А. Мариенгофа, близкого друга и соратника С. Есенина.

Пользуюсь предоставленной мне возможностью сердечно поздравить Валентину Николаевну с прекрасным юбилеем!

Статья посвящена субстантивам, оформленным уникальными суффиксами, которые не обладают словообразовательным потен-

циалом и не входят в состав базовых деривативных средств. Недаром В. В. Виноградов называл подобные суффиксы, в зависимости от их большей или меньшей инертности, полумертвыми, мертвыми и непродуктивными. В этот перечень, согласно В. В. Виноградову, относятся такие форманты, как *-ль* (*падаль, убыль*), *-ель* (*капель, мокрель*), *-ынь* (*тепльнь*), *-знь* (*казнь, кознь*), *-ядь* (*рухлядь, площадь*), *-то* (*сито, корыто*), *-но* (*пшено, сукно*) и др. [Виноградов 1972: 108, 111]. В истории русского языка такие суффиксы обнаруживаются уже на самом раннем этапе; эти суффиксальные форманты входят в состав одного или нескольких имен. Их судьба складывается по-разному: некоторые из них сохраняют свой суффиксальный статус, другие — в результате опрощения сливаются с корнем, образуя корневую основу¹. Единичность того или иного суффикса может быть обусловлена действием разнообразных ограничений, языковых (архаизмом соответствующей модели) или внеязыковых (ограниченность зафиксированного словаря) [Варбот 1969: 124].

Суффикс *-твь* (*-*tvь*). Этот суффикс относится к числу тех, которые образуют слова **i*-основы. В древнерусском языке он оформляет только один субстантив — *вьтвь* ‘ветвь, ветка’. Восходит к общеславянскому корню **-vě*, осложненному суффиксом **-tvь* [Варбот 1969: 87; Черных 1994 I: 146]. Данные других славянских языков: чеш. *větev*, род. *větvě*, слов. *větev, vetvistj*, укр. *вiть*, блр. *вѣтка*, болг. *ветка, ветва, вез*; рус. *ветка* появляется не ранее XVI в.: *Они же Павла целовавшие и взяша от стѣго рая, кождо ихъ, овъ цвѣтъ, инъ вѣтку, другии листие прекрасное, прочии же былиа, и изыдоша.* ВМЧ, Дек. 6–17, 751. [СлРЯ 2: 123]. По мнению исследователей, данное слово является исконным и произошло от общеславянской основы глагола *вить* (*виться*) [Фасмер 1964 I: 306]. В древнерусском языке *вити* — непродуктивный глагол — имеет лишь одно значение ‘вить, свивать, завивать’: *иже власы плетоуще. и вьюще. или моудростию некою шарлице. на врѣдъ зрачимъ. да ѡ(т)лоучатьсѧ* КР 1284, 162a²; *ко вьюща плеть. тьмь на(с) изгна ѡ(т) мьста.* ГБ к. XIV, 189 г. Мотивационные отношения сущ. *вьтвь* и глагола *вити* обнаруживают тесную семантическую связь. Корневая

¹ Семантическая структура слов в исторической перспективе все еще нуждается в углубленных аналитических исследованиях. Применительно к современному русскому языку этой проблеме большое внимание уделял В. В. Виноградов. См., например, [Виноградов 1977: 243–264].

² Сокращения названий цитируемых источников совпадают с принятыми в исторических академических Словарях XI–XIV, XI–XVII и XVIII вв.

морфема имени сформировалась, по всей вероятности, в результате чередования гласного корня глагола *i* с *ě*.

Фонематическая структура суффикса — /тв’/. Период существования лексемы — с XI в. по настоящее время. Семантический объем рассматриваемого деривата не остается неизменным: он расширяется. Помимо первоначальной семантики слова ‘ветвь, ветка; боковой отросток, побег, идущий от ствола дерева (кустарника) или стебля травянистого растения’, на почве метонимического переноса развиваются такие значения, как ‘ответвляющаяся от основного, главного направления часть горного хребта, а также отходящая в сторону от основного пути линия железной дороги’, ‘линия родства в родословной кого-л., чего-л.; отпрыск, потомок’.

Первые фиксации рассматриваемой лексемы обнаруживаются в ст.-слав. письменности: *дрозии же резахъ вѣтви отъ дрѣва. и постилахоу по пѣти* Мт 21, 8 Мар Сав; Мк 4, 32 Зогр Мар; Евх 16а 9 по данным [СС: 166], всего 8 раз. Древнерусские материалы демонстрируют наличие этого образования в самых ранних текстах:

XI в. — *и птица нбсьскы вселишася въ вѣтви юго* ЕВА 1092, 63; *югда оуже вѣтвь ю боудеть млада и прозабнетъ листивию* ЕвМст к. XI, 110 г.

XII в. — *голоубъ съказаниѣ юсть силъ и сиѣнию, вѣтвь же маслиньна знамениѣ повельниѣмъ* СБУ XII, 69а³;

XII/XIII вв. — *вѣтви съломи и корене не истърже* СбТр XII/XIII, 14 об.; *даютъ (ж) и простьцемъ въ тѣ днь по двѣ оуныкины свѣщѣ съ вѣтвми* Уст к. XII, 272 об.

XIII в. — *и се вранѣ пришьдѣ ѡ(т)ломи ветвь съ ѡвощемъ* ПрЛ 1282, 10г.

XIV в. — *и на вѣтвехъ юго вселишася птица* ГА XIV1, 121а; *и вѣтви до земля преклонахуса* Пр 1383, 15в; *иде оубо оучнкъ юго во ино мѣсто вѣтви ради* ПНЧ к. XIV, 150г; *не вѣтвми садовными ко же обykle нѣции праздновати* ГБ к. XIV, 5а.

XIV/XV в., н. XV в. — *овии... орюще, копающе, вѣтви кладуще, оградница дѣлающе* ФСт XIV/XV, 12б; *не ту ли вѣтви юму принесша дѣти юврѣиски* Пал 1406, 122в.

Всего в СДРЯ представлено 37 примеров употребления деривата *вѣтвь*. Древнерусскому языку известны и другие однокоренные

³ Цитируется по отредактированному варианту текста В. Б. Крысько и В. Хока в монографии «Житие Ирины». М., СПб., 2021, с. 30.

образования: *вѣтъь, вѣь, вѣтъвиѣ* [СДРЯ II: 305, 308, 310; Срезн. I: 496, 499, 503]. Как показывают данные древнерусской письменности, *вѣтъвь* принадлежит церковно-книжной лексике, не встречаясь в контекстах, отражающих живую речь. Ни в грамотах, ни в летописных контекстах, ориентированных на народно-разговорный пласт языка, оно не зафиксировано. В письменности древнерусского периода обнаруживается наличие семантических подтипов у данной лексемы ('потомки, отпрыски'): *съ моего корене вѣтъвь СБУ XII, 276г; такы соуть вѣтъви твоего корене... тацы суть чада твое(г) пороженнѣ* ПКП 1406, 1016. Образное использование сущ. *вѣтъвь* отмечено в следующем примере: *того стебля многоразличны вѣтъви, многи бо ре(ч) образѣ пока ни: слезы, постѣ, мѣтва* СбЧуд к. XIV, 1016.

Материалы среднерусского периода представляют немногочисленные примеры использования лексемы *вѣтъвь* в письменности книжно-письменного типа языка: 'ветвь, ветка' — (1460): *самъ же ятѣя за едина вѣтъвь древа того, и стояше яко озираеяся*. Львов. лет. I, 26 [СлРЯ 2: 122].

Широкий спектр значений, дошедших до нашего времени, демонстрирует дериват *вѣтъвь* в XVIII в.: 1. Боковой отросток от ствола дерева, кустарника и др. растений. *Древо, его же имени не улучих увѣдѣти, корою и листием и вѣтъви подобно нашей рябинѣ*. Афон. гора, 87; 2. Ответвление от чего-л. главного, основного. <Реки> *раздѣляются на многие вѣтъви, послѣдую низкие мѣста, которые они заняли*. — Геогр. Отрог горной цепи. — Анат. Разветвления кровеносных сосудов, нервов и т. п. — Мат. Часть кривой линии. 3. Отрасль какой-л. деятельности, сфера знания и т. п. *Всѣ такожде вѣтъви Философии составляют с нѣкоторого времени предмет желающих водворить доброе воспитание*. Дом. Леч. I 44. 4. Линия родства, поколение. *Королева от ненасытного своего любочестия молодшия вѣтъви бурбонского двора сильная и плодовитѣе не учинила, нежели какова есть старшая онога порасль*. СПб. 1735 775. ♦ Вѣтъви родословного древа. <Дворянин> *родился от благородных родителей, которые также может быть не больше его принесли пользы своему Отечеству как только умножили число бесплодных вѣтъвей своего Родословного древа*. ПД II 140. [СлРЯ XVIII 3: 77].

В диалектном языке сущ. *вѣтъвь* не представлено; распространены лексемы *ветка, вятка, вѣятка*. Согласно В. Далю [I: 334] эти дериваты имеют, помимо основного, еще ряд специфических значений: 'клин или ножка, чересполосный участок земли, вдавшийся узкой

полосой в чужие земли' (ряз.); 'однодеревочка, челночек; легонькая переносная долбушка; на Лене она сшивается из бересты' (сиб.); 'связка, низка' (новг.) и др.

Словари русского литературного языка, в основном, следуют за дефинициями Словаря XVIII в. См., например [МАС I: 157].

Возвращаясь к словообразовательной структуре деривата *вьтвь*, важно отметить, что в современном языке этот дериват демонстрирует изменение своей структуры: теперь его можно квалифицировать как **бессуффиксную лексему** с нулевой флексией.

Деривационный потенциал слова *вьтвь* невелик: в др.-рус. период *вьтвию* (собрив.); в среднерус. *вьтвию*, *вьтвенный* 'растущий на ветвях', *ветвяный* 'ветвистый' (о рогах оленя) [СлРЯ 2: 122–123]; *вьтвглавый* 'об оленях', *вьтвенный* 'то же, что ветвистый', *вьтвистый* 'имеющий много ветвей', *вьтвисто* нар. 'ветвисто', *вьтвяный* см. *вьтвенный*, *вьтвию*, *вьтвица* 'небольшая ветвь' [СлРЯ XVIII 3: 76–77];

Суффикс -в(а) (*-v(a)). В древнерусском языке рассматриваемый формант является традиционно деривативным компонентом трех лексем — *дѣва*, *дѣржава*⁴ и *стонава*. Согласно наблюдениям Ж. Ж. Варбот, производящими основами названных дериватов являются следующие: суффикс присоединяется к корню (*дѣва*), к основам на -ѣ- (*дѣржава*) и -а- (при настоящем времени на -je- (*стонава*)) [Варбот 1969: 124]. Как видно из этого списка, каждая из перечисленных лексем занимает свою особую нишу в семантическом пространстве русского языка на протяжении его истории: *дѣва* — это сущ. лица, *дѣржава* (*держжава*) — названия понятия или предмета, *стонава* — имя действия. Таким образом, здесь не просматривается общее словообразовательное значение; наличествует лишь общая глагольная мотивированность этих дериватов: *дѣва* (от *доити*), *дѣржава* (от *дѣржати*), *стонава* 'стон, стенание' (от *стенати* / *стонати*). В современном русском языке *дѣва* представляет собой традиционно-поэтическую

⁴ При словообразовательном анализе слова *дѣржава* я следую за теоретическими разработками Ж. Ж. Варбот и [ЭССЯ], хотя идея о связи *дѣржава* с сущ. **дѣржь* 'опора' + суфф. -*ава*, не зафиксированном как у Срезневского, так и в академических исторических словарях, все-таки может быть принята во внимание. Такой точки зрения придерживается, например, Н. М. Шанский. Ученый полагает, что *держжава* «производно от *дѣржа* 'владычество, могущество', суффикс образования (-j-) от той же основы, что и дерзкий: *zj > ж*» [Шанский, Боброва 2004: 10]. А. К. Шапошников полагает, что *дѣржава* первоначально представляет собой адъективное производное с суфф. -*ава*, переосмысленное позднее как существительное [Шапошников 2010 1: 218].

лексему; позднее появляется новое значение ‘немолодая девушка, не вступавшая в брак’ [МАС I: 374, 389]. Следует заметить, что *стонава* отмечена всего один раз в ЛИ ок. 1425, будучи вытесненной в среднерусский период синонимичными образованиями *стенание*, *стонание*, *стонъ* [СлРЯ 28: 41, 91]: *и абы Мьстиславъ шиибеса со с полкы ихъ и потопташа. середнии полкъ... и тако сматошася оубои и бы(с) матежь великъ и стонава* 204.

**Děva* (буквально: вскармливающая грудью) — прасл. образование от **dojiti*: ст.-слав. *дѣва* παρθένος *vigog* ‘дева, девушка’; болг. *děva*, макед. *děva* то же; с.-хорв. *djěva* то же; словен. *deva*, чеш. то же; словац. кн. *deva* ‘девушка’; полаб. *devǎ* ‘девушка’, ‘служанка’; польск. кн. стар. *dziewa* ‘дева’, диал. ‘девушка’; русск. диал. *děva* ‘ласковое обращение старших (обычно стариков) к девушке’, ‘обращение одной женщины к другой вне зависимости от возраста’ [ЭССЯ 5: 17–18; Vaillant 1974 IV: 709–710, Sławski 1979 III: 190]. Известно также прилагательное к **deva* — **devaja* ‘девственная’, часто выступающее в роли сущ.: *достойно похвалимъ върнии дѣвою въ истинуо паче слова бѣ слова въплътивъшоую*. Мин XII (июль), 113 об.

**Stonava* — прасл. образование от **stonati* [Варбот 1969: 77, 124].

Дѣва, согласно данным СДРЯ XI–XIV, в древнерусском языке представлена 305 раз. Основное значение, как уже отмечалось — это ‘не вступившая в брак девушка’: *Дѣвы не съмотрѣи еда како съблзаниши сѧ (παρθένον)* Изб 1076, 175; // девственница (о Богородице). (1096): *дѣво пр(ч)та неискоусна браку. боообрадована* ЛЛ 1377, 85.

В среднерусский период семантика этого слова остается неизменной. ‘Девушка’: *Тогда в церковь ихъ слабость бысть велия: жены и дѣвы во олтарь входяще*. Ав.Кн. бес., 274. 1675. Это же значение с вариациями демонстрирует язык XVIII в.: «Дева. Слав., поэт. Молодая незамужняя женщина: *Всякою со тщанием чинит, что лучше дѣвам ко веселию манит*. ЕОЛ 18. // Девственница: *Чужде есть матерем дѣвство, странно дѣвам рождение*. Дим. С. 1742, 8. Эти значения остаются актуальными и в современном русском литературном языке [МАС I: 374].

Происхождение слова **děva* от **dojiti*, постулируемое в исследовании Ж. Ж. Варбот и в ЭССЯ, разделяет также П. Я. Черных, подвергнувший производящий глагол (из и.-е. корня *dhē(i)*) в разных родственных языках скрупулезному формальному и семантическому анализу [Черных 1970 I: 260]. Тем не менее другие исследователи пробуют искать иные решения происхождения этого слова.

Приведем хронологически приуроченные словообразовательные цепочки:

XI—XIV вв. — *дѣвица* ‘не вступившая в брак, девушка’, *дѣвичи* ‘относящийся к *дѣвица*’, *дѣвичьскыи* ‘относящийся к *дѣвица*’, *дѣвичьство* ‘девственность’, *дѣвка* ‘не вступившая в брак, девушка’, *дѣвьство* ‘безбрачие’, *дѣвьствъникъ* ‘девственник’, *дѣвьствъныи* ‘девственный’ [СДРЯ III: 147–150];

XV—XVII вв. — *дѣвии* прилагат. к *дѣва*, *дѣвица* ‘то же, что *дѣва*’, *дѣвиченко* уменьш.-ласкат. от *дѣвица*, *дѣвический* прилагат. к *дѣвица*, *дѣвичество* ‘то же, что *дѣвьство*’, *дѣвичий* ‘девичий’, *дѣвичникъ* ‘девичник’, *дѣвка* ‘девушка, девочка’, *дѣвкинь* прил. к *дѣвка*, *дѣвовати* ‘быть девственницей’, *дѣволюбственный* ‘любящий девство, целомудрие’, *дѣвственникъ* ‘девственник’, *дѣвственничество* ‘безбрачие’, *дѣвственный* ‘девственный’, *дѣвьство* ‘девичество, безбрачие’, *дѣвьствовати* ‘пребывать в безбрачии’ [СлРЯ IV: 197–199];

XVIII в. — *дѣвии* ‘то же, что девичий’, *дѣвица*, *дѣвицынь* ‘то же, что девичий’, *дѣвичество* ‘относящееся к *дѣвице*, незмужнее положение’ *по-дѣвичи* нар., *дѣвичий* ‘то же, что *дѣвический*’, *дѣвишник* (-чик), *дѣвка*, *дѣвочка*, *дѣвственник* (-ица), *дѣвственный*, *дѣвственно*, *дѣвьство*, *дѣвьствовать* ‘оставаться целомудренной’, *дѣвушка* ‘незамужняя женщина’ [СлРЯ XVIII 6: 64–67];

XIX в. по наст. время — *девица*, *девический*, *девичество*, *девичий*, *девичник*, *девичья* (*устаревш.*) ‘комната для дворовых девушек в барских домах’, *девка*, *девочка*, *девственник*, *девственница*, *девственный*, *девство* (*устаревш.*), *девушка* [МАС I: 374–375];

СРНГ — *девий* ‘девичий’, *девик* ‘девичник’, *девить* ‘беседовать с дружкой’, *девица*, *девичий*, *девичить* ‘гулять в одиночестве’, *девичка* ‘девушка’, *девичник*, *девичницкий* ‘песня, которую поют на девичнике’, *девичность* ‘девичество’, *девичный* ‘девичий’, *девичур* ‘охотник поухаживать за девушками’, *девичье* собират., *девишка* ‘девочка’, *девища* ‘рослая, здоровая девушка’, *девка* ‘подставка на барках для вращающейся части весла’, *девкин* ‘сын, рожденный вне брака’, *девоваться* ‘дурачиться, шутить’, *девойка*, *девонька*, *девоня*, *девогчина* ‘группа девушек, взятых для отдачи замуж за рекрутов в прошлый год’ и нек. др. [СРНГ 7: 313–321].

**Dърѣва* — производное от глагола **dърzати*: ст.-слав. *държава*, *държава* κράτος, impregium ‘власть, сила, господство, держава’, болг. *държава* ‘государство’, ‘недвижимое имущество’ макед. *држава*

‘государство’, сербохорв. *држава* ‘владение, государство’, словен. *država* ‘состав, содержание’, ‘государство, держава’, чеш. *država* ‘владение, имение’, ‘государство, держава’, польск. *dzierżawa* и др. [ЭССЯ 5: 231].

Държава в древнерусских материалах отмечена 186 раз. В СДРЯ XI–XIV выделяется 3 значения; 1. Сила, могущество: *бъсовскоую държавоу раздроушиша` христовъмъ подобиемъ подающааго миръ и велию милость*. Стих 1156–1163, 72 об.; *державу смъртнюю раз(д)руши губительство попра* Пал 1406, 32г. 2. Правление, управление: (1177): *да подасть юму побъду на противны` и многа лъта съ княгынею. и съ блгородными дѣтьми. и мирну державу юму и цр(с)тво юго нынѧ и присно* ЛЛ 1377, 125 об. 3. Государство, держава: *не пръзрь бѣ в державъ нашей цркѡвъ вдовѡст(в)уюющъ. сиречь безъ еп(с)па и без (оу)чпнь` стѣхъ оцѣ*. КР 1284, 402г (запись).

Наблюдается расширение семантического спектра слова. Помимо уже отмеченных, в среднерусский период появляются такие значения, как ‘золотой шар с крестом наверху, служивший эмблемой власти’: *Шапку и животворящий крестъ возложили и скифетры и державы въ руки отдали, и стали пѣть многолѣтние*. ДАИ X, 39. 1682 г.; ‘удел, княжество, владение’: *Беглецовъ изъ мистровы державы у юрьевъскую державу не прымати, по крестъному целованью*. ГрНовг. и Псков., 135. XVI ~ 1474 г. В XVIII в. и в современном русском литературном языке, в основном, эти значения сохраняются [Сл XVIII 5: 103–104; МАС I: 389]. В [СОРЯ V: 263] выделено значение *при державе* ‘во время царствования, правления’: *Дьяланъ тотъ крестъ при державѣ блаженные памяти великого государя царя и великого князя Феодора Алексѣевича*. Сл.Каз. XVII в. Здесь же представлено слово *держава* в значении ‘издержки, траты’: *И марта въ 9 день послано к тебѣ друг мои с Лазоревым да с Василемъ Ертауловым пятдесят рублей и тех днгъ ни на какую державу держат не велено*. ИНРЯ. 67.

В отличие от слова *дева*, весьма скромно представленного в диалектном языке, слово *держава* демонстрирует широчайший круг значений: их выделено 12. Следует отметить, что семантика деривата *держава* кардинальным образом отличается от тех дефиниций, которые имеются в исторических словарях древне- и среднерусского периодов. Перечисление этих значений, представленных в СРНГ, необходимо для выявления тех семантических сдвигов, которые произошли с течением времени в народно-разговорном типе языка. Итак, вот эти значения: 1. ‘сила, крепость, прочность’; 2. ‘то, на чем что-л. держится, что является опорой для чего-л.’; 3. ‘основание для сети’;

4. ‘хозяин (двора, дома)’; 5. ‘тот, кто оказывает поддержку кому-л.’; 6. ‘то, за что можно держаться, ухватиться’; 7. ‘палка, которую держит меньший брат или родственник невесты при отправлении ее под венец’; 8. ‘простая или шелковая плеть, с которой «охраняет» невесту один из ее братьев’; 9. ‘расход, издержки, трата’; 10. ‘содержание, уход’; 11. ‘волость’; 12. ‘вотчина помещика при крепостном праве’. Приведенный материал позволяет сделать вывод о том, что на протяжении истории языка при сохранении исконной семантики мотивирующего глагола *държати* ‘держать, удерживать’ мотивированное слово становится все более конкретным и, если можно так выразиться, «мелким»: от державы¹ (‘мощного государства’) до державы² — ‘предмета, за который можно ухватиться’. Но такова семантическая история слова.

Лексема *държава* (*держава*) обладает значительным словообразовательным потенциалом. Приведем хронологически приуроченные словообразовательные цепочки:

XI–XIV вв. — *държавьливъ* ‘придерживающийся чего-л.’; *държавьно* ‘властительно, державно’; *държавнии* ‘сильный, могущественный’; *държавьнь* ‘властительно, державно’, *държавьньи* ‘сравнит. ст. к *държавьнии*’ [СДРЯ XI–XIV II: 37–138]; XV–XVII вв. — *державець* ‘правитель, властитель’, *державникъ* (*държавникъ*) ‘правитель, властитель’, *державница* (*държавница*) ‘женск. к *державникъ*’, *державно* (*държавьно* и *державнь*, *държавьнь*) ‘с властью, свойственной правителю, монарху’, *державный* (*държавьный*) ‘сильный, могущественный, царственный; независимый’, *державственный* ‘правительственный, официальный’, *державство* ‘государственная власть’, *державствовати* ‘править, властвовать’ [СлРЯ 4: 222–223];

XVIII в. — *державець* ‘властелин, государь’, *державный* ‘относящийся к верховной власти, наделенный верховной властью’, *державно* ‘властно’, *державность* ‘отвл. сущ. со значением прилагат. *державный*’; *державство* и *державствие* ‘правление, властвование’, *державствовать*, *державствующий*, *державствуемый* ‘быть верховным властителем, государем’ [СлРЯ XVIII 5: 103–104];

XIX в. до настоящего времени — *держава* ‘независимое государство, ведущее самостоятельную политику’, *державный* ‘обладающий верховной властью; владетельный, царственный’ [МАС I: 389]

СРНГ — *державец* ‘казак, выбранный станицей для наблюдения за порядком на багренье’, *державный* ‘обиходный, повседневный, обыденный’, *державушка* ‘о том, кто оказывает поддержку, помощь’, *державщик* ‘то же, что *державец*’ [СРНГ 8: 18–19].

А. Вайан обнаружил в ст.-слав. аналогичный дериват *кричава* от *кричати*, не подкрепив этот пример, к сожалению, соответствующим контекстом [Вайан 1952: 232]. Это слово с примером из Супрасльского сборника приведено в [ССЯ 2006 II: 66]: *кричава и тръзани мжжь и женъ въ градъныхъ стьгнахъ и междахъ* Супр. сб. 397, 11. В [ЭССЯ 12: 149–150] дериват не отмечен; внимание сосредоточено лишь на слове **kričь* ‘крик, гомон’, широко представленном как в славянских языках, так и в древне-, среднерусском и современных русских диалектах. Лексеме *кричь* уделено внимание как в исторических, так и в диалектных словарях русского языка. Приведем единичные примеры: *на позорищи вашемъ съдите беззлобно. да ни молвы в немъ ни крича ни вопля.* ПрЮр XIV, 263б. [СДРЯ IV: 299]; (1445): *И бѣ по волости изъѣжа велика и боры частыя, кричь, рыдание и вопль.* Новг. I лет., 425. [СлРЯ 8: 60]; *кричь кричать* [Даль II: 195]; *крич крикнуть* Ряз 1852 [СРНГ 1979 15: 261]. Материал, приведенный выше, может способствовать корректному выяснению происхождения деривата *кричава*. В этом вопросе конкурируют две точки зрения. Первая связана с идеями о мотивирующей связи *кричь* и *кричава* (*крич* + суффикс *-ава*). Вторая — с мотивацией *кричава* глаголом *кричати* (*крича* + суффикс *-в(а)*). Аналогичная ситуация, как это было показано выше, наблюдается в отношении вопроса о происхождении слова *держава*. Можно, конечно, полагать, что обе теории имеют право на существование, они вполне вписываются в историю отношений слов *держъ*, *держати*, *держава* и *кричь*, *кричати*, *кричава*. Но, если следовать рассуждениям Ж. Ж. Варбот, то вторая точка зрения представляется более обоснованной, она построена на принципе более частотного использования в качестве производящих для суффиксальных имен (в частности, с суф. *-ва*), глагольных основ с **-ѣ*-основами, которые после первой палатализации заднебных стали основами на *-а*- [Варбот 1969: 128].

В заключение приведем статью *кричава* из [СлРЯ 8: 59]. Здесь документировано 2 примера, один из них из СБУ XII в. Кстати, возникает вопрос, почему такой статьи нет в СДРЯ: названный источник входит в круг интересов составителей этого словаря.

Итак, *кричава* ‘крик, вопль’: [*Иродъ*] ... *бещадѣ сътвори...егда кричава и търъзание мужь и женъ в градъныхъ стѣнахъ и въ межсахъ и оцемъ и мѣрьмъ сущемъ и зъло просящемъ о младыхъ чадѣхъ неиспъчении*. Усп. сб. XII, 331; *Гласы кричавы твояа крѣмьници твои страхомъ убоятся*. Библия. Генн. 1499 г.

Таким образом, словообразовательный тип с суффиксом *-ва* представлен не тремя, а четырьмя словами. С полным основанием сюда относится и дериват *кричава*.

Рассмотренные в статье праславянские мотивирующие глаголы являются бесприставочными, и их категориальная семантика не осложнена семантикой префиксов. Тем более прозрачными оказываются мотивационные отношения между глаголами *вити*, *доити*, *держати*, *кричати* и словами *ветвь*, *дева*, *державна*, *кричава*.

ЛИТЕРАТУРА

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 446 с.

Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. М.: Наука, 1969. 231 с.

Виноградов В. В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Госиздат. 1956. Т. I–IV.

Крысько В. Б., Хок В. Мучение Ирины. Византийское житие в старославянском переводе. М., СПб.: Нестор-История. 2021, 344 с.

МАС — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1961. Т. 1–4.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Русский язык, 1988–. Т. 1–.

СЛРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Вып. 1–.

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. СПб. 2004–. Вып. 1–.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М., Л./СПб. 1965–. Вып. 1–.

СРЯ — Словарь русского языка XVIII в. / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л./СПб. 1984–. Вып. 1–.

Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1–3.

СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.

ССЯ — Словарь старославянского языка: репринтное издание. СПб, 2006. Т. 1–4.

Супр. сб. — Супрасълски или Ретков сборник / Сост. Й. Заимов, М. Капалдо. София, 1983. Т. 1–2.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. 1–2.

Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. М., 2004.

Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка. М.: Флинта. Наука. 2010. Т. 1–2.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М., 1974. Вып. 1–.

Sławski 1979 — Słownik prasłowiański/ Pod red. F. Sławskiego. Т. 3. Wrocław. 1979. S.190.

Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves*. Paris. 1950–1966. Т. 1–3.

Н. Я. Козел, *Москва*
Московский государственный педагогический университет
k_nata17@mail.ru

О ТАКТИКЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДИМИНУТИВОВ В ПРОЗЕ С. ДОВЛАТОВА

Объектом данного исследования являются экспрессивно-уменьшительные образования в художественной прозе С. Довлатова. Рассматриваются субъективно-оценочные смыслы диминутивов в границах выделенных тематических групп. Подробно анализируются диминутивы из группы бытовой лексики — названия вещей или деталей одежды — в условиях единотекстового/единоконтекстного их функционирования с мотивирующими словами. Делается вывод, что авторская тактика употребления диминутивов в паре с мотивирующим словом связана, в частности, с реализацией архетипического мотива превращения у Довлатова, и в целом отвечает идейно-художественным задачам его произведений.

Ключевые слова: словообразование, мотивирующее слово, мотивированное слово, диминутивы, экспрессивность, субъективная оценка, тактика текста.

В научных трудах Валентины Николаевны Виноградовой, посвященных стилистике русского словообразования, отдельные языковые единицы — словообразовательные мотивированные модели, в том числе образования с экспрессивно-уменьшительными суффиксами, — рассматриваются «с точки зрения их функций, целей их употребления, предназначения, особенностей их функционирования в тексте» [Виноградова 2012: 293]. «Стилистика текста, — подчеркивает В. Н. Виноградова, — также не может не основываться на стилистике единиц, ибо это один из главных критериев разграничения видов текста (разумеется, изучение текста как целого имеет и свои специфические задачи)» [там же]. Такой подход чрезвычайно плодотворен с позиций изучения тактики — комплекса языковых и речевых приемов построения текста, создающих дополнительные смыслы (конструктивно-семантические, субъективно-оценочные), которые анализируются в коммуникативной грамматике, принципиально определяющей, что «только через текст разные языковые

единицы обнаруживают свои сущностные свойства» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 517].

Предметом внимания в данной статье является тактика употребления диминутивов в прозе Сергея Довлатова. В довлатовской прозе исследователи справедливо видят продолжение двух основных для русской классической литературы традиций изображения человека: «маленького» и «лишнего» человека с мятущейся душой [Выгон 1994; Ремизова 1994]. Главные герои произведений Довлатова — это одиночки, остро ощущающие абсурдность мира, но не обладающие талантом, силами и зачастую желанием его преобразовывать. В общем, действительно обыкновенные «маленькие» люди», будь то, например, автопсихологический персонаж Довлатова из сборника «Чемодан» или «другой», не имеющий биографического сходства с автором, такой как филолог Красноперов из повести «Иная жизнь».

Но Сергея Довлатова вряд ли можно причислить к авторам, в чьем художественном творчестве отмечается обилие слов с уменьшительно—ласкательными суффиксами. Личное отношение к определенной группе из таких уменьшительных образований, в которых чувствуется желание «не натолкнуться на отказ», «самоуничужение как своего рода инстинкт самозащиты» [Золотова 1985: 69], он, кстати, высказал в известном фрагменте критической статьи «Это непереводаемое слово — “хамство”»:

<...> и вот иду я по мирной и родной своей улице Рубинштейна в Ленинграде, захожу в гастроном, дожидаясь своей очереди, и тут со мной происходит что-то странное: я начинаю как-то жалобно закатывать глаза, изгибать широкую поясницу, делать какие-то роющие движения правой ногой, и в голосе моем появляется что-то родственное фальцету малолетнего попрошайки из кинофильма «Путевка в жизнь». Я говорю продавщице, женщине лет шестидесяти: «Девушка, миленькая, будьте добреньки, свесьте мне маслица граммчиков сто и колбаски такой, знаете, нежирненькой, граммчиков двести...» И я произношу эти уменьшительные суффиксы, изо всех сил стараясь понравиться этой тетке, которая, между прочим, только что прикрепила к своему бидону записку для своей сменщицы, что-то вроде: «Зина, сметану не разбавляй, я уже разбавила...», и вот я изгибаюсь перед ней в ожидании хамства, потому что у нее есть колбаса, а у меня еще нет, потому что меня — много, а ее — одна, потому что я, в общем-то, с известными оговорками, — интеллигент, а она торгует разбавленной сметаной...

И так же угодливо я всю жизнь разговаривал с официантами, швейцарами, водителями такси, канцелярскими служащими, инспекторами домоуправления — со всеми, кого мы называем «сферой обслуживания». Среди них попадались, конечно, милые и вежливые люди, но на всякий случай изначально я мобилизовывал все уменьшительные суффиксы, потому что эти люди могли сделать мне что-то большое, хорошее, важное, вроде двухсот граммов колбасы, а могли — наоборот — не сделать, и это было бы совершенно естественно, нормально и безнаказанно.

В художественной прозе Довлатова из тематических групп слов с уменьшительными суффиксами встречаются имена близких, знакомых рассказчику людей или даже второстепенных персонажей, далеко не всегда «положительных», но и «антигероев» — ловкачей, доносчиков, карьеристов (*брат Левушка, Андрюша Черкасов, Васька Рябов, Лидочка Агапова, Шурик Богуславский*).

Отдельно стоит отметить слово *черточка* (в значении какого-либо качества, отличительного признака), звучащее в характеристиках лиц с неизменно доброй, «одушевленной» иронией, с «человечинкой», как говорил сам Довлатов:

В каждом из местных научных работников заявляла о себе его характерная черточка. Кто-то стягивал на груди фантастических размеров цыганскую шаль. У кого-то болталась за плечами изысканная соломенная шляпа. Кому-то достался нелепый веер из перьев («Заповедник»); Возвышенная трактовка... Черточки романтической приукрашенности... (там же); Ещё мне импонировала в нем черточка ленивого барства («Ремесло»).

Узнаваемой довлатовской иронией проникнуты и диминутивы с образным значением в философски-отвлеченных, оценочных контекстах, содержащих развернутые метафоры:

Шло время. Серебристый ручеек инициативы орошал бесцветные пространства человеческой косности («Ремесло»); Но снова дымок беспокойства легко растаял в обширном пространстве его усталости и тоски («Дорога в новую квартиру»).

Уменьшительно-ласкательные слова появляются также, когда речь идет о женщинах, детях и животных — обо всех, кто слабее и беззащитнее:

Я увидел мои грубые башмаки и легкие Тасины сапожки («Филиал»); 23 декабря 1981 года в Нью-Йорке родился мой сынок («Заповедник»); Все же семья, дети... Старшему уже четыре годика («Компромисс»); Катя готовит уроки. Фокстерьер Глафира, похожая на берёзовую чурочку, сидит у её ног и думает обо мне («Ремесло»); Пришел я однажды к Бродскому с фокстерьером Глашей. Он назначил мне свидание в 10.00. На пороге Иосиф сказал: — Вы явились ровно к десяти, что нормально. А вот как умудрилась собачка не опоздать?! («Записные книжки. Соло на ундервуде»).

И все же в целом наиболее заметны у автора диминутивы из группы бытовой лексики — обозначения предметов быта, вещей (одежды), пищи, напитков:

Я натянул брюки и теннисную рубашку. Кинул в чемоданчик темные очки, полотенце и сборник рассказов Бабеля («Филиал»); Человек в нейлоновой рубаше подошел к столу. Вынул из кармана баночку сардин («Иная жизнь»); Надя рассмеялась в ответ и говорит: — Мне водки капелюку, а то я ноги промочила («Ослик должен быть худым»); Синтетическая курточка на молнии — шуришит («Компромисс»).

Особенно интересно, на наш взгляд, что через образ вещи, предмета или отдельной детали одежды в художественном мире Довлатова, изображающем странность повседневной жизни и проникнутом идеей абсурдной действительности, нередко реализуется «архетипический мотив превращений» [Орлова 2010: 20]. В этом смысле и вещь, с которой порой происходят причудливые перемены, метаморфозы, в авторской поэтике оказывается «уменьшенным образом мира» [Качеревская, Валюлис 2011: 95]. В рамках данной статьи рассмотрим далее, как мотив превращений вещи раскрывается через один из тактических приемов автора, в котором ярко проявляются экспрессивные возможности диминутивов, употребленных в едином тексте/контексте с производящими словами, то есть в словообразовательной паре *мотивирующее — мотивированное*.

Так, например, в повести «Иная жизнь» любопытен эпизод, где автор использует уменьшительное образование *пуговки* и мотивирующее слово *пуговицы*. Сюжет повести построен на соединении элементов разных миров — этого, своего, родного, и иного, чужого, который открывается перед филологом Красноперовым в Париже, куда он летит для работы с архивами Бунина, на хаотичном переплетении

реалистических эпизодов с ирреальными — элементами сна, воображения, образов подсознания главного героя, мучительно ищущего ответ на вопрос о смысле жизни, о том, «что останется», когда его не будет. Ощущение жизни как хаоса, экзистенциальное неверие в ее смысл передается в тексте через нарушенные причинно-следственные связи, игру с фантомами, аллюзиями, через присутствие двойников, метаморфозы — все то, что характерно для литературы абсурда, прежде всего для произведений Даниила Хармса.

Вещный мир активно вовлечен в этот процесс познания. Материальное тяготит человека в его стремлении постичь ценность человеческой сущности, но полный отказ от него невозможен и забота об этой, бытовой стороне жизни неизбежна. Предметы и детали одежды, вещей становятся в повести средствами передачи разобщенности людей в мире, отстраненности друг от друга. Описывая двойников Красноперова, автор упоминает цилиндр, галифе и белые парусиновые тапки (своего рода намек на готовность к уходу из жизни) у одного из них — Малафеева, приставленного в Париже к главному герою в качестве «партийной совести». Между прочим, вещный образ белых *пуговиц* (сначала речь идет о пуговицах на нейлоновой рубашке, купленной в парижском универмаге), впервые упоминается именно в микроглаве 12 «И дыма не осталось» о самоубийстве «партийной совести», где двойник главного героя Малафеев, быстро пообедав баночкой сардин в томате, пытается бензином смыть с рубашки пятно:

Сначала исчезло пятно. Вслед за этим начисто растворилась сорочка. И только пуговицы отвратительной белой горкой лежали на дне.

В эти же мгновения перед Малафеевым, которому надоело контролировать Красноперова, успевает явиться вся жизнь, «полная разочарований, мерзости и кошмара»; он сознательно роняет горящую спичку в бензин и лишает себя жизни, взорвавшись в кабинке туалета. Абсурдные обстоятельства сгоревшей в «иной жизни» совести усиливают трагическое мироощущение.

При Красноперове появляется новый шпион в подчеркнуто советском костюме — в пожарном шлеме, тельняшке и гимнастических штанах — и вынуждает главного героя улететь домой, в Ленинград.

Красноперов увидел другой мир, но тайны его не постиг: этот мир оказался для него тоже миром разрушенной логики. Он тащит

по набережной Фонтанки тяжелый чемодан, возвращаясь из иной жизни, от «веселых устриц» и «тихого шепота» Софи Лорен в свою натуральную среду, в «заваленную книгами берлогу» и привычные материальные заботы, о которых идет речь в микроглаве 26 «Чуть подробнее»:

Заботы в жизни Красноперова принимали нередко фантастический, даже безумный характер. Однажды наш герой приобрел себе кальсоны. Заурядные румынские кальсоны фирмы «Партизан». Казалось бы, ну что особенного? Голубые кальсоны с белыми пуговицами. И сначала все было хорошо. Но затем, в ходе стирки, пуговицы утратили форму. Филолог маникюрными ножницами подровнял их края. Очередная стирка — новое разочарование. Пуговицы вновь стали неровными, как блины. Красноперов их снова постриг. Наконец пуговицы смылись окончательно. И тогда Красноперов был вынужден пришить себе новые, железные, от сохранившейся армейской гимнастерки. Что стоило ему немалых трудов.

В этом художественном фрагменте, погружающем в бытовые заботы «маленького человека», возникает диминутив *пуговики*, причем порядок употребления его и мотивирующего слова в паре *пуговики* — *пуговицы* придает особый смысл происходящей метаморфозе: уменьшительно-ласкательное образование сменяется мотивирующим словом тогда, когда называются внешние негативные изменения (превращения), приводящие с каждой стиркой к порче — деформации, к постепенному абсурдному исчезновению этой детали одежды и, наконец, к не менее странному стилевому «переодеванию» — вынужденной замене пуговиц на нательном белье новыми, железными пуговицами от армейской гимнастерки. Не случайно также, что после единственного в этом фрагменте уменьшительного образования *пуговики* автор использует слово *пуговицы* в очень выразительном здесь приеме градации — троекратном повторе с усилением результата, который дополнительно акцентирует внимание на абсурдных поворотах сюжета: *пуговицы утратили форму* — *пуговицы стали неровными* — *пуговицы смылись окончательно*. Символично при этом, что в результате на кальсоны, хоть и заурядные, но импортные, герой пришивает застежки от отечественной одежды.

На смену гармонии, где естественно и аккуратно выглядят белые пуговики на голубых кальсонах, приходит хаос, который воплощают деформированные пуговицы, а затем и железные на нательной

одежде. Авторская тактика употребления в тексте пары *пуговики* — *пуговицы* отражает его художественную стратегию, идейный замысел: одиночество Красноперова есть следствие понимания мира как хаоса, абсурда, следствие неумения принять иной, другой мир как не менее реальный, чем свой, привычный, — мир его обыденной ленинградской жизни. Не сумев открыть тайну человеческой личности, плутая в лабиринтах своего сознания и подсознания, «маленький» человек Красноперов остается непостижимой загадкой для себя самого.

Если в ранней повести «Иная жизнь» главный герой пытается что-то изменить в условной реальности, то автобиографический цикл «Чемодан» — одно из центральных произведений довлатовской прозы — уже про «постепенное принятие абсурдности мира» [Баранов 2022: 269]. В нем писатель рисует своеобразный портрет лирического героя на фоне вещей и времени. Каждый из восьми рассказов назван именем вещи, и сквозным образом каждого произведения, входящего в сборник, является предмет одежды из чемодана главного героя, который он взял с собой, покидая Родину: «креповые финские носки», «номенклатурные полуботинки», «приличный двубортный костюм», «офицерский ремень», «куртка Фернана Леже», «поплиновая рубашка», «зимняя шапка», «шоферские перчатки». Все эти вещи пришли к довлатовскому лирическому герою извне, они не нажиты личным их приобретением и появились случайно, иногда вопреки логике развития сюжета. Как заметил в одном из писем сам автор, происхождение каждого из восьми предметов одежды является «по идее <...> уникальным: фарцовка, кража, подарок <...>, театральные реквизит и заграничная посылка» [Довлатов — Ефимов 2001: 348].

«В таком порядке, как они расположены у Довлатова, вещи словно воссоздают — снизу вверх — образ человека без самого человека, «иноформу» человека. От рассказа к рассказу, по мере развития сюжета, эта форма заполняется содержанием. Сделав точкой отсчета вещи из чемодана, герой-повествователь дает нам возможность увидеть эти вещи с новой и неожиданной точки зрения» [Качеревская, Валулис 2011: 95]. Довлатов и тут традиционно не увлекается диминутивами. Примечательно, что образования с уменьшительными суффиксами он использует только к одному из названий предметов одежды, сложенных в его чемодан, — к головному убору в рассказе «Зимняя шапка», и здесь мы наблюдаем характерное для идиостиля автора соотношение диминутивов с мотивирующим словом: слово

шапка встречается 16 раз, по количеству повторов оно явно превосходит уменьшительное образование *шапочка*, на долю которого приходится всего 4 примера. Однако на фоне многократных повторов мотивирующего слова довлатовские тактика и стратегия употребления диминутива вновь очень интересны тем, как и зачем уменьшительное *шапочка* используется в тексте.

Шапка — сквозной образ этого рассказа, пара *шапочка* — *шапка* создает кольцевую композицию произведения. Начинается все с лыжной *шапочки*:

С ноябрьских праздников в Ленинграде установились морозы. Собираясь в редакцию, я натянул уродливую лыжную шапочку, забытую кем-то из гостей. Сойдет, думаю, тем более что в зеркало я не глядел уже лет пятнадцать.

Чужая на этот момент шапочка по вполне утилитарным соображениям подходит рассказчику, которому безразличен его внешний вид. Уменьшительный суффикс *-к-* участвует в обозначении простой, неприязательной вещи, которую к тому же сам автопсихологический персонаж считает уродливой, нелепой. *Шапочкой* эта вещь остается и тогда, когда рассказчик, потрясенный известием о самоубийстве машинистки Раи, уходит из редакции с «ее железными принципами, фальшивым энтузиазмом, неосуществимыми мечтами о творчестве» и отправляется в гостиницу «Советская» в компании с братом Борисом и тремя дамами. В эпизоде, где рассказчика просят проводить одну из дам — Риту — до аэропорта, становится очевидно, что лыжная шапочка довлатовского персонажа и дубленка Риты — это противопоставление двух разных стилей жизни (с заметной аллюзией на «Аристократку» М. Зощенко):

Я натянул свою лыжную шапочку. Рита облачилась в дублёнку. Мы спустились в лифте и подошли к остановке такси.

Начинало темнеть. Снег казался голубоватым. В сумерках растворялись неоновые огни.

Мы были на стоянке первыми. Рита всю дорогу молчала. Произнесла одну-единственную фразу:

— Вы одеваетесь, как босяк!

Я ответил:

— Ничего страшного. Представьте себе, что я монтер или водопроводчик. Аристократка торопится домой в сопровождении электромонтера. Все нормально.

Именно в этой части сюжета лыжная шапочка из чужой для автопсихологического персонажа Довлатова становится по-настоящему *своей*, актуализирующей положительную коннотацию этого уменьшительного образования. Тут же, когда случается потасовка с уличными хамами, попытавшимися перехватить такси, рассказчик, давая им отпор, мстит «за все свои обиды». В обидах соединилось все: «Рая, газетная поденщина, нелепая лыжная шапочка» и «любовные успехи» его брата Бориса. *Лыжная шапочка* метафорически воплощает протест против мещанской реальности, где внешнее противопоставляется внутреннему, материальное — духовному (вспомним, что позднее, в трампункте, роскошная дубленка Риты произвела «необходимое впечатление», чтобы ее обладательница без очереди смогла провести пострадавшего к врачу).

Характерно, что в следующем эпизоде чувствуется совмещение точек зрения: рассказчик уже после драки иронически смотрит на себя со стороны глазами Риты. Для «аристократки» в этой ситуации он, рыцарски бросившийся защищать ее от хулиганов, на какое-то время из антигероя-неудачника превращается в героя, а *шапочка* — в *шапку*, о чьей потере поэтому сообщается нарочито официально, даже торжественно:

Мы снова ехали в лифте. Одежда моя была в грязи. Лыжная шапка отсутствовала. Ссадина на щеке кровоточила.

Рита обнимала меня за талию. Я попытался отодвинуться. Ведь теперь я её компрометировал по-настоящему. Но Рита прижалась ко мне и шепотом выговорила:

— До чего ты красив, злодей!

События следующего дня (снова встреча со старшим братом Борисом, покупка телевизора, посещение шашлычной, ресторана, бара и т. д.), после того как рассказчик остался без *лыжной шапочки*, так или иначе сопровождаются передачей ему других *шапок*, то есть связаны с ситуациями переодевания, подмены — распространенным вариантом реализации мотива превращений у Довлатова. Зимний головной убор из лыжной шапочки, уродливой и нелепой, «героически» трансформируется в котиковую шапку.

Сначала это поношенная шапка Бори, брата рассказчика:

Мы встретились с братом на Конюшенной площади. Он был в потертой котиковой шапке. Достал из кармана солнечные очки. Я говорю:

- *Очки не спасут. Дай лучше шапку.*
- *А шапка спасет?*
- *В шапке хоть уши не мерзнут.*

Боря, «благородно» спасая от холода брата, принимает решение, что они будут носить шапку по очереди:

Заходя в очередной ресторан, Боря протягивал мне свою шапку. Когда мы оказывались на улице, я ему эту шапку с благодарностью возвращал.

Обратим внимание на важную деталь: получая котиковую шапку от Бори в помещении, рассказчик не надевает ее, а лишь держит в руках. «Своей», как это произошло с нелепой и уродливой лыжной шапочкой, она для него не стала, — знак того, что, несмотря на кровное родство, Борис и автопсихологический персонаж Довлатова всё-таки по духу разные люди. Символично, что разбитую левую сторону лица рассказчик, сидя за стойкой бара, прикрывает не шапкой, а маской Буратино, купленной тем же Борисом в театральном магазине. Маску, как и лыжную шапочку, довлатовский герой называет «довольно уродливой».

Следующей (тоже котиковой) шапкой оказывается совершенно новая, трофейная, сташенная Борей с «какого-то богатыря» во время драки в подворотне. Подмену Боря объясняет так:

— Я ему дал по физиономии. И он мне дал по физиономии. У него свалилась шапка. И у меня свалилась шапка. Я смотрю — его шапка новее. Нагибаюсь, беру его шапку. А он, естественно мою. Я его изматерил. И он меня. На том и разошлись. А эту шапку я дарю тебе. Бери.

К финалу рассказа становится ясно, что зимняя шапка в этом рассказе как предмет одежды внешне качественно эволюционирует от убогой, нелепой лыжной шапочки к совершенно новой котиковой шапке. Однако в предисловии к сборнику «Чемодан» не случайно сказано, что материал, из которого сделана эта новая шапка, фальшивый: «Слева — зимняя шапка из фальшивого котика». Кроме того, там же рассказчик сообщает, что после эмиграции он так и не открывал чемодан, то есть все вывезенные вещи, в том числе и новая котиковая шапка, ему негодились. Так, по наблюдению Е. Н. Егоровой, «актуализируется смысл псевдопревращения, негативная коннотация остается прежней» [Егорова 2018: 208]. Зимний головной убор —

одна из нескольких вещей чемодана, дорожного предмета, символизирующего одиночество, неприкаянность «маленького» и «лишнего человека» по Довлатову. Пара *шапочка* — *шапка* воплощает в рассказе всю драматическую сложность существования смысловой оппозиции *свое* — *чужое* для довлатовского лирического героя, ведь реальный мир действительно сложнее любой бинарности, отражающей его якобы четкую структуру: часть своего, душевно близкого (своей, личной стала-таки для него шапочка), пусть неказистого по форме, но искреннего по сути, он теряет (как теряется в драке лыжная шапочка) в том родном сердцу месте, которое покидает навсегда, чужое — в котиковых шапках — то фальшивое окружение, от которого и в эмиграции по-прежнему «тошно».

Таким образом, своеобразное использование словообразовательной пары — диминутивов и мотивирующих их слов в условиях единого, общего для них текста (в том числе контекстное их варьирование, предпочтение мотивирующего или мотивированного) является эффективным тактическим приемом, ярко передающим разнообразные субъективно-оценочные, экспрессивные значения уменьшительных образований и — шире — способствующим реализации ведущих мотивов, смысловых доминант, которые определяют художественную картину мира Сергея Довлатова.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов Д. К. Роль цикла «Чемодан» в эволюции поэтики С. Д. Довлатова // Русская литература. 2022. № 4. С. 261–271.

Виноградова В. Н. Система русского словообразования в функционально-стилистическом аспекте. М., 2012. 336 с.

Выгон Н. С. Проза С. Довлатова. К вопросу об эволюции героя в русской прозе XX века // Научные труды Моск. пед. гос. ун-та им. Ленина. Сер.: Гуманитарные науки. М.: 1994. Ч. 1. С. 18.

Довлатов Сергей — Ефимов Игорь. Эпистолярный роман / Сергей Довлатов, Игорь Ефимов. М., 2001. 464 с.

Егорова Е. Н. Вещь как ключ к воспоминанию (культурно-семантический анализ произведения «Чемодан» С. Д. Довлатова // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 200–210.

Золотова Г. А. Как быть вежливым? // Русская речь. 1985. № 5. С. 67–74.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 528 с.

Качеревская О. С., Валюлис С. А. С. Довлатов. Цикл рассказов «Чемодан»: онтология и поэтика вещей // Русистика и компаративистика. 2011. Вып. 6. С. 92–102.

Орлова Н. А. Архетипический мотив превращения в прозе С. Довлатова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 2. С. 39–42.

Ремизова М. Компромисс с абсурдом // Независимая газета. 1994. № 123. С. 7.

doi:10.31912/anniversary_vinogradova_106-117

ОПЫТ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ СЕМАНТИЧЕСКОГО МЕТАЯЗЫКА ОПИСАНИЯ КОННОТАЦИЙ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ «РУССКОЙ ГРАММАТИКИ» 1980 ГОДА)

Ставится задача инвентаризации элементов семантического метаязыка, используемого в академической «Русской грамматике» (1980) для описания коннотаций производных слов, описываемых в разделе «Словообразование» этой грамматики. Во вводном разделе задаётся понятие коннотации; описываются основные классы коннотаций и даётся очерк структуры словарной статьи в 5 приводимых указателях. Основной раздел включает 5 указателей коннотаций: уточнителей, терминов, прилагательных, помет и элементов таксономии.

Ключевые слова: русский язык, словообразование, коннотация, семантический метаязык, предметные указатели, семантические указатели.

0. Введение

0.0. Настоящая работа посвящена проблемам инвентаризации элементов того семантического метаязыка, с помощью которого в книге РГ 1980 описываются коннотации значащих (двусторонних) единиц русского языка, входящих в словообразовательные отношения¹.

0.1. Вкратце поясним объём понятия коннотации. Под коннотациями² понимаются (вслед за Ю. С. Масловым) «со-значения» или «добавочные» элементы значения, т. е. «эмоциональные, экспрессив-

¹ Основным видом коннотаций являются стилистические, которым посвящена книга [Виноградова 1984].

² Содержательно коннотации приблизительно соответствуют тем компонентам значения, которые называются (в других терминологических системах) «стилистическими», «прагматическими», «ассоциативными», «социальными» или «экспрессивными».

ные, стилистические «добавки» к основному значению, придающие слову особую окраску»³.

Коннотации — широкое понятие, охватывающее несколько классов. Напр.⁴:

1. Экспрессивные (эмотивные, оценочные), включая
 - 1а. положительно-оценочные (*ласкат.*),
 - 1б. пейоративные (неодобрит., пренебрежит., уничижит.) и
 - 1в. игровые (людические) (шутл., иронич.);
2. Семантические (эстетико-функциональные): *пряма., перен.*
3. Социальные. В т. ч.:
 - 3а. Ситуативные.
 - 3а'. Этикетные: *вежл., груб., грубоват.*
 - 3а''. Стилистические (нейтр. vs. окрашенные) В т. ч.:
 - 3а". а. Продуктивно-перцептивные: *устн., письменн.*
 - 3а''. б. Ситуативно-коммуникативные: *разг., обиходн.; выступл., книжн.*
 - 3а''. г. Жанровые: *художеств., спец., литература, фольклор, афоризмы*
 - 3а". г'. Субжанровые: *поэтич. (поэзия), прозаич. (проза), народно-поэтич., песня народная, сказки, публицистика, газеты (газ.), журналы (журн.),*
 - 3а''. д. Регистровые: *сниженн., фамильярн., непринуждённ., неофиц., офиц., высок.*
 - 3б. Стратификационные. В т. ч.:
 - 3б.а. Территориальные (региональные): *диалектн., обл.*
 - 3б.б. Профессиональные и ремесленные: *проф., дел., спец., терминологич., научн., спорт., технич., научно-технич.* (а также более частные: *с.-х., мед., естественнонаучн., воен., физ., хим., зоол., бот., муз., театр., церк., шахм., ...*).
 - 3б.в'. Субкультурные: *актёров, охотн., лётчиков, медиков, моряков, спортсменов, студентов, танцоров, футболистов, шофёров...*
 - 3в. Нормативные (регулятивные): *прост., язык литературный*
4. Диахронические (поколенческие): *устар., архаичн., нов., окказ.*
- 4а. Возрастные: *детск.; обращенная к детям*

³ [Маслов 1987: 91].

⁴ Так как цель настоящей статьи — именно **инвентаризация** коннотаций, а не их классификация, то приводимая в данной статье классификация носит лишь рабочий и сугубо вспомогательный характер. Т. о., она не претендует на логичность, стройность или последовательность.

0.2. Попробуем вкратце очертить наиболее типичную (каноническую) логическую структуру метаязыкового высказывания русиста, описывающего такие коннотации.

В первом приближении оно состоит из трёх логических компонентов:

(1). Первый компонент указывает на ту языковую единицу, коннотация которой описывается в грамматике. А именно, такими единицами являются прежде всего (1а) производные (мотивированные) слова; (1б) словообразовательные средства; и (1в) исходные (мотивирующие) слова.

Практика показывает, что чаще всего реализуется случай (1а), то есть в качестве такой единицы выступает мотивированное слово.

(2). Второй компонент указывает на семиологическое отношение («выражает», или, в конверсивном варианте, наоборот, «выражается») между данной единицей и той коннотацией, которая ей приписывается.

(3). Третий компонент указывает на ту разновидность речевых произведений (или ту сферу функционирования языка), где обычно встречается данная единица.

Типовая структура этого третьего компонента такова:

(3а) термин (обычно субстантивный), обозначающий сферу речевой деятельности («речь»), её результат («текст», «литература») или языковую подсистему, используемую в ней («терминология», «термины»);

(3б) термин (обычно адъективный), обозначающий коннотацию («разговорный», «книжный», «фамильярный», «художественный» и т. п.).

Цифры индексов отсылают к параграфам (а не страницам!) с 191 по 1111 книги РГ-1980, т. е. к тому разделу, который посвящён описанию словообразовательной системы современного русского языка⁵. Выбор именно такого диапазона обусловлен стремлением придерживаться выбранной темы.

Индексы построены по гнездовому принципу. В заголовке гнезда (полужирным шрифтом) даётся стержневая идея. Идеи бывают про-

⁵ См. [Лопатин, Улуханов 1980].

стые (однословные) и составные. Составная идея отличается от простой тем, что в её составе присутствует некоторый «уточнитель».

В субстантивных индексах (№№ 1, 2, 5) отношения между «стержневой» идеей и её «уточнителем» — это гипонимия и партонимия:

(а) стержневая идея обозначает некоторую «сущность» (ближайшая родовая идея) («genus proximum»), а «уточнитель» — «отличительный признак» («differentia specifica»). Например: стержневая идея — «речь», а уточнители — «разговорная» и «книжная». Таким образом, на множестве идей задаются родо-видовые (гипонимические) отношения: «речь» выступает в роли гиперонима, а «разговорная речь» и «книжная речь» — в роли его гипонимов. В таком индексе родо-видовая иерархия передаётся значком «тильда» («~»).

(б) стержневая идея обозначает некоторое «целое» (totum), а «уточнитель» — «параметр» или «часть» (pars) или «атрибут» или «аспект» этого целого. Например, стержневая идея — «терминология», а «уточнитель» — это «сфера» и т. п. Таким образом, на множестве идей задаются партонимические отношения: идея «терминология» выступает в роли «тотонима» (наименования целой сущности), а идея «сфера» и т. п. — как «партоним», то есть наименование части этого целого. В индексе такая партонимическая иерархия задаётся значком «чёрный ромбик» («◆»).

В адъективных индексах (№№ 3, 4) стержневыми идеями служат адъективные термины, а в квадратных скобках задаётся их сочетаемость с субстантивными. В этом случае значок тильды («~») обозначает повтор стержневого прилагательного в составе комплексной идеи.

1. Субстантивные термины в составе комплексных идей, сочетающиеся с коннотативным уточнителем

названия неофициальные 306,
460–461; ~ новые 483;
~ обиходные 306, 460–461;
~ прост. 230;
~ уничижительные 433;
~ устарелые 545, 555

наименования неофициальные 293;
~ официальные 393;
~ экспрессивные 230

окраска 638; ~ диалектная 481;
~ ласкательная 247, 303–304;
~ неодобрения 237;
~ неофициальности 590;
~ областная 671;
~ подчёркнуто вежливая
общая 413, 415;
~ просторечная 434;
~ просторечности 460;

- ~ разговорная 381, 393;
 ~ разговорности 460;
 ~ сниженности 590;
 ~ стилистическая 300,
 433–434, 606, 637, 1086;
 ~ уничижительная 301,
 402–403; ~ фамильярная 232,
 299, 638; ~ фамильярности 433;
 ~ экспрессивная 403
- окрашенность** диалектная 433
- оттенки** экспрессивные 603;
 ~ ~ различные 989
- оттенок** грубоватости
 434; ~ иронии 233;
 ~ ласкательности 298;
 ~ неодобрения 233, 235,
 236, 318, 339;
 ~ непринуждённости 434;
 ~ фамильярности 434
- речь** 200, 794, 805, 812, 818;
 ~ актёров профессиональная
 628;
 ~ газетно-публицистическая
 306, 355, 416, 472, 477,
 488, 494, 496–499, 549,
 591, 712, 715, 717, 744, 779;
 ~ ~ ♦ сфера 469; ~ деловая
 545; ~ детская 237, 836, 915;
 ~ живая 617; ~ книжная 261,
 361, 364, 567, 611, 619, 636,
 657, 683–685, 687, 690–691,
 694, 698, 704, 707, 745, 750,
 756, 777, 807, 858, 878, 880,
 962; ~ ~ ♦ образования 851;
 ~ лётчиков 870; ~ медиков 460,
 653; ~ народная старая 668,
 774, 981; ~ народно-
 поэтическая 583;
 ~ научная 655, 859;
 ~ научных работников 626;
 ~ нейтральная 393;
 ~ неофициальная 204;
 ~ обращённая к детям 1040;
 ~ официальная 293, 977;
 ~ педагогов 551; ~ персонажей
 прямая 671; ~ поэтическая 454,
 707; ~ профессиональная 268,
 293, 426, 434, 459–461, 626,
 653, 893; ~ ~ ♦ сфера 253;
 ~ ~ актёров 628; ~ ~ танцоров
 1028; ~ профессионально-
 техническая 262; ~ прямая 671;
 ~ публицистическая 217,
 272, 423, 463, 471, 614, 686,
 696, 738; ~ ~ книжная 699;
 ~ разговорная 214–215, 217,
 219–221, 228–237, 241,
 247–250, 261–262, 267–270,
 272, 281, 285–286, 291–293,
 295, 297–299, 302–304,
 317–318, 324–326, 331–332,
 334, 336, 340, 377, 381,
 384–385, 394–395, 402–403,
 408–410, 412–416, 419–424,
 428, 431–435, 437–438, 449,
 458, 460–461, 482–483, 491,
 493, 510, 524, 528, 538, 544,
 546, 548–549, 571, 579, 585,
 588, 590, 612, 637–638,
 640–643, 646, 651–653, 656,
 658, 660, 662–664, 666–667,
 678, 700, 702, 711–712, 779,
 812, 814, 828, 830, 839, 841,
 844, 857, 860–861, 868,
 870–872, 876–877, 881, 918,
 921, 923–925, 938–943,
 945–947, 949–952, 989, 1004,
 1009, 1020, 1024, 1028, 1038,
 1040; ~ ~ ♦ образования 329,
 1094; ~ ~ непринуждённая 611;

- ~ ~ современная 385;
- ~ специальная 805;
- ~ спортсменов 220;
- ~ студентов 590; ~ танцоров
- профессиональная 1028;
- ~ устная 214, 228, 237, 261, 281, 295, 303, 317, 324, 326, 377, 381, 413, 424, 438, 450, 453, 459–460, 528, 547, 571, 590, 617, 626, 642–643, 655, 663–664, 671, 700, 711, 759, 779, 794, 798, 814, 828, 839, 855–857, 860–862, 864, 867–868, 870–872, 875, 877, 879, 881, 891–893, 895, 900, 902, 904–905, 937, 947, 949, 951, 956–958, 991;
- ~ физиков 460;
- ~ футболистов 1028;
- ~ художественная 221, 248–249, 261, 266, 267, 278, 281, 303, 305–306, 316–318, 320, 322–323, 325–326, 394, 408–410, 413–416, 419–423, 432–433, 449, *456, 456, 463, 465, 480, 486, 491, 504, 519, 541, 544, 546, 549, 579, 591, 611–612, 614, 637–638, 640–643, 651–652, 656, 658, 660–663, 666–667, 673–674, 678, 682, 686, 696, 700, 702, 706, 711, 729, 738, 744–745, 752, 757, 772, 830, 918, 977, 985, 1001, 1003–1004, 1028;
- ~ ~ ♦ образования 474;
- ~ художественно-публицистическая 211, 252;
- ~ шофёров 220
- стиль** произношения разговорный 336
- существительные** окрашенные стилистически 604
- сфера** номинаций официальных 381;
- ~ продуктивности 300, 385, 563, 661; ~ речи профессиональной 253;
- ~ терминологии географической 506;
- ~ ~ научно-технической 224;
- ~ ~ научной 714;
- ~ ~ спец. 263, 357, 366, 703;
- ~ употребления 981;
- ~ функционирования слов 207
- сферы** продуктивности 564, 669, 688, 695, 990;
- ~ различные 261, 264, 294;
- ~ стилевые различные 759;
- ~ стилистические 655;
- ~ ~ различные 619;
- ~ терминологические различные 733, 734;
- ~ языка различные 211, 551, 672, 723, 757, 761;
- ~ языковые различные 628
- тексты** литературные 774; ~ ориентированные на старую народную речь и фольклор 981
- употребление** ♦ сфера 200;
- ~ ♦ ~ ограниченная 805;
- ~ ♦ ~ преимущественная 981
- характер** звукоподражательный 278; ~ интернациональный 555–556, 578, 586, 1074;
- ~ книжный 634, 756;
- ~ окказиональный 775;
- ~ просторечный 280, 333, 439, 774, 1005; ~ разговорный 325–326, 333, 633;

~ сниженный 425;
 ~ фамильярный 425;
 ~ шутливый подчеркнуто 653;
 ~ ~ просторечный 280;
 ~ экспрессивно-
 оценочный 479

характеристика

стилистическая 207

характеристики стилистические
 592, 971

экспрессия 435; ~ близости 414;
 ~ грубоватости 671;
 ~ ироническая 385;
 ~ ласкательности 413,
 415, 603, 1040;

~ неодобрения 230, 295;
 ~ неодобрительная 229, 385;
 ~ отрицательно-
 оценочная 699;
 ~ оценки
 отрицательной 295;
 ~ оценочная 453, 655;
 ~ ~ ♦ усиление 433;
 ~ ~ сильная 435;
 ~ пренебрежения 404;
 ~ сочувствия 414;
 ~ усилительная 413

язык ♦ сферы различные 211,
 551, 672, 723, 757, 761

язык литературный 201, 207

2. Субстантивные термины, выражающие коннотацию

афоризмы 544

выступл. устн. 851, 878

диалекты 553

канцеляризм 359

клички 293s, 595

литература специальная 619;

~ художественная 449, 671

песня народная 420, 668, 669

письмо₁ 213, 331, 422

поэзия 261

проза 665; ~ художественная
 современная 665

просторечие 219, 230, 232–235,
 263, 267–268, 272, 292, 297,
 299, 334, 403, 424, 427,
 434–435, 437–438, 590,
 828, 841, 844, 872, 876,
 923–925, 945–947, 998,
 1007, 1040; ~ нов. 229, 291,
 340, 839; ~ окказ. 269, 292,
 424, 812, 814, 857, 860–861,
 868, 871–872, 876–877, 881,

921, 938–943, 945–946,
 949–952

публицистика 818

сказки 755; ~ народные 583

терминология ♦ сфера 228, 248;

~ географическая 506,
 519, 520, 691, 701, 725;
 ~ естественно-научная 509,
 546, 572, 584, 628, 640, 772;
 ~ зоол. 767;
 ~ искусств 289;
 ~ лингвистическая 732;
 ~ медицинская 359,
 369, 619; ~ научная 290,
 400, 405, 473, 477, 485,
 490, 493, 524, 546, 578, 611,
 619, 628, 633, 642, 689, 692,
 693, 699, 708, 714, 759;
 ~ научно-техническая
 211, 263, 307, 316, 468,
 472, 486, 489, 496, 503,
 554, 556, 558, 639, 646, 652,

657, 684, 687, 704, 707,
712, 717, 756, 767, 768,
776, 777, 962;
~ ~ ♦ сфера 224;
~ общественно-
политическая 289, 319, 358,
492, 690, 694, 709, 710, 727;
~ профессиональная
213, 214, 286, 331;
~ сельскохозяйственная 308,
351, 535; ~ спец. 225–227,
230–231, 241, 252, 261,
263, 268, 312, 342, 345–346,
355–358, 361, 365–366,
371, 476, 482, 483, 494–495,
544, 674, 683, 686, 701, 703,
705, 724, 726, 728–729,
731, 735–736, 739, 745,
750, 757, 786; ~ специальная
♦ сфера 757; ~ спортивная 537;
~ техническая 212, 215,
368, 372, 449, 497, 560–562,
579, 651, 663–664, 756,
786, 1027;

~ фармацевтическая
360, 370, 503;
~ физическая 359;
~ химическая 358, 673
термины ♦ состав 776;
~ ботанические 512;
~ естественно-научные 772;
~ лингвистические 761;
~ медицинские 525;
~ научно-технические 756;
~ научные 468, 484,
549, 775;
~ полит. 544;
~ профессиональные 479;
~ родства 603, 623, 782;
~ ~ прямого 485;
~ спец. 550;
~ спорт. 559, 567;
~ туннелестроения 734s;
~ узкоспециальные 359;
~ химии 673;
~ химические 226, 642, 759;
~ церковные 490
фольклор 420, 668, 981

3. Адъективные компоненты, выражающие коннотацию

архаический [склонения] 612
архаичный [лексика] 242;
~ [основа вариантная] 657
военный [терминология] 476, 710
высокий [лексика] 433, 856
газетно-публицистический [речь]
306, 317, 355, 416, 469, 472,
477, 488, 493, 494, 496–499,
549, 591, 712, 715, 717, 744, 779
деловой [речь] 545
детск(ий) [речь] 237, 836, 915
диалектный [окраска] 481;
~ [окрашенность] 433

зоолог(ический)
[терминология] 767
иронически употребляемый
[глагол] 856
иронический
[экспрессия] 385
книжно-литературный [язык]
1086
книжно-устарелый [лексика]
1086
книжный [глаголы] 839, 873;
~ [лексика] 242, 263, 274,
433, 856, 862, 866, 874;

- ~ [прилагательные
 ◆ образования ◆ характер]
 634, 756; ~ [речь] 261, 361,
 364, 567, 611, 619, 636, 657,
 683–685, 687, 690–691,
 694, 698–699, 704, 707,
 712, 745, 750, 756, 777, 805,
 807, 851, 858, 878, 880, 962;
 ~ [существительные] 320, 633
- ласкательный** [значение]
 412–413, 415–416, 418,
 420, 422, 425–428, 603,
 667, 788, 991;
 ~ [окраска] 247, 303, 304;
 ~ [суффиксы] 426
- медицинский** [терминология] 359,
 369, 619, 710; ~ [термины] 525
- народно-поэтический** [речь] 583
- народный** [номенклатура] 296,
 307; ~ [песня] 420, 668, 669;
 ~ [произведения
 эпические] 294
 ~ [речь старая] 668, 774, 981;
 ~ [сказки] 583
- научно-терминологический
 [сфера] 619, 718
- научно-технический**
 [терминология] 211, 224,
 263, 289, 307, 316, 468, 472,
 486, 489, 492, 496, 503, 554,
 556, 558, 639, 646, 652, 657,
 684, 687, 691, 694, 704, 707,
 712, 717, 756, 767–768,
 776–777, 962;
 ~ [термины] 756
- научный** [работники] ◆ речь 626;
 ~ [речь] 655, 859;
 ~ [терминология] 290, 319,
 400, 405, 473, 477, 485, 490,
 493, 524, 546, 578, 611, 619,
 628, 633, 642, 673, 689, 690,
 692, 693, 699, 708, 714, 759;
 ~ [термины] 468, 549, 775
- нейтральный** [лексика] 433;
 ~ [речь] 393;
 ~ стилистически
 [глаголы] 839, 879, 881;
 ~ ~ [прилагательные
 ◆ образования] 619;
 ~ ~ [слова] 192s, 433, 434
- неодобрительный** [экспрессия]
 229, 385
- неофициальный** [названия]
 306, 460–461;
 ~ [наименования] 293;
 ~ [речь] 204
- непринуждённый** [речь] 611
- областной** [прилагательные
 ◆ окраска] 671;
 ~ ~ ~ характер] 673;
 ~ [прилагательные] 624
- общественно-политический**
 [сфера] 468;
 ~ [терминология] 289, 319,
 358, 492, 684, 687, 694, 709,
 710, 727
- окрашенный** стилистически
 [слова] 433;
 ~ ~ [существительные] 604
- официальный** [наименования]
 393; ~ [номинации] 381;
 ~ [речь] 293, 977
- полит(ический)** [термины] 544
- поэтический** [речь] 454, 707
- пренебрежительный** [окраска]
 247, 303
- просторечный** [глаголы] 879, 881;
 ~ [лексика] 279, 453, 671, 840;
 ~ [наречия ◆ образования
 ◆ характер] 1005;

- ~ ~ ♦ синонимы] 993;
 ~ [окраска] 434;
 ~ [прилагательные
 ♦ вариант] 671;
 ~ ~ ~ образования
 ♦ характер] 774;
 ~ ~ ♦ синонимы] 675;
 ~ [существительные
 ♦ образования] 436;
 ~ [существительные
 ♦ образования
 ♦ характер] 333, 439;
 ~ ~ ♦ образования] 293;
 ~ ~ ♦ синонимы] 433–434, 604;
 ~ [существительные] 219,
 229, 267
- профессионально-технический**
 [речь] 262
- профессиональный** [речь] 253,
 268, 293, 426, 434, *456,
 459–461, 626, 653, 893; ~ [речь
 актёров] 628; ~ ~ танцоров]
 1028; ~ [терминология]
 213–214, 286, 331;
 ~ [термины] 479
- публицистический** [речь] 217, 272,
 423, 463, 471, 614, 686, 696,
 699, 712, 738; ~ ~ окказ. 318
- разговорный** ~ [конструкции]
 986; ~ [лексика] 279,
 453, 668, 671, 832, 840;
 ~ [окраска] 381, 393, 434;
 ~ [отчества ♦ варианты] 1104;
 ~ [прилагательные] 747;
 ~ [прилагательные
 ♦ образования ♦ характер] 633;
 ~ ~ ♦ образования] 619;
 ~ [речь] 214–215, 217,
 219–221, 228–237, 241,
 247–250, 261–262, 267–270,
 272, 281, 285–286, 291–293,
 295, 297–299, 302–304,
 324–326, 329, 331–332, 334,
 340, 377, 381, 384–385,
 394–395, 402–403, 408,
 412–413, 415–416, 420–424,
 428, 431–435, 437–438, 449,
 *456, 458–460, 482–483, 491,
 493, 510, 528, 538, 544, 546,
 548–549, 571, 579, 585, 588,
 590–591, 611, 614, 637, 638,
 640–643, 646, 651–653, 656,
 658, 660–664, 666–678, 700,
 702, 711–712, 779, 812, 814,
 828, 830, 839, 841, 844, 857,
 860, 861, 868, 870–872,
 876–877, 881, 918, 921,
 923–925, 938–943,
 945–947, 949–952, 989,
 991, 994, 1004, 1009, 1020,
 1024, 1028, 1038, 1040, 1094;
 ~ [сложения] 755;
 ~ [стиль произношения] 336;
 ~ [существительные
 ♦ образования
 ♦ характер] 325–326, 333;
 ~ ~ ♦ образования] 293,
 387, 434, 436;
 ~ ~ ♦ синонимы] 434, 604;
 ~ [сфера] 718;
- разговорно-просторечный**
 [существительные
 ♦ синонимы] 440
- смягчённый** [степень
 признака] 702
- сниженный** [существительные
 ♦ характер] 425;
 ~ стилистически [наречие
 ♦ синоним] 1022;

- ~ ~ [существительные
 ♦ синонимы] 435;
 ~ стилистический
 [существительное
 ♦ окраска] 433;
 ~ ~ ~ синонимы] 590, 604
специальный [литература] 619;
 ~ [речь] 897;
 ~ [терминология] 225–227,
 230, 231, 241, 252, 261, 268,
 312, 342, 345, 346, 355, 356,
 358, 361, 365, 371, 476, 482,
 483, 494, 495, 674, 683, 686,
 705, 724–726, 728, 729, 731,
 735, 736, 739, 745, 750, 786;
 ~ ~ ♦ сфера 263, 357, 366,
 701, 703; ~ [термины] 550
специальный [речь] 805;
 ~ [терминология] 544;
 ~ ~ ♦ сфера 757
спорт. [репортаж] 863
стилистически нейтральный
 [глаголы] 839, 879, 881;
 ~ ~ [лексика] 433;
 ~ ~ [образования] 619;
 ~ ~ [слова] 192s, 433, 434;
 ~ окрашенный [слова] 433;
 ~ ~ [существительные] 604;
 ~ сниженный [синонимы]
 435, 590, 1022s
стилистически-модификационный
 [морфы] 1104
стилистический
 [модификация] 604, 788, 1105;
 ~ ~ ♦ средство 203;
 ~ ~ ♦ суффиксы 328, 612,
 1061–1063;
 ~ ~ ♦ существительные *433;
 ~ ~ ♦ функция 788;
 ~ [окраска] 300, 434, 606, 1086;
 ~ ~ сниженная 433;
 ~ ~ фамильярности 637;
 ~ [слова неоднородные
 ♦ отношение] 682;
 ~ [сферы] 611, 619, 655;
 ~ [характеристики] 207s, 971
терминологический [лексика]
 397, 619; ~ [сферы] 733, 734
технический [терминология] 212,
 215, 228, 368, 372, 449, 497,
 560, 561, 562, 579, 651, 663,
 664, 690, 710, 756, 786, 1027
уничижительный [значение]
 416, 603; ~ [названия] 433;
 ~ [окраска] 301, 402, 403
условный [название] 464
устар. [вариант] 381;
 ~ [названия] 545
устаревший [глаголы] 873;
 ~ [слова с полногласием]
 1086
устарелый [глагол] 579;
 ~ [слова] 624; ~ [характер]
 774; ~ [лексика] 274, 866;
 ~ [названия лиц] 555;
 ~ ~ мер] 442;
 ~ [произношение] 1104;
 ~ разговорный [лексика] 668
устный [выступление] 851;
 ~ [речь] 214, 228, 237, 261,
 281, 295, 303, 317, 324, 326,
 377, 381, 413, 424, 438, 450,
 453, 459, 460, 528, 547, 571,
 590, 617, 626, 642, 643, 655,
 663, 664, 671, 700, 711, 759,
 779, 794, 798, 814, 828, 839,
 855–857, 860–862, 864,
 867–868, 870–872, 875, 877,

- 879, 881, 891–893, 895, 900,
902, 904–905, 937, 947, 949,
951, 956–958, 991
- фамильярный** [прилагательные
♦ окраска] 638;
~ [существительные
♦ образования ♦ окраска] 299;
~ ~ ~ окраска] 232;
~ ~ ~ характер] 425
- хим.** [термины] 226
- художественно-публицистический**
[речь] 211, 252
- художественный** [литература]
449, 671; ~ [проза] 665;
~ [речь] 221, 248–249, 261,
266–267, 278, 281, 303,
305–306, 316–318, 320,
322–323, 325–326, 394,
408–410, 413–416, 419–423,
432–433, 449, 454, *456,
456, 458, 463, 465, 474, 480,
486, 491, 504, 519, 541, 544,
546, 549, 579, 591, 611–612,
614, 617, 637, 638, 640–643,
651–652, 656, 658, 660–663,
666–667, 673, 674, 678, 682,
686, 696, 700, 702, 706–707,
711, 729, 738, 744–745, 752,
757, 772, 830, 918, 977, 985,
1001, 1003–1004, 1009, 1020,
1024, 1028
- церковный** [термины] 490
- шутливый** [прилагательные
♦ образования
♦ характер] 653;
~ [существительные
♦ образования] 263, 387;
~ ♦ ~ синонимы] 438;
~ ~ ~ характер] 280
- экспрессивно-оценочный**
[лексика] 453;
~ [характер] 479
- экспрессивный** [значение] 413,
415, 788, 991, 1030;
~ [лексика] 279;
~ [наименования] 230;
~ [образования] 989, 1040;
~ [окраска] 247, 303, 403;
~ [оттенки] 603, 989;
~ [прилагательные] 671;
~ [слова] 433, 1094;
~ [суффиксы] 670s, 1040

4. Коннотативные пометы при дериватах

- актёрск.** 550
- анат.** 294, 486, 509
- археол.** 351
- архитект.** 509
- астрон.** 478, 548
- биол.** 524, 646, 724, 727;
~ оказ. 683
- бот.** 293, 329, 330;
~ и зоол. 291
- ботан.** 477
- бран.** разг. 633
- воен.** 258, 346, 544, 550;
~ устар. 346
- высок.** 212, 258, 818, 845, 855, 874;
~ устар. 258, 259, 451,
647, 852, 853
- газ.** 211, 215, 217, 224, 226, 229,
248, 249, 252, 261, 285–287,
289–290, 325, 332, 337, 343,
356, 364, 381, 385, 393, 413,
416, 418–419, 423, 431–432,
449, 459, 463, 468–469, 476,

- 478, 488, 493, 494, 496–497, 504, 506, 548, 550–551, 555, 558–559, 566–567, 570, 579–580, 585, 591, 611–612, 614–615, 619, 626, 630–632, 638, 642, 646, 652–653, 656–658, 666, 678, 684–685, 687, 695–696, 697, 700, 705, 709–710, 712, 715, 717, 723, 733, 738, 755–757, 761, 772, 775, 778, 794, 796, 805, 812, 843, 855, 858, 860–863, 867–868, 870, 876–878, 880, 888–889, 891–893, 897, 899, 900, 902–903, 949, 958, 961, 977, 999, 1026, 1028;
 ~ нов. 307, 318; ~ окказ. 242, 252, 317, 347, 498–499, 550, 555, 861, 870; ~ спорт. 948;
 ~ шутол. 385
- геодез.** 450
- геол.** 216, 690, 1086
- горн.** 521
- груб.** прост. 265, 436
- журн.** 211, 224, 231, 264, 294, 317, 325, 354, 359, 361–362, 364, 381–382, 384, 389, 408, 470, 472, 477, 531, 547, 579, 633, 653, 672, 690, 695–696, 710, 756, 764, 807, 843, 851, 858, 861, 880, 888, 892–893, 897, 902, 920, 957, 961
- зоол.** 293, 781, 1080, 1086, 1096, 1098; ~ бот. 291; ~ окказ. 759
- ирон.** устар. 852, 853
- истор.** 357, 359, 690, 709, 1093;
 ~ окказ. 551
- книжн.** 258–259, 314, 378, 433, 579, 626, 647, 665, 678, 719, 737, 756, 792, 794, 799, 801, 804–810, 818–819, 822, 845, 873, 877, 880, 891, 903, 911, 936, 971, 1050–1051, 1096;
 ~ и спец. 809;
 ~ устар. 258–259, 332, 647, 756, 761, 799, 846, 852, 873–874, 963, 1050, 1091
- лингв.** 258, 315, 405, 601, 619, 633, 686, 691, 707, 708, 741
- матем.** 327, 689
- мед.** 258, 482, 634, 684, 707, 724, 775
- морск.** 628, 654
- муз.** 475, 483, 555, 619, 678, 986
- нар.-поэт.** 288, 433, 938;
 ~ прост. 661
- научн.** 489
- неодобр.** разг. 230, 241, 520;
 ~ ~ нов. 279
- нов.** 215, 219, 220, 224–226, 229, 230, 242, 248, 251, 255, 261–264, 267, 282, 285, 286, 289, 291, 293, 299, 305, 307, 315, 317–319, 327, 329, 331, 337, 340, 342–344, 346, 348, 354–358, 363, 365, 366, 370, 371, 381–383, 389, 397, 413, 449, 451, *456, 460, 461, 468, 471–473, 482, 492, 495–497, 499, 503, 506–508, 517, 524, 545, 547, 550, 551, 554–556, 558–560, 562–564, 567, 570, 573, 576, 578, 579, 585, 588, 591, 612, 619, 628, 631, 632, 651, 652, 656, 657, 663, 686, 690, 691, 694, 695, 697, 699, 703, 704, 707, 708, 710, 715, 723, 734, 745, 754, 756, 757, 759, 764, 767, 779, 796, 805, 807, 808, 839, 843, 861, 863,

- 869, 870, 875, 879, 891, 898, 900;
 ~ в проф. речи 460; ~ газ. 307;
 ~ мед. 775; ~ окказ. 494,
 506, 555; ~ пед. 460;
 ~ прост. 279, 407, 434, 435,
 440; ~ разг. 279, 334, 459,
 460, 515, 646, 718;
 ~ с.-х. 366, 740;
 ~ спец. 224, 316, 366, 483, 489,
 503, 522, 550, 686, 689, 701,
 708, 712, 761, 763, 768;
 ~ спорт. 262, 285, 293, 449,
 482, 532, 537; ~ строит. 366
- обл.** 216, 223, 231, 249, 254, 266,
 282, 283, 287, 291, 294, 296,
 297, 305, 314, 327, 333, 339,
 340, 351, 382, 401, 406, 408,
 440, 450–452, 455, 475, 480,
 505, 513–516, 520, 523, 525,
 529, 556, 569, 573, 579–581,
 602, 603, 606, 619, 624, 641,
 644, 645, 648, 656, 660, 665,
 675, 753, 767, 794, 801, 805,
 812, 834, 904, 986, 1002,
 1025, 1050–1051, 1054,
 1062, 1067, 1080–1081,
 1091, 1101, 1103;
 ~ нар.-поэт. 376, 379, 911;
 ~ окказ. 436; ~ прост. 231,
 255, 322, 339, 379, 402,
 607, 677; ~ спец. 538, 772;
 ~ устар. 451
- общ.-полит.** окказ. 472
- окказ.** 214–215, 224, 226, 228,
 230, 233, 235, 237, 242,
 246–248, 252, 261, 264, 267,
 269, 278, 281, 285, 287,
 289–291, 294, 295, 303, 305,
 315, 317–320, 322, 325–326,
 329, 334, 336–337, 340, 343,
 347, 354–355, 357, 359,
 361–362, 366, 381, 384–385,
 389, 394–395, 404, 408–410,
 413–416, 420–421, 427,
 431–433, 435–440, 449–450,
 453–454, *456, 456, 458,
 460, 465, 468–469, 472, 474,
 477–480, 482, 486, 491,
 493–494, 496–497, 504,
 506–507, 510, 519, 528, 538,
 541, 545, 550–551, 555,
 558–559, 566–567, 569–570,
 573, 579–580, 583–584,
 591, 611–612, 615, 619, 628,
 630–632, 637–638, 640–642,
 651–652, 655–656, 658,
 660–663, 666–667, 671–675,
 678, 683–686, 688, 691,
 694–696, 705, 710–712, 715,
 723, 725, 729, 733, 738,
 744–745, 750, 752, 755–757,
 759, 761, 767, 769, 772, 776,
 781, 784, 788, 790, 794, 796,
 807, 811–814, 818, 820, 822,
 833, 836–837, 839, 841, 843,
 850–851, 854–857, 860–872,
 874, 875–877, 879–881, 887,
 889, 891–893, 895, 897–911,
 914–916, 918–921, 925,
 932–933, 937–943, 945–946,
 948–952, 956–959, 961, 963,
 965, 981, 999, 1001, 1049,
 1061–1063, 1067–1068, 1091,
 1093, 1097, 1102–1103, 1108;
 ~ газ. 498–499, 555;
 ~ устн. речь 237, 453, 571;
 ~ шутил. 390
- охотн.** 231, 244, 285, 314, 330,
 382, 530, 584
- пед.** 366

- поэт.** 454, 465
- пренебр.** газ. 249; ~ разг. 249, 291
- проф.** 332, 460, 632
- прост.** 212, 216, 218–221, 230–234, 244, 251, 254–255, 259–260, 262, 265, 269, 279, 281, 291–294, 296, 299, 307, 313, 314, 318, 322–324, 333–334, 339–340, 351, 354, 376, 379, 381, 394, 402–403, 407–408, 411, 413, 415, 421, 423–424, 426–427, 432–437, 440, 443, 446–447, 450–454, *456, 456, 458, 481, 483, 490, 504, 506, 528, 534, 573, 579–580, 590–591, 606–607, 614–615, 623–624, 628–629, 638, 640–643, 646–647, 649, 652, 658, 660–661, 663–665, 667, 672, 675, 677–678, 681–682, 743–744, 747–748, 753, 779, 785, 792–797, 799, 801–805, 807, 809, 812–814, 816, 818, 824, 826–829, 830, 833–838, 840, 845–846, 852–853, 855, 857, 860, 862–863, 868, 872, 877, 881, 889, 892, 897, 899, 901, 903, 905, 907–911, 922, 926–927, 932–933, 935, 938–939, 941–942, 944–945, 949, 951–952, 954, 956, 958–960, 962–963, 971, 978, 980, 982, 986, 992, 999, 1004, 1006, 1008–1009, 1016, 1020–1022, 1025, 1029, 1040–1041, 1050, 1061–1063, 1067, 1071, 1077–1078, 1084–1086, 1091, 1093, 1095–1096, 1101, 1105, 1108; ~ обл. 254, 986;
- ~ окказ. 437, 641, 811, 812, 911, 958; ~ устар. 330, 440, 619, 909; ~ шутил. 254
- разг.** 192, 195, 202–203, 205, 212–214, 216, 219–220, 223, 225, 228, 230–232, 236–237, 250, 255, 259–260, 262, 267–268, 279, 285–286, 288–289, 291–294, 297, 314–315, 317–318, 321, 329–331, 333–334, 340, 343, 350, 365, 379, 381, 383–385, 389, 402–404, 408–410, 413–415, 419, 423, 428, 433–434, 439, 444, 445–447, 449–451, 453–456, 459–462, 475, 479, 482–483, 517, 520, 524, 528–529, 538–539, 548, 553, 563, 566, 581, 588, 591, 595, 598, 606–607, 612, 619, 621, 623, 626, 628, 632–634, 642–643, 646–647, 652–653, 655, 658, 660–661, 663–665, 667, 670, 675, 678, 681, 686, 786, 792, 794–797, 801–802, 805, 809, 811–820, 822, 826–828, 830, 832–834, 836–838, 842–843, 845–846, 852–853, 855, 857, 860–864, 868–872, 875–877, 879, 881, 886, 888, 889, 891–892, 895, 897–898, 900–901, 903–904, 907–908, 910, 913–922, 926–927, 929, 931–934, 937–952, 954, 956–959, 963, 965, 971, 978, 993–997, 1004, 1006, 1008–1009, 1020–1021, 1029, 1036, 1045, 1049–1052, 1063, 1069, 1071, 1078, 1079, 1084–1085, 1091, 1092,

- 1094–098, 1102–1103, 1105;
 ~ бран. 633; ~ детск. 779;
 ~ муз. 1090; ~ неodobр. 230,
 241, 279, 520; ~ нов. 267, 279,
 291, 329, 334, 340, 459, 515,
 646, 657, 718; ~ обл. 376;
 ~ окказ. 228, 289, 337, 432,
 482, 812, 861, 958;
 ~ пренебр. 249, 291;
 ~ прост. 230, 333, 1086;
 ~ проф. 332; ~ спец. 220,
 455, 945; ~ уничижит. 254, 517;
 ~ устар. 211, 255, 333, 336, 562,
 571, 661, 814, 816, 971, 1039;
 ~ церк. 214; ~ шутол. 336, 387,
 569, 1045, 1092
- религ.** 1074
- с.-х.** 228, 230, 329–330, 351, 366,
 456, 507, 535–536, 555, 558,
 654, 722, 724, 728, 733,
 739–740, 761, 805; ~ обл. 305
- спец.** 203, 211–214, 218–227, 230,
 231, 244, 246, 248, 250, 252,
 254, 255, 257–264, 268–269,
 283–287, 289, 291, 305,
 307–308, 315–316, 330–332,
 334, 340, 342–343, 345–346,
 348, 350–351, 353, 355, 357,
 360, 365–366, 379, 382,
 397–398, 400–401, 404–405,
 407–408, 446, 448–452,
 454–455, 459–460, 462, 473,
 482–483, 485–486, 489–490,
 492, 494–497, 500, 506–507,
 510–511, 514, 517, 519–520,
 523, 525–526, 535, 538, 540,
 544, 550–551, 555, 560, 563,
 565, 568, 571, 573–574, 579,
 582, 584–586, 596, 599,
 602–603, 617, 619–621,
 628–629, 634, 640, 642,
 647–651, 654, 658, 660,
 662–663, 675, 686–689, 691,
 695, 699, 703–705, 707–708,
 712–713, 718–719, 722–723,
 725, 735, 741, 755–756,
 760–761, 763, 766–767, 769,
 771–772, 781, 784, 786–787,
 790, 794–795, 799, 802,
 804–809, 817–818, 834, 843,
 845–846, 861, 863, 872,
 879–881, 888, 891–893, 897,
 899–901, 903, 906, 910–911,
 927, 935, 951, 961–962, 971,
 999, 1021, 1045, 1050, 1052,
 1054, 1063, 1067, 1070,
 1077–1079, 1083–1085,
 1087–1088, 1090–1093,
 1095–1096, 1102; ~ и обл. 314,
 401, 801, 1081; ~ ~ прост. 628;
 ~ ~ шутол. 258; ~ книжн. 809;
 ~ нов. 224, 251, 315–316, 366,
 483, 489, 522, 550, 686, 689,
 701, 703, 708, 712, 761, 763,
 768, 861, 891; ~ нов. 503;
 ~ обл. 538, 660, 772, 1103;
 ~ окказ. 214, 226, 294, 366,
 551, 580, 619, 651, 705, 715,
 755, 761; ~ прост. 230;
 ~ разг. 220, 455, 945;
 ~ с.-х. 805; ~ собир. 227;
 ~ техн. 1056; ~ устар. 212,
 217, 230, 260
- спорт.** 253, 262, 268, 283, 285,
 292–293, 340, 343, 346,
 381–382, 446, 449, 482, 496,
 532, 537, 544, 559, 567, 570,
 585, 606, 617, 684, 694,
 1049, 1077; ~ газ. 948;
 ~ нов. 723; ~ разг. 381

стар. 254, 258, 340, 373, 404, 407,
460, 466, 571, 587, 617, 1091;
~ и шутл. 569; ~ оказ. 404

театр. 379, 585

техн. 228, 283, 433, 449, 450, 472,
476, 519, 555, 567, 579, 651,
664, 690, 712, 1086; ~ нов. 461,
493, 506, 689, 691, 699;
~ оказ. 493; ~ разг. 449;
~ спец. 1056

торг. 289, 379

уничижит. разг. 254, 517

устар. 203, 211–214, 216, 217,
228, 231, 242, 254, 255,
258, 266, 282, 283, 285, 287,
291, 293, 296, 298, 313, 315,
322–324, 329, 330, 332, 336,
337, 340–343, 345, 347, 350,
351, 360, 365, 368, 374, 378,
379, 382, 384, 385, 390, 404,
440, 448, 451, 456–458, 462,
465, 467, 483, 485, 486, 488,
518, 525, 532, 544, 545, 559,
562, 579, 597, 598, 613, 619,
621, 624, 632, 633, 643, 647,
651, 652, 660, 661, 665, 677,
744, 759, 767, 785, 795–797,
801–802, 806, 809, 811, 812,
816–820, 822, 824, 834, 836,
838, 842–843, 845–846, 852,
873–874, 902–903, 933, 938,
956, 963, 971, 978, 996, 1001,
1021, 1027, 1029, 1051, 1068,
1077, 1080, 1082, 1084, 1085,

1095–1097, 1099, 1101, 1103;
~ воен. 346; ~ высок. 258,
259, 451, 647, 852, 853;
~ ирон. 852, 853; ~ книжн. 258,
259, 332, 647, 756, 761, 799,
846, 852, 874, 963, 1050, 1091;
~ нар.-поэт. 454, 682; ~ обл. 216,
223, 249, 266, 282, 382, 451,
606, 619, 753, 1002, 1025;
~ оказ. 963; ~ прост. 230, 244,
294, 330, 351, 440, 451, 580,
619, 649, 675, 813, 909, 944,
992, 1029; ~ разг. 203, 211, 255,
293, 333, 336, 562, 571, 661,
814, 816, 971, 1039; ~ спец. 212,
217, 230, 260; ~ церк. 260;
~ шутл. 258, 260, 387, 632

физ. 478, 493, 775

филос. оказ. 712

хим. 227, 450, 455, 477, 555, 585,
674, 691, 693, 756, 775

церк. 258, 340, 344, 357, 466,
1074, 1093; ~ разг. 214;
~ спец. 260; ~ устар. 260

шахм. 555

шутл. 359, 389, 524, 546;
~ газ. 385; ~ нов. 578;
~ оказ. 390, 479, 784;
~ прост. 254; ~ разг. 336,
387, 569, 1045, 1092;
~ спец. 258; ~ стар. 569;
~ устар. 258, 260, 387, 632

эстет. 546

юрид. 603

5. Коннотативная таксономия

близость ♦ экспрессия 414

грубоватость ♦ экспрессия 671;
~ vs. фамильярность 434

ирония ♦ оттенок 233

ласкательность 669;
~ ♦ значение 419;

- ~ ♦ ~ экспрессивное 1030;
 ~ ♦ оттенок 298; ~ ♦ степень
 усиленная 413, 415, 418;
 ~ ♦ экспрессия 413, 415,
 603, 1040
- неодобрение** ♦ окраска 237;
 ~ ♦ оттенок 233, 235–236,
 318, 339; ~ ♦ экспрессия
 230, 295
- неофициальность** ♦ окраска
 460, 590
- непринуждённость** ♦ оттенок 434
- пренебрежение** ♦ экспрессия 404
- пренебрежительность**
 ♦ значение 419
- просторечность** ♦ окраска 460
- разговорность** 433;
 ~ ♦ окраска 460;
 ~ vs. фамильярность 435
- сниженность** ♦ окраска 590
- терминологичность** 778
- уничижительность**
 ♦ значение 419;
 ~ ♦ экспрессия 413, 415, 603
- фамильярность** ♦ окраска 433;
 ~ ♦ ~ стилистическая 637;
 ~ vs. грубоватость 434;
 ~ vs. разговорность 435
- экспрессивность** vs. резкость 972;
 ~ действия 836

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградова В. Н.* Стилистический аспект русского словообразова-
 ния. Москва: Наука, 1984. 184 с.
- Лопатин В. В., Улуханов И. С.* Словообразование // Шведова Н. Ю.
 (отв. ред.). Русская грамматика. Том I. М.: Наука, 1980. С. 133–452.
- Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. 2-е изд. М.: Высшая школа,
 1987. 272 с.

Е. М. Лазуткина, *Москва*
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
lazutkelena@yandex.ru

ПРИЕМЫ ТРЕТЬЕЛИЧНОГО НАРРАТИВА В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Статья посвящена описанию приемов повествования в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Рассматриваются такие средства изобразительной стилистики, как соматические речения, тропы, фигуры, а также системные синтаксические модели. Автор выявляет особую роль концепта «свет» в построенной Булгаковым семиотической системе романа и в созданных им образных схемах.

Ключевые слова: анализ текста, синтаксис, стилистика, концептуальный анализ.

1. Введение. Традиционные содержательные текстовые формы нарратива имеют свои особенности в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Методологическая основа нашего анализа художественного текста — это философия языка М. М. Бахтина, его металингвистика, суть которой — «внутренняя диалогичность слова», которая находит свое выражение в семантике, синтаксисе, композиции текста, изобразительной стилистике всей канвы повествования [Бахтин 1975: 92–93].

По теории речевой деятельности и теории выражения М. М. Бахтина, замысел говорящего (автора) содержит палитру разного рода оценок и ценностных ориентиров. Оценка выступает не только как стилистический модус, но и как облигаторный строевой компонент предложения и текста, т. е. проявляется в семантико-синтаксической организации предложений, прагматических параметрах высказываний. См.: «Оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [Бахтин 1996: 303–323]. О модальности как языковой универсалии, основной семантической категории языка пишет В. В. Виноградов: «Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение» [Виноградов 1975: 55].

2. Типы диалогов автора с читателем.

М. А. Булгаков, «правдивый повествователь» (как он сам себя называет в романе) выстраивает сложную иерархию диалогов с читателем. Автор выбирает тип повествования, ориентируясь на «нададресата», «высшую инстанцию ответного понимания», сосуществующую с автором в одном пространстве — «царстве смысла». Это «нравственная реальность», которая не является осязаемой субстанцией, но которая незримо присутствует в мире [Бахтин 1996: 397]. Нададресат служит связующей нитью между автором и будущим интерпретатором текста — читателем.

Повествование складывается как многоплановое «разноречие»; авторская речь иногда содержит фрагменты чужой речи, гипотетической чужой речи. Так, например, автор повторяет несколько раз высказывания Аннушки, которые она не произнесла, но могла бы произнести, желая присвоить найденную драгоценность: — *Знать ничего не знаю! Ведать ничего не ведаю!*

Авторская точка зрения в ткани художественного текста проявляется субъектом модуса оценки в прагматических параметрах высказываний. Количество субъектов модусных оценок всегда больше числа персонажей, от имени которых ведется повествование, поскольку в тексте могут соседствовать и соединяться оценки рассказчика, персонажа, неназванных лиц, оценочные суждения как вечные истины.

В романе часто встречается совмещение модусов персонажа и «сопереживающего» автора-рассказчика. См.:

Волнуясь до того, что сердце стало прыгать, как птица под черным покрывалом, Иуда спросил прерывающимся шепотом, опасаясь, чтобы не услышали прохожие: — Куда же ты идешь, Низа?

Его [Иуды] ноги сами без его воли вынесли его из подворотни вон.

Эмоциональные реакции, ощущения, внезапные изменения состояния героя часто представляются как процессы в пространстве, и для этого используются модели предложений с событийными глаголами локально направленного действия; например:

Берлиоза охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки;

Белая пелена на миг заволокла коротковский мозг, но тотчас свалилась и наступило необыкновенное прояснение;

За двадцать лет своей деятельности в театрах Варенуха видал всякие виды, но тут почувствовал, что ум его застилается как бы пеленою.

3. Портретные характеристики персонажей в романе показывают значимость этих персонажей в развитии сюжетной линии. Так, при описании внешности Афрания автор подчеркивает его положительные черты — «добродушие и лукавый ум». В своем диалоге с читателем автор таким образом подготавливает его к особому восприятию этого персонажа прокуратором Пилатом. Облик Афрания рождает у Пилата надежду на взаимопонимание и даже уверенность, что Афраний поймет его во всяком случае, поймет и то, что не будет сказано ему:

Явившийся к Пилату человек был средних лет, с очень приятным округлым и опрятным лицом, с мясистым носом. Волосы его были какого-неопределенного цвета. Сейчас, высыхая, они светлели. Национальность пришельца было бы трудно определить <...> в щелочках глаз светилось незлобивое лукавство. Надо полагать, что гость прокуратора был склонен к юмору.

4. Соматические речения. Употребление соматических речений — один из важных изобразительных приемов повествования. Это исторически сложившиеся в языке выражения, синтаксические стереотипы, которые описывают жесты, мимику, позы, телодвижения как сигналы, симптомы внутренних ощущений, переживаний, эмоций [Верещагин, Костомаров 1990: 162–168]. Гипотетически могут быть разные центры трактовки поз, мимики, жестов — рассказчик и персонажи, глазами которых автор смотрит на события.

М. М. Бахтин относил подобные выражения к эстетическим компонентам, считал их «объектным, изображенным словом». «Действительность внутренней психики — действительность знака... Внутреннюю психику нельзя анализировать как вещь, а можно лишь понимать и истолковывать как знак» [Волошинов (Бахтин) 1993: 239].

В повествовании преобладает зрительный модус. Принято считать, что взгляд человека раскрывает его внутренний мир, его сущность. В романе много соматических речений, описывающих взгляд, выражение глаз, мимику глаз; например.: *Что нужно было этой женщине, в глазах которой всегда горел какой-то непонятный огонечек, что нужно было этой чуть косящей на один глаз ведьме, украсившей себя тогда весною мимозами?*

В представлении древних философов зрение человека — это взаимодействие внутренней энергии человека и потока света из внешней среды. А. Ф. Лосев цитирует «Тимея» Платона: «<...> чистый огонь, находящийся внутри нас, вытекает свободно через глаза <...>»

[Лосев 1993: 89]. Это согласуется с мировосприятием русского человека: «В русской традиции, как и в традиции некоторых других этносов, глаза наделяются способностью не только воспринимать свет, но и излучать его, т. е. смешиваются понятия зрения и света» [Мазалова 2001: 24]. Данное представление проявляется и в русской загадке о носе: «Между двух светил я в середине один» [Там же].

Можно объяснить характеристику взгляда метонимическим переносом по смежности понятий: «орган восприятия света» (глаз) — «источник света», «исходящая энергия взгляда». Ср., например, узуальные словосочетания: *ясный взгляд, лучистые глаза, лучистый взгляд, глаза горят*.

В русской лингвокультуре отсутствие света, блеска в глазах оценивается как отрицательное явление, свидетельствует о нездоровье, плохом психологическом состоянии человека, старости; см., например, распространенные выражения: *тусклый взгляд, потухший взгляд, потухшие глаза*.

Автор описывает зрительные образы в сознании героев, и зрительные картины иногда приобретают странные, причудливые очертания. См.:

Все смешалось в глазах у Поплавского. Длинная искра пронеслась у него перед глазами, затем сменилась какой-то траурной змеей, погасившей на мгновенье майский день.

Характеристика выражения глаз не только указывает на внутреннее состояние героя, но также иллюстрирует описываемые события, предсказывает реакцию адресата. Ср.:

Тут наслаждение выразилось в глазах прокуратора, и он, поманив к себе пальцем поближе Левия Матвея, сказал: — Это тебе сделать не удастся, ты себя не беспокой. Иуду этой ночью уже зарезали;

И меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах!

При описании взгляда Булгаков также использует устойчивые схемы атрибутивных словосочетаний, обозначающих эмоциональное состояние человека: происходит соединение выраженной в дискурсе информации и невыраженной, но которой владеет каждый носитель языка; ср.: *Мысли его [Иуды] помутились, он забыл про все на свете и смотрел молящими глазами в голубые, а теперь казавшиеся черными глаза Низы*. Прилагательное-определение представляет собой

метонимический перенос — перенос оценки внутреннего состояния персонажа на характеристику взгляда. Такие синтагматические последовательности соотносятся как минимум с двумя грамматическими основами. См. также: *счастливая улыбка, блаженное лицо, унылые плечи, повинная голова.*

Характеристика взгляда персонажа может содержать скрытое сравнение. Например, ненависть к Иуде и страстное желание Пилата убить его показывается сравнением взгляда Пилата с глазами волка: *Афранию показалось, что на него глядят четыре глаза — собачьи и волчьи.* Алчность Аннушки тоже проявляется выражением глаз: *Аннушка к самым глазам подносила драгоценность, и глаза эти горели совершенно волчьим огнем.*

В романе при описании событий взгляд нередко трактуется как посланный кем-то луч, намеренное действие персонажа. Взгляд может быть направлен на кого-н., как свет прожектора, а прикрытие глаз веками или закрытие глаз — это проявление желания скрыть сияние своих глаз, свое отношение к сказанному или не подчеркивать слишком очевидный смысл слов. Ср.:

1) *Тут гость и послал свой особенный взгляд в щеку прокуратора. Но тот скусающими глазами глядел вдаль.*

2) [Прокуратор:] — *Итак, третий вопрос. Касается этого, как его... Иуды из Кириафа.*

Тут гость и послал прокуратору свой взгляд и тотчас, как полагается, угасил его.

3) *Обгоняя молодого красавца, эта женщина на мгновение откинула покрывало повыше, метнула в сторону молодого человека взгляд, но не только не замедлила шага, а ускорила его...*

5. Концепт «свет» в семиотической системе романа «Мастер и Маргарита». Концепт «свет» играет важную роль в выражении авторских оценок. Концепт «свет» организует текстовую ткань, участвует в построении вертикального контекста, создает оппозиционное пространство «свет — тьма», развивает символическое значение.

Концепт — это квант коллективного языкового сознания, феномен операционной системы, часто не осознаваемый носителями языка. «Концепт является результатом и теоретического, и быденного сознания, фрагментом любого познавательного опыта и поэтому может включать любые, и существенные и несущественные, характеристики объекта» [Болдырев 2018: 170].

Для данного анализа важны следующие определения термина «концепт»:

- 1) мыслительная категория, служащая операционным элементом в когнитивно-коммуникативных процессах и выражающаяся в языковых структурах разного уровня; например: *В основе значения собирательных существительных лежит концепт «множественство»; Концепт «действие лица» представляют разные модели предложения;*
- 2) представление, обогащенное этнокультурными смыслами, получившее общественно значимые оценки; например: *Ученые — свет, а неученые — тьма; Концепт «добро» представлен в сказках народов всего мира.*

Свет предстает как самодовлеющая сущность, субстанция, действующая активно, направленно, агрессивно или благожелательно. Концепт «свет» входит в большой базовый концепт «субстанция, способная к самостоятельному перемещению».

Свет — это субстанция, зрительно воспринимаемая человеком, и в сознании людей свет всегда имеет количественную характеристику. Все составляющие любой модели предложения, обозначающей действие света, буквально пронизаны сферой влияния такой понятийной категории, как квантификация. Булгаков делает значимой градацию света: свет может существовать в виде рассвета, заката, тени, полутени, сумерек, полутьмы, тьмы. Круг лексем, входящий в макросемантический класс «свет» очень широк: *сумрак, закат, рассвет, полумрак, молния, пожар, заря, огонь, солнце, костер, луна, блеск, отблеск, сияние* и т. п.

Синтаксическая семантика моделей предложений в романе показывает черты концепта «свет». Устойчивые речевые образцы представляют собой интерпретативные структуры, которые передают информацию непреднамеренно, и по синтаксическим позициям в предложениях лексем, представляющих концепт «свет», по значению соответствующих предикатов можно сделать вывод о свойствах света, о воздействии света на объект, об изменении предмета (лица) под действием света; ср.: *Так шептала Маргарита Николаевна, глядя на пунцовые шторы, наливающиеся солнцем.*

В синтаксической позиции семантического субъекта (подлежащего) свет показывается как сильный каузатор; например: *Мне вдруг показалось, что осенняя тьма выдавит стекла, вольется в комнату, и я захлебнусь в ней, как в чернилах.*

В предложениях с глаголом-рефлексивом в позиции объекта в твор. пад. свет выступает как слабый каузатор; например: [Прасковья Федоровна] *испуганно посмотрела на Иванушку, вся одевшись светом молнии.*

Варианты силы воздействия света показываются разной степенью акциональности глагола-предиката: от обозначения действия — к обозначению результата действия или к обозначению отношения. Ср.: *Тень от меловой горы сюда не достигала, и весь берег заливала луна.* Здесь глагол теряет акциональное значение и вместе с лексемой «луна» образует фразеологизированный комплекс «заливала луна», который играет роль предиката-статива.

Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» изобилует описанием стихийных, самопроизвольных процессов, поэтому при обозначении воздействия света часто используется модель безличного предложения; например: *В небе то и дело вспыхивали нити, небо лопалось, комнату больного заливало трепетным пугающим светом; Сверкнуло и ударило над самым холмом; Светлело.*

6. Общеязыковая метафора «свет — жидкость; свет льется». Данная когнитивная схема представляет свойства концепта «свет» в романе; например:

*Теперь притих и он [Бегемот. Демон-паж. Шут] и летел бесшумно, подставив свое молодое лицо под свет, льющийся от луны;
Женщина увела штору вверх, и в комнату хлынуло солнце;
Тогда лунный путь вскипает, из него начинает хлестать лунная река и разливается во все стороны.*

Метафора «свет — жидкость, свет льется» помогает Булгакову конструировать более сложные образные средства. Используется прием персонификации: источнику света приписывается способность к преднамеренному действию; например:

*Солнце посылало лучи в спины казнимых, обращенных лицами к Ершалаиму;
Лунный свет лизнул ее [Маргариту] с правого бока;
Тогда луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель.*

7. Концепт «свет» формирует соматический язык романа. Под соматическим языком понимаются роль и соотношение телесных —

визуального, звукового, тактильного — модусов мировосприятия, закодированных в семиотических системах [Опарина 2001: 158–170]. Этот особый язык описывает состояния и ощущения человека от действия света при помощи нюансов семантики лексем, представляющих концепт «свет», подчеркивает, что свет соответствует настроению и поступкам персонажей.

Так, неяркое солнце, радуга вызывают ассоциацию со спокойствием, благостным настроением. Рассвет — свет восходящего солнца, свет утра — на протяжении всего романа соответствует состоянию ясности духа персонажей; например:

Майское солнце светило нам; Грозу унесло без следа, и, аркой перекинувшись через всю Москву, стояла в небе разноцветная радуга, пила воду из Москвы-реки;

...А. А. повел гостей к лучшему столу..., возле которого весело играло солнце в одном из прорезов трельяжной зелени.

В конце романа: Мастер и Маргарита увидели **обещанный рассвет**.

Свет от свечей автор описывает как умиротворяющий. Это свет дома Мастера. [Маргарита]: — *Ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи.*

Яркое солнце пугает, ослепляет, оно усугубляет болезненное состояние, несет смерть; например: *Он [прокуратор] некоторое время молчал, мучительно вспоминая, зачем на утреннем безжалостном ершалаимском солнцепеке стоит перед ним арестант.*

Описание сумерек говорит о внутреннем смятении героя, о болезни: *Тут только прокуратор увидел, что солнца уже нет и пришли сумерки. Может быть, эти сумерки и были причиной того, что внешность прокуратора резко изменилась. Он как будто на глазах постарел, сгорбился и, кроме того, стал тревожен.*

Свет луны — всегда загадочный. Полнолуние предстает в романе как стихийная сила, которая имеет над людьми неодолимую власть.

8. Свет — сигнал, предвестник особых событий.

В праздничную ночь, в преддверии воскресения: *В страшной высоте над храмом зажглись два гигантских пятисвечия в небе над Ершалаимом.*

Отраженное в стеклах солнце может быть полным — при предсказании спокойной обстановки; или изломанным — для создания ассоциация с разбитым зеркалом; ср:

на рассвете субботы не спал целый этаж в одном из московских учреждений, и окна в нем ... светились полным светом, прорезавшим свет восходящего солнца;

[Иностранец] *остановил взор на верхних этажах, ослепительно отражающих в стеклах изломанное и навсегда уходящее от Михаила Александровича солнце;*

Воланд, Коровьев Бегемот сидели на черных конях в седлах, глядя на раскинувшийся за рекою город с ломаным солнцем, сверкающим в тысячах окон, обращенных на запад, на пряничные башни Девичьего монастыря;

— *Так, значит, туда? — спросил мастер, повернулся и указал назад, туда, где соткался в дыму недавно покинутый город с монастырскими пряничными башнями, с разбитым вдребезги солнцем в стекле.*

Расколотая луна — знак смерти: **Берлиоз в последний раз в своей жизни видел разваливающуюся на куски луну.**

Свет факела сопровождает все трагические и драматические события.

В день казни:

Ее [луны] свет перебивал неприятный, беспокойный свет, играющий на балконе перед самыми глазами. В руках у кентуриона Крысобоя пылал и коптил факел;

Он [Иуда] не заметил, как мимо него пролетели мшистые страшные башни Антония, не слышал трубного рева в крепости, никакого внимания не обратил на конный патруль с факелом, залившим тревожным светом его путь.

Тьма — сигнал катастрофы: **Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город.**

Ночь, полночь — тревожная пора, время Воланда.

9. Свет — символ. Концепт «свет» — ключ к смыслу всего произведения. Этот символ выражает главную мысль М. А. Булгакова: в философском плане свет предстает как символ царства Бога, всего святого, безгрешного, антипод тьмы, зла.

По мысли Воланда, света без тьмы не бывает. Вопрос Воланда («духа зла и повелителя теней») к Левию Матвею: *Не хочешь ли ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое, из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом?*

Свет — это и олицетворение жизни. Следующий фрагмент связывает текст повествования о Мастере и о Пилате. [Воланд]: — *А что же вы не берете его [Мастера] к себе, в свет? — Он не заслужил света, он заслужил покой, — печальным голосом проговорил Левий.*

Итак, повествование в романе «Мастер и Маргарита» тесно связано с диалогизмом, который проявляется в постоянном присутствии социокультурной среды автора, в его смысловых вехах и в концептуальных сферах, которые пронизывают пространственно-временные отношения в тексте. Динамика повествования достигается использованием системных средств синтаксической семантики, разных изобразительных приемов, общеязыковых и авторских метафор и фигур.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: 1975. 504 с.

Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: 1996. 732 с.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука. 1975. С. 53–87.

Волошинов В. Н. (М. М. Бахтин) Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 188 с.

Лосев А. Ф. Соч. в 9-ти томах. Т. 2. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 962 с.

Мазалова Н. Е. Состав человеческий. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 1992 с.

Опарина Е. О. Язык — текст — культура // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2000. 231 с.

Е. В. Маринова, *Нижний Новгород*
Нижегородский государственный лингвистический
университет имени Н. А. Добролюбова
marinova@list.ru

СЛОВОТВОРЧЕСТВО В ДИСКУРСЕ О «ЦИФРЕ»¹

Рассматриваются семантические, структурные и прагматические особенности дериватов, образованных на базе ключевых элементов терминологии цифрового общества (*цифровой, цифровизация, цифра, цифро-*). По критерию частотности среди них выделяются номинации единичного употребления (*биоцифра*) и воспроизводимые (*антицифровой*). Наиболее подвижной и креативной сферой для словотворчества предстаёт дискурс противников цифровизации. Новообразования, выражающие отрицательную оценку этого процесса, свидетельствуют о его неоднозначности. Материал исследования: медиа- и научные тексты.

Ключевые слова: русский язык, терминология цифрового общества, ключевой терминологический элемент, словотворчество, протестный дискурс, оценочное новообразование, смысловая доминанта.

В ближайшие сто лет, когда искусственный разум заведёт нас ещё дальше, не будет ничего более ценного, чем то, что поможет людям чувствовать себя людьми.

А. Барикко

В XXI в. «**цифрой**» называют цифровые технологии, пришедшие на смену технологиям аналоговым. Философы, теоретики сетевой культуры называют такую смену цифровым поворотом, цифровой революцией и даже цифровым восстанием. Итальянский писатель и философ А. Барикко объясняет кардинальные технологические изменения последних десятилетий несколько иначе: все мы, взрослые и дети, ежедневно обращаясь к своим гаджетам («игрушкам»), нашим главным инструментам коммуникации и получения информации,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00991 <https://rscf.ru/project/23-28-00991/>.

на самом деле вовлечены в Игру (Alessandro Baricco. *The Game*. 2018). Она приносит удовольствие и увлекает так, что невозможно оторваться, но одновременно и отдаляет нас от Действительности № 1, трансформируя её всего лишь в плоскость светящегося экрана нашего технического устройства [Барикко 2019: 162].

В статье речь пойдёт о другой игре — языковой, которую в широком смысле можно определить как лингвокреативность говорящего, проявляющуюся, в частности, в создании собственных, авторских однословных номинаций, т. е. в **словотворчестве**. В [Маринова 2023] мы анализировали особенности **терминологического** словотворчества в дискурсе о «цифре», отмечая, что процесс создания номинаций, формирующих терминологию «строящегося» цифрового общества (ЦО), протекает не только в научной сфере, но и в официальном дискурсе (дискурсе власти), а также в СМИ, что объясняется «актуальным характером данного пласта лексики как для отдельного гражданина, естественной средой которого становится **техносфера**, так и государства, ориентированного в условиях глобализации на дальнейшее её совершенствование и интеграцию с социальными институтами» [там же: 75]. Цель настоящего исследования иная, она выходит за рамки терминологии ЦО, хотя и связана с ней тематически. Задача исследования — определить специфику **нетерминологических** номинаций, включая окказиональные образования, обнаруженные в русскоязычных (преимущественно медиа-) текстах. Сбор материала осуществлялся: 1. объектным поиском — с помощью запроса по ключевым словам терминологии ЦО (*цифровой, цифра, цифровизация* и др.); 2. гипотетическим поиском (т. е. основываясь на предположении о бытовании того или иного деривата); 3. сплошной выборкой по текстам соответствующей тематики.

Источниками исследования послужили: сервис «Архив СМИ» электронного медиабанка «Интегрум»²; научная литература по современной философии, цифровой социологии, теории сетевой культуры. Всего обнаружено около 200 неузуальных образований. По критерию частотности среди них выделяются номинации единичного, «разового» употребления (собственно окказионализмы типа *цифровенько*) и номинации воспроизводимые, «кочующие из текста в текст», претендующие таким образом на статус узуальной единицы (*антицифровой*).

² Единая полная база СМИ России с возможностью объектного и контекстного поиска. Архив ведётся с 1996 г. Для поиска доступны более 120 000 изданий.

Рассмотрим подробнее новообразования, созданные **на базе ключевых терминов и терминологических элементов** формирующейся на наших глазах терминологии ЦО.

1. **Цифровой**. В конце XX в. у этого прилагательного словарик фиксирует новое значение («переводящий сигнал в двоичный код» [АЛ]), в котором оно и становится в дальнейшем, вплоть до настоящего времени, ключевым словом эпохи высоких технологий. Естественный сопутствующий процесс, объясняемый актуализацией семантики этого слова, — его словообразовательная продуктивность.

В текстах, связанных с анализом происходящих в связи с цифровизацией изменений, встречаются прилагательные, образованные от *цифровой*. Например, говоря о предшествующей, «аналоговой» эпохе, используют определения *доцифровой* и *нецифровой*. Более широкая сочетаемость наблюдается у деривата *антицифровой*³: *А. протест <дискурс, сопротивление, движение, сообщество, революция, компания, повестка, прорыв, катехизис, мир>*. Кроме того, слово стало само базой для деривации, см.: *Антицифровики — самоназвание представителей антицифрового протеста* (Б. К. Кнорре, А. А. Мурашова. «В начале было Слово...», а в конце будет число? Православие и антицифровой протест в России: с 1990-х до коронавируса. Мир России. 2021. № 2). В текстах «антицифровой» тематики встретилось также слово *биоцифровой*, в котором аффиксоид *био-* мотивируется прилагательным *биометрический* (сбор биометрических данных резко критикуется авторами таких текстов), а не *биологический*. Интересно, что одна из статей о негативной оценке сбора биометрии называется *Храм биоцифры* (МедиаМера (mediamera.ru). 30.11.2021), что даёт основание интерпретировать прилагательное *биоцифровой* и как возможный дериват от существительного *биоцифра*.

Неожиданным стала такая «находка» — дериваты, образованные от *цифровой* с помощью суффикса субъективной оценки. В неофициальном дискурсе интернет-коммуникации встретилось шутивное выражение *наша цифровенькая жизнь*, а также: *Всё будет цифровенько!* Эти производные противоречат системе языка, поскольку образованы от прилагательного относительного, но вполне вписываются в общую стихию словотворчества, пренебрегающего довольно часто

³ Прилагательное было обнаружено нами в результате предположения о возможной деривации от «модного» слова *цифровой* производного с противоположной семантикой (по типу *советский* — *антисоветский*). Об идеологизации терминов ЦО см. [Маринова 2023].

языковыми нормами. И напротив, наименование лиц *цифровики* (о сторонниках цифровизации — в протестном дискурсе) представляется закономерным образованием: с одной стороны, оно ассоциируется с полуофициальным, частотным в языке СМИ термином *силовики* (о представителях силовых структур), с другой — вступает в парадигматические отношения со словом *антицифровики*.

Самыми экспрессивными номинациями в нашем материале являются **контаминанты**. В отношении некоторых из них можно говорить о конкретном авторстве. Так, автор книги «Цифролюция. Что случилось с музыкой XXI в.» (М.: Классика XXI, 2015) Юлия Стракович создала слово *цифролюция*: в таком виде понятие «цифровая революция» получает явно негативную оценку, хотя сам термин *цифровая революция* нейтральный. В «антицифровом» дискурсе встретилось выражение *цифролюционный* (*экстаз*), в котором мы видим ту же идею. Современный философ В. А. Кутырёв в своей последней книге создаёт слово *цифролизация*, выражая тем самым негативное отношение к понятию «цифровая цивилизация» (В. А. Кутырёв. Человеческие технологии, цивилизация фальшизма. СПб.: Алетейя, 2022.). «Понижение в ранге» (выражение Л. П. Крысина) претерпевает и ещё один термин — *цифровая экономика*: на его базе образуется ироничное *цифрономика*. Заслуживают внимания окказионализмы *цифрометрия* (< *цифровой* + *биометрия* ‘биометрические данные’) и *цифрокалипсис* (ср. подобной структуры окказионализмы *киберкалипсис* — в киберпанке А. Матвеева «Третий знак киберкалипсиса»; *коронакалипсис* — в [СКЭ]). В отличие от дериватов *цифролюция*, *цифрономика* и *цифролизация*, которые можно рассматривать как стилистические, экспрессивные варианты полных номинаций, слова *цифрометрия* (о цифровой трансформации общества, включающей непременно сбор физиологических и поведенческих данных пользователей) и *цифрокалипсис* (о прогнозируемом будущем цифрового мира) именно неолоксемы (а не варианты), так как обладают новой семантикой, и притом идиоматичной, несводимой к лексическим значениям производящих слов; ср. также *нейрономика* (об экономике, основанной на применении технологий искусственного интеллекта и нейросетей) < *нейросети* + *экономика*.

В прессе встречаются также многочисленные сложные прилагательные-неологизмы разной степени узуальности, в которых слово *цифровой* или его основа представлены в качестве одного из компонентов, напр.: *цифро-вирусный* (*период* — о пандемии), *информационно-цифровое* (*общество*), *цифромашинные* (*технологии*), *цифро-аналоговые*

(устройства), цифрограмотное (население), цифроналичное обращение (о деньгах), иронично — цифродуховные (системы принятия решения), цифрофизические (системы) и многие другие. См., например: *Фактически это соглашение о подчинении новому мировому порядку, который будет иметь ярко выраженный окрас «цифросанитарной диктатуры»* (Е. Чернышёв. Отменить человека... Накануне.RU (nakanune.ru). 12.11.2021).

Отметим также продуктивность глагола **цифровать**, который мотивируется сейчас прилагательным *цифровой*⁴. От него образованы *цифроваться*, *оцифровать(ся)/оцифровывать(ся)*, *процифроваться*. От глагола *оцифровать/оцифровывать* на следующем деривационном шаге мы имеем агентив с негативной окраской *оцифровщици* (то же, что цифровики); см.: *Пряник за уничтожение собственной профессии: в регионах учреждают премии учителям-оцифровщикам образования* (Геополитическая блог-платформа (cont.ws). 09.02.2021).

2. **Цифровизация** — ещё одно ключевое слово терминологии ЦО. По происхождению оно является калькой английского слова *digitalization*. Если же рассматривать его в аспекте синхронического словообразования, оно представляется образованным на базе прилагательного *цифровой*⁵. В последнее десятилетие слово *цифровизация* само становится производящей базой для новых слов. В медиатекстах используются глаголы *цифровизовать* и *цифровизировать* ‘осуществлять цифровизацию’, пополнившие такие словообразовательные варианты глагольной лексики, как *легализовать* — *легализировать* и под. Зафиксировано (в научном дискурсе) прилагательное *цифровизационные* (*законопроекты, инновации*), а в «антицифровом» — *цифровизаторы* и *цифроизаторы* (неодобрительно об «агентах» цифровизации), а также *глобоцифровизаторы*. Вот несколько иллюстраций: *Любопытная деталь: QR-код на корове в фильме — переход на страницу Рогозина, главы Роскомоса. В его компании явно не хватает ещё Грефа, тоже из секты цифровизаторов...* (Цифровые сектанты намерены править едой. Сельский час. 24.11.2020); *Согласно пожеланиям Всемирного банка (чьи*

⁴ *Цифровать* ‘переводить что-л. в цифровой формат’ в предшествующие эпохи употреблялось в других значениях: ‘размечать цифрами ноты’ — у музыкантов (отсюда *цифрованные ноты*) и ‘размечать страницы’ — в печатном деле [БАС], т. е. мотивировалось словом *цифра*.

⁵ *Цифровизация* 1. Переход на цифровой способ связи, передачи данных и записи информации. 2. Внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни, в т. ч. государственное управление, повседневную жизнь гражданина [ТСЦО].

идеи и внедряют **цифроизаторы** в наше образование), в школах будет собираться информация... о «социально-эмоциональных навыках, личностных и поведенческих установках...» (Минпросвещения соберет цифровое досье на школьников. Родительское Всероссийское Сопровождение (rvs.su). 11.01.2021).

3. **Цифра**. Словообразовательная активность отмечена и у существительного **цифра**. В качестве производящего это слово нередко используется в эргонимах, напр.: «*Цифрал*», «*Цифрон*», «*Цифроник*» и под.

Своеобразным дериватом, больше похожим с точки зрения способа образования на окказионализм, но, тем не менее, являющимся официальным наименованием, можно считать слово *Минцифры* — о Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. См. также сложение *гумцифра* (в научном дискурсе — о цифровых технологиях в гуманитарной сфере) и игровую номинацию в рекламе: **Цифренно** *ваш*, SAMSUNG! (ср.: *Искренне ваш...*)⁶.

В дискурсе противников цифровизации обнаружены: *цифроз* (об ажиотаже вокруг цифровизации, о её «насаждении») и *цифрозные чиновники*; *цифрофизирующие* — иронично, с аллюзией на некодифицированное *шизеющий*, о компаниях, переходящих на «цифру»; *цифробесие*, *цифрофрения*, *цифробезумие*, *цифроидальное (общество)* — с **общей смысловой доминантой** ‘чрезмерная активность, увлечённость, вызванные психическим расстройством’. Напр.: *Название всему этому придумал русский писатель Валентин Курбатов — цифроз. Мы находимся в самом начале этой заварухи* (В. Катасонов. Китай: Вход в электронный концлагерь. VIPvideoClub.ru. 23.02.2021); *Музеи рассказали о «цифрозе» выставок на фоне пандемии* (Bisnes-sodeistvie.ru. 02.04.2021); *Вы поняли, какие позиции и трансформации приготовили для вас цифрозные чиновники?* (Искусственный интеллект. ИТ новости (ai-news.ru). 21.06.2022); *Эпоха цифробесия: Глобальный Паниковский* (Континенталист (continentalist.ru). 07.01.2021); *...цифрофрения всё более вытесняет аналоговое мышление..., оставляя только оцифрованный интеллект* (Ноосферный человек конечный этап глобализации? Перемены (peremeny.ru). 04.03.2023).

Как видим, здесь задействованы типичные для протестного дискурса модели с формантами *-бесие*, *-френия* («осколок» от *шизофрения*), *-безумие*, которые составляют запас прагматически заряженных

⁶ Русская версия англоязычной рекламы “Digitally Yours SAMSUNG” (ср. оборот *Fully Yours* ‘полностью Ваш’).

деривационных средств идеологизации дискурса в целом — вспомним совсем недавние *вакцинобесие*, *вертолётбесие*, *коронафрения*, *ковидобезумие* в лексиконе ковид-диссидентов⁷ [СКЭ]; см. также: *И «цифрофобы», и «цифрофилы» согласны, что качественные электронные курсы, созданные профессиональными педагогами и ИТ-специалистами, могут стать существенным подспорьем в образовательном процессе* (Учительская газета. 16.06.2020). Окказионализмы *цифрофобы*, *цифрофилы* созданы с помощью продуктивных суффиксоидов, обычно используемых в создании разного рода слов-ярлыков.

В этом же ряду оценочных авторских новообразований — неологизм *цифрократия* (ср. *технократия*, *Нетократия*), созданный экономистом-международником, публицистом Валентином Катасоновым для оценки современного периода — эпохи *цифрократии* (В. Ю. Катасонов. В начале было Слово, а в конце будет Цифра. 2019).

4. **Цифро-**. Если прилагательное *цифровой* представляет собой семантическую кальку, то препозитивный словообразовательный формант *цифро-* создан на русской почве и без участия «западных» образцов. Формант воспринимается как более компактный вариант слова *цифровой* и, несмотря на его новизну⁸, так же как и *цифровой*, активно используется в словотворчестве, а именно:

- в эргонимах, как например «*Цифродом*», «*Цифробанк*» (названия компаний), «*ЦифроАрт*» (название выставки), «*Цифробонус*» (программа лояльности) и др.;
- для создания неофициальных компактных вариантов составных терминов: **цифрообразование** — *цифровое образование*, **цифropравительство** — *цифровое правительство*, **цифрорубль** — *цифровой рубль* и т. п., как правило в протестном дискурсе;
- (чаще всего) для создания протестных, резко оценочных номинаций. Так, при отсутствии официальных **цифровой премьер*, **цифровой министр*, **цифровые чиновники* окказиональные новообразования *цифропремьер*, *цифроминистр*, *цифрочинювники* воспринимаются как пейоративные номинации; см.: *Эта модель перекочевала в нацпрограмму «Цифровая экономика», и теперь ее официально двигает цифропремьер Мишустин* (Континенталисть).

⁷ О более ранних окказионализмах такой структуры см. в [Дягилева 2017].

⁸ *Цифро-* не зафиксирован на момент исследования в информационно-поисковом лексикографическом ресурсе «Аффиксоиды русского языка» (<http://affixoid.iling.spb.ru>).

22.02.2023); *Чтобы придать себе вес, Людмила Григорьевна пригласила на совещание еще и **цифроминистра** областного правительства Снегирева...* (Другая Тверь. 14.03.2023); *ЕПГУ, по замыслу **цифрочинovníков**, должен стать центром взаимодействия гражданина с государством* (КПРФ.Ру. 21.12.2022).

В «антицифровом» дискурсе *цифро-* нередко присоединяют к **словам-ярлыкам**, типичным для любого идеологического или идеологизированного дискурса (*глобалисты, изменники, сектанты, фашисты* — примеры из [Сковородников и др., 2022]). В наших примерах с *цифро-* ярлыками служат следующие новообразования: *цифролюбисты, цифросектанты, цифрофашисты, цифроглобалисты, цифроизменники* — так именуют сторонников и активных участников цифровизации. Приведём иллюстрации: *Почему-то один из главных **цифроизменников** нашей Родины не понимает одну простую истину: прибыль с продажи персональных данных в несколько раз перекрывает возможные штрафы* (КПРФ.Ру. 19.01.2023); *Идея перевести всех на безличный расчет у **цифрофашистов** бродит постоянно, и это лишней раз свидетельствует о кризисе в нашей экономике* (Тайна незакония электронной России. NewsTes.ru. 02.06.2017); ***Цифролюбисты** из «Единой России» разрабатывают законопроект о биометрической идентификации новорождённых и малолетних детей* (Наша Планета. Мир вокруг нас. 30.12.2018); *Как **цифроолигархи** разбогатели на коронабесии уже все в курсе?* (орфография и пунктуация сохранены. — Е. М.) (Континенталист. 07.01.2021); *Не верьте **цифробесам**: российское ПО передает ваши данные за рубеж* (Politforums.ru. 03.04.2021).

Цифро- используется также как одно из средств для обозначения и оценки самого **процесса** цифровизации и его последствий в разных сферах социальной жизни — *цифроразрушение (системы образования России), цифрофашизм*, а также в номинациях прогнозируемого будущего — *цифроматрица (глобалистов), «цифрорай» (иронично), цифрорпервобытность, цифроконцлагерь, цифроконцлагерный (режим)* и др. Например: *...министр с помощником пытаются притянуть за уши педагогическое наследие для оправдания **цифроразрушения** системы образования России* (Если бы К. Д. Ушинский был бы сейчас в аудитории с А. С. Аникеевым, он бы поперхнулся. Искусственный интеллект. ИТ новости (ai-news.ru). 05.03.2023); *...5-я колонна в московском кремле готовит **цифрофашизм** в России — Новый Мировой Порядок изнутри* (Опасность нашим правам! Стихи и проза современных писателей, литературные конкурсы (litprichal.ru). 19.12.2022); *Не успели противники **цифроконцлагеря** выдохнуть летом прошлого года, когда*

в Правительстве заявили об отмене планов по внедрению электронных удостоверений личности, как на совещании в Правительстве 15 февраля... оговорили нас возвращением всех этих планов (Готовится новый указ о виртуальном биометрическом удостоверении личности. Русский календарь (guskalendar.ru). 19.02.2023); *Добро пожаловать в новый дивный мир. Очередной закон в рамках **цифроматрицы** глобализов...* (Континенталисть. 24.11.2021).

Можно заметить, что большинство протестных номинаций цифровизации и её последствий выражают идею **несвободы** личности в цифровом обществе вследствие антигуманной сущности самого перехода «на цифру». Иными словами, цифровизация, цифровые технологии, цифровая революция интерпретируются как абсолютное зло, направленное против природы человека, свободы личности. Сема ‘ограничение свободы’ является главной в номинациях пассивных участников цифровизации *послушные «цифровываны»*; с ней связан и единственный окказиональный глагол, обнаруженный нами в обследуемом материале, см.: *Поэтому рост без развития, которую определили для России планировщики её стирания, вполне их устраивает, чтобы она разрушалась, была донором метрополии, дешевающим ресурсом на мировом рынке во всех смыслах этого слова, с нищим населением, которое призвали **цифроколонизовать** нашим троянцам* (Континенталисть. 06.02.2020).

В заключение отметим, что вербальное кодирование актуальных, значимых для говорящего реалий в процессе стихийного словотворчества реализует **интерпретирующую функцию языка**. С одной стороны, создаваемая номинация уже фактом своего появления выделяет объект, который она обозначает; с другой — она этот объект оценивает, тем самым выражая информацию об отношении к объекту говорящего. В нашем материале наиболее подвижной и креативной сферой для словотворчества предстаёт дискурс противников «цифры». Номинации, выражающие отрицательную оценку явлений, связанных с реализацией концепции ЦО, свидетельствуют о её неоднозначности, а также о сложности в осмыслении новых «вызовов», стоящих перед человечеством в условиях кардинальных технологических новаций.

Использование ключевых слов языка цифрового общества (*цифровой, цифровизация, цифра*) в качестве строевого материала для номинаций, обслуживающих идеологизированный дискурс, создаёт условия для преобразования их семантики — приращения смысла за счёт идеологического компонента значения.

ЛИТЕРАТУРА

АЛ — Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. М.: Эксмо, 2006. 1136 с.

Барикко А. Игра / Пер. с итал. А. Миролубовой. М.: КоЛибри, 2019. 352 с.

БАС — Словарь современного русского литературного языка в 17 т. / Ред. В. И. Чернышев. Москва; Ленинград.: Изд-во АН СССР. 1959. Т. 17. 1483 с.

Дягилева И. Б. Окказионализмы с компонентом *-бесие* в русском языке XIX века // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография / отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 2017. С. 178–184.

Маринова Е. В. Терминотворчество в дискурсе о «цифре» // Terra Linguistica. Цифровая лексикология и цифровая лексикография. 2023. Т. 14. № 3. С. 61–79. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.14306>

Сковородников А. П., Копнина Г. А. Словарь современных политических ярлыков. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2022. 176 с.

СКЭ — Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Отв. ред. М. Н. Приёмшева. СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН. 2021. 550 с.

ТСЦО — Маринова Е. В., Волочек Е. А. Тематический словарь терминологии цифрового общества RU: Проспект // Альманах Говор. 2023. № 8. С. 1–196. Текст электронный DOI: [10.48612/govor/r11t-t47t-tm73](https://doi.org/10.48612/govor/r11t-t47t-tm73)

[doi:10.31912/anniversary_vinogradova_146-155](https://doi.org/10.31912/anniversary_vinogradova_146-155)

Swetlana Mengel, *Berlin–Halle*
Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg

Светлана Менгель, *Берлин–Халле*
Галле-Виттенбергский университет имени Мартина Лютера
swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

К ВОПРОСУ О НАИМЕНОВАНИИ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ. ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается образование наименований женщин и мужчин в славянских языках с точки зрения возможностей языковой системы и их реализации в диахронном аспекте. Особое внимание уделяется вопросу выражения значения «мужскости» в контексте и при наличии материально выраженного значения «женскости».

Ключевые слова: существительные со значением лица, наименование женщин и мужчин, модификационное и мутационное словообразовательное значение, языковые стратегии и словообразовательные процессы в диахронном аспекте.

Введение

Начиная с конца XX века в связи с современными общественными социальными и политическими процессами — гендерной проблематикой, политкорректностью и др. — и отражением этих процессов в языке как в западноевропейских языках — особенно в немецком языке в Германии и Австрии (ср. [Hajnal 2002], [Fischer 2014], [Pohl 2016], [Schröder 2019], [Diewald & Nübling 2020], и др.), так и в славянских (ср. [Miemietz 1993], [Новицка 2006], [Григоренко 2008], [Właszowska: 2016], [Пристайко 2017], [Małocha-Krupa 2018], [Беркутова 2019], [Гурьянова 2019], [Кривошеина 2019], [Самойленко, Стекленева 2019], [Zifonun, Drewnowska-Vargáné 2019] и др.) наблюдается резкое увеличение наименований женщин, т. наз. «феминативов». Этот процесс вызвал живой интерес исследователей (см. выше). Естественным образом он не остался без внимания и в Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете

славистов, активным членом которой со дня ее основания является и наш уважаемый юбиляр — *Валентина Николаевна Виноградова*. Теоретическому осмыслению проблематики образования феминативов посвящен ряд работ членов Комиссии (ср. [Waszakowa 2021], [Markežič, Stramljič Brezник 2021], [Mengel 2022] и др.), она не раз живо обсуждалась на ее регулярных лекциях-встречах.

Так, в своей лекции «Tvorbeni lastnosti feminativov v slovenščini in možnosti za izdelavo specialnega slovarja» 27 октября 2022 года Ирена Страмлич Брезник представила исчерпывающий обзор образования феминативов в словенском языке, очертив перспективу создания специального словаря. Опираясь на труды словенских ученых, она показала, что с лингвистической точки зрения в плане словообразовательной семантики феминативы принято рассматривать как производные с *модификационным словообразовательным значением*. Такой подход представлен и в разделе «Словообразование» [Лопатин, Улуханов 1980: 200–204] в «Русской грамматике» [АГ 1980], где интересующие нас образования названы «существительными со значением женскости». С точки зрения формальной словообразовательной структуры можно выделить, однако, две модели: (а) феминативы, образованные от «наименований мужчин», т. е. находящиеся с ними в отношениях производности, ср.: слов. *uuitelj* → *uuitelj-ica* (сюда же, по нашему мнению, следует включить редеривацию — образование наименований мужчин от наименований женщин, ср.: русс. *доярка* → *дояр*, см. раздел 1) и (б) феминативы, которые по определению Й. Топоришича [Торогльи 1966] образованы от наименований мужчин путем замены форманта или его части, ср.: слов. *ded-iu* — *ded-inja*. А. Видович Муха [Vidovič Muha 1997] характеризует их как образования от одной общей производящей основы, ср.: слов. *boriti se* → *bor-ec*, *boriti se* → *bor-ka*; ср. русс. *неть* → *нев-ец*, *неть* → *нев-ица*, с чем, на наш взгляд, следует согласиться (см. раздел 1). Представленная Страмлич Брезник типология образования феминативов характерна не только для словенского, но и для всех других славянских языков, как справедливо отметила исследовательница. Одним из вопросов последовавшей дискуссии был следующий: Если существует модификационное словообразовательное значение «женскости», которое может быть выражено определенным формантом, то как и чем выражается значение «мужскости»?

Этот необычайно интригующий в аспекте обзорной лекции о феминативах вопрос, касающийся словообразовательной семантики и ее

формального выражения, побудил меня обратиться к рассмотрению образования в славянских языках не только наименований женщин, но и наименований мужчин в свете генезиса соответствующих словообразовательных явлений. Свои изыскания и размышления в этом плане я представила членам Комиссии по славянскому словообразованию в лекции 28 апреля 2023 года, которая и положена в основу данной, одноименной с темой лекции, статьи (см. также [Mengel 2022]).

Не заостряя внимания на социальной функции языка и отражении в нем современных социально-политических процессов, способствующих увеличению количества феминативов, я сконцентрируюсь далее на анализе возможностей языковой системы и реализации этих возможностей в диахронном аспекте.

В центре нашего внимания будут стоять наименования женщин и мужчин, т. е. наименования, обозначающие лиц как женского, так и мужского пола: в плане словообразовательной семантики — существительные с общим словообразовательным значением «лицо» (и его частными или «приращенными» значениями: «лицо по характерному действию, признаку, отношению к предмету и др.»); в плане формальной словообразовательной структуры — единицы, находящиеся как в словообразовательных отношениях производности, так и образованные от сепаратных основ. Для решения поставленной задачи мы ограничимся, однако, в последнем случае только однокорневыми производными — наименованиями женщин и мужчин, параллельно образованными от одной и той же производящей основы. В качестве иллюстративного материала (частично уже представленного в [Mengel 2022]) кроме праславянского и старославянского языков будут использованы, в основном, примеры из русского языка.

1. Обозначение лиц мужского и женского пола в истории славянских языков.

Языковые стратегии и словообразовательные процессы

Как известно, все языки мира независимо от наличия или отсутствия в них грамматической категории рода способны отражать биологическую категорию пола, в том числе называть женщин и мужчин, т. е. лиц женского и мужского пола, используя для этого лексические средства. Об этом свидетельствуют уже самые древние пласты лексики, в частности, наименования степеней родства ср.: ст.-сл. *mati* (< **mater-*), *отьць* (< **otikōs*), *сынъ* (< **sūnūs*), *дъшти* (< **dūtjer-*), *братъ* (< **bhrāter-*), *сестра* (< **sestrās*); русск. *мать*, *отец*,

сын, дочь, брат, сестра. В праславянском языке данные разнокоренные наименования различались принадлежностью к различным типам склонения: *мать* (ж. п.), *дочь* (ж. п.), *брат* (м. п.) — к склонению с основой на согласный; *отец* (м. п.) — к твердому подтипу склонения на **-ǫ/jǫ*; *сын* (м. п.) — к склонению на **-ŷ*; *сестра* (ж. п.) — к твердому подтипу склонения на **-ā/jā*.

Уже в раннепраславянский период для обозначения лиц мужского и женского пола использовались однокоренные наименования, для которых принадлежность к разным типам склонения служила единственным различительным признаком. Их мы также находим среди обозначения степеней родства, ср.: русск. *свекр* (м.п.) — основа на **-ŷ* (**svekr-ŷ-s* > *svekrŷ* > *svekrǫ*): *свекровь* (ж. п.) — основа на **-ŷ* (**svekr-ŷ-s* > им. п. *svekr-ŷ* > *svekrŷ*, вин. п. **svekr-ŷ-ŷm* > *svekr-ŷv-ŷm* > *svekrǫvŷ*, вин. п. = им. п.); *тесть* (м.п.) — основа на **-ŷ* (**test-ŷ-s* > *test-ŷ* > *testŷ*) : *теща* (ж. п.) — основа на **-jā* (**test-jā-s* > *test-jā* > *teš'a*); но не только, ср.: ст.-сл. *рабъ* (м. п.) ‘работник’ — основа на **-ǫ* (**orb-ǫ-s* > *orb-ǫ* > *orb-ǫ* > *rabŷ*): *раба* (ж. п.) ‘работница’ — основа на **-ā* (**orb-ā-s* > *orb-ā* > *orb-a* > *raba*) и др. Т. е. тематические гласные основы — в наших примерах **-ŷ*/**-ŷ*; **-ŷ*/**-jā*; **-ǫ*/**-ā* — могли использоваться в качестве различных суффиксов при необходимости обозначить как лицо женского, так и лицо мужского пола, семантически связанные с общей производящей основой, от которой наименования обоих лиц производились параллельно.

С другой стороны, для обозначения лиц как женского, так и мужского пола могло использоваться одно общее наименование, обозначающее и женщину, и мужчину, ср.: ст.-сл. *сждия* (**sqditi* → **sqdi-jā-s*), русск. *рёва* (*reveti* → **rev-ā-s*), *плакца* (*plakati* → **plak-s-ā-s*). О древности этих наименований свидетельствует тот факт, что и для их образования могли служить тематические гласные основы (**-ā*), а также первичные (**-s-*) или новые суффиксы, еще не преобретшие специализации, ср.: ст.-сл./русс. *сирота* (*сирѣ/сирый* → *сир-ота*), ст.-сл. *убишца* (*убити* → *уби-шца*). Как известно, впоследствии суффикс *-ота* в сочетании с основами прилагательных специализируется на образовании абстрактных существительных со значением признака (т. наз. «синтаксическая деривация», ср.: русск. *добрый* → *доброта*, *красный* → *красота* и др.), а суффикс *-шца* используется преимущественно для образования наименований лиц женского пола (см. ниже). Общие наименования для лиц как женского, так и мужского пола использовались, очевидно, в тех случаях, когда нужно было обозначить лицо в общем при отсутствии принципиальной

необходимости отразить его пол (в отличие от *тесть* : *теща*, *свёкр* : *свекровь*). В современном русском языке эта лексико-семантическая группа, объединяющая «существительные общего рода», до сих пор продуктивна; входящие в нее наименования производятся как от исконных, так и от заимствованных производящих основ всех основных частей речи — прилагательного, глагола, существительного, ср.: русск. (*грязный* →) *грязнуля*, (*вообразить* →) *воображуля*, (*каприз* →) *капризуля* и др. Более того, эта лексико-семантическая группа способна интегрировать заимствования, ср.: русск. *коллега* — у нас появилась новая *коллега*; у нас появился новый *коллега* (ср.: она была *круглая сирота*, он был *круглый сирота*). Заметим в этой связи, что, например, в польском языке заимствование *kolega* обозначает только лицо мужского пола, тогда как для обозначения лица женского пола создан феминатив *koleżanka* [Słownik 2001: 84, 380].

Итак, уже в раннепраславянский период наименования женщин и мужчин, т. е. лиц женского и мужского пола, могли параллельно образовываться от одной и той же производящей основы с помощью отнесения их к различным типам склонения (т. е. тематических гласных) или первичных индоевропейских суффиксов *-v, *-j, *-k, *-t и др. В результате действия фонетических законов — прежде всего закона открытого слога и тенденции к палатализации согласных — в классический период развития праславянского языка происходит перестройка слоговой структуры слова, в результате которой формируются многочисленные новые суффиксы, обладающие бóльшим формальным и семантическим объемом, что ведет к развитию маркантной особенности славянских языков — разветвленной системе деривации с наличием многочисленных суффиксов, способных передавать различные значения и их оттенки [Mengel 2014; 2015; 2019]. Новые суффиксы открывают новые возможности для параллельного образования наименований лиц как женского, так и мужского пола от одной и той же производящей основы.

Очевидно, к одним из самых ранних таких новых образований следует отнести наименования лиц по принадлежности к определенному социуму, сообществу людей (народу, территории, группе единомышленников и др.), обозначаемому в языке наименованиями с суффиксом *-ан-е*, ср.: ст.-сл. (*градъ* ‘[огороженная] территория’ →) *граждане* (< **gord-jan-e*) ‘сообщество людей, проживающих на территории города’. При необходимости обозначить отдельных лиц из этого сообщества используются еще достаточно индифферентные по значению суффиксы: *-ин-* (с общим значением единичности, ср.: русск.

один; *горох* → *горош-ин-а* и др.) — для обозначения (одного) лица мужского пола, и индоевропейский неспециализированный (каковым он, собственно говоря, остается в славянских языках и по сей день) суффикс *-к-* — для обозначения (одного) лица женского пола, ср.: ст.-сл. *граждане* → *граждан-ин-ъ*, *граждане* → *граждан-к-а*. (Заметим в скобках, что по этому образцу в современном польском языке создан выше упомянутый феминатив *koleżanka*, при отсутствии **koleżane* и **koleżanin*).

Данная бинарная модель наименования лиц мужского и женского пола по их общей «принадлежности» однокорневыми существительными, параллельно образованными от общей производящей основы, остается чрезвычайно продуктивной в славянских языках и по сей день, ср. в русском:

- (1) «лицо по территориальной принадлежности»: *южане* → *южанин*, *южанка*; *северяне* → *северянин*, *северянка* и др.;
- (2) в том числе наименования жителей конкретных городов, планет и т. п.: (*Ростов*) *ростовчане* → *ростовчанин*, *ростовчанка*; (*Нарым*) *нарымчане* → *нарымчанин*, *нарымчанка*; (*Марс*) *марсиане* → *марсианин*, *марсианка* и др.;
- (3) «лицо по национальности»: *англичане* → *англичанин*, *англичанка*; *молдоване* → *молдованин*, *молдованка* и др.;
- (4) «лицо по принадлежности к определенному духовному или социальному (со)обществу, организации, союзу и т. п.»: *христиане* → *христианин*, *христианка*; *мусульмане* → *мусульманин*, *мусульманка*; *мещане* → *мещанин*, *мещанка*; *дворяне* → *дворянин*, *дворянка* и др.

В современных славянских языках для образования таких бинарных наименований могут использоваться и другие, уже специализированные впоследствии, суффиксы, ср.: суффикс *-ец* в русском языке со специализированным частным словообразовательным значением «лицо по принадлежности» при образовании наименований лиц мужского пола от основ существительных [Mengel 1997]: *комсомол* → *комсомол-ец*, *комсомол-к-а*; или суффикс *-ыня* с тем же значением при образовании наименований лиц женского пола (см.: *баре* → *бар-ин*, *бар-ыня* и др.).

Формирование новых суффиксов для обозначения лиц женского и мужского пола расширяет возможности образования параллельных наименований, равным образом характеризующих как мужчин, так и женщин по определенным общим критериям, от основ всех основных частей речи: прилагательного — «лицо, как носитель признака»,

ср.: русск. *старый* → *стар-ик* (м. п.), *стар-уха* (ж. п.); *молодой* → *мóлод-ец* (м. п.), *мóлод-уха*, *мóлод-ица* (ж. п.) и др.; существительного — «лицо, характеризующее предмет (в широком смысле слова)», ср.: русск. *ист(ина)* → *ист-ец* (м. п.), *ист-ица* (ж. п.) и др.; глагола — «лицо по характерному действию», ср.: (др.-)русск. *ведати* ‘знать’ → *вед-ьць*, *вед-унь* (м. п.), *вед-ьма* (ж. п.); русск. *петь* → *пев-ец* (м. п.), *пев-ица* (ж. п.); *шить* → *швец* (м. п.), *швея* (ж. п.); *торговать* → *торгов-ец* (м. п.), *торгов-ка* (ж. п.), *продавать* → *продав-ец*, *продав-щик* (м. п.), *продав-щица* (ж. п.) и др.

Такие наименования лиц мужского и женского пола, как и бинарная модель их образования от общей производящей основы, по-прежнему широко распространены и остаются продуктивными в современных славянских языках.

С точки зрения словообразовательной семантики мы имеем здесь дело с производными существительными с общим *мутационным словообразовательным значением* «лицо» и частными словообразовательными значениями лица. Это в равной степени относится как к производным, обозначающим мужчин, так и к производным, обозначающим женщин. Специальные значения «женскости» или «мужскости» здесь не выражены эксплицитно; указание на обозначение лица женского или мужского пола дается формально суффиксами, в определенной степени специализированными на обозначение лиц женского или мужского пола, и соответствующей флективной парадигмой.

В этом плане приходится не согласиться с мнением ученых, утверждающих, что наименования женщин, т. е. феминативы, актуализируют (или несут в себе) исключительно *модификационное словообразовательное значение* «женскости» (см. Введение).

Обратимся теперь к наименованиям женщин и мужчин, находящимся в отношениях производности, таким, как ст.-сл. *кѣназѣ* (< *kǫpǫnǫgǫz) → *кѣназѣ-ыни* ‘жена князя’. О древности отношений производности свидетельствует в этом примере отсутствие рефлекса второй палатализации заднеязычных согласных в наименовании лица женского пола (*кѣназѣыни*), которое появилось еще до того, как второй палатализации подвергся [g > z'] после [e < ĭn] в производящей основе (*кѣназѣ*). Несет ли здесь наименование лица женского пола (*кѣназѣыни*) исключительно модификационное словообразовательное значение «женскости»? Вне всякого сомнения можно в любом случае утверждать, что в нем актуализируется значение «лицо по принадлежности». Кроме жены у князя имелись еще дети, наименования которых также образованы от производящей основы *кѣназѣ* → *кѣназѣ-ичь*

‘сын князя’, *кѣнажъ-ьна* ‘дочь князя’ (они тоже древнего происхождения и возникли до второй палатализации, на что указывает представленный в них рефлекс первой палатализации: изменение [g > ž'] перед гласными переднего ряда [i] и [ь]). Оба образования также актуализируют значение «лицо по принадлежности», которое прецизируется в производном *кѣнажъна* как «лицо женского пола» и в производном *кѣнажичь* как «лицо мужского пола». Т. е. модификационное словообразовательное значение («лицо» → «лицо по принадлежности») во всех трех случаях (*кѣнагыни*, *кѣнажъна*, *кѣнажичь*) оказывается составным, а на примере производного *кѣнажичь* мы видим, каким образом выражается значение «мужскости», связанное здесь с суффиксом *-ичь*. Наименования лиц женского (*кѣнагыни*, *кѣнажъна*) и мужского (*кѣнажичь*) пола и в данном случае параллельно образованы от общей производящей основы (*кѣназь*), и значения «женскости» и «мужскости» в них тоже представлены имплицитно и связаны с суффиксами в определенной степени специализированными на обозначение лиц женского или мужского пола.

2. Выражение значений «женскости» и «мужскости».

Возможное разъяснение вопроса

Обратимся теперь к примерам типа: русск. *великая российская царица Екатерина II, российская императрица Екатерина Великая*. Наименования лица женского пола (*царица, императрица*) состоят здесь также в отношениях производности (как *кѣназь* → *кѣнагыни*) с соответствующими существительными мужского рода, ср.: (нем. *kaiser* > ст.-сл. *цѣсарь* >) *царь* → *цар-ица, император* → *императр-ица*, но не указывают на принадлежность к названному в производящей основе лицу: они обозначают, так сказать, «правителя женского пола». Актуализируют ли эти наименования эксклюзивно модификационное словообразовательное значение «женскости»? Выступающие в качестве производящей основы существительные мужского рода *царь* и *император* обозначают в данном случае, по нашему убеждению, вовсе не «лицо мужского пола», а определенную «должность» или «профессию». Так же следует понимать употребления типа: *новым министром культуры назначена Татьяна Александровна Иванова; за заслуги в науке Антонине Поликарповне Петровой присвоено звание академика; новый роман Н.Н. не рекомендуется читателям моложе 16 лет*, где существительные мужского рода *министр, академик, читатели* тоже не обозначают конкретных лиц мужского пола, но являются

наименованиями должности, звания или действующего субъекта вообще (*nomen agentis*) — понятий, отражающих более высокую степень абстракции. Эти должности, профессии, звания могут занимать, исполнять и носить как мужчины, так и женщины, так же, как лица обоих полов могут выступать в роли действующего субъекта. Чтобы подчеркнуть в этом плане отсутствие принуждающей зависимости между грамматическим родом и биологическим полом, стоит заметить, что сами абстрактные понятия «профессия» (ж. р.), «должность» (ж. р.), «звание» (с. р.), «субъект» (м. р.) могут быть обозначены в славянских языках существительными всех трех грамматических родов.

В случае необходимости уточнить пол конкретного лица, исполняющего профессию, занимающего должность и проч., от наименования профессии, должности и проч. как производящей основы могут быть образованы параллельные наименования лиц женского и мужского пола, аналогично тому, как это было показано выше (см. раздел 1). Именно такими наименованиями лица женского пола являются наши примеры *Екатерина II Великая — российская царица и императрица*. Открытым остается пока вопрос, как в таких случаях в современных славянских языках образуются параллельные наименования лиц мужского пола и как выражается значение «мужскости», например, в случае русск. *Пётр I Великий — российский царь и император*?

Для того, чтобы попытаться подойти к решению этого вопроса или предложить его возможное решение, необходимо вернуться в более ранний период развития славянских языков.

Занимаясь изучением однокорневых существительных со значением лица в языке Древней Руси XI–XIV веков по «Материалам для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского и по Картотеке словаря древнерусского языка XI–XIV веков, хранящейся в Институте русского языка им. В. В. Виноградова в Москве [Менгель 1985], я столкнулась с «загадочным» феноменом — образованиями мужского рода со вторичными суффиксами, типа: (*дълати* → *дълатель* → *дълатель-никъ*, *дълател-инъ*; (*писати* → *писа-тель* → *писатель-никъ*, (*обитати* →) *обита-тель* → *обитатель-никъ*; (*рыба* →) *рыб-арь* → *рыбар-инъ*; (*ловити* →) *лов-чи* → *лов-чанинъ*; (*жити* →) *жи-тель* → *жител-инъ*; (*жлати* →) *жля-тель* → *жлател-янинъ* и др. Т. е. мною были обнаружены однокорневые существительные мужского рода, находящиеся в отношениях производности, где в производном, как казалось, вторичным суффиксом дублировалось

словообразовательное значение, представленное уже суффиксом производящей основы. Б. А. Успенский [Успенский 1984: 47] считал, что такие «дублеты», как *«любодѣи → любодѣиць <...>»* противопоставлены не семантически, а стилистически и второе «производное слово <...>» является как бы специфически книжным». Наш первоначальный анализ этого феномена позволил в определенной степени согласиться с мнением Успенского и квалифицировать вторичные суффиксы как семантически опустошенные. Тем не менее, мы констатировали, что почти половина всех рассмотренных нами суффиксов могла выступать в качестве вторичных и общее количество зафиксированных «дублетов» оказалось отнюдь не малым.

Заданный в контексте доклада о феминативах вопрос о том, как выражается значение «мужскости» (см. Введение), заставил меня еще раз задуматься над давно оставленной, но не забытой и не решенной проблемой вторичных суффиксов в древнерусском языке.

Результат повторно проведенного обследования позволяет, как нам представляется, сделать вывод, что такие вторичные суффиксы могли присоединяться к формирующимся в этот исторический период развития наименованиям профессий, функций и проч., обозначаемых существительными мужского рода, в том случае, если существовала информативная необходимость уточнить мужской пол лица, исполняющего профессию, функцию и проч. Т. е. так же или параллельно тому, как это происходило при уточнении женского пола лица и было показано выше (см. *царица, императрица*).

Продемонстрируем наш вывод на следующем примере из «Изборника Святослава 1073 года», где интересующие нас наименования со вторичными суффиксами и без них находятся в пределах нескольких страниц, т. е. первые не могут указывать на их «специфическую книжность», как считал в свое время Успенский, ср.:

др.-русск./ст.-сл. *«Мы **властеле** ѹсмь помыслоу възгаражитоуся (л. 60); **Иавь** есть яко **властелинъ** есть страстьмь помыслъ (л. 61); Не бо ѹсть въ власти рече развь отъ Ба. что елеши то всакъ ли **властеланинъ** о(тъ) Ба поставляеться (л. 97)»* (цит. по [Срезневский 1989: I, 270–271]).

Если в первом контексте (л. 60) существительное мужского рода *властель* обозначает общее наименование деятеля или функции — ‘властителя помыслов, правителя’ (ср. также в Остромировом евангелии 1056–1057 гг.: *«Азь члкъ ѹсмь подъ **властели** оучинень, л. 87, цит. по [Срезневский 1989: I, 292]»*), то во втором (*властел-инъ*, л. 61)

и особенно в третьем (*властел-анинь* л. 97) контекстах явно просматривается значение конкретного лица мужского пола, выполняющего эту функцию. Для его обозначения к наименованию *властель* с общим значением функции (деятеля, профессии) «добавлены» суффиксы *-инь* и *-анинь*, характерные для образования наименований лиц мужского пола. В говорах современного русского языка зафиксировано параллельное обозначение конкретного лица женского пола от производящей основы *властель/волостель* (с выше названным «общим» значением) → *волостель-ша* ‘госпожа’. Об этом конкретном значении, свидетельствует и тот факт, что в Словаре Даля *волостель* и *волостельша* даются как синонимы к *господин* и *госпожа* [Даль 1956: I, 213], которые образованы от общей производящей основы *господь* со значением ‘деятеля или функции’ → *господ-инь* ‘лицо мужского пола’, *госпож-а* (< **gospod-j-a*) ‘лицо женского пола’.

Таким образом, суффиксы, специализированные на обозначение лиц мужского пола, использовались в качестве вторичных, по всей видимости, как показатели «мужскости» или выражали значение «мужскости», которое в этом случае следует считать *мутационным словообразовательным значением* («профессия» → «лицо») аналогично тому, как это представлено в рассмотренных выше наименованиях лиц женского пола.

Наше предположение о таком употреблении вторичных суффиксов подкрепляется также наблюдениями, что самым продуктивным вторичным суффиксом являлся суффикс *-ин-* с его индифферентным значением единичности (см. выше раздел 1: *граждане* → *граждан-инь*, *граждан-к-а*).

В ходе исторического развития в подобного рода наименованиях лиц мужского пола, образованных от названий профессий, функций и проч., где как производящее, так и производное были выражены производными существительными мужского рода, вторичный суффикс мог постепенно ощущаться как избыточный. С утратой, например, производящей основы, обозначавшей профессию, функцию и проч., эти образования могли семантически переосмыслиться как ее замена, ср.: русск. *властелин* ‘*princers*’ при утрате в литературном языке первоначального *властель*, и, наоборот, наименования профессии, функции и проч. могли по-новому осознаваться как наименования конкретного лица мужского пола, как это произошло в русских говорах, где, как было показано, *волостель* соотносится с *волостельша* как конкретное лицо мужского пола с конкретным лицом женского пола аналогично *господин* : *госпожа*. Рассматриваемые наименования

со вторичным суффиксом могли приобретать и иные конкретные значения, ср.: русск. *властельникъ* 'представитель одной из ересей в христианстве', или же полностью утрачиваться под действием лингвистического закона экономии языковых средств, ср.: *властелянинъ*.

Параллельные наименования лиц женского пола, образованные от существительных мужского рода, обозначающих профессию, функцию и проч., сохранялись и продолжали оставаться продуктивными. Помимо того, что в них отсутствовал «конфликт» двух «мужских» суффиксов, такие образования могли поддерживаться (и зачастую переосмысляться как таковые) продуктивными образованиями, в которых «женский» суффикс кроме значения «лицо женского пола» актуализировал также модификационное значение «лицо по принадлежности» (см. выше *кѣназь* → *кѣнагыни*).

Сохранилась, по нашему убеждению, и бинарная модель параллельного образования наименований лиц мужского и женского пола от общей производящей основы, причем не только в рассмотренных в случаях (см. выше раздел I: *комсомол* → *комсомол-иц*, *комсомол-к-а*), но применительно к параллельному образованию наименований мужчин и женщин от наименований профессий, функций и проч., обозначенных существительными мужского рода.

Возьму на себя смелость предложить с диахронной точки зрения объяснение, как эта модель функционирует, по нашему мнению, в современных славянских языках.

Под действием закона открытого слога, вступившего в силу в праславянском языке и требовавшего перестройки слоговой структуры по принципу восходящей звучности, в том числе упрощения групп согласных, и особенно после падения редуцированных гласных *ъ* и *ь* (сохранившихся в истории русского языка до XII–XIV веков) в языковых системах славянских языков возникли и получили развитие нулевые морфемы — материально не выраженные носители языковых значений. Помимо широко употребительных нулевых флексий в парадигме склонения, ср.: русск. *стол-∅* (им. п. ед. ч. — нулевое окончание; *stolъ* > *stol*), *стол-а* (род. п. ед. ч. — окончание *-а*); *стран-ы* (им. п. мн. ч. — окончание *-и*), *стран-∅* (род. п. мн. ч. — нулевое окончание; *stranъ* > *stran*) и т. д., к ним относятся и нулевые морфемы других уровней, например, суффиксы, ср.: русск. *неть* (инфинитив) → *не-л-∅* (прошедшее время ед. ч. муж. р. — суффикс *-л-*, нулевое окончание; **pě/-l-ъ* > *pel*), ср. *не-л-а*; *нести* (инфинитив) → *нѣс-∅-∅* (прошедшее время ед. ч. муж. р. — нулевой суффикс, нулевое окончание; **ne/s-l-ъ* > *nesl* > *nes* [**sl* > *s* в конце слога] > *n'os*, [*e* > *o*

в закрытом слоге под ударением в русском языке]), ср. *нес-л-а*; *печь* (< **pekti*, инфинитив) → *пѣк-Ѡ-Ѡ* (прошедшее время ед. ч. муж. р. — нулевой суффикс, нулевое окончание; **pe/k-l-ъ* > *pekl* > *pek* [**kl* > *k* в конце слога] > *p'ok*), ср. *пек-л-а* и др. Таким образом, материально не выраженные (нулевые) морфемы стали и являются неотъемлемой характеристикой языковой системы славянских языков и полноправными «законными» носителями языковых значений на различных языковых уровнях.

В современных славянских языках нулевые суффиксы присутствуют и на уровне словообразования, например, в случаях редеривации, ср.: русск. *дояр-к-а* → *дояр-Ѡ*, где нулевой суффикс является носителем значения «лицо мужского пола» в отличие от суффикса *-к-* в производящей основе со значением «лицо женского пола».

В этой связи аналогично приведенному примеру наименования лиц мужского пола, которые образованы от наименований профессий, функций, должностей, званий, общего наименования деятеля (*nomen agentis*) и проч., выраженных существительными мужского рода, следует, по нашему убеждению, считать производными с нулевым суффиксом, который несет семантическую нагрузку или значение «лицо мужского пола» параллельно значению «лицо женского пола» у материально выраженных суффиксов в параллельных наименованиях лиц женского пола. Т. е. диахронному положению вещей типа: ст.-сл. (*писати* →) *писатель*, «*nomen agentis*», позднее «профессия» → *писатель-никъ* «лицо мужского пола», выполняющее действие, профессию, названные производящей основой», **писатель-ница*, «лицо женского пола», выполняющее действие, профессию, названные производящей основой», в современном языке с синхронной точки зрения соответствует: русск. (*писать* →) *писатель* «профессия» → *писатель-Ѡ* «лицо мужского пола», выполняющее профессию, названную производящей основой», *писатель-ница*, «лицо женского пола», выполняющее профессию, названную производящей основой».

Таким образом, на вопрос о том, как и чем выражается значение «мужскости» при наличии значения «женскости», эксплицитно выражаемого определенным формантом, я посмею предложить следующий ответ: в современных славянских языках значение «мужскости» выражается преимущественно нулевым суффиксом (хотя не только). При этом значение «мужскости», как и значение «женскости», не является, по нашему мнению, сугубо модификационным.

Наиболее часто значения «женскости» и «мужскости» актуализируются как *мутационное словообразовательное значение* в комбинации

с общим словообразовательным значением «лицо», ср. примеры выше: *царь*, *император* (непроизводные заимствованные существительные мужского рода), «должность», правитель' → *цар-ица*, *императр-ица* 'лицо женского пола, занимающее должность правителя', *царь-Ѡ*, *император-Ѡ* 'лицо мужского пола, занимающее должность правителя'; аналогично — *блогер* 'профессия' → *блогер-Ѡ* 'лицо мужского пола по профессии', *блогер-к-а* 'лицо женского пола по профессии' (а также возможные **блогер-ица* [ср. *мастер* → *мастерица*], **блогер-иха* [ср. *ткач* → *ткачиха*], **блогер-есса* [ср. *поэт* → *поэтесса*], *блогер-ша* [ср. *волостель* → *волостельша*]). Как **модификационное словообразовательное значение** значения «мужскости» и «женскости» проявляются в комбинации с частным значением лица, например, «лицо по принадлежности», ср. выше раздел I: *кѣназь* → *кѣнаж-ичь*, *кѣна-гыни*, *кѣнаж-ьна* или аналогично — например, отчества в русском языке: *Петр* → *Петров-ич*, *Петров-на*.

ЛИТЕРАТУРА

АГ 1980: Русская грамматика. М.: Академия наук СССР, 1980.

Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект // Филологический аспект. 2019, 43 (11). С. 6–22.

Григоренко О. В. Неологизмы-феминативы в русском языке конца XX — начала XXI вв. В: *СТЕФАНΟΣ: Сборник научных трудов*. Воронеж, 2008. С. 33–41.

Гурьянова С. Феминитивы. Взгляд филолога // Сноб (информационное пространство), 2019. URL: <https://snob.ru/profile/32168/blog/158103/>.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (репринт 2-го изд.). М., 1956.

Кривошеина В. А. Феминитивы в современных языковых практиках // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. М., 2019. С. 146–153.

Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словообразование // Русская грамматика. Москва: Академия наук СССР, 1980. С. 200–204.

Менгель С. А. Виды отношений между однокорневыми существительными со значением лица в древнерусском языке XI–XIV вв. Канд. дисс. (на правах рукописи). М., 1985.

Новицка Б. Феминативы с суффиксом -к(а) в новой русской лексике // *Studia rossica posnaniensia*. 2006, (33). Poznan, pp. 73–76.

Пристайко Т. С. Феминитивы в аспекте неологии (на материале наименований женщин по роду деятельности в русском языке) // Вісник

Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство. 2017, 23(1)25. С. 144–155.

Самойленко Н. С., Стеклєнава А. А. Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в СМИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 2 (33). С. 126–132.

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. (2-е изд. репринт). М., 1989.

Błaszowska H. Weibliche Personenbezeichnungen im Deutschen und Polnischen aus der Sicht der feministischen Sprachkritik. *Dysertacje Wydziału Neofilologii UAM w Poznaniu*, 5. Poznań, 2016.

Diewald G., Nübling D. Genus und Sexus: Es ist kompliziert. *Neue Züricher Zeitung* vom 17. Dezember 2020. Available at: <https://docplayer.org/201160324-Genus-und-sexus-es-ist-kompliziert.html>

Fischer G. *Grenzen gendergerechter Sprache*. Wien, 2014. Available at: https://slawistik.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/i_slawistik/Forschung/Fachdidaktik/Forum/44_Grenzen_gendergerechter_Sprache.pdf.

Hajnal I. *Feministische Sprachkritik und historische Sprachwissenschaft. Die unterschiedlichen Sichtweisen der Kategorie Genus in Syn- und Diachronie*. Innsbruck, 2002.

Małocha-Krupa A. *Feminywum w uwikłaniach językowo-kulturowych*. Wrocław, 2018.

Markežič T., Stramljič Breznik I. *Feminativi v slovenskem jeziku*. Maribor, 2021.

Mengel S. *Wege der Herausbildung der Wortbildungsnorm im Ostslawischen des 11.–17. Jahrhunderts*. Frankfurt am Main u.a., 1997 (Berliner slawistische Arbeiten, Bd. 2).

Mengel S. Besonderheiten der slawischen Wortbildung unter sprachhistorischen Aspekten. *Slawische Wortbildung im Vergleich: Theoretische und pragmatische Aspekte*. S. Mengel (Hg.). Berlin, 2014, pp. 104–128. (Slavica Varia Halensia, Bd. 12).

Mengel S. 115. Historical word-formation in Slavic. *Handbook Word-Formation*, vol. 3. Berlin–Munich–Boston, 2015, pp. 2021–2041. (Handbooks of Linguistics and Communication Science — HSK, Bd. 40.3).

Mengel S. Derivation als Spezifikum der Wortbildung im Slawischen. Versuch einer Erklärung aus sprachhistorischer Sicht. *Sprachgeschichte und Sprachwandel im Slawischen. Festschrift für Jadranka Gvozdanović*. A. Bierich, Th. Bruns (Hg.). Berlin, 2019, pp. 185–203. (Trierer Studien zur Slavistik, Bd. 6).

Mengel S. О гендерной проблематике в русском языке: новообразования последних лет и диахронный аспект. *Slovanská slovtvorba. Synchronia, inovácie, neologizácia*. M. Ološtiak, L. Liptáková, K. Bednárová-Gibová (eds.). Prešov, 2022, pp. 35–56.

Miemietz B. *Motivation zur Motion: Zur Bezeichnung von Frauen durch Feminina und Maskulina im Polnischen*. Frankfurt am Main, 1993.

Pohl H.-D. Zum feministischen Sprachgebrauch („Gendern“) im Deutschen (insbesondere in Österreich). *Germanica Wratislaviensia*, 2016, p. 140. Wrocław, 285–304 (Acta Universitatis Wratislaviensis, 3715).

Schröder B. *Das Genus-Gefälle. Zur grammatischen Kategorie Genus und ihren gesellschaftlichen Wechselwirkungen*, 2019. Available at: https://www.researchgate.net/publication/332173612_Das_Genusgefalle_Zur_grammatischen_Kategorie_Genus_und_ihren_gesellschaftlichen_Wechselwirkungen.

Słownik 2001 — G. Kowalova, I. Mitrofanova. *Słownik polsko-rosyjski i rosyjsko-polski. Польско-русский и русско-польский словарь*. Moskwa, 2001.

Toporišič Jo. *Slovenski knjižni jezik*. Maribor, 1966.

Vidovič Muha A. Prvine družbene prepoznavnosti ženske prek poimenovalne tipologije njenih dejavnosti, lastnosti. *33. seminar slovenskega jezika, literature in kulture*. A. Derganc (ur.). Ljubljana, 1997.

Waszakowa K. Wybrane aspekty integralnego związku derywatu słowotwórczego z aktem komunikacji (na przykładzie nazw żeńskich). *Słowotwórstwo w przestrzeni komunikacyjnej*. P. Kowalski (ed.). Warszawa, 2021, pp. 343–369. (Prace Slawistyczne. Slavica, 15)

Zifonun G. A., Drewnowska-Vargáné E. Die sprachliche Sichtbarkeit der Geschlechter. Genus und Sexus im Deutschen und Polnischen. „*vnd der gieng treulich, weislich vnd mündlich mit den sachen vmb*“: *Festschrift für Péter Bas-sola zum 75. Geburtstag*. E. Drewnowska-Vargáné et. al. (eds.). Szeged, 2019, pp. 138–170. (Acta Germanica, 15).

НАРЕЧИЯ-НЕОДЕРИВАТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

В статье рассматриваются новообразования-наречия, функционирующие в современной художественной речи. Выделены основные группы наречных неодериватов, определены продуктивные способы их образования, рассмотрены тенденции употребления наречных инноваций в современной русской речи. Показано, что наречия-неодериваты обладают большим образным потенциалом: выражают сравнение, служат средством «отвлечения эпитета». Отмечаются основные функции наречных инноваций в современных поэтических и прозаических текстах. Делается вывод, что неодериватами в современной художественной речи являются преимущественно определительные наречия.

Ключевые слова: наречие, новообразование, способ образования, сравнение, предикативное наречие, функция, окказионализм.

Работы В. Н. Виноградовой, посвященные стилистическому аспекту русского словообразования, содержат богатейший материал о функционировании в художественной речи потенциальных и окказиональных слов разной частеречной принадлежности [Виноградова 1984, 1992], в частности наречий. Словотворчество, актуализация словообразовательной структуры слова и связанные с ними фигуры речи [Виноградова 2015: 155] характерны и для современных поэтических и прозаических текстов, при этом новообразования, относящиеся к разным частям речи, обладают различной степенью неогенности. Так, в современной художественной речи большинство словообразовательных инноваций представлено именами существительными, прилагательными и глаголами, значительно меньшую активность проявляют наречия, которые в этом аспекте недостаточно исследованы.

Цель нашей статьи — рассмотреть неодериваты в сфере наречий и определить ведущие тенденции их функционирования в современной художественной речи.

Материалом для анализа служат потенциальные и окказиональные наречия различных лексико-грамматических разрядов, извлеченные

как из поэтических, так и прозаических текстов. В ходе исследования применялись описательный и структурно-семантический методы, а также словообразовательный анализ дериватов.

Наиболее продуктивными в современной художественной речи являются определительные наречия, которые обозначают внутренние признаки действий и качеств и в языке в целом составляют самую богатую группу наречий. Как отмечает О. П. Ермакова, в настоящее время «обстоятельственные наречия представляют собой закрытый класс слов. Образуются только определительные» [Ермакова 2022: 159]. Ср., например: «Саша <...> смотрела, как Леша проводит столу операцию, ловко, сильно, *мускульно*» (Д. Благова. Южный ветер), «Он учился *средне-плохо*» (Е. Некрасова. Квартирай), «<...> как тогда, *сослагательно* выл в плечо бы ей: бы-бы-бы» (И. Булатовский. Из Катутла). При образовании новых определительных наречий возможен пропуск одного из звеньев словообразовательной цепи. Например: «Ты на краю, *дуротно* обмирая» (В. Строчков) — наречие формально соотносится с отсутствующим в языке прилагательным *дуротный*.

Определительные наречия-инновации в современных текстах чаще образуются от относительных прилагательных: *пентаграммно* (И. Савельев), *клипово* (И. Савельев), *черново* (Ю. Мориц), *пианинно* (М. Степанова), *шляпно* (И. Костинский). «Производство имен прилагательных дает четкую картину противопоставления разрядов качественных и относительных имен по степени активности. В то время как относительные прилагательные порождают десятки суффиксальных производных, суффиксальное производство качественных прилагательных малоактивно» [Земская 1992: 73].

Часть неодериватов-наречий, восходящих к именам прилагательным, в том числе по происхождению относительным, развивают в современной художественной речи сравнительно-уподобительное значение. Так, наречие *рутно* в «Рассказах пьяного просода» Н. Делаланд представляет собой свернутое сравнение и дополняется в тексте новыми семантическими компонентами ‘опасно’, ‘вредно’, ‘зло’: «В этот момент кто-то засмеялся и *рутно* посмотрел прямо на меня». Наречие *конвейерно* в тексте рассказа Е. Некрасовой также выступает в значении сравнения — ‘как на конвейере’, ‘как обычно принято при работе на конвейере’, ср.: «*конвейерно* орущая на своих больных участковая». В романе того же автора «Калечина-Малечина» функцию сравнения выполняет качественное наречие, мотивированное потенциальным прилагательным, — *принцессово* («*принцессово* поднялась <...>»).

Таким образом, для современной художественной речи характерно последовательное употребление наречных новообразований на *-o(e)* в роли сравнений, причем в этот процесс включаются и наречия, мотивированные не только качественными прилагательными. В ряде случаев сравнительное значение, выражаемое потенциальными неодериватами, специально акцентируется или комментируется в тексте. Например: «<...> Он отвечал *первоклассно*, в смысле как в первом классе» (Я. Жаворонков. Неудобные люди).

Наряду с наречиями на *-o(e)* в современной художественной речи для выражения сравнения регулярно используются и потенциальные префиксально-суффиксальные наречия. Например: «Я жадно, *по-беличы* уносила книги в свою комнату...» (П. Барскова. Ульянова в августе), «Лена *по-хомячы* надула щеки» (К. Кожевина. Лучшие люди города), «Он *по-пингвины* оттопырил руки» (Н. Делаланд. Рассказы пьяного рапсода), «Карабкаясь вдоль серых камней *по-паучьи*, я кляла деда с бабкой» (К. Качур. Ген Рафаила), «Илюша *по-жабьи* захватил верхней губой вечно ноющий керамический зуб <...>» (К. Качур. Любимчик Эпохи).

Префиксально-суффиксальные наречия, построенные по модели *по... и*, как правило, выражают сравнение-эталон [Девятова 2020: 70]. К ним примыкают наречия, построенные по модели *по... ому*, которые также реализуют значение сравнения.

В составе префиксально-суффиксальных наречий со значением сравнения преобладают дериваты с зоонимической основой, однако встречаются и основы с другой семантикой, в том числе образования по нестандартным моделям: «Я *по-отцову* вытягивала вперед <...> фалангу правой руки» (Н. Гринь. Апоптоз), «Тетки (довольно молодые, но уже точно тетки) подбоченились *по-тетковски*» (С. Сачкова. Люди и птицы), «в класс спокойно, *по-выросшему* степенно вошли Сомов и Панкратов» (Е. Некрасова. Калечина-Малечина).

Наряду с собственно неодериватами-наречиями в современных художественных текстах активно используются узуальные наречия, которые характеризуются особым позиционным употреблением.

Заметной тенденцией в образовании и употреблении наречий в современной художественной речи в настоящее время является использование их как единиц, выступающих в предложении с двойной синтаксической связью, — связью с характеризующим именем в позиции подлежащего и одновременно связью с предикатом. Например: «<...> Где-то вдали на железной дороге *длинно и прямо* проступал одинокий поезд» (А. Иванов. Бронепароходы). «Такие наречия

употребляются уже в художественной речи XIX в.» [Кожевникова 2009: 813]. Их роль возрастает в поэзии и прозе начала XX в.; см., например: «*Розово* спит чужая река» (М. Кузмин), «Клубятся тучи *сизоцветно*» (И. Анненский), «Печь <...> *ново* белела мелом» (И. Бунин. Темные аллеи), «К вечеру *густо, густо* повалил снег» (И. Бунин. Таня), «Низкое солнце *желто* светило на пустые поля» (И. Бунин. Темные аллеи).

Во второй половине XX в. количество таких наречий сокращается, в современных же текстах их употребление вновь активизируется, при этом состав их заметно расширяется. Употребление подобных наречий характеризуется своеобразным метонимическим сдвигом: с одной стороны, они обозначают качества, свойства предметов, с другой, переносят этот признак на предикат. В первой половине XX в. метонимические наречия преимущественно были представлены единицами с семантикой света и цвета. Так, как отмечает В. Н. Виноградова, «прилагательные цвета образуют наречия, как правило, в метонимическом или метафорическом значении. Например:

Закатный отблеск по лицу

И по венчальному кольцу

Скользит оранжево (И. Северянин)» [Виноградова 2015: 117].

В современной художественной речи сохраняются наречия с цветовой и световой семантикой, однако чаще наречия с двойной связью характеризуют различные состояния предметов и лиц или выражают оценку. Ср.: «В родилке *молочно* светились счастливые матери» (А. Петрова. Аппендикс), «В сумрачном зеркале прихожей *маслянисто* и *дымчато* скользнуло ее отражение» (Н. Делаланд. Рассказы пьяного рапсода), «Несколько секунд спустя внизу *сыто* и сочно каркнула ворона» (Там же), «Жилье заплываетя топленным жиром / и ползает *сыто* по будням» (В. Строчков), «Кама синела в темноте *тускло* и *просторно*» (А. Иванов. Бронепароходы), «На путях *забыто* чернели цистерны, облитые мазутом...» (А. Иванов. Бронепароходы), «Солнце падает *оранжево* в Кузнечики» (Е. Некрасова. Молодые руины), «Десятая синегорская школа <...> выглядела совсем уж убого. *Одноэтажно*» (В. Колочкова. Ласточка для Дюймовочки).

Семантика наречий с двойной связью может совмещать разные значения. Так, в первом из приведенных примеров наречие *молочно* обозначает цвет, одновременно указывает на его обусловленность наличием молока и характеризует общий признак молодых матерей.

В современной художественной речи пополняется состав предикативных наречий, которые имеют значение психического или физического состояния лица, реже состояния природы или окружающей среды; см., например: «Пусто. *Постно*» (А. Головатенко), «В сарафане было бы *зимно*» (Л. Щиголь), «А мне уже *хрипло*» (К. Буржская), «Спице *ревниво*» (С. Сачкова), «Было *коричнево...*» (У. Гамаюн), «Было жарко, почти *сорокаградусно*» (Д. Благова), «Мне холодно светло и *далеко / весенне* и объемно *светло-желто*» (Н. Делаланд). Ряд таких наречий представляет собой узувальные лексические единицы, однако они выступают в нестандартной для них синтаксической позиции и развивают новое значение состояния. Таким образом, их употребление характеризуется семантико-синтаксическим сдвигом. Ср.: говорить *хрипло* — мне *хрипло*, жить *праведно* — «Мне не боязно, не завидно, и не *праведно*» (А. Головатенко).

Часть предикативных наречий-новообразований представляет собой окказионализмы, созданные по непродуктивным моделям или с нарушением закономерностей словообразовательной системы. Так, слово *муслимно* в стихотворении В. Костельмана («Так *муслимно* на душе, хоть иди в супермаркет») образовано в результате чересступенчатой деривации, с пропуском звена словообразовательной цепи, и соотносится с прецедентным именем *Муслим* (Магомаев). Предикативное наречие *дамоклово* в стихотворении И. Сида («Дамоклово в воздухе слева») мотивируется фразеологизмом *дамоклов меч*, при этом формально произведено от притяжательного прилагательного, что нехарактерно для русской словообразовательной системы. Предикативные наречия в стихотворении А. Левина *кусаче* и *жужжаче* соотносятся, во-первых, с глагольными основами, во-вторых, стилизуют модели образования в итальянском языке: «Стало чисто, не *кусаче*, не *жужжаче*, не *виваче*».

Итак, в современной художественной речи наблюдается активное использование новых предикативных наречий. Они детализируют описание состояния какого-либо лица или среды, а в ряде случаев свертывают это описание, выступая в компрессивной функции. Обратимся, например, к контексту из романа Д. Благовой «Южный ветер»: «В школе было пыльно, мусорно, *рыбно-котлетно*, людно». Предикативное наречие *рыбно-котлетно* обладает семантической емкостью и заменяет конструкцию *пахло рыбой и котлетами* или *стоял запах рыбы и котлет*.

Наречия-неодериваты, встречающиеся в современных художественных текстах, образуются различными способами. Доминируют

суффиксация и сложение. Например: «Ангел дышит *снежокрыло*, Как святая простота» (Ю. Мориц), «Чумазо, *синеглазо, русоволосо...*» (А. Матвеева), «<...> бумаги *клипово-печально*, медленно валяются с потолка» (И. Савельев. Как тебе такое, Iron Mask?), «[Маша] чисто, *слезно-прозрачно* смотрела в смущенные, заинтересованные лица людей» (М. Ронжина. Одиночка), «<...> *медово* светится янтарь <...>» (Е. Посвятовская. Важенка).

Сложно-составные наречия могут включать более двух компонентов. Ср., например:

Очень гордые гуляли,
небывалой красоты,
Угодить таким гулялям
трудно-вредно-нелегко (А. Левин),

«Игорь быстро, пулеметно <...> рассказывал, как *здорово-круто-великолепно* прошла вчерашняя запись» (Д. Благова. Южный ветер»).

Реже встречаются префиксальные, префиксально-суффиксальные и сложно-суффиксальные образования: «Захожу утром. Сонно. *Невыспанно*» (К. Буржская. Шлюзы), «Настя оделась *антинарядно*» (Д. Благова. Течения), «Поищем *вслепь* отчизну» (А. Головатенко). Так, наречие *невыспанно* мотивируется сочетанием основы причастия и частицы *не*, которая трансформируется в префикс, и образовано префиксально-суффиксальным способом. Наречие *вслепь* в стихотворении А. Головатенко представляет собой дериват, созданный префиксацией и нулевой суффиксацией. Интересный пример взаимодействия суффиксации и сложения находим в рассказе Т. Щербины «Свидание с императрицей» — это окказионализм *тризвездьмишленно* «Кормят тут волшебнo, необычaйнo, *тризвездьмишленно*»).

В основе сложения в ряде случаев может лежать редупликация; см., например: «Споют они [куры] на прощание, взмоут под небеса <...>, а потом вытянутся в нитку парами, *курь-о-курь*, и летят» (Т. Толстая. Кысь).

В поэтических текстах встречаются наречия-неодериваты, образованные контаминацией. Так, наречие *вминательно* (А. Левин) создано объединением сокращенных частей лексических единиц *вминать* и *внимательно*. Наречие *вездесь* в стихотворении В. Павловой создано междусловным наложением — разновидностью контаминации. Наречие *мангрустно* в стихотворении А. Логвиновой также

образовано междусловным наложением (*мангуст + грустно*). При создании наречий-неодериватов может использоваться и субституция: «А почему бы не послать ему особые наушники <...> Будет вода *вприслушку*» (Т. Толстая. Перевод с австралийского) — ср. *вприкуску*.

Наряду с использованием неузвальных способов словообразования отмечаются примеры графодеривации — оформление одного из компонентов наречия латиницей. Ср.: «Это совсем не к тому, что Эльза Скиапарелли была только *shokuрующе* розовой» (А. Петрова. Аппендикс) — наложение дополняется здесь использованием латинских букв. В стихотворении Н. Делаланд «Я сделала стрижки» наречие *fortеньяно*, с одной стороны, отсылает к слову *фортеньяно*, с другой, представляет собой графодериват, объединяющий значения музыкального термина *forte*, переданного латиницей, и наречия *пьяно*. Ср.:

О, муки Тантала, я звуки тамтама
врифмую в заведомо тихие строки,
где слезы звенят *fortеньяно* и столько
у них голосов, что не хватит октавы.

Наречия-неодериваты в современной художественной речи многофункциональны. Они служат средством выражения сравнения, «отвлечения эпитета», выполняют компрессивную функцию, создают сложный образ, участвуют в языковой игре; см., например: «Поля лежали <...> *черно, зелено, серо*» (Е. Некрасова. Складки), «*Тифотихо* <...> шел я задом наперед» (В. Гандельсман), «Мы змеемся каждую среду, / но зато по четвергам нам *мангрустно*» (А. Логвинова), «Вкусно пахнет *кофейно-выпечно*» (Е. Некрасова. Ноги).

Кроме того, наречия-неодериваты могут выступать в интертекстуальной функции: «по павловой пройдешь по ниточке / *строчково* молча *гандельсманно*» (Н. Делаланд) — в этом контексте наречия *строчково* и *гандельсманно* мотивированы фамилиями современных поэтов и отсылают к их текстам.

Таким образом, наречия в современной художественной речи последовательно расширяют образный потенциал, а их функции усложняются. Особенно высокую степень активности проявляют определительные наречия, среди которых преобладают потенциальные слова, образованные суффиксальным способом и сложением. В то же время наречия-неодериваты отражают тенденции, в целом характерные для современного русского словообразования: установку на компрессию, высокую продуктивность сложения, активизацию контаминации, обращение к графодеривации.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградова В. Н. Взаимодействие словообразования и других сфер языка в поэтической речи // Основные тенденции развития поэтического языка XX–XXI вв. Языковые уровни и их взаимодействие. М.: Азбуковник, 2015. С. 108–155.

Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. М.: Наука, 1984.

Виноградова В. Н. Стилистическое словообразование в тексте // Stylistik der russischen Wortbildung. Beitrage zur Slavistik, XVII. Frankfurt am Main, Peter Lang, 1992.

Девятова Н. М. О сравнительной семантике наречий с префиксом по- и их культурно значимых смыслах // Русский язык в школе. 2020. № 2. С. 64–69.

Ермакова О. П. Избранные работы по русскому языку. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2022. 172 с.

Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 220 с.

Кожевникова Н. А. Смещение синтаксической перспективы // Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы. М.: Знак, 2009. 896 с.

З. Ю. Петрова, *Москва*
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
zoyp@mail.ru

Н. А. Фатеева, *Москва*
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
nafata@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ТИПАХ МЕЖТЕКСТОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОМПАРАТИВНЫХ ТРОПАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ)¹

В статье рассматривается использование интертекстуальных элементов в метафорах и сравнениях современной прозы. Определены источники межтекстовых заимствований, типы претекстов. Наряду с чисто интертекстуальными выделены интермедиальные соответствия, используемые современными авторами в компаративных тропах. Выявлены основные семантические классы предметов сравнения в компаративных конструкциях с прецедентными феноменами. Особое внимание уделяется функциям интертекстов в тропах: образной характеристики, оценочной, текстообразующей.

Ключевые слова: интертекст, прецедентный феномен, метафора, сравнение, современная проза.

Одной из особенностей современной русской прозы является ее интертекстуальность. Феномен интертекстуальности в литературе стал активно изучаться с 1960-х годов благодаря появлению работ Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Женетта и их последователей, среди которых надо отметить в первую очередь Ю. М. Лотмана. В дальнейшем это направление исследований активно развивалось в России и за рубежом (см., например [Intertextuality 1990, Смирнов 1995, Кузьмина 1999, Фатеева 2000, Катаев 2002, Филатова 2006]). Что касается современной литературы, то интертекстуальность в основном изучается на

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-28-00060 «Динамика компаративных конструкций и типы их взаимодействия в современной русской прозе».

материале поэтических текстов [Федорова 1999, Зубова 2010, Зинурова 2017, Фатеева 2021]. При исследовании межтекстовых отношений в современной прозе преобладают работы, посвященные отдельным произведениям [Колышкина, Родионова 2021] или касающиеся интертекстуальных отсылок к отдельным авторам, например А. П. Чехову и Ф. М. Достоевскому [Михина 2008; Сизых, Дедюхина 2020]. При этом для получения полноценных результатов желательно рассмотреть интертекстуальные отношения в современных прозаических текстах на более широком материале. Кроме того, заслуживает внимания такой недостаточно изученный аспект межтекстовых связей, как использование «чужого слова» в метафорах и сравнениях.

Цель нашего исследования — рассмотреть разные типы интертекстуальных феноменов в компаративных тропах, встречающихся в романах широкого круга современных прозаиков. Материалом исследования послужили произведения Е. Водолазкина, Ю. Буйды, О. Славниковой, М. Степновой, А. Иванова, Т. Кибирова, А. Иличевского, Д. Рубиной, А. Матвеевой, Е. Чижовой, О. Васякиной, А. Макушинского, В. Шарова, Л. Элтанг и др., а также примеры, извлеченные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Современных авторов привлекают сильные тексты русской и зарубежной литературы, как стихотворные, так и прозаические. Такие тексты Ю. Н. Караулов назвал «прецедентными текстами», они определены им как тексты, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2007: 216]. Чаще всего источником интертекстуального заимствования у современных авторов становятся тексты А. Пушкина, например: «Но когда наступает час трат, деньги вновь улетучиваются, *как сон, как утренний туман*, а в руках у женщины оказывается вовсе не то и не это, а как раз именно что-то другое» (А. Инин. Женщина и деньги), «До выпускного — полгода. Они в тюрьме, а потом *темницы рухнут, и — свобода!*» (А. Матвеева. Екатеринбург). Кроме текстов Пушкина, современные прозаики часто используют в качестве прецедентных текстов в тропах произведения и других писателей XIX в. (от аллюзий до точных цитат, как атрибутированных, так и неатрибутированных) — И. Крылова, В. Жуковского, А. Грибоедова, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, Л. Толстого, Ф. Достоевского и др.: «Генерал

опустил свою бедовую головушку и вышел — красный, как *рак*, немой, как *щука*, и беспомощный, как *лебедь*, запряженный за каким-то хером в непосильный воз» (Т. Кибиров. Генерал и его семья), «Она расспрашивала меня о литературной жизни, поглядывая на мужа, ради которого, как я понял, и затеяла этот разговор, и вежливо кивала, когда я, то и дело прихлебывая коньяк, рассуждал о безымянности подлинного величия, о необязательности биографии и фатальном одиночестве художника, которому суждено *“цвести уединенно, в пустынном воздухе теряя запах свой”*, и вообще пытался казаться скорее умным и циничным, чем пьяным и несчастным...» (Ю. Буйда. Стален), «*Мечтанья с глаз долой, и спала пелена*. Как у Чацкого. Анна отодвинула тарелку и поднялась на второй этаж, в свою спальню» (В. Токарева. Своя правда), «домой Василий Иванович, прямо скажем, не торопился, торчал в своем кабинете иногда часов до одиннадцати, а то и до двенадцати, и выходил из штаба дивизии, как тот *император из гроба*, и брел по безлюдному полному поселку» (Т. Кибиров. Генерал и его семья), «Но в ту пору Ирочка таился — совсем по-тютчевски: *“Молчи, скрывайся и таи / И мысли и мечты свои”*, или еще не проникся святой верой своих учителей, да его бы в два счета выгнали из дома, как навонявшего конюха, здесь молились на Пастернака, здесь царил чистый дух всемирности» (Ю. Нагибин. Тьма в конце туннеля).

Сильные тексты авторов XX в. — А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина, А. Ахматовой, О. Мандельштама и др. — тоже вступают в интертекстуальное взаимодействие с современными текстами: «Когда я все-таки увидел Фролова, вид его оказался не так страшен, как я боялся. Рассеченный лоб, струйка крови изо рта, неестественно вывернутая рука. Этой рукой он брал у меня спички. Ею пожимал мою руку — крепко, до боли. Сейчас она не годилась ни для какого — даже самого слабого — рукопожатия. Эта рука мне вспомнилась впоследствии, когда я прочитал известное блоковское: *“Уж поздно: на траве равнины Крыла измятая дуга... В сплетеньи проволоки машины Рука — мертвее рычага...”*. *Мертвее рычага* — я знал цену этой детали» (Е. Водолазкин. Авиатор), «— Так. Астения, милый человек, упадок сил. Вам надо бы в море поплавать, поесть фруктов, отвлечься. Лучше с красивой женщиной. Или хотя бы бромистые попить, хотя бы глицин... Будете *спокойный, как пульс покойника*, как говорил Маяковский...» (Р. Солнцев. Полураспад), «— Ты её... сильно любишь? — Сильно... — И я сильно. Как сказал Серёга Есенин... точно не помню, кажется так: *“Только мне не страшно, и в моей судьбе / непутёвым*

сердцем я прибит к тебе». Прибит я к ней сердцем, Васька! — Так ведь получается: и я прибит. Вместе, выходит, мы прибиты!» (А. Кожейкин. Пятое колесо), «писателю же надлежит возиться с обыкновенным и типическим, *растить стихи из всякого сора*, <...> подмечать ускользающие, летучие, как семена одуванчика, глупости и мелочи» (Т. Кибиров. Генерал и его семья), «Пришлый цирюльник уже ждет в платяной. <...> Руки у него, как у всех цирюльников, малоприятные. Но я принципиально не согласен с циником Мандельштамом — власть вовсе не *“отвратительна, как руки брадобрея”*. Власть прелестна и притягательна, как лоно нерожавшей златошвейки» (В. Сорокин. День опричника).

В круг сильных текстов, являющихся прецедентными в современной прозе, входят и произведения зарубежных писателей — Гете, Шекспира, Байрона, Дефо, Свифта и др.: «Обнаружение “dark matter”, являясь одной из фундаментальных задач мировой науки, должно было дать ответ на многие вопросы, связанные с эволюцией *“одеяния Всевышнего”* — Вселенной» (А. Иличевский. Ай-Петри)², «— Мне хочется понять, — продолжал я, — какое место в вашей картине мира занимают такие люди, как Топоров... он для меня — человек-тайна, то есть тьма... — Он очень одинок, — сказал Брат Глагол. — *Король Лир*. — И с усмешкой добавил: — А я при нем *шут*» (Ю. Буйда. Стален).

Как мы видим, к интертекстуальным феноменам относятся и прецедентные имена, среди которых важное место занимают имена персонажей сильных текстов: «Маша была женой известного историка. <...> Всю свою эмигрантскую жизнь она плакала о России и покончила жизнь самоубийством. “Она была русская, умноженная натрое, когда она говорила, она рыдала и умирала со смеху одновременно, жизнь бурлила в ней с такой силой, что обжигала всех. Она была в одно и то же время *доктор Живаго*, *Наташа Ростова* и *Нина Заречная!* <...>”, — говорил Род» (Н. Щербак. Роман с филфаком).

Часто образами сравнения тропов становятся и имена писателей. Например, современные авторы в сравнениях и метафорах часто используют образ Л. Толстого, разные детали его облика и образа жизни: «Маячил вдалеке, в синей косоворотке, заложив за поясок широкие ладони, с падающей на грудь бородой, *похожий на африканского Льва Толстого*» (А. Проханов. Господин Гексоген), «Улыбка мелькнула

² Природа как живая одежда Бога — это метафора, созданная Гете в первой части “Фауста”.

в его *глубоко, как у Льва Толстого, посаженных глазах*» (А. Берсенева. Полет над разлукой), «Из аудитории последним с неторопливым достоинством вышел человек *с бородой как у Льва Толстого*, в вязаной лыжной шапочке, в каком-то странном одеянии», «Он появился в своей плотно плетеной шерстяной шапочке, *лицом — копия Льва Толстого, включая бороду, нос картошкой и брови такой же ворсистой*» (М. Гиголашвили. Типун в зипуне), «— Он *опроцаеться, как Лев Толстой*, — сказала по возвращении Джулька с некоторым уважением» (М. Галина. Ригель).

Как образы сравнения тропов используются и обозначения описываемых писателями реалий, например: «Дно котловины летом закрывают разросшийся кустарник и лопухи, в октябре, когда листья облетают, делаются видны сначала желто-пепельные разводы, подтеки в обрамлении сбитых в колтуны седых спутанных трав, а потом и само озеро из серы и соли, очень похожее на *дантовский Коцит*» (В. Шаров. Возвращение в Египет), «Было что-то в Ефиме от *чеховского ружья*, которое раз в год само стреляет, по всяким чайкам, а еще больше — от часовой мины, которая уже не разбирает» (С. Осипов. Страсти по Фоме).

В качестве прецедентных текстов выступают часто заглавия художественных произведений, которые аккумулируют в себе все их содержание. Ср., например, заглавия пьес А. П. Чехова, которые, метафоризуясь в современных текстах, приобретают обобщенное образное значение: «Невольно подумаешь: русская жизнь, взятая среднеарифметически, — это сплошной какой-то *«Вишневы сад»*, а взятые среднеарифметически русские люди — сплошные *фирсы*, которых защемило по двум кардинальным пунктам, именно: человека забыли, и куда было лучше при господах» (В. Пьецух. Деревенские дневники), «Война — это была болезнь. И вот весь мир выздоровел. И Россия выздоравливает. <...> война кончится! Увидимся снова с Машей, Катей, Нюсей! Зашла в гостиницу, где разместился Осваг, там для всех желающих какой-то важный генерал, бывший директор привилегированного учебного заведения, объяснял картину военных действий. Переставлял флажки на карте, поднимал руки, и сверкали потертые локти серой тужурки. Прямо *«Три сестры»*: *Москва! В Москву! На Москву!*» (М. Шишкин. Венерин волос).

В современной прозе широко представлены интермедиальные соответствия — отсылки к произведениям живописи, скульптуры, музыки, кино и телевидения. (ср. «Следствием хрестоматийности и общеизвестности прецедентных текстов является их “реинтерпрети-

руемость”, в результате которой прецедентные тексты “перешагивают рамки словесного творчества, где исконно возникли, воплощаются в других видах искусств (драматическом спектакле, поэзии, опере, балете, живописи, скульптуре)» [Караулов 2007: 217].

Особенно часто современные писатели используют метафоры и сравнения разных структурных типов, содержащие образы изобразительного искусства. Они могут характеризовать пейзаж, окружающую обстановку, обобщенно отсылая к творчеству определенного художника, называя его фамилию, которая становится метафорой: «А холодно-то как сегодня... *Грабарь* за окном! *Брейгель!* *Константин Васильев!* (А. Матвеева. Завидное чувство Веры Стениной), могут использоваться также метафорические прилагательные: «Выйдя из бара-таверны, наполненного нефтяным *рембрантовским* сумраком, я уставился в подсвеченную стену дома напротив» (А. Иличевский. Перс), «и картина будет именно такой, какая отпечаталась навечно на его сетчатке в *рембрантовском* свете барачной коптилки» (И. Полянская. Тихая комната), «когда посреди ночи, оттого что в лицо светила луна, он проснулся, то в *кунджевском* ее сиянии увидел вокруг своего места ходивших, сидевших и в томлении катавшихся по наркотической траве неведомых котов» (А. Эппель. Кастрировать Кастрюльца!), обозначения персонажей картин: «Крылову было назначено на вокзале, в половине восьмого утра. Непонятно как, но он проспал и теперь спешил бегом среди извилистых луж, похожих растянутыми позами на *перепутавших «лево» и «право» Матиссовых танцоров*» (О. Славникова. 2017).

Однако чаще названия персонажей, характерных для определенного художника или персонажей конкретных картин создают образные описания лиц: «Один из контрабасистов, похожий на *персонажа с гравюры Домье*, склонялся к инструменту так предупредительно и даже угодливо, словно прислуживал ему за столом: чего изволите?» (Д. Рубина. Окна), «Тут же, за прозрачной перегородкой, сидела еще одна, розовая, улыбающаяся, напоминавшая *кустодиевскую купчиху*, женщина (А. Проханов. Господин Гексоген), «У Николая были девочки-близнецы пяти лет, а жена его ходила беременная третьим. Мозг Норы стал просыпаться, когда она увидела, какой красавицей была эта женщина. То ли *Лопухина*, то ли *боттичеллиевская Флора*, то ли *Мадонна Литта*, ну, в общем, этого ряда. Не меньше» (Г. Щербакова. Актриса и милиционер), «Вся она была холодна, как мраморная, как *Царевна Лебедь на врубелевской картине*» (А. Берсенева. Возраст третьей любви).

Определенной долей иронии обладают образные параллели, описывающие персонажа прозаического произведения сопоставлением с персонажем картины, не совпадающим с ним по полу: «Во время этой странной беседы Двуносый согласно кивал, соглашался с Толей и, точно *тициановская “Кающаяся Мария Магдалина”*, закатывал глаза, очевидно войдя в роль представителя обычных, простых людей» (В. Слипечук. Зинзивер).

Довольно редко в составе компаративных тропов употребляются скульптурные образы, например: «Крылов догадался, что задерживаться перед спальнями не следовало ни в коем случае; голые руки шедшей впереди Тамары были прекрасны, будто чудом найденные *руки Венеры Милосской*. Но при мысли об их тяжелых объятиях, за которыми должно было последовать падение в жидкий шелковый омут, Крылова забрала холодная тоска» (О. Славникова. 2017), «Медоевская мама с влажной тоской перевела очи на приемную комиссию, скульптурно, словно *группа Лаокоон*, расположившуюся за большим столом» (М. Степнова. Хирург).

Не так часто, как интермедийные соответствия из области живописи, встречаются образы музыки: «А потом быстро и сильно укусил его за шею сквозь дырку в балаклаве. Не так, как мы делаем это обычно, а просто зубами. Грубо и по-человечески. Меня поразила та мускульная энергия, та, я бы сказал, радостная *бетховенская* сила, которую я вложил в это движение челюстей» (В. Пелевин. Бэтман Аполло), кино и телевидения: «На этот раз в один из декабрьских дождливых вечеров едоков привез Сережа Розенберг по прозвищу Трубадур, профессиональный гид и один из приятелей отца, красивый и ладный, как *принц из телесказок про Золушку*» (А. Иличевский. Чертеж Ньютона).

Проанализированный нами материал свидетельствует о том, что в качестве предмета сравнения компаративных конструкций с интертекстуальными элементами чаще всего выступает персонаж, его внешность: «Волжский паренек, чуть-чуть не дотянувший до двух метров (честно признается, а другой бы округлил); всамделишный *герой поэмы Маяковского «Хорошо!»*, красивый, двадцатидвухлетний капитан волейбольной сборной ВМК <...> — короче говоря, полное сумасшествие для женщин любых возрастных и социальных групп» (Е. Завершнева. Высотка), внутренние состояния: «Каролина Эркель впервые прочитала роман писателя Федора Достоевского “Бесы”, когда ей не исполнилось и шестнадцати, но почувствовала себя если и не *униженной или оскорбленной* прочитанным, то глубоко задетой

и растерянной до отчаяния» (Ю. Буйда. Город палачей), мировоззрение, поведение, характер: «Всем хочется говорить о странностях любви, а в этом вопросе я вторичен и банален и похож на *чеховского Ипполитыча*, который утверждает, что *Волга впадает в Каспийское море и что спать надо ночью, а не днем*» (В. Токарева. Пираты в далеких морях), «Сергея Сергеевича Химича все считали очень нерешительным человеком, а некоторые вдобавок — *человеком в футляре, вроде учителя Беликова из чеховского рассказа*» (Ю. Буйда. Рассказы о любви), физическое состояние: «А социалистические товары можно было купить в Москве в особых магазинах: “Ванда” торговала польскими тенями для глаз, соседняя с ней “София” каким-то кошмарным розовым маслом, от которого у всех, кого я знаю, болела голова, как у *Булгаковского Понтия Пилата*» (Т. Толстая. Войлочный век).

Реже тропы с образами сравнения, отсылающими к прецедентным феноменам, характеризуют определенные сцены и ситуации, окружающую обстановку: «Литераторов, которым уже давно была обещана спонсорская помощь на издание нескольких книг, он угостил постмодернистской сценой *в духе Достоевского*» (О. Славникова. Басилевс), «Никакой вони, тюремных решеток и запоров, мрака и сизого *достоевского надрыва* в доме не было и в помине» (Ю. Буйда. Город палачей), пейзаж: «Слушай, ты помнишь у Шкловского, кажется, в “Зоо”: небо было *такое же, как в рассказе А. П. Чехова “Стень”*» (Ю. Нагибин. Неделанный), «я был растерян и говорил без передышки, до самого утра, покуда зимний парк стягивал вокруг нас свои войска, будто *Бирнамский лес* (Л. Элтанг. Царь велел тебя повесить)», различные реалии окружающего мира, в том числе животных: «Кто-то из прежних знакомых проговорился, что недавно из Америки к нам завезли партию редких гумусных червей, которые плодятся несметно, *как роковые яйца у Булгакова*, вырабатывая небывалый по плодородию почвенный слой» (А. Салуцкий. Немой набат), предметы: «Сразу ей стало понятно, что она уже неоднократно видела листовки с человеком-собакой: в подземном переходе, на кассе “Детского мира”, на *разбитой, как корыто, двери собственного подъезда*» (О. Славникова. Бессмертный), общественные явления: «Ненастье, правда, к тому времени было не таким уж страшным, не угрожало уже ни жизни, ни здоровью маленького Бочажка, уже не громы и молнии, не *вихри враждебные*, а так, морозящая нудная гадость и хлюпающая грязь» (Т. Кибиров. Генерал и его семья).

Кроме собственно литературных текстов, современные авторы регулярно обращаются к таким прецедентным феноменам, как

Священное писание, фольклор (сказки, народные песни, поговорки и поговорки), авторские сказки, мифы; тексты СМИ, известных песен, оперных либретто; к общим знаниям, входящим в кругозор носителя языка.

Значительное место среди интертекстуальных элементов сравнений и метафор занимают библейские и евангельские претексты: «А давай расправим крылья, ведь ничего ужасного не происходило: просто мое детство протекало в обстановке высокого библейского мифа — одного из самых прекрасных *библейских мифов о Рахили и Лии* — или, если хочешь, в ситуации мини-гарема какого-нибудь забубенного бая» (Д. Рубина. Бабий ветер), «во мне вызревало некое бессвязное, путаное, косноязычное знание, которое было больше, сильнее и умнее меня, и перед этой тяжестью, перед этой мощью нельзя было устоять, а можно и нужно было только подчиниться ей, как *Иаков — Ангелу...*» (Ю. Буйда. Стален), «А еще вспомнился пожар. Не сам пожар, а как ехали его тушить — по Невскому, ранней осенью, на исходе дня. Впереди на вороном коне — скачок. С трубой у рта, как *ангел Апокалипсиса*» (Е. Водолазкин. Авиатор), в некоторых случаях эти претексты, трансформируясь, вступают в языковую игру: «— Яков Борисыч, остерегитесь искать... *солону в глазу ближнего*, — сказал Дубровин. — Так, кажется, отец Евмений, в Писании сказано? — “*Сучок в глазу брата твоего*”, от Матфея, седьмая глава, — поправил священник. — *Я свое бревно регулярно на растопку пускаю*, вы обо мне не беспокойтесь, Владимир Семеныч, — сказал Турчин, — вы о себе позаботьтесь... (А. Иличевский. Анархисты).

Часто источником цитатных вкраплений в тропах современной прозы становится фольклор — русские сказки: «[Турчин о Соломине] Ждать нам от него особенно нечего, он даже муху прихлопнуть не способен, не то что *выбросить в болото свою лягушку* [о Кате]» (А. Иличевский. Анархисты), «Дед и в самом деле напоминал сказочного персонажа, потому что взмахи его рук рождали прежде невиданное. *Как из рукава Василисы Премудрой*, возникла небольшая церковь у Голосеевского леса, а в ней отец Петр — забранные в пучок светлорусые волосы, аккуратная бородка, очки» (Е. Водолазкин. Брисбен), «Пожар блестел и шевелился на горе, *словно среди домов в темноте махала крыльями сказочная жар-птица*» (А. Иванов. Золото бунта), сказки других народов: «Записи свои Христофор обычно оставлял там, где они были сделаны, — на лавке, на печи, на поленнице. <...> Следя за перемещениями Христофора, Арсений уже знал, где искать его записи. Порой на месте обнаруженной грамоты в тот же день

находилась другая, а то и не одна. Временами дед казался Арсению *курущей, несущей золотые яйца*, их надо было только успевать собирать» (болгарская сказка) (Е. Водолазкин. Лавр), «[Изуми о Кисё] Он ведь недавно на Химакадзиме, приехал то ли из Сакаи, то ли из Касихары, это мне старик Фурукава говорил, а у него с географией плохо, *как у тех лягушек из Осаки и Киото, которые ходили друг к другу в гости, да только каждая заплутала и пришла в гости к себе домой*» (японская сказка) (А. Григорян. Осьминог), «Там, в Лысой бухте, приступами, по три дня подряд будет рвать и метаться дикий ветер. Волчки смерчей, сбиваясь в табуны, раз за разом будут слетать с гребня Эчки-Дага. Разбиваясь о скалы, холмы, подлетая и преломляясь на оврагах, беснующиеся прозрачные великаны, во все стороны разделяясь, *как маг лампы по приказу Алладина*, со свистом склоняя кусты и деревья, — станут прочесывать склоны побережья» (арабская сказка) (А. Иличевский. Ай-Петри) и др.

Современные писатели используют в качестве образов сравнения компаративных тропов и элементы авторских сказок, например: «Хозяин кафе — лысый толстяк с мешками под глазами и грустным взглядом <...> выпиливал, шурился, клеил, лачил, шпатлевал плоскости и фюзеляж планера <...>. Закончив латку, он гладил рукой крыло, вел ладонью, прикладывался щекою, выслеживая и наслаждаясь гладью, профилем, яростно застывшей, рыбьей тягой лонжеронов. Толстяк был похож на *крота, выхаживавшего мертвую ласточку*» («Дюймовочка» И.-Х. Андерсена) (А. Иличевский. Матисс), «Дух Апофеозова витал повсюду, точно сам он умер; в почте его, к тайной досаде бессменной, похожей на старого *Буратино* и совершенно бесполой секретарши, стали все гуще попадаться любовные письма, плохо замаскированные под политические заявления» («Золотой ключик, или Приключения Буратино» А. Н. Толстого) (О. Славникова. Бессмертный).

Кроме сказок, встречаются и другие фольклорные источники образных характеристик в современной прозе — народные песни: «Полинин удар ногой резко поднял вверх уровень лагерной нравственности, и не всех тогда пионерок старшего отряда успели *заломати как ту дуру-березу*, хотя с березой, конечно, не так, там наоборот, некому, мол, заломати дуру, некому зашипати, тут было кому, целый строй, но ярко горела лампочка Ильича в двести свечей» (Г. Щербакова. Ёкэлэмэнэ...), пословицы, поговорки, скороговорки: «Возможность дотронуться до ястреба или горного орла не рождала в Глебе и малой доли того счастья, которое он испытывал, касаясь нежной

Катиной шеи. Она была журавлем в небе, который неожиданно спустился к Глебу в руки и не обнаруживал ни малейшего желания улетать» (Е. Водолазкин. Брисбен), «— Свинья белорыла, тупорыла, весь дом перерыла, — Максим давно заметил, что бессознательно повторяет скороговорки, подходящие к нужному случаю. <...> Клиентка, с которой так долго возился сегодня Макс, и впрямь напоминала свинью. Полная, курносая, в розовой мохеровой кофте» (А. Матвеева. Безумный Макс), «Теперь она знала о женском счастье все. Теперь умела, подобно сороке-белобоке, раздающей в детской пальчиковой игре птенцам кашку, распределить охочее до любви свое сердце между сыновьями и Симоном, найдя там место для каждого» (Н. Абгарян. Симон).

В качестве образов сравнения тропов используются и газетные штампы: «И вот уже *среброкрылая птица* (так в советских газетах для вящей красоты назывались воздушные лайнеры), а если быть точным — турбовинтовой пассажирский самолет Ан-24 идет на посадку» (Т. Кибиров. Генерал и его семья), «Пересажали у вас там всех в ГПУ, Игнатов, — непонятно, кто работать остался. Статья даже была в «Правде», «Татарская гидра» называлась. <...> Врешь, твердит про себя Игнатов, врешь, врешь... А перед глазами уже: разворошенный кабинет Бакиева, двое солдат с напряженными взглядами у входа и серый силуэт, перебирающий кипы бумаг на столе. Неужели Бакиева тогда не выпустили? Это он-то — гидра? Глупость. Чуть. Бред» (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза), тексты известных песен: «— Сами не можете, дубы-колдуны! — отмахнулся непризнанный маэстро, подходя ко мне» (А. епелев. Дедушка Dead и абрауты), общие для носителей языка научные знания: «Как-то в церкви Марии Маджоре мне пришло в голову, что земной мир — отличная иллюстрация к школьной задачке с бассейном и двумя трубами: по одной втекает, по другой вытекает вода. Все мы денно и ночью грешим, оттого давно бы потонули, захлебнулись во зле, но Господь в этих кабинках обреченно, с кроткой готовностью принимает наши покаяния, всех и каждого безотказно прощает» (В. Шаров. Возвращение в Египет), «Словно изувеченная собака Павлова, которой удалили затылочные доли мозга, потерянная в пространстве, лишенная ради чьего-то садистского любопытства и зрения, и слуха, она [Галина Петровна] упорно ползла по невидимому кругу, раз за разом возвращаясь к той последней точке, на которой закончилась ее счастливая, нормальная, человеческая жизнь» (М. Степнова. Женщины Лазаря).

Используются в тропах и обозначения известных личностей, животных, предметов, входящие в фоновые знания носителей языка: «Первым из нашей пары вызвали Иннокентия. Заглянув в бумажку,

президент похвалил его мужество и сравнил с *Гагариным*. — Боюсь, что сравнения с *Гагариным* я не заслуживаю, — печально отозвался Иннокентий, — потому что мужество мое было вынужденным. Оно, скорее, сродни мужеству *Белки и Стрелки*, которым тоже деваться было некуда. Так что сравнивать меня лучше уж с ними» (Е. Водолазкин. Авиатор), «Додо послушно сползла и зашлепала босыми ногами по лестницу, направляясь в кухню. Я смотрел ей вслед: высоченная, однако, девка, настоящий *Santissima Trinidad из крепкого красного дерева*. Моя рубашка прикрывала ровно половину ее кормы, зато все сто тридцать пушек были на виду» (Л. Элтанг. Царь велел тебя повесить).

Что касается типологии интертекстуальных элементов, то это могут быть как цитаты, так и аллюзии; цитаты могут быть как формально выделенные при помощи кавычек (см. примеры выше), так и немаркированные. Так, у А. Иванова находим точную маркированную цитату из А. Пушкина: «Глеб ещё раз посмотрел на блондинок и отошёл от стойки. *“Ненавизу волос шотландских эту желтизну”*», — вспомнил он. Фраза была опять из пушкинского “Пира”». (А. Иванов. Комьюнити), а у О. Васякиной и А. Уткина немаркированные аллюзии: «В дороге нет пустоты, она наполнена *пространствами и временем*. Ты движешься, как *мандельштамовский Одиссей*» (О. Васякина. Рана), «Невольно вспомнились строки Лермонтова и как бы начертали сами себя *в кремнистой россыпи небесных знаков*» (А. Уткин. Крепость сомнения).

Сами цитаты могут быть точными, как в вышеприведенном примере А. Иванова, так и трансформированными с различными видами изменений: «<...> так что Анечке не на кого было теперь оставить сынка, и *любовная лодка-катамаран* стояла на приколе» (Т. Кибиров. Генерал и его семья) (приращение), «Про Настю Гейгер недавно сказал, что она-де для своего возраста удивительно прагматична, что молодежь быстро взрослеет. Человек со стороны подумал бы, что это похвала, да только я Гейгера уже неплохо изучил. Он рассматривает Настино качество как парадокс, при том что *парадоксов не любит. Не друг он им*» (изменение синтаксической структуры) (Е. Водолазкин. Авиатор).

Как видно из приведенных выше примеров, цитаты из прецедентных текстов в компаративных тропах современной прозы могут быть атрибутированными и неатрибутированными. Атрибуция может осуществляться разными способами. Это может быть указание на автора исходного текста: «Любовь сразила меня, *“как финский нож”*» (М. Булгаков), но я уехал продолжать высшее образование, и Людмила переспала с тем самым моим товарищем, наперсником нашей

любви и “чичисбеем”, о чем мне сообщать, конечно же, не стала» (Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов»), при этом может быть указано и конкретное произведение, например: «Больше всего ему хотелось, чтобы у них с Варей было все как раньше. Раньше — это до приезда к ним Игоря. Потом что-то разладилось, какая-то шестеренка соскочила и закатилась в недосыгаемое место, и Варя стала другой. Это, конечно, фантастическое по психологической точности наблюдение Андерсена в “Снежной Королеве” — бах, где-то какие-то тролли, лешие, зеркала, кикиморы, и уже *осколок в зрачке, заноза глубоко под кожей*, еще невидимая глазу, но уже начинающая гноиться, и вся жизнь превращается в поиски этого источника воспаления. Ведь не спросишь человека: что с тобой?» (Е. Фетисов. Пустота Волопаса). Часто отсылка к источнику образной характеристики происходит с помощью прилагательных, это может быть отсылка к творчеству писателя в целом: «Все вокруг было какое-то скрипучее, ветхое... какое-то *тургеневское*, я бы сказал» (В. Попов. Очаровательное захолустье), к образу персонажа определенного произведения: «Было в нем что-то от *чеховского* городского» (Б. Зиф. Провинция) и т. д.

Если в качестве источника заимствования образной характеристики служит не собственно художественный текст, атрибуция тоже встречается, но, естественно, без указания автора (см. вышеприведенные примеры с атрибуцией типа *в советских газетах, в обстановке библейского мифа* <...> *о Рахили и Лии* и т. п.).

Цитаты, выступающие в качестве метафор и сравнений в текстах современной прозы, чаще употребляются в тексте-источнике в прямом значении, но в ряде случаев прецедентный текст представляет собой метафору или сравнение уже в источнике, например: «Коллективный герой ушел в небытие вместе с коллективными идеалами, и дорогу к звездам теперь пролагает индивидуалист. Ему кажется, что он антинароден по своей сути. Он вырвался, он взлетел, он *беззаконная комета в кругу расчисленных светил*. Он — профессионал успеха, народная мечта» (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия).

При этом интересны случаи, когда исходная метафора или сравнение в современном тексте характеризует совсем другой предмет сравнения, чем в исходном. Так, пушкинская метафора «лед и пламень», относящаяся в поэме «Евгений Онегин» к характерам героев, в тексте романа А. Слаповского «Недо» рисует физическое состояние персонажа: «В голове явственно ощущалась трещина от макушки к левому виску, так трескается весной лед, но у льда края расходятся, а здесь они трутся друг о друга даже не при движении — от одной

только мысли о движении <...> дыхание со свистом, сердце отдаёт ударами в голову, каждый удар заставляет края трещины соприкасаться, эта трещина по-прежнему кажется ледяной, но искры высекаются, как от металла, красными точками отражаются в глазах. *Лед и пламень*, думается тупо. “*Лед и пламень*”. Откуда это?».

Метафорическое словосочетание в тексте-источнике может в тексте-реципиенте трансформироваться в сочетание прямого словопотребления со сравнением, отсылающим к цитируемой фразе: «Было решено *выдавливать* правый руль, как *чеховского раба*, по капле» (В. Авченко. Правый руль) — ср. фразу из письма Чехова Суворину: «напишите, как этот молодой человек *выдавливает из себя по каплям раба*».

Возможна также контаминация интертекстов, в частности, привлекающая внимание интермедиаальностью одного из элементов: «Вспомнив картину своего великого земляка художника В. И. Сурикова “Переход Суворова через Альпы”, я бы определил все то, что произошло с Иваном Ивановичем, а заодно и с Россией, как “*переход Обломова через Штольца*”» (Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов»).

Для современной прозы характерно использование интертекстуальных элементов как средства иронии. Трансформация цитаты часто сопровождается иронией, возникающей из-за добавления к цитируемому фрагменту текста словосочетания с другой стилистической характеристикой. Например, в тексте: «“Эти русские...” — клерк заводит глаза к небу. <...> Один русский поэт, не самый великий, — на этот раз клерку не вспомнить фамилии, но клиент и не настаивает, — сказал, что эту страну *нельзя измерить общеевропейским метром. Другая метрическая система*» (Е. Чижова. Терракетовая старуха) поэтическая цитата Тютчева дополняется словосочетанием научного стиля; в тексте: «Гениальный бордель был легализован. *В белом плаще с кровавым подбоем* из великолепной искусственной харизмы (от настоящей не отличить даже на ощупь) *шаркающей кавалерийской походкой перекормленного французского бульдога* Медоев вышел из тени — навстречу своей вожделенной власти» (М. Степнова. Хирург) к деталям образа Понтия Пилата, используемым для характеристики персонажа, добавляется снижающая образ зооморфная метафора.

Интертекстуальные маркеры могут выполнять оценочную функцию, которая чаще всего свойственна прецедентным именам. Оценка может быть как позитивной: «А еще Николай Иванович был необыкновенно красивый, просто невероятно — яркоглазый, златоволосый,

улыбчивый, он казался Галочке каким-то праздничным *Лелем*, воплощением сразу всех русских народных сказок, под которые она засыпала в детстве» (М. Степнова. Женщины Лазаря), так и негативной: «Твой словарный запас по-прежнему оставляет желать лучшего, Баев, ты как был *Митрофанушкой*, так и остался» (Е. Завершнева. Высотка).

Нередко прецедентные феномены выполняют в современной прозе текстообразующую функцию. Атрибутированная цитата-метафора из стихотворения Мандельштама, развертываясь, привлекая слова, семантически связанные с метафорой *волкодав*, формирует фрагмент книги Е. Евтушенко «Волчий паспорт»: «Мандельштам писал: “Мне на плечи бросается *век-волкодав*”. Мандельштам, да и многих других, этот век безжалостно *придушил*. Но тогда двадцатый век был еще *молодым волкодавом, во цвете сил*. К счастью для нашего поколения, когда мы, перестав быть детьми, стали молодыми, *век-волкодав постарел, его зубы начали крошиться*. Он еще время от времени *бросался* на нас, но *хватка* была уже не та. На наше счастье, эпоха явилась к нам не только в образе *волкодава*, но и в образе *волчицы*, выкормившей нас. Шестидесятники — это *маугли* социалистических джунглей».

Итак, мы рассмотрели употребление интертекстуальных элементов в метафорах и сравнениях современной прозы: источники межтекстовых заимствований, типы претекстов и их функции. Кроме собственно литературных интертекстуальных маркеров, были рассмотрены фольклорные прецедентные феномены, отсылки к библейским текстам, текстам СМИ, известных песен, к набору общих знаний, входящих в кругозор носителя языка. Наряду с чисто интертекстуальными были выделены интермедийные соответствия, используемые современными авторами в компаративных тропах — аллюзии на произведения живописи, скульптуры, музыки, кино и телевидения. Кроме интертекстуальной функции и функции образной характеристики, претексты в компаративных тропах выполняют оценочную и текстообразующую функции. Межтекстовые заимствования, трансформируясь, нередко приобретают ироническую интерпретацию.

ЛИТЕРАТУРА

Зинурова Е. С. Интертекстуальность в современной русской поэзии // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 2. С. 256–266

Зубова Л. В. Языки современной поэзии. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 378 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 216.

Катаев В. Б. Игра в осколки: судьбы русской классики в эпоху постмодернизма. М.: Изд-во Московского ун-та, 2002. 252 с.

Кольшикина И. М., Родионова А. В. Интертекстуальные феномены в повести Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев»: сущность и значение // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2021, № 3 (32). С. 82–86.

Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург; Омск: Изд-во Уральского ун-та; Изд-во Омского гос. ун-та, 1999. 268 с.

Михина И. В. Чеховский интертекст в русской прозе конца XX — начала XXI веков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 22 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Сизых О. В., Дедюхина О. В. Аллюзии на творчество Ф. М. Достоевского в сборнике Юрия Буйды «Закон Жунглей» // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 258–272

Смирнов И. П. Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака. СПб.: Языковый центр СПбГУ, 1995. 189 с.

Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., АГАР, 2000. 280 с.

Фатеева Н. Креативный потенциал языка современной русской поэзии. Berlin: Peter Lang, 2021. 125 p.

Федорова Л. Г. Типы интертекстуальности в современной русской поэзии: Постмодернистские и классические реминисценции. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 24 с.

Филатова О. М. Интертекстуальность как глобальная текстовая категория // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. История и филология. 2006. № 5 (2). С. 149–153.

Intertextuality: Theories and Practices / ed. by M. Worton, J. Still. Manchester: Manchester University Press, 1990. 280 p.

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УТРАТ: *РАЗРОНЯТЬ*

Рассматривается история и словообразовательно-семантические свойства глагола *разронять*, выражающего дистрибутивное ('уронить ряд объектов поочередно') или мультиобъектное ('уронить много объектов одновременно') значения. В современном литературном языке этот глагол практически неупотребителен; по корпусным данным, он наиболее частотен в текстах середины XIX — начала XX века. Высказывается гипотеза о причинах утраты этого глагола, которые предлагается связывать главным образом с конфликтом между значением приставки ('горизонтальная экспансия') и значением основы (в современном языке — 'неконтролируемое падение в вертикальном направлении'), тогда как исторически у основы *-рони-* наблюдались и другие употребления).

Ключевые слова: глагольная префиксация, пространственная семантика, глагольная множественность, русское историческое словообразование.

В исследовании русского словообразования представляют интерес не только продуктивные модели и процессы появления новых производных, но и в некотором смысле обратный случай — утрата словообразовательной производной с появлением лакуны в словообразовательной парадигме. Такие случаи часто труднообъяснимы и даже загадочны: исчезает производный элемент с хорошо понятной, специфической и востребованной семантикой, не замещаясь никаким другим и не оставляя никаких средств для специализированного выражения данного смысла. Что ж, язык далеко не всегда рационален в прямолинейном понимании этого термина, и законы, которые им управляют, сложнее, чем нам кажется.

В качестве одного такого загадочного исчезновения рассмотрим область русского префиксального словообразования, в которой обращает на себя внимание префиксальный дериват *разронять* (от основы *роня<j>*¹). По данным корпуса, его кратковременный взлет

¹ Заметим, что связь между *разронять* и *ронять* — морфологическая, но не семантическая. Семантически *разронять* является перфективным произ-

приходится на середину XIX — начало XX века, после чего этот глагол практически выходит из употребления: в современных текстах его встречаемость ограничена единичными случаями (часть из которых можно интерпретировать как цитаты или отсылки к более ранним примерам), и современный носитель если и владеет смыслом этого глагола, то скорее пассивно.

С точки зрения словообразовательного типа глагол *разронять* является приставочным перфективом; помимо обычного в таких случаях эффекта перфективации можно говорить о выражении более специализированных для префикса *раз-* **дистрибутивного** и **мультиобъектного** значений. Сходную семантику имеют, например, продуктивные в современном языке *разбросать*, *рассыпать* или *растерять*.

Дистрибутивному значению (точнее, локативно-дистрибутивному) можно сопоставить следующее толкование: *разронять X* = ‘уронить части или фрагменты однородной совокупности X поочередно (возможно, в разных местах)’. Иными словами, описывается несколько квантов действия ‘ронять’, последовательно происходящих подряд друг за другом и распространяющихся на всю наличную совокупность роняемых объектов. В современном языке этот повторяющийся характер действия специальным образом не обозначается, и для описания соответствующих ситуаций употребляются обычные глаголы *выронить* или *уронить* (пригодные в равной степени и для описания единичного кванта). В примерах ниже эта дистрибутивность отчетливо видна из общего контекста: объект имеет форму множественного числа, возможны также обстоятельственные группы, указывающие

водным от обозначения однократной ситуации, а в современном русском языке это *уронить*. Данное соотношение не вполне стандартно; в работе [Плунгян 2015] мы предлагаем для его обозначения термин «двухосновная перфективация» (см. также дополнительные рассуждения по этому поводу в [Летучий 2020]). При двухосновной перфективации приставочные производные со значениями из семантической зоны многократности выбирают имперфективную основу, а производные с другими значениями — перфективную основу (которая часто в современном языке оказывается связанной и не употребляется без приставок). Так, аналогично соотношению $у=ронить \sim раз=ронять$ (при отсутствии в современном литературном языке глагола **ронить*), устроена, например, пара $за=стрелить \sim рас=стрелять$ (при таком же отсутствии глагола **стрелить*); ср. с более обычным соотношением типа $валить \sim по=валить \sim раз=валить$, где имеется одна общая основа как у всех приставочных перфективов (независимо от их семантики), так и у бесприставочного коррелята НСВ.

на протяженное пространство, в котором локализируются отдельные кванты действия.

(1) *Но когда однажды он понес поднос с чашками и стаканами, разбил два стакана и начал, по обыкновению, ругаться и хотел бросить на пол и весь поднос, она взяла поднос у него из рук, поставила другие стаканы, еще сахарницу, хлеб, и так устала всё, что ни одна чашка не шевельнулась, и потом показала ему, как взять поднос одной рукой, как плотно придержать другой, потом два раза прошла по комнате, вертя подносом направо и налево, и ни одна ложечка не пошевелилась на нем, Захару вдруг ясно стало, что Анисья умнее его! Он вырвал у ней поднос, **разронял** стаканы и уже с тех пор не мог простить ей этого.* [И. А. Гончаров. Обломов (1859)]

(2) — *Ай! Горе мне!* — *таким же визгом ответила Маруся и со всех ног кинулась в дортуар, **разроняя** по дороге все принадлежности для умывания.* [Л. А. Чарская. Записки институтки (1901)]

(3) *Очертания леса так четки. // Разливаясь, горя, // Меж стволами янтарные четки // **Разроняла** заря.* [П. С. Соловьева (Allegro). Вечер (1915)]

Мультиобъектному значению можно сопоставить следующее толкование: *разронять X* = ‘уронить однородную совокупность объектов X одновременно (и в одном месте)’. В этом случае описывается не ситуация, состоящая из последовательных квантов, а ситуация одновременного падения нескольких или многих объектов. Это несколько другой тип глагольной множественности: хотя в языках мира оба эти типа часто выражаются одинаково, для их обозначения возможно использование и разных показателей (ср., *inter alia*, [Храковский 1989; Newman 2012; Henderson 2023]); поэтому эти значения целесообразно различать и в тех языках, где для них нет формального противопоставления. Характерные контексты для такого значения представлены в следующих примерах:

(4) *Агляя рылась на свободе // В ее вещах, в ее комоды // И **разроняла** всё из рук, // Марьянну увидавши вдруг.* [Т. Л. Щепкина-Куперник. Марьянна Волховская (1907)]

(5) *Турбин вытащил из кармана скомканный лист и, не помня себя, два раза ткнул им мальчишке в физиономию, приговаривая со скрипом зубным: — Вот тебе вести. Вот тебе. Вот тебе вести. Сволочь! На этом припадок его бешенства и прошел. Мальчишка **разронял** газеты, оскользнулся и сел в сугроб.* [Михаил Булгаков. Белая гвардия (1923–1924)]

(6) Знакомый седой капельдинер в крахмальном воротничке и докторском пенсне, казавшийся Шуре прежде не очень симпатичным, бросился, расталкивая публику, навстречу Шуре и сначала крепко пожал, а потом неожиданно поймал и, покраснев, поцеловал ей руку, **разроняв** несколько афишек из своей пачки. [Федор Кнорре. Жена полковника (1947)]

(7) Александра Марковича Левина встретили аплодисментами, он приподнял очки, удивленно посмотрел в зал и сразу **разронял** все свои бумажки. [Юрий Герман. Дорогой мой человек (1961)]

Общий контекст для примеров (4)–(7) таков, что достаточно ясно, что роняемые объекты падают все сразу и одновременно — в отличие от примеров предыдущей группы, где более естественно предполагать последовательность отдельных квантов падения. Следует подчеркнуть, однако, что в русском языке эти значения, как уже было сказано, формально никак не различаются, и поэтому в отсутствие однозначного контекста не всегда возможно определить, идет ли речь о дистрибутивной или о мультиобъектной ситуации. Неясности такого рода возможны даже для некоторых примеров выше — так, в (1), вообще говоря, не исключено и одновременное падение всех стаканов с подноса (хотя, кажется, последовательное падение всё же более вероятно с точки зрения наших знаний о мире). Но, безусловно, в реальных текстах встречаются и такие случаи, где вероятность обеих интерпретаций приблизительно одинакова, ср.:

(8) <...> он чувствовал нервную дрожь и улыбался; желая для контенансу положить себе молодого картофелю, он **разронял** его по полу. [А. Мейхью. Блумсберийская красавица / пер. с англ. Марко Вовчок (1868)]²

² Остановимся немного подробнее на этом примере. Марко Вовчок (псевдоним урожденной Марии Вилинской, по первому мужу Маркович, по второму — Лобач-Жученко) — известная русско-украинская писательница и весьма плодовитая переводчица (иногда пользовавшаяся услугами гострайтеров); английский оригинал данного текста принадлежит полузабытому сегодня британскому юмористу Августу Мейхью (Augustus Mayhew, *The Finest Girl in Bloomsbury*, 1861). Соответствующее английское предложение имеет очень непростую и идиоматичную структуру; в русском переводе она никак не передается, и сохраняется (впрочем, в целом успешно) лишь ситуативная эквивалентность. У Мейхью данное место выглядит так: *He was nervous, too, and foolishly tried to help himself to new potatoes, which are known to be vegetables fond of rolling about the room* (более буквальный перевод мог бы здесь быть, например ‘Нервы его тоже были на пределе, и он необдуманно решил положить

(9) *Один раз Нолли сильно отколотили за то, что он не мог донести большую корзину с яблоками, уронил ее и **разронял** яблоки.* [Н. П. Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки (1872)]

(10) *Он потащил целое беремя толстых переплетенных книг и тотчас же **разронял** их.* [Ф. Д. Крюков. Обыск (1906–1915)]

Примеры (8)–(10) с равной вероятностью могут описывать как ситуации, где объекты падали друг за другом последовательно, так и ситуации, где они упали и рассыпались все одновременно.

По всей вероятности, это означает, что в толковании *разронять* не следует жестко противопоставлять дистрибутивную и мультиобъектную интерпретации как принадлежащие разным значениям. Более адекватным представляется указание на возможность реализации обеих альтернатив в виде дизъюнкции — например, следующим образом:

разронять X = ‘уронить части или фрагменты однородной совокупности X поочередно (и, возможно, в разных местах) или уронить однородную совокупность объектов X одновременно’.

Интересно, как существующие толковые словари справляются с этой проблемой. Основные словари XX века данный глагол включают, но, к сожалению, не отражают мультиобъектных контекстов вовсе (возможно, потому, что в XX веке данный глагол уже выходил из употребления): все они строят толкования (в достаточно близких

себе порцию молодого картофеля, не учтя, что больше всего этот зверь любит прыгать с тарелок и кататься по полу’). Существенно, таким образом, что здесь решение употребить глагол *разронять* (с созданием всего пространного вспомогательного контекста для него) целиком принадлежит русскому переводчику и отражает именно русский узус середины XIX в. Дополнительно стоит пояснить, что выражение *для контенансу* или *для контенанса* (также в каком бы то ни было виде отсутствующее в английском оригинале!) было распространенным в XIX в. галлицизмом с примерным значением ‘для большей уверенности; чтобы казаться непринужденным’ (из фр. *par contenance*; само слово *contenance* буквально означает ‘содержимое, вместимость’, а также ‘манера держать себя; сдержанность, умение соблюдать приличия’). По данным словаря [Сорокин 1998: 143–144], заимствование *контенанс* в этом значении было употребительно в языке XVIII в.; позднее оно осталось только в составе указанного оборота, который надежно фиксируется у авторов второй половины XIX в. (в частности, у Тургенева, Достоевского, Лескова и раннего Чехова), но к концу 1910-х годов также полностью выходит из употребления — интересным образом, во многом повторяя судьбу глагола *разронять* (см. ниже).

формулировках) только с учетом дистрибутивных контекстов. Так, словарь Ушакова дает толкование ‘выронить, уронить в несколько приемов много ч.-н.’, словарь Ожегова — ‘выронить одно за другим, постепенно’³, МАС — ‘уронить одно за другим в несколько приемов (всё, многое)’, и т. п. Как можно видеть, ни одна из этих дефиниций не предусматривает ситуации ‘выронить одновременно много объектов’, а между тем примеры типа (4)–(7) отражают именно ее. Примечательным образом, однако, такое понимание фиксируется в словаре Даля: уже в издании 1863–1866 гг. (*sub разранивать*) дается точная и практически безупречная, на наш взгляд, формулировка «ронять врассыпную, в разных местах, растерять, раскидать по небрежности, или ронять враз много вещей». Последняя часть этого толкования как раз и соответствует мультиобъектной интерпретации — Даль (справедливо) не выделяет ее в самостоятельное значение, но пронизательно отмечает возможность употребления глагола *разронять* в двух вообще говоря разных типах ситуаций (в его терминах, «врассыпную» и «враз»). Интуиция Даля заслуживает тем большей похвалы, что о типологической релевантности такого различия в то время, конечно, еще не могло быть известно: до появления первых типологических исследований глагольной множественности оставалось больше ста лет.

В заключительной части наших заметок хотелось бы немного подробнее коснуться очень любопытных, на наш взгляд, обстоятельств ухода глагола *разронять* из языка. Относительно начального периода появления этого глагола достоверных данных недостаточно, но его активное употребление мы наблюдаем с середины XIX в.⁴ примерно в течение ста лет. К середине XX века глагол практически полностью выходит из активного употребления; современным (особенно молодым) носителям языка он, как кажется, вовсе неизвестен (хотя

³ Не вполне ясно, зачем здесь добавлено ‘постепенно’: приведенные выше иллюстрации (как и много других) практически всегда описывают ситуацию достаточно быстрой смены квантов падения объектов. Так, вряд ли Захар в примере (1) ронял стаканы *постепенно*; аналогично обстоит дело и в других случаях. Видимо, более уместным здесь было бы уточняющее наречие типа ‘поочередно’.

⁴ В то же время первая фиксация этого глагола в текстах Национального корпуса — существенно более ранняя: это берестяная грамота 272 (конец XIV в.); соответствующий фрагмент выглядит как *безь другого коня животь пометаль а иноє розроняль*; предлагаемый А. А. Зализняком [2004: 587–588] перевод (‘без второго коня имущество побросал, а иное растерял’) вполне согласуется с семантикой класса дистрибутивных употреблений.

в текстах понимается достаточно свободно в силу продуктивности соответствующей словообразовательной модели). При этом в словарях языка Пушкина и Грибоедова этот глагол тоже отсутствует. Любопытно, что основные толковые словари середины XX века включают этот глагол без дополнительных помет, и только МАС помечает его как *разг.* Последнее, по-видимому, является попыткой как-то зафиксировать процессы маргинализации, уже начинавшие затрагивать это слово, но представляется, что для имеющихся примеров XIX–XX вв. помета «разговорное» не является адекватной. Прозаические контексты (ср. в том числе и приведенные выше примеры) скорее стилистически нейтральны; с другой стороны, мы находим употребления глагола *разрывать* и в поэтических текстах, в том числе у авторов, явно никак не склонных к разговорному регистру — например, у Фета, Вяч. Иванова, П. Соловьевой (ср. выше пример 3) и др. Вот еще несколько примеров, максимально далеких от признаков «разговорного» регистра:

(11) *Вот, нежа дыханье и взор, // От счастья роза увяла // И свой благовонный убор // К твоим же ногам **разрывает**.* [А. А. Фет. «Людские так грубы слова...» (1889)]

(11) *Пред ним — Мария, в дымке голубой, // И молвит, в белую одета столу: // «Все розы **разрывает** я с тобой, // «О Феофил! пусти за розой долу». // И сходит в голубеющий кристалл, // Разверзшийся по тайному глаголу.* [Вяч. Иванов. Феофил и Мария (1910–1911)]

Таким образом, глагол *разрывать* как минимум на протяжении ста лет оставался в русском литературном языке достаточно употребительной нейтральной лексемой, образованной по продуктивной словообразовательной модели и выражающей распространенные и востребованные в лексической системе значения из группы глагольной множественности. Глаголы с близкими значениями и словообразовательной структурой по-прежнему существуют в современном языке и не обнаруживают каких-либо тенденций к исчезновению. Почему же глагол *разрывать* просуществовал в активном употреблении так недолго и практически исчез к последней четверти XX века? Вряд ли на этот вопрос можно сегодня ответить со всей полнотой, но рискуем предложить гипотезу. С нашей точки зрения, утрате этого глагола могли способствовать два фактора. С одной стороны, в семантике глагола *разрывать* дистрибутивное употребление оказалось «размыто» мультиобъектным (о важности учета этих контекстов для описания всех употреблений глагола мы говорили выше). Для русской

словообразовательной системы такого рода полисемия не вполне типична, обычно границы дистрибутивных употреблений остаются достаточно жесткими (ср., например, поведение глаголов типа *рассыпать* или *разбросать*, не допускающих мультиобъектной интерпретации). Не случайно мультиобъектные контексты не были отмечены в современных толковых словарях: при поверхностном взгляде на представителей данной словообразовательной модели носитель языка вообще не склонен эти употребления замечать. А поскольку мультиобъектность в русском языке к специализированному морфологическому выражению не склонна, то в этом значении *разронять* легко заменялся своими более общими синонимами *уронить* и *выронить* (в ситуации, когда воздействие на много объектов происходит одновременно, естественно сказать *выронить все яблоки из корзины* — точно так же, как *высыпать все монеты из кошелька*). Тем самым, семантический дрейф от дистрибутивности к мультиобъектности мог способствовать вытеснению специализированной дистрибутивной формы.

С другой стороны, причину снижения употребительности глагола *разронять* можно видеть в некотором противоречии между семантикой приставки *раз=* и семантикой лексической основы. В интересующем нас здесь дистрибутивно-дисперсивном значении приставка *раз=* выражает прежде всего «горизонтальную экспансию» (хорошо видную в таких производных, как *разбросать*, *раскинуться*, *расплываться* и мн. др.; подробнее о ее семантической структуре см., например, [Анна Зализняк 1995] и [Janda et al. 2013: 42–52]). Основа же глагола *рони-* в современном языке связана прежде всего с вертикальным движением (а именно, неконтролируемым падением, вызванным утратой фиксированного положения). В семантическом плане сочетание этих двух компонентов не вполне естественно: вертикальное падение может привести к пространственной экспансии (например, если роняющий субъект движется), но это далеко не прямая связь. Соответственно, и в этом случае замена специализированного *разронять* на нейтральное *уронить* или *выронить* устраняет противоречие: компонент вертикального движения остается доминирующим и лишь при необходимости подвергается контекстной модификации. Заметим, что более древний семантический репертуар основы *рони-*, по-видимому, был более разнообразным: этимологические, исторические и диалектные данные свидетельствуют как о наличии в его составе контролируемых значений типа ‘валить, обрушивать’ (ср. выражение *ронить лес*, широко засвидетельствованное как в древних

памятниках, так и в современных диалектах), так и о возможности выражать другие типы движения (прежде всего, движение жидкости, течение — реликты такой семантики можно видеть в сочетаниях типа *ронять слезы*). Сужение этого репертуара до неконтролируемого падения, по-видимому, также способствовало утрате некогда употребительного деривата.

ЛИТЕРАТУРА

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М.: ЯСК, 2004.

Зализняк Анна А. Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // *Russian Linguistics*. 1995, vol. 19 (2), pp. 143–185.

Летучий А. Б. Проблема выбора вида основы при префиксации: некоторые соображения // *Известия РАН, сер. литературы и языка*. 2020. Т. 79. № 3. С. 49–62.

Плунгян В. А. Двухосновная перфективация в русском языке: морфология и семантика // М. Китадзё (ред.). *Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития* (Сб. статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов). Kyoto: Kyoto Sangyo U., 2015. С. 208–212.

Сорокин Ю. С. (ред.). *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 10. СПб.: Наука, 1998.

Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // В. С. Храковский (ред.). *Типология итеративных конструкций*. Л.: Наука, 1989. С. 5–53.

Henderson Robert. Pluractionality and distributivity. *The Languages and Linguistics of Indigenous North America: A Comprehensive Guide*. Carmen Dagostino, Marianne Mithun & Keren Rice (eds.) (The World of Linguistics 13/1). Boston: De Gruyter Mouton, 2023, pp. 497–510.

Janda Laura A., Anna Endresen, Julia Kuznetsova, Olga Lyashevskaya, Anastasia Makarova, Tore Nessel & Svetlana Sokolova. *Why Russian aspectual prefixes aren't empty: Prefixes as verb classifiers*. Bloomington: Slavica, 2013.

Newman Paul. Pluractional verbs: An overview. *Verbal Plurality and Distributivity*. Patricia Cabredo Hofherr & Brenda Laca (eds.). Berlin: De Gruyter, 2012, pp. 185–210.

Т. Б. Радбиль, *Нижегород*
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского
timur@radbil.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АНОМАЛИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В работе рассматриваются художественные функции моделей словообразовательной аномальности в художественной речи О. Мандельштама, которые участвуют в создании такого эстетически значимого лингвокогнитивного по природе эффекта, который трактуется как «конденсация смысла». Анализируются два вида словообразовательных аномалий: структурно-семантические, которые связаны с окказиональным словообразованием, и собственно семантические, которые основаны на неразграничении внутренней формы и лексического значения производного слова, а также на переосмыслении семантического соотношения исходного и производного слова.

Ключевые слова: поэзия О. Мандельштама, художественная речь, конденсация смысла, лингвокогнитивный аспект, модели словообразовательной аномальности, структурно-семантические аномалии, собственно семантические аномалии.

В статье на новом материале развиваются идеи, высказанные в работе [Радбиль 2022], о роли языковой аномальности в создании такого эстетически значимого эффекта художественной речи О. Мандельштама, который трактуется нами как «конденсация смысла». Под **конденсацией смысла** понимается актуализация в языковом выражении «целого комплекса узуальных и неузуальных значений, а также семантических ассоциаций, которыми обрастает слово в микроконтексте и которые реализуются одномоментно, а не так, как в режиме внехудожественного использования языка, когда облигаторно выбирается лишь одно значение из возможных» [Радбиль 2022: 434].

Представление о повышенной семантической емкости слова в поэзии является практически общим местом в лингвопоэтических стратегиях научного поиска [Григорьев 1986]. Согласно концепции

нашего исследования, в качестве одного из важнейших лингвокогнитивных механизмов порождения указанной семантической емкости выступают модели языковой аномальности. В общем виде языковую аномалию можно понимать, вслед за Ю. Д. Апресяном, как «нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы» [Апресян 1990: 50]. Однако модели языковой аномальности, намеренно эксплуатируемые авторами, особенно в поэтической речи, зачастую служат мощным средством художественной выразительности. Языковая аномалия как отклонение от правил или норм вовсе не перечеркивает само правило или норму: «Возможность отклонений от языковых правил в речевой практике как бы предусмотрена самими правилами» [Булыгина, Шмелев 1997: 439]. Все это в полной мере относится и к поэзии Осипа Мандельштама, для которой «особая смысловая сгущенность, особая смысловая нагруженность слова считается стилеобразующим и текстообразующим фактором» [Радбиль 2022: 433–434].

В нашей теории языковой аномальности в художественном тексте принципиальным представляется положение о комплексном характере языковой аномальности, в манифестации которой задействуются не только собственно лингвистические, но и когнитивные, а также коммуникативно-прагматические механизмы. Процедура исследования основана на теории языковой аномальности [Апресян 1990; Булыгина, Шмелев 1997; Русский язык 2021], принципах когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных [Чернявская 2018; Радбиль 2020] и концепции «проективного смысла» [Чернейко 2019]. Материалом исследования являются контексты из созданного нами подкорпуса поэтической речи О. Мандельштама на основе поэтического корпуса в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В настоящей работе мы подробнее остановимся лишь на одной разновидности языковых аномалий — на словообразовательных аномалиях, в силу повышенного экспрессивного и эстетического потенциала разнообразных структурных и семантических нарушений моделей стандартного словообразования в художественной речи — ср., например [Виноградова 1997]. Кроме того, многими исследователями отмечается и повышенная роль неологизмов и окказионализмов именно в поэтике О. Мандельштама [Успенский 2014]. Мы различаем две разновидности словообразовательных аномалий — структурно-семантические аномалии и собственно семантические аномалии.

Структурно-семантические словообразовательные аномалии связаны с процессами неологического словообразования потенциальных

слов и окказионализмов. Рассмотрим некоторые показательные случаи, где посредством использования механизмов неузального словообразования в художественной речи О. Мандельштама реализуется лингвокогнитивный по своей природе эффект конденсации смысла.

Покажем, как это «работает», на следующем примере: *Голубой, онелепленный, пепельный, // В барабанном наросте домов, // Город...* («Рим», 1937). — Здесь семантически емкое причастное новообразование *онелепленный* не просто означает ‘тот, которого каузировали стать нелепым, сделали нелепым’. Нетрудно видеть, что в этом словоупотреблении нейтрализуются, т. е. реализуются диффузно разные значения исходного прилагательного *нелепый*: ‘лишенный здравого смысла; неразумный, бессмысленный’; ‘странный, несуразный’; ‘неловкий, неуклюжий’. А еще, как это обычно бывает у О. Мандельштама, здесь, возможно, соприсутствие и этимологического значения *нелепый* ‘некрасивый’, а также другого архаического значения ‘не отвечающий приличиям, непристойный’.

А в примере: *Сознаешь ли, до чего щегол ты, // До чего ты щегловит?* («Мой щегол...», 1936) — неодериват *щегловит* одновременно выражает смыслы ‘обладаешь всеми свойствами, которыми должен обладать прототипический щегол’, ‘обладаешь высшей степенью щегловитости как выражения свойства быть щеглом’, ‘похож на щегла’. А отсюда на лингвокогнитивном, концептуальном уровне возникает оценочная импликация → ‘до чего ты хорош, красив’.

Конденсация смысла в моделях неодеривации может быть реализована посредством такого лингвокогнитивного механизма, как **перекатегоризация структуры события** [Кобозева, Лауфер 1990]: *Как волгогосная органная игра // Сопровождает голос женский* («Я в львиный ров и в крепость погружен...», 1937). — Неодериват *волгогосный* реально является не признаком предмета *игра*, а признаком действия *играть* ‘тихо, сопровождая основную партию’. Тем самым возникает семантически емкий образ, основанный на смешении смыслов производящей лексемы *голос* — ‘звуки вследствие колебания голосовых связок’; ‘способность производить такие звуки, их качество’; ‘вокальная партия’, ‘партия музыкального инструмента’; ‘звуки, сопровождающие какое-либо явление, действие, работу инструментов и пр.’, к котрым прибавляется и переносное значение исходного наречия *волгогоса* ‘негромко, приглушенно (о значении чего-либо)’.

Конденсация смысла в сложных неодериватах в идиостиле О. Мандельштама может быть связана и с **паронимической аттракцией** [Григорьев 1986]: *Древность летняя, легкая, наглая, // С жадным взглядом*

и плоской ступней, // Словно мост ненарушенный ангела // В плоско-ступни над желтой водой... («Рим», 1937). — Здесь плоская ступня древности плоско ступает («в плоскоступни») над водой. Но выбор неологического существительного обусловлен тем, что лирический герой рисует картину застывшую, как фотоснимок, на которой никто никуда не ступает, в режиме остановившегося мгновения.

Собственно семантические словообразовательные аномалии связаны с неразграничением внутренней формы и лексического значения производного слова, т. е. с игрой на неразличении синхронии и диахронии, а также с переосмыслением семантического соотношения исходного и производного слова.

Так, в контексте: *До чего эти звезды изветливы: // Все им нужно глядеть — для чего? — // В осужденье судьи и свидетеля, // В океан без окна вещество* («Стихи о неизвестном солдате», 1937) — для слова *изветливый* в современных толковых словарях русского языка вообще отсутствуют толкования, и в синхроническом плане оно вполне может восприниматься как неологизм. Однако в словаре В. И. Даля [Даль—II 1999] и в «Словаре русского языка XVII в.» [Словарь русского языка—9 1997] дается значение ‘склонный к доносам, к изветам’. Это значение как базовое реализовано и в данных строках О. Мандельштама — в контекстном окружении общей судебной, так сказать, «правоприменительной» развернутой метафоры (*осужденье, судья, свидетель*). Но еще ассоциативным фоном прочитывается смысл ‘вечные свидетели, наблюдатели, даже соглядатаи’, причем с явно негативной оценочностью, как то, что враждебно земному человеку с его заботами.

Аналогично в примере: *И двойного запаха сладость неуживчива: // Борется и тянется — смешана, обрывчива* («На меня нацелилась груша да черемуха...», 1931) — лексема *обрывчивый* также в современных словарях отсутствует. В то же время в «Словаре русского языка XVII в.» приводится значение ‘сыпучий, осыпающийся’ [Словарь русского языка—16 2007], которое и выступает здесь в качестве номинативной базы для формирования образа. А в словаре В. И. Даля высвечивается еще одно значение, каузативное, с ориентацией на активно действующего субъекта в когнитивной модели ситуации: ‘охочий (т. е. желающий) оборвать (человека)’ [Даль—II 1999]. В контексте данного образа данная каузативность принимает инвертированный вид ‘которую хочется оборвать (о груше и черемухе)’.

Во всех рассмотренных выше случаях можно говорить об обыгрывании этимологической памяти слова, истории развития его значений.

Как вариант данной модели неразграничения синхронии и диахронии мы можем рассматривать и явления воскрешения архаической семантики слова, когда современное значение у лексемы уже полностью утрачено (она тогда вообще воспринимается как неологизм).

Так, конденсация смысла при использовании механизмов словообразовательной аномальности в художественной речи О. Мандельштама может порождаться одновременным столкновением в пределах одного контекста современного и архаического, малоизвестного значения слов. В примере: *Нам союзно лишь то, что избыточно, // Впереди — не провал, а промер, // И бороться за воздух прожиточный* — // *Это слава другим не в пример* («Стихи о неизвестном солдате», 1937) — в лексеме *прожиточный* сталкивается современная семантика 'необходимый, достаточный для существования, жизни' и устаревшее значение 'предназначенный для проживания (*прожиточные именья*)' [БАС—XI 1961]. Кроме этого, в данную конфигурацию смыслов также вовлекается ассоциативный смысл — концептуальная импликация 'необходимый для выживания, чтобы выжить', а в случае прочтения *воздух* по модели метафорического расширения до обобщенного переносного значения 'условия, среда существования' [МАС—I 1985] еще возможны смыслы, связанные с нормативно-оценочными коннотациями 'достойный, требуемый для подлинной духовной жизни и внутреннего развития личности'.

При этом исконное архаическое значение производного слова может как бы регенерироваться. Так, для архаического прилагательного *сладимый*, образованного на базе страдательного причастия, фиксируется устаревшее значение 'сладкий, сладковатый' [БАС—XIII 1962] и исконное причастное значение 'подслащенная, услащенная'. Но в строке: *Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима...* («Сохрани мою речь навсегда...», 1931) — как бы воскрешается и архаическое переносное значение этого слова, отмеченное в словаре В. И. Даля: 'успокаивающий, приятный, располагающий к неге' [Даль—IV 1999]. Также в данном контексте возможна еще и субъектная концептуальная импликация 'такая, какой должна быть, соответствующая прототипической воде' (ср. финал строфы: *Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда*).

Если рассматривать художественную речь О. Мандельштама, так сказать, «общим планом», то мы можем увидеть своего рода «перекличку» двух разновидностей словообразовательных аномалий в разных стихотворениях разных периодов. Так, пример структурно-семантической словообразовательной аномалии можно видеть в поэтическом

неодеривате *разлапица* в контексте: *Бывало, я, как помоложе, выйду // В проклятом резиновом пальто // В широкую разлапицу бульваров...* («Полночь в Москве...», 1931). — В этом отрывке мы видим типичную для поэзии О. Мандельштама модель конденсации смысла, которая на лингвокогнитивном уровне обусловлена тем, что неодериват маркирует целый фрейм, в норме могущий быть обозначен лишь описательно, целым комплексом выражений. В частности, *разлапица*, с одной стороны, обозначает множество путей, разбросанных по всей Москве бульваров. С другой стороны, на ассоциативном уровне имеются в виду и лапы (ветви) раскидистых деревьев, растущих на бульварах столицы. Также, возможно, реализуется и имплицитное представление о совокупности пешеходов, о толпах людей, снующих про всей Москве туда-сюда (восприятие толпы как многоногого (многолапого) существа).

При этом очевидна преемственность более поздней структурно-семантической словообразовательной аномалии *разлапица* по отношению к более ранней собственно семантической словообразовательной аномалии *лапчатый* во фрагменте: *Как будто холода рассадник // Открылся в лапчатой Москве!* («Московский дождик», 1922). — Механизм данной аномальности связан с совмещением в производном слове нескольких возможных словообразовательных значений ‘похожий на лапу / лапы’, ‘имеющий отношение к лапе / лапам’ и ‘имеющий лапы с перепонками’, которые не распределяются, не дифференцируются в контексте, а, напротив, сопresentуются в нем одномоментно, нерасчлененно.

Итак, почему же Москва — *лапчатая*? Значение переносное ‘похожий на лапу / лапы’ явно отнесено не к Москве, а к наблюдаемому лирическим героем фрагменту городского пейзажа. Возможно, капли дождя оставляют следы, ассоциирующиеся со следами лапок птиц. Возможно, как стройные линии следов от птичьих лапок воспринимаются какие-то элементы городского интерьера — брусчатка, стены с определенным покрытием, ограды, мосты. С другой стороны, возможно, здесь *лапчатый* ‘имеющий отношение к лапе / лапам’ — по которому проходит ежедневно много лап, т. е. человеческих ног, лошадиных копыт, птичьих, собачьих и кошачьих лап. Прямое значение ‘имеющий лапы с перепонками’, возможно, ложится в основу метафорического образа, когда сам городской пейзаж, воспринимаемый чрез завесу дождя, ассоциируется по каким-то признакам у лирического героя как нечто, имеющее лапы с перепонками. В качестве дальней ассоциации можно допустить и коннотацию, реализованную

в образной семантике просторечного фразеологизма *гусь лапчатый* 'о хитром, ловком человеке, пройдохе' [БАС—VI 1957]. Москва — город с хитрецей, с лукавинкой: в нашей культуре известна модель стереотипного восприятия ее жителей как народа ушлого, которому палец в рот не клади (вспомним и пословицу: *Москва слезам не верит*).

В заключение отметим, что столь насыщенные смыслом и художественно убедительные явления как-то даже и не хочется именовать аномалиями. Часто мы предпочитаем в этих случаях говорить о семантических сдвигах, смысловых преобразованиях и т. д. Размышляя об эстетических интенциях порождения подобных смысловых смещений, мы можем предположить, что с лингвокогнитивной точки зрения в идиостиле О. Мандельштама они могут служить единственно возможным средством концептуализации и художественного осмысления сложной и внутренне противоречивой действительности, негармоничных, болезненных состояний внутреннего мира.

К общечеловеческим факторам и источникам механизмов языковой аномальности в художественном слове поэта относится, вообще говоря, сама жизнь человека XX и XXI в. Сложность и катастрофичность человеческой экзистенции, непознаваемость и иррациональность мира, ощущение его бессмысленности, психологическая неприемлемость бесчеловечных условий социального и духовного существования обеспечивают постоянный механизм регенерации в культуре художественных моделей альтернативного реалистическому, абсурдного типа.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции // *Res Philologica: Филологические исследования* / Под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л.: Наука, 1990. С. 50–71.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 574 с.

Виноградова В. Н. Словообразовательные средства художественной речи // *Zagadnienia słowotwórstwa i składni w opisie współczesnych języków słowiańskich*. Т. 1. Katowice. 1997. С. 29–35.

Григорьев В. П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М.: Наука, 1986. 253 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. М.: Рипол-Классик, 1999. Т. II: И–О. 817 с.; Т. IV: P–V. 714 с.

Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации, // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста: Сб. научн. трудов / ИЯ АН СССР / Отв.ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 194–224.

Радбиль Т. Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759–774.

Радбиль Т. Б. Языковая аномальность как фактор конденсации смысла в поэтическом тексте (на материале языка поэзии Осипа Мандельштама) // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. № 2. Вып. 31. С. 431–445.

Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Колл. монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021. 328 с.

Словарь русского языка: В 4-х т. (МАС) / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. I: А–Й. 1985. 768 с.

Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Вып. 9: Из–Каста. СПб.: Наука, 1997. 270 с.; Вып. 16: Обломить–Онца. СПб.: Наука, 2006. 278 с.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (БАС). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. VI: Л–М. 1957. 739 с.; Т. XI: Пра–Пятью. 1961. 926 с.; Т. XIII: С–Сняться. 757.

Успенский Ф. Б. Работы о языке и поэтике Осипа Мандельштама: «Соподчиненность порыва и текста». М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2014. 216 с.

Чернейко Л. О. Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 158–170.

Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.

Л. В. Рацибурская, *Нижегород*
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского
racib@yandex.ru

ПРОЯВЛЕНИЯ ТЕНДЕНЦИИ К ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

Тенденция к демократизации в русском языке связана с усилением влияния устной речи на письменную и вызвана демократическими преобразованиями в современном российском обществе. В статье рассматриваются проявления демократизации в словообразовательных процессах, связанные с вовлечением в деривационные процессы стилистически сниженной лексики, словообразовательных аффиксов и моделей, характерных для разговорной речи.

Ключевые слова: словообразование, стилистически сниженная лексика, словообразовательные аффиксы, словообразовательные модели, демократизация, медиа.

Тенденцию к демократизации в языке и речи ученые связывают с либерализацией общественных отношений и определяют как усиление разговорной составляющей в вербальной коммуникации [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015; Коряковцева 2018].

Проявление тенденции к демократизации характерно для медийных текстов и новообразований. Современные медиатексты отличаются повышенной экспрессией, оценочностью, речевой раскрепощенностью, языкотворческими экспериментами. Раскрепощенность как один из ярких показателей современного речевого поведения коммуникантов способствует активизации процессов словотворчества в медийной речи, приводит к появлению большого количества новообразований, которые являются средством экспрессивизации и оценочности текстов СМИ.

В медийных текстах наблюдается стилистическая контаминация, при которой в рамках одного вербального пространства совмещаются слова разных стилистических пластов [Лысакова 2006; Кормилицына 2008]. При этом актуализируется разговорная, жаргонная

и просторечная лексика. «Согласно русской стилистической традиции к просторечию относятся языковые элементы, имеющие не-правильности в своем употреблении и/или грубовато эмоциональный характер, выдающие автора как не вполне владеющего литературной речью (принадлежащего к диалектной или арготической среде)» [Виноградова 2016: 495].

В деривационных процессах тенденция к демократизации проявляется в нескольких аспектах и связана с вовлечением в словообразовательные процессы стилистически сниженной лексики, словообразовательных средств и моделей, характерных для разговорной речи. В деривационных процессах последних лет активно участвуют разговорная, жаргонная, просторечная лексика: *суперпродвинутый фри-джаз* (Завтра, 2006, № 44); *Каковы будут последствия от такого «сращивания» экс-ментов с экс-жуликами, нетрудно представить* (Комсомольская правда — Нижний Новгород, 28.01.2011); *Конечно же, экс-бизнесмен, экс-депутат и экс-зэк блефует* (Завтра, 2006, № 44); *Выжимают из тебя пот, чтобы превратить его в брызги шампанского для евродевок* (Завтра, 2013, № 24); ... *прежде чем скулить об изъятых с родных просторов еврожратве, следовало бы задуматься, так ли уж была она хороша* (Литературная газета, 17–23.12.2015); *Мог сказать: слушай, Владимир, тебя и меня достала вся эта еврошпана* (Россия-1, 09.07.2017); *В соцсетях появился ролик, на котором разъяренный быдловодитель Mercedes, возмнивший себя “царьком” оскорбляет сотрудника ДПС* (<https://amarok-man.livejournal.com/5383522.html>); *Они завели себе телеграм-помойки* (радио «Комсомольская правда», 26.11.2022); *омерзительный, блевотворный Гордон* (Вести FM, 02.04.2024).

Нередко в качестве мотивирующей базы выступает инвективная лексика: *Дороже либеротвари, либероподонки, которые долгое время работали на Запад* (Вести FM, 26.06.2022); *Чтобы народ видел, как разбираются с криптокозлами* (Вести FM, 25.01.2024); *навальновская иллюхота* (Вести FM, 02.04.2024); *На счетах Россиян скопился дохрениард валюты, как электронной, так и наличной* (ProstoPROlife, 02.08.2022).

Особенно заметна стилистическая контаминация в рамках слова в тех случаях, когда сочетаются книжные основы со сниженными основами или с разговорно-просторечными аффиксами или наоборот: *либеротвари, либероподонки, стибринг, блевотворный*.

Разговорный суффикс *-и(а)* со значением женскости в сочетании с основами существительных, указывающих на лиц высокого социального статуса (*сенатор, депутат, академик, канцлер, прокурор*) формирует экспрессивные новообразования с негативной оценкой:

...на фоне отдельных **сенатори** и **депутати** Валентина Ивановна выглядит довольно симпатично (Собеседник, 2016, № 22); Я тут читал одну профессорушу, **академикушу** (Вести FM, 15.07.2022); **Предизентшиа** выступила на форуме в Давосе <...> **Еврокомиссаршиа** объявила, что форум не имеет смысла (НТВ, 22.01.2023); ...встречается с канцлером Германии Меркель, правильнее говорить, с **канцлершей** или с канцлеркой (Вести FM, 07.04.2024); В Джорджии не удалось снять с должности либеральную **прокуроришу**, замеченную в адюльтере со своим помощником (Вести FM, 20.03.2024).

Сниженная, инвективная лексика в новообразованиях представлена, в частности, в текстах украинской тематики, а также в оценочных номинациях оппозиции: *Есть Чехия, которая снабжает оружием этих **укроподонков*** (Вести FM, 23.03.2024); *Откуда у **хохлонацистов** такая уверенность, что им все должны?* (Вести FM, 24.04.2024); *...вся эта **хохлятина, криптобандеровщина**...* Вести FM, 24.04.2024); *блевотворный Гордон; навалыновская шлюхота*. Подобные новообразования должны квалифицироваться как проявление речевой агрессии.

Еще одним проявлением демократизации в деривационных процессах можно считать участие в словопроизводстве стилистически сниженных аффиксов. Так, разговорный суффикс *-щин(а)* с оттенком неодобрения формирует, как правило, негативно-оценочные новообразования: *Что такое «**училковщина**»? В одной из социальных сетей я прочитала пост педагога, который рассказывал о какой-то конференции, где выступали молодые учителя с разными идеями. Он хвалил своих коллег и написал о том, что все выступления были интересными, новыми, «без всякой **училковщины**». С таким термином я встречаюсь впервые. И я задумалась: что же такое «**училковщина**»? (<https://zen.yandex.ru/media/id/5c33637b2fe7ad00aa0774b0/что-такое-uchilkovscina-5db83da73d008800add2bf40>); **Малаховщина** (заголовок). *Как поставить заслон грязи и пошлости на нашем телевидении* (<https://www.stoletie.ru/>, 23.06.2023); *Откуда в них столько театральщины, додинщины?* (радио «Комсомольская правда», 16.12.2022); *Вот эта вся **бельгийщина**, склонность к геноциду...* (Россия-1, 22.12.2022); *В девяностые годы он был против **солженицынщины*** (радио «Комсомольская правда», 11.12.2023).*

Для разговорной речи характерны также размерно-оценочные суффиксы с амбивалентной оценочностью. Как известно, «с помощью размерно-параметрических представлений типа “малый — большой” в русском языке регулярно репрезентируется и оценка “хороший — плохой”» [Химик 2010: 376].

По мнению ученых, «обычно с деминутивами ассоциируются симпатия, сочувствие, жалость, так как они чаще связаны с выражением положительной оценки обозначаемого, с похвалой. Однако деминутивы способны также к передаче разнообразных отрицательных эмоций и негативных оценок, выполняя пейоративную или даже инвективную прагматическую функцию» [Коряковцева 2015: 186; Фуфаева 2018].

Семантика и оценочность деминутивного аффикса может меняться в зависимости от мотивирующей семантики и контекста: *... вживую это выглядит так, что в великую реку Ангара (ширина 1.5 км) впадает маленький **Енисейчик** (ширина 0.5 км)* (<https://zen.yandex.ru/media/kiba/taina-ozera-baikal-5d1549bddb2d3700ada4dad4>).

Активизация деминутивного словообразования отчасти объясняется усилившейся в последнее время тенденцией к фамильярному умалению и снижению объектов номинации: *Вы не замечали, что те, кому дали отставку, кто остался не у дел, много и неистово хорохорятся? Только дай им **шансок** — изобретают из себя многозначительных персонажей* (Собеседник, 2012, № 3); *Я еще тогда предполагал, чем кончится твоя **карьерка*** (Вести FM, 05.07.2018); ***Карьерка**-то у него была ох какая неплохая!* (Вести FM, 13.03.2019); *Это уже **секточка*** (о либеральной оппозиции в период пандемии — Авт.) (Вести FM, 27.03.2020); *Та еще либеральная мировая **элитка*** (Россия-1, 19.07.2022); *Когда существовали сицилийские кланы, всегда находился маленький **кланчик*** (Россия-1, 22.03.2022); *Там есть свой маленький вульгарный **интересик*** (1-й канал, 26.07.2022); *Это выглядит очень специфично для нашего “**толерантненького**” мира, где примирить удалось, вон, даже бандеровца с евреем* (Завтра, 2016, № 30); *Какой-то он **авторитарненький*** (Россия-1, 08.12.2022); *Это **циничненько**, но **возможненько*** (радио «Комсомольская правда», 17.05.2023).

К проявлению тенденции к демократизации относится активизация в деривационных процессах словообразовательных моделей, характерных для разговорной речи. Особую значимость в эпоху динамичной коммуникации и в соответствии с тенденцией к экономии языковых средств приобретают модели универбации, по которым создаются компактные номинации, включающие семантику всего базового словосочетания при формальной мотивации одним из его компонентов. Продуктивность демонстрируют прежде всего модели с суффиксом *-к(а)* отвлеченно-предметной семантики: *Важно есть молочные продукты. Они компенсируют нехватку кальция. Однако не все виды «**молочки**» будут приносить пользу* (zen.yandex.ru,

26.02.2020); *Специалисты по безопасности отмечают, что поспешный перевод на удалёнку неизбежно приводит к ошибкам администрирования и появлению незащищенных сетей* (Российская газета, 08.04.2020); *На мой взгляд, удаленка и самоизоляция (как полюбил я эти слова!) — это оптимальный вариант для писателя* (Российская Газета. Неделя. www.rg.ru, 22.04.2020); *Виртуальные барахолки стали срезом жизни немцев на карантине <...> Что же продают и покупают немцы на виртуальных «блошинках»* (Российская газета, 08.04.2020); *...заразили одного из сотрудников, имеющих доступ внутрь, и дальше респираторка сделала черное дело* (Комсомольская правда, 22–29.04.2020); *Как школьники и учителя справляются с «дистанционкой»* (Новое дело, 16–22.04.2020); *Да у всех препаратов есть побочка, — предупреждая мой вопрос, говорит Карина* (Яндекс.Дзен, 07.05.2020) — *побочный эффект*; *Был ли вообще смысл оживлять «пыльную вчерашку»* (kr.ru, 10.05.2022) — *вчерашние произведения*; *Это уже не является внутрисемейной проблемой. Это международка* (Вести FM, 26.06.2022) — *международная проблема*; *Скейт-площадка превратилась в опасную заброшку* (Россия-1, 13.07.2022) — *заброшенное пространство*; *Привычка игнорировать <...> межресничное пространство <...> Нормальных гелевых карандашей для слизистой глаза и «межреснички» не было* (life.ru, 12.08.2022); *Стало полегче и понасыщеннее, в том числе и с высокоточкой* (Вести FM, 17.08.2022) — *высокоточное оружие*; *У нас тоже какая-то биполярка* (радио «Комсомольская правда», 29.11.2022) — *биполярное расстройство*.

В последние годы в разговорной, преимущественно устной речи активизировалась модель сложных слов, созданных путем редупликации. Такие слова являются интенсификаторами, выступают как усилительно-оценочное средство: *Если говорить о капитализме-капитализме...* (Вести FM, 19.12.2017); *У них такое прямо катание-катание* (1-й канал, 20.01.2019); *Мой мужчина, который очень мужественный, прям мужик-мужик* (НТВ, 29.09.2019); *Познакомились они давно, и сначала это дружба-дружба была* (НТВ, 13.10.2019); *Конечно, гибель четырнадцати человек <...> это трагедия-трагедия* (Вести FM, 03.07.2019); *О Ким Чен Ыне много пишут, что это чудовище-чудовище* (Вести FM, 25.04.2019); *Наполеон был кровавый-кровавый, кровавейший* (Вести FM, 28.09.2019); *Сегодня выходит книга Болтона. Книга жесткая-жесткая* (Вести FM, 23.06.2020); *Ну а теперь новость, которую мы прямо ждали-ждали-ждали* (Россия-1, 19.01.2019).

Другие слова-повторы указывают на подлинность, настоящий характер обозначаемого: *Физика — это наука-наука* (Вести FM,

10.09.2019); *Есть мужчины, которые называют девочками всех подряд* <...> *А мы говорим о девочках-девочках, которым пять лет* (Радио России, 03.06.2019); *Ты прямо рокер-рокер* (1-й канал, 11.07.2020); *Им удалось выйти из кризиса, когда пришли профессионалы-профессионалы* (Вести FM, 19.03.2020); *Это действительно шедевр-шедевр? Или так себе?* (Радио России, 03.07.2020); *Так говорил о себе Сталин, который был грузин-грузин* (Вести FM, 25.09.2020); *Я бы порекомендовал еще классику-классику* <...> *музыканта русского-русского происхождения. Это Игорь Левит* (1-й канал, 07.04.2020). У подобных дериватов возможна ироническая окраска: *У нас такая прямо демократия-демократия, свобода, что можно свободно вынести из музея художественные ценности* (Вести FM, 28.02.2019); *Чтобы он действительно был конкурент-конкурент, в не просто на бумажке* (Вести FM, 06.11.2022); *Он такой патриот! Я по сравнению с ним такой либерал-либерал!* (радио «Комсомольская правда», 02.03.2023); *Там уже такая война-война* (радио «Комсомольская правда», 04.12.2023); *А Эрдоган, он что, такой консерватор-консерватор?* (радио «Комсомольская правда», 19.05.2023).

Исследователи отмечают использование новообразований в игровых целях: «Словообразование с целью игры, каламбура, вообще характерно для разговорно-просторечного интернет-дискурса» [Виноградова 2016: 496]. Одним из распространенных способов языковой игры является контаминация. По мнению некоторых ученых, «контаминация становится узуальным способом словообразования» [Виноградова 2016: 497; см. также: Николина 2023].

В процессах контаминации в современной медийной речи нередко участвуют личные имена собственные: *Трампокалипсис: Европа шокирована итогами выборов в США* (ТВЦ, 09.11.2016) — *Трам + апокалипсис*; *«Гласность» — норма жизни. Ведущий самого популярного в мире англоязычного социального радишоу «This American Life» Айра Гласс — упрямый, вредный и твердый как скала журналист* (Медиа-группа Журналист, <http://jrnlst.ru/february2-18>, 15.02.2018) — *Гласс + гласность*; *Что байденомика означает на самом деле?* (Россия-1, 02.07.2023) — *Байден + экономика*; *Все чаще специалисты используют слова свифтляция (Свифт (Тейлор) + инфляция), свифтономика (Свифт (Тейлор) + экономика)* (НТВ, 17.06.2024); *«Давабузики» возвращаются. В сети обсуждают возможное воссоединение Давы и Бузовой* (Primag Media.ru, 23.11.2023).

Контаминация может граничить с графическим словообразованием, графической гибридизацией, в частности с капитализацией,

при которой в узуальном слове выделяется прописными буквами часть, соответствующая другому узуальному слову: *Дональд: ТУСКлое солнце солидарности* (НТВ. 26.11.2023). Графогибридизация может сопровождаться цветовыми выделениями: *ГУД БАЙДЕН, ТРАМП. Сможет ли новый президент выгнать из Белого дома старого?* (Московский комсомолец, 11–18.11. 2020).

Имя собственное, обыгрываемое в медийном тексте, по мнению ученых, «превращается в ярлык, бренд, используется с идеологическими целями <...> антропонимы и их дериваты стали удобным способом навязывания адресату социально-политических оценок и манипулирования общественным мнением» [Социокультурные... 2018: 78].

Таким образом, в результате возросшего влияния масс-медиа на коллективное сознание носителей языка, на существующий вербальный узус, «узус репрезентативного языкового употребления становится открытым для включений из узуса повседневного, непринужденного» [Нещименко 2010: 38], из живой разговорной стихии; возрастает экспрессивность общения, в том числе и в современных СМИ, что свидетельствует о прагматической заинтересованности в обратной связи с адресатом.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградова В. Н. О литературном и внелитературном просторечии в Интернете // *Wortbildung und Internet*. Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz — Kommission für Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee, 2016. С. 495–498.

Кормилицына М. А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов, 2008. Вып. 8. С. 13–34.

Коряковцева Е. И. Интернационализация, демократизация и «медиа-тизация» славянских языков в условиях глобализации (словообразовательный аспект) // *Globalizacja a języki słowiańskie. Globalization and Slavic languages*. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2018. С. 33–47.

Коряковцева Е. И. Субстантивные (квази)деминутивы, образованные от русских и польских *nomina abstracta* с интернациональными аффиксами // *Деминутивы в славянских языках: форма и роль*. Марибор, 2015. С. 184–196.

Лысакова И. П. Революция в языке или язык революции? // Современная русская речь: состояние и функционирование. Вып. II. СПб., 2006. С. 119–130.

Николина Н. А., Рацибурская Л. В. Современное русское словообразование: функционально-динамический аспект: учебное пособие. М.: ФЛИНТА. 2023. 176 с.

Рацибурская Л. В., Самыличева Н. А., Шумилова А. В. Специфика современного медийного словотворчества: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 136 с.

Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, Е. В. Щеникова, Н. А. Бакич, В. А. Торопкина, Е. А. Жданова; под ред. Л. В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА, 2019. 232 с.

Фуфаева И. В. Диминутивы в русских иронических дискурсах: от дружеской шутки до сарказма // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура: сборник статей. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2018. С. 302–311.

Химик В. В. Экспрессивно-оценочный потенциал русского модификационного словообразования // Новые явления в славянском словообразовании: Система и функционирование. М.: Изд-во Московского ун-та, 2010. С. 376–389.

**«НА ЯЗЫКЕ КЕНГУРУССКОМ»
(ТРАНСПОЗИЦИЯ ФОРМЫ
И ЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕНОС
В АНИМАЛИСТИЧЕСКИХ СКОРНЕНИЯХ
АННЫ ЛОГВИНОВОЙ)**

В современной поэзии троп как основной инструмент семантических преобразований уступает место поэтическим неологизмам синтетического типа — телескопическим скорнениям разных видов с множественной мотивацией. Компрессия, экспрессия, ирония — вот три «сестры» окказионального способа словообразования в поэзии постмодерна, и все они наглядно представлены в творчестве Анны Логвиновой, в особенности в той его части, где присутствуют анималистические метафоры.

Ключевые слова: семантическое преобразование, поэтический неологизм, телескопическое скорнение, компрессия, поэзия постмодерна, идиостиль Анны Логвиновой, анималистическая метафора.

Анималистическая метафора

Анималистическая метафора с ее яркой наглядностью и аттрактивностью может быть названа одним из основных приемов создания образности поэтического языка. Онтологически это, вероятно, древнейший поэтический прием, используемый разными культурами как в пейоративной, так и в положительной оценочной функции: к нему обращались и гениальный слепой грек Гомер, и былинный русский сказитель, и английские романтики (Блейк, Киплинг и др.), и отечественные формалисты.

В частности, у Маяковского это — основной рабочий прием: «сырой погонщик гнал устало Невы *двугорбого верблюда*» («Кое-что про Петербург», 1913) [1955: 43], «*киты* батарей» («Не юбилейте!», 1926) [1958a; 238], «вьется улица-змея» («Хорошо!», 1927) [1957b: 322] и др. (курсив мой — Л. С.). И традиция, идущая от Маяковского, прослеживается исследователями и в текстах современных авторов¹.

¹ Например, в рок-поэзии Д. Арбениной [Воробьева, Герман 2014].

Однако у Логвиновой анималистическая метафора выражается нестандартными для русского узуса словообразовательными способами — скорнением (блендингом), эпентезной гибридизацией с двойной деривационной мотивацией, о чем речь пойдет ниже.

Телескопическое скорнение, или блендинг

Под телескопией будем понимать (вслед за Л. А. Нефедовой) такое образование слов посредством усечения основ, «когда склеиваются начальный сегмент одного слова с конечным сегментом другого, *klaufen* («разг. стащить, стянуть») + *kaufen* («купить, покупать») = *klaufen* — «украсть (особенно в магазине)» [Нефедова 2003: 91].

Н. М. Шанский [1968] и вслед за ним ряд исследователей рассматривают телескопические скорнения (бленды) в качестве скрытых композитов, не выделяя их в особый способ образования слов, но включают их в словосложение. Одни относят телескопию к аббревиации (О. Д. Мешков [1976], И. И. Борисенко [1976]); другие рассматривают ее как отдельный самостоятельный способ словообразования (Л. Ф. Омельченко [1981]; Т. Р. Тимошенко [1974]; Е. Б. Черкасская [1971]).

Поскольку элементы телескопных слов неоднородны по составу и часто представляют собой усечение исходных слов до одного или двух слогов или даже нескольких звуков, такое разнообразие требует особого внимания лингвистов. Нельзя не согласиться с Д. Гугунавой в том, что «видимо, «междусловное наложение» не просто сходно со сложением и сращением (как верно замечает И. С. Улуханов, руководствуясь частичным совпадением словообразовательных средств, входящих в состав форманта), а лежит в иной, стилистической области, лишь косвенно соприкасающейся с деривацией [Гугунава 2002]; см. также [Улуханов 1996].

Как представляется, этот прием окказионального словообразования — предмет отдельного серьезного исследования и, возможно, дальнейшей строгой терминологизации на базе уже выработанных метаязыком синонимов и в зависимости от того, какие части речи участвуют в скорнении (*прилагательное + существительное, существительное + существительное, глагол + существительное* и т. п.) и в каких отношениях (определятельных, смысловой дополнительности, соположения глагольного действия) находятся объединяющиеся слова. Однако эта специализация не столь существенна для настоящего исследования. Поэтому на данном этапе

ограничимся принятием в качестве рабочего термина «телескопическое скорнение».

В аспекте прагмалингвистики можно утверждать, что прием скорнения как в прозе, так и в поэзии работает исключительно на поле иронии и юмора. Так, у нашего современника Александра Левина находим выведенного поэтом нового зверя — «приятного *мерзайца*» (здесь можно угадать анималистическое скорнение *мерзавца с зайцем*), а также целый грамматический² выводок диких *лисиц*, в их числе — «мехий *лисиц*» и «мехая *лисиц*». Последняя сидит на пеньке и размышляет:

«Вот, к примеру, — размышляла, —
пролетает пегий куриц.
Но куда он пролетает,
если — как его поймать?!
А захочешь, — размышляла, —
съесть приятного *мерзайца*,
так за ним бежать придётся!..
Нет, худеть, худеть, худеть...»
(«Мехая лисиц», курсив мой — Л. С.) [Левин 1995: 56]

И в другом тексте:

Жижих мухалиц летало
Много более одной,
Серых *мышлей* раз за разом
Вылезало из норы..
(«Мехий лисиц», курсив мой — Л. С.) [Левин 1995: 57].

Здесь *серые мышли* (*серые мыши/мысли*)³ порождены наложением двух слов друг на друга, а отнюдь не заменой, как может показаться, одной буквы в слове *мысли*.

² В таком постмодернистском ключе совершенно по-другому — гармонично — начинают жить аграмматично-поэтические русские опыты Р. М. Рильке, например: «Все на полях: *избушка уж привык...*» (курсив мой — Л. С.). Цит. по [Рильке 1971: 419].

³ Ср. у Пушкина в «Стихах, сочиненных во время бессонницы»: «Жизни *мышья* беготня... Что тревожишь ты меня?» (курсив мой — Л. С.). Цит. по [Пушкин 1949: 164].

Этот футуристический прием не новый. Ему сто лет, и в русской поэтической традиции он восходит к «сдвигам» А. Крученых: *злостеболь* (*злость* и *боль*), *брендень* (*бред*, *дробен*, *раздробленный день*), *циркорий* (*цирк* и *цикорий*), а также к «сплавам» В. Каменского: *РыбаКИдали сетИЗлодок*⁴. Немало примеров синтетического стяжения смысла у Геннадия Айги и его последователей в современной поэзии — Натальи Азаровой, Татьяны Грауз, Евгения Даенина, Евгения Поспелова и др. [Северская 2015]; см. также [Николина 2004; Фатеева 2001; 2009], а также в обыденной речи [Саакян, Северская 2017].

Однако Анна Логвинова делает этот прием не просто рабочим — она усложняет его эпентезами и двойной деривационной мотивацией, нагружает метафорическими смыслами, превращая такую метафору в поэтико-игровой стержень стихотворной ироничной саги о прогулке по московским улицам, смятении чувств, жизненном плавании.

Зооморфный код в поэзии Анны Логвиновой

Логвинова создает окружающее лирического героя пространство с помощью зооморфной контаминированной метафоры, что проявляется прежде всего в цикле «Ну, жирафствуй!» из одноименной электронной книги стихов ([Логвинова S. d.]; далее все цитаты приводятся по этой публикации).

Для удобства приведем текст этого цикла полностью (курсив везде мой — Л. С.):

1.

Ну, *жирафствуй*. Я в наш город вернулась.
Я смешная в этой кожаной куртке.
Из-под ног выскакивают *кулицы*
и вспархивают *переутки*.

Мы живём в Москве, мы — *москиты*,
впившиеся в Красную *лошадь*.
Оставляю все *медвери* открытыми
и *волкна* тоже.

Я на *зебрах* не пишу своё кредо.
Лишь на *заячьих* листочках капустных.
Мы *змеёмся* каждую среду,
но зато по четвергам нам *мангрустно*.

⁴ Цит. по [Бадаев 2002: 114–115].

Раньше *буйвольски* хотелось анархий,
а теперь глаза от кротости узкие.
Расскажи мне про мои щёки *хомякие*
на языке *кенгурусском*.

2.

Выбегу из прибора
в *стрикозах*, прилипших к телу.
Море с *крыльями моли*.
Наш кораблик покрашен белым.
Тюлени на льдинах окон.
В щёлочку видно *моллюстру*.
Мне без тебя *ольдинок*.
Укроль меня листочком капустным.
Мы оттого и дышим,
что *нарасчерепашку* души.
Лежу у тебя *подмышкой*,
всех законов *нарушка*.

3.

Апрель произошел от *мартышки*.
Нельзя ведь без *обизьянов*.
Совесть в болевых *мышек*
впивается когтями рьяно.
Зачем *телефонячы* ласки
и голос *пингвиноватый*?
Облезла на мечте краска,
а *краблик* был парусатым...
Любовь — плотина и кровля,
Иначе говоря — *бобродетель*.
От *краблика* ничего, кроме
Клеше не оставил ветер [Там же].

Анализ представленных в этом цикле скорнений⁵ начнем с *кенгурусского (языка)* [Там же]. На первый взгляд, это простой каламбур, но образ *кенгуру* выбран не случайно. *Кенгуру* — сумчатое млекопитающее, в сумке кенгуру вынашивает, а потом прячет и переносит

⁵ Автор благодарит О. И. Северскую за консультацию и высказанные в ходе обсуждения ценные замечания.

детенышей. И скорнение, указывающее одновременно на предмет и образ сравнения, рождает образ «сумчатого» языка, или *языка-сумки* (по аналогии со «словами-чемоданами»), «словородящего» и «слово-сберегающего», переносящего слова и смыслы. Вместе с тем, слово-образ *кенгуру* актуализирует и значимые для интерпретации цикла конверсные семы 'непонимания' vs. 'понимания' языка — благодаря мифу о том, что Джеймс Кук, спросив у аборигенов, что это за странное животное передвигается прыжками, услышал в ответ «не понимаю», что прозвучало как «kanguoo» или «ganguggu»⁶.

Точно так же забавное *Ну, жирафствуй!*, в равной мере обращенное к лирическому герою цикла и к читателю, не просто «заигрывает» с традиционным *здравствуй!*. Кроме легко визуализируемого образа жирафа, вытягивающего шею как бы в приветствии, оно содержит и аллюзию к *жирафу* и *жирафке* В. Маяковского из детских стихов «Что ни страница — то слон, то львица»: им друг друга «есть [...] за что обнимать» [Маяковский 1958с: 241] и другим его «зверикам» [Там же: 242], каждый из которых, по большому счету, есть «человеческий портрет» [Там же: 241].

Язык, который нам предлагает Анна Логвинова, это как раз «детский» язык внутри «взрослого»: складывается впечатление, что лирическая героиня плоховато выговаривает слова, заменяя одни звуки другими, какие-то теряя, какие-то, напротив, вставляя туда, где их быть не должно. Так, во фразе «Из-под ног выскакивают *кулицы* / и вспархивают *переутки*» (курсив мой — Л. С.), скорнение, порождающее метафорическое сравнение *улиц* с разбегающимися из-под ног *курами*, ассоциируется с типично детским произношением слова *курица*, при котором вместо [р] звучит [л]; соответственно, скорнение *переутки* в этом контексте уже воспринимается как «детская», а не только «поэтическая» этимология.

Противопоставление «детского» и «взрослого» касается не только звучания речи, но и письма. Говоря «*на зебрах не пишу*», лирическая героиня тем самым намекает на «письмо по линейке», которое в свою очередь ассоциируется со школьными *прописями* (от *прописи* 'образцы принятого написания букв; письмо по образцу' [Кузнецов 2014]). А в подтексте при этом остается написанное «по-взрослому» *на заборе*, привлекаемое к интерпретации за счет паронимической аттракции.

⁶ Впрочем, Дж. Б. Хавиланд считает эту версию происхождения зоонима *кенгуру* весьма правдоподобной: Naviland (2006).

Анималистические скорнения Логвиновой часто актуализируют факты, формирующие энциклопедическое знание, так называемое «общее знание о мире».

Например, «*Москиты, / впившиеся в Красную лошадь*», — это прямые «потомки» *московитов*, — это слово встречается, в частности, в «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой: «*Московиты, мн. устар.* 1. Восточнославянский народ, государствообразующая нация, составляющая основное население России. 2. Представители этой нации, этого населения; русские» [Ефремова 2000]. Ну а *Красная лошадь*⁷ — это не только контекстно уместный зооморфный образ, но и, возможно, отсылка к культурному наследию *московитов* — «Купанию красного коня» Петрова-Водкина.

Довольно много слов-кентавров, значение которых мотивировано не только корнями составляющих их частей, но и аллюзивно связанных с ними фразеологизмами и идиомами. Так, *медвери* — обитые буро-коричневым драным клочкастым дерматином с медными заклёпками по периметру тяжелые двери старых квартир. Вход в берлогу. Попади ненароком под такую дверь — придавит и не скрипнет. Эти *медвери* ассоциируются также с *медвежьей берлогой* (при общеязыковом *берлога* ‘мрачное, убогое, грязное жилище’ [Кузнецов 2014]) и *медвежьим углом* (в значении ‘глухое место’ [Там же]), которые лирическая героиня отворяет. *Волкна* — сплав нескольких сем: волк, вол, волоокая, окно. *Волкна* — с *волчьим взглядом* (по устойчивым ассоциациям — пристальным, пронзающим насквозь, и вместе с тем — по-детски обиженным, говорящим о «трудном» детстве и преодолении жизненных трудностей⁸), а также с пословицами *С волками жить — по-волчьи выть*, привносящей значение ‘подчинение большинству’, и *Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит*, транслирующей в скорнение сему ‘стремление к свободе’. А в скорнении *телефонячи (нежности)* идиома *телячи нежности* ‘проявление ласки; чрезмерное или неуместное проявление чувств’ [Кузнецов 2014] оказывается встроенной в саму его структуру: получают *телячи нежности*, звучащие по телефону, или *телефонные телячи нежности*, объединяющие сообщение о чувствах и канал его трансляции в одной словесной конструкции.

⁷ Забавно, что сегодня «наивные» носители русского языка в самых разных текстах зачастую слышат *лошадь* вместо *площадь*, о чем свидетельствует, в частности, практика Тотального диктанта: Хрестоматия [2019 :206, 285].

⁸ Что означает «волчьи глаза», «волчий взгляд»? http://plantsi.ru/home_fauna/37432.html (01.06.2024).

Образы, стоящие за телескопическими скорнениями, опираются и на языковые факты: фонетические, этимологические, семантические.

Чередования звукобукв, возникающие при скорнении, чаще всего мотивируются системными морфонологическими чередованиями: глухого и звонкого, как в *жирафствуй* vs. **здравствуй* или **смеемся* vs. *змеемся*, редуцированного гласного первого предупредительного слога и нуля, как в *кораблик* vs. *краблик* и т. п. В том же ряду стоят и напоминающие детские ошибки скорнения с чередованием звукобукв *е/и*: *стрикозы* (*стрекозы* + *трико*), *клеше* (*клише* + *клеши*); *обизьян* (*обезьяна* + *изьян*).

Например, упомянутые Анной Логвиновой *болевые мышки* — скорее всего, не что иное, как *боль от впишейся в болевые точки мышцы совести*, что следует из коллокации *болевые точки* и этимологической связи между *мышью* и *мышцами* (*мышца* ‘мускул [от лат. *musculus* ‘мышь’] [Кузнецов 2014]); а в строках «Лежу у тебя *подмышкой*, / всех законов *нарушка*» та же связь актуализируется за счет оживления внутренней формы наречия, в том числе и аллюзией к фольклорной *мышка-норушка*, ассоциативно связанной и с окказионализмом *нарушка* (от *нарушать*).

Очевиден, как правило, и семантический вывод. Так, придуманный Логвиновой глагол *змеяться* вбирает в себя как весь комплекс значений скорненного с ним *смеяться* ‘издавать смех // насмехаться, издеваться’ [Кузнецов 2014], так и семантику существительного *змея* ‘пресмыкающееся; хитрый, коварный, злой человек’ [Там же] и прилагательного *змеиный* ‘присущий змее; злобный, хитрый, лукавый’ [Там же]. Здесь просматривается тройная мотивация: *смеяться*, *пресмыкаться*, и — как аллюзия к Мандельштаму — *отдаваться страсти*:

Дай руку мне. Что страсти? Танцующие змеи! И таинство их власти — Убийственный магнит! И, змей тревожный танец Остановить не смея, Я созерцаю глянец Девических ланит. [Мандельштам 2009: 279]

Кроме того, семантический вывод может основываться и на общем знании о животных: «категории состояния» *змеемся* противопоставляется другая — *мангрустно*, подобно тому, как *мангуст* убивает *змей*, *грусть* уничтожает, «проглатывает» смех. *Бобродетель* становится закономерным итогом *деятельности бобров*, у которых «любовь — плотина и кровля». Устойчивые ассоциации мотивируют

и образы *хомячких (щек)*, т. е. *мягких*, как *хомяк* (а *хомяк* чаще всего в обыденной речи получает характеристику *мягкий, пушистый*), *пингвиноватого (голоса)* (т. е. *виноватого*, как *пингвин*, или неловкого, нескладного в извинениях), *души нарасчерепашку* (т. е. вывернутой *нараспашку*, как *черепаха*, которая, перевернувшись на спину, открывает миру мягкое брюшко).

Особо стоит отметить случаи, когда скорнение мотивируется образом. К примеру, в строках: «Море с крыльями *моли*. <...> В щелочку видно *моллюстру*». Здесь *моллюстра* — это не только *люстра-моллюск* (или *моллюск*, светящийся, как *люстра*, и напоминающий ее формой — возможно и такое прочтение), но и *люстра с молью моря*, — выраженная окказионализмом метафора-сравнение становится не только телескопической, но и стереоскопической.

Или приведем другой отрывок, в котором со всей очевидностью представлен процесс последовательной метафоризации: «Гюлени на *льдинах окон*. <...> Мне без тебя *ольдинок*»; здесь в одну цепочку выстраиваются оледеневший мир, оледеневшие окна, оледеневший (холодный) взгляд, оледеневшие (остывшие) чувства, и все это вбирает в себя образ-скорнение.

Телескопический образ может быть мотивирован и устойчивыми связями в поэтическом мире и его языковой «картине», как, например, в этом случае: «пишу своё кредо [...] на заячьих листочках капустных. [...] *Укроль* меня листочком капустным», — здесь метафора, стоящая за скорнением *укроль (укрой + кроль)*, возникает закономерно, но вбирает в себя не только образ *кроля*, т. е. *кролика*, которому жизненно необходим капустный листок, но и представление о переходе в качество неотъемлемой родственной принадлежности (ср. *удочерить, усыновить*).

Зооморфный код присущ поэзии Логвиновой в целом, что проявляется и в использовании зооморфизмов в конструкциях со значением превосходной степени проявления какого-либо действия или признака («*Буйволино* хотелось анархии»), и в обращении к общеизвестным фразеологизмам («*Свинья не съест*, Господь не подведет»), и в выборе образов («И если краткость — сестра таланта, то последнего / в этом роду не съедят *муравьи*»; «море с *крыльями моли*»), и даже в отборе артефактов («сигареты с *верблюдиком*»).

Визуализирован зооморфизм и логотипом электронного сборника стихов «Ну, жирафствуй!» — символической картинкой человеко-верблюда, где человек «дорисовывает» вокруг себя огнем фигуру верблюжонка.

В следующем четверостишье зооморфный код оказывается стержневым уже на культурном уровне:

Часы спешат, и сердце тоже
от них не хочет отставать,
зачем я лезу вон из кожи?
ведь не тебе ее сжигать!,

построенном на аллюзии к русской народной сказке «Царевна-лягушка».

Неологизмы Логвиновой — это примета творческой игры с бытием языка. Легкость, с какой это делает поэт, может ошибочно натолкнуть читателя на ложную мысль об эксплуатации взятого напрокат давно открытого приема. Но это не так. У Логвиновой нет ни капли эпигонства *reg se*: словотворчество здесь актуализирует создаваемые поэтом миры; и скорнение (блендинг) и зооморфизмы живут в ее поэтическом мире своей естественной, как ряд бесконечных превращений, захватывающей читателя жизнью, потому что Анна не имитатор, а Поэт.

ЛИТЕРАТУРА

Бадаев А. Ф. Графические сплавы в русской поэзии XX века как функциональный тип поэтической графики // А. П. Чудинов (отв. ред), Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2002. Т. 8. С. 114–123.

Борисенко И. И. Телескопия в современном английском языке // Вопросы языковой структуры. Киев, 1976. С. 90–95.

Воробьева С. Ю., Герман Д. С. Анималистическая метафора в поэзии В. Маяковского и Д. Арбениной // Вестник Волгоградского гос. ун-та, сер. 2, Языкознание. 2014. № 3 (22). С. 32–38.

- Гугунава Д.* К инвентаризации способов словопроизводства. URL: <https://www.proza.ru/2002/12/18-40> (30.05.2024).
- Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/187755/> (30.05.2024).
- Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка, СПб., 2014. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (30.05.2024).
- Левин А.* Биомеханика. Стихотворения 1983–1985 гг., М., 1995.
- Логвинова А.* (s. d.): Ну, жирафствуй! URL: https://vk.com/wall-177187064_28142 (01.06.2024).
- Мандельштам О. Э.* Полное собрание сочинений и писем. В трех томах. Том первый. Стихотворения. М.: Прогресс Плеяда, 2009. 808 с.
- Маяковский В.* Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1, М., 1955.
- Маяковский В.* Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 7, М., 1958а.
- Маяковский В.* Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 8, М., 1958б.
- Маяковский В.* Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 10, М., 1958с.
- Мешков О. Д.* Словообразование современного английского языка. М., 1976.
- Нефедова Л. А.* О некоторых особых способах словообразования в современном немецком языке // Вестник МГУ. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 3. С. 89–97.
- Николина Н. А.* Современное поэтическое словотворчество // Н. А. Фатеева (ред.). Поэтика исканий, или Поиск поэтики: Материалы международной конференции-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX–XXI веков и современные литературные стратегии» (ИРЯ РАН, Москва, 16–19 мая 2003 г.). М., 2004. С. 90–99.
- Пушкин А. С.* Сочинения / Ред. М. А. Цявловский, С. М. Петров. М., 1949.
- Рильке Р. М.* Ворпсведе, Огюст Роден, Письма, Стихи, М., 1971. С. 416–421.
- Саакян Л. Н., Северская О. И.* Биномы и голофрастические сращения в поэтической и обыденной речи: системные характеристики и стилистические возможности // *Stylistika*, 2017. S. 125–138. URL: <http://www.stylistyka.wfil.uni.opole.pl/wp-content/uploads/10-Saakian.pdf> (01.06.2024).
- Северская О. И.* Голофразис и смежные явления // Основные тенденции развития поэтического языка XX–XXI вв. Языковые уровни и их взаимодействие / Отв. ред. Н. А. Фатеева. М., 2015. С. 189–210.
- Улуханов И. С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация, М., 1996.
- Фатеева Н. А.* Основные тенденции развития поэтического языка в конце XX века // Новое литературное обозрение. № 6 (50), 2001. С. 416–434.

Фатеева Н. А. Особенности языковой организации современных стихотворных текстов рубежа XX–XXI веков // *Dynamik poetischer Formen. Lyrik-, Prosa- und Dramatexte in Russland um die Jahrtausendwende.* Halle, 2009. S. 23–118.

Хрестоматия Тотального диктанта от Быкова* до Яхиной. М., 2019.

Черкасская Е. Б. Некоторые новые тенденции в лексической системе современного английского языка // *Исследования по английской и сравнительной лексикологии: Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина.* М., 1971.

Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию, М., 1968.

Naviland John B. A Last Look at Cook's Guugu Yimidhirr Word List. *Oceania: journal*, 2006, vol. XLIV, iss. 1973–1974, pp. 216–232.

doi:10.31912/anniversary_vinogradova_221-232

* Признан Минюстом иноагентом.

ПАРОНИМИЧЕСКАЯ КВАЗИМОРФЕМИКА И КВАЗИМОРФОНОЛОГИЯ

В статье рассматривается паронимическая аттракция как один из способов поэтического словопреобразования, мотивированного словообразовательной структурой слова и морфонологическими процессами, близкими к общеязыковым. Дается определение «квазиморфемы» как минимального структурного элемента прагматической гиперлексемы. Систематизируются мотивирующие аттракцию морфемы, приводится классификация «квазиморфов», анализируются «квазиморфонологические» чередования, возникающие при паронимической аттракции в поэтическом тексте.

Ключевые слова: поэтическое словопреобразование, словообразовательная структура, формально-семантическая деривация, паронимическая аттракция, квазиморфемика, квазиморфонология, поэтический текст.

Функционально-стилистическое использование словообразовательной структуры слова в поэтической речи всегда было в центре внимания В. Н. Виноградовой [Виноградова 1984]. Паронимические связи слов не были предметом особого рассмотрения, однако основанную на них «поэтическую этимологию» В. Н. Виноградова сравнивала с контаминацией и аналогией как способами поэтического словопреобразования [Там же: 176].

Цель этой статьи — показать и доказать, что основой механизма смыслового взаимодействия этимологически не связанных слов при паронимической аттракции (далее — ПА) становится «морфопросодическое сближение» [Meul 2013a; 213b: 224, 289; ср.: Минаева 2017: 81; Lord 1970: 433], поддержанное морфонологическими процессами, аналогичными общеязыковым [Северская 2015]. А значит, формально-семантическая деривация в этом случае мотивируется словообразовательной структурой слова.

«Отслаиваясь» от морфемы, созвучие, по выражению Г. В. Векшина, семантически намагничивается и морфологизируется, при

этом одна часть звуковой цепи уже не просто «вторит» другой, ища лишь отзвуков: «одно слово “вживляет” своих агентов в другое, инверсивно “ввинчивает” элементы собственной формы в другие или, наоборот, извлекает “в преображенном виде” свое из чужого» [Векшин 2008: 244; ср.: Быстрова, Левицкий 1973: 596–597; Gauthier 1973: 598; Valesio 1974: 1014–1015].

В ПА участвуют как традиционно вычленяемые морфемы, так и элементы «псевдо-» [Григорьев 1965: 19] или, в других терминах, «квазиморфемного» [Лопатин 1977: 41 и след.] уровня. Применительно к поэтическому тексту квазиморфема может быть определена как сегмент лексической единицы, омофонически/омографически эквивалентный сегменту другой такой единицы и содержательно связанный с ней [Lord 1970: 483]. Так как каждому такому сегменту в составе определенной лексической единицы ставится в соответствие набор семантических и морфологических признаков [Ibid.: 434–437], при совпадении некоторых из них квазиморфема может выступать в роли «смыслового корня», объединяющего серию слов. Такой подход позволяет «по аналогии с гиперлексемой семантической — совокупностью однокорневых лексем, — говорить о гиперлексеме прагматической, основанной на общности “блоков выражения”» [Литвин 1975: 80]; соответственно, паронимы могут рассматриваться как «лексико-прагматические» варианты подобной гиперлексемы. Особенно ярко аналогия семантической и прагматической гиперлексем проявляется при так называемой «этимологизирующей» ПА.

Используя языковые модели словообразования и словоизменения и созвучия с реальными приставками и суффиксами, поэты вычленяют в сходно звучащих словах «морфоподобные» элементы.

Корневые морфы составляют абсолютное большинство среди компонентов, связанных паронимическими отношениями. Приведем, располагая материал в соответствии с классификацией В. П. Григорьева, примеры координации корней при ПА:

вокалического типа (согласные совпадают, гласные варьируются) — *Я для него не женщина **ЗЕМ**ная, А солнца **ЗИМ**него утешный свет* (Ахматова); *Мы лишь **МЕЛО**Дии сложили О том, как **МОЛО**Дость ушла* (Соснора);

консонантного типа (варьируются согласные при совпадении гласных) — *Золотая забота, как **ВРЕМ**ени **БРЕМ**я избыть* (Мандельштам); *Там одуванчиков желтых **КАНАВ**ы полны, Словно **КАНАЛ**ы — сухой золотой водой* (Матвеева);

метатетического типа (меняется порядок согласных) — *Возьми ж на РАДость дикий мой поДАРок* (Мандельштам);

эпентетического типа (в консонантный «корень» вставляется согласный) — *СТРУНЫ на СТОНущей лире между двух безнадежных надежд* (Евтушенко);

аугментативного типа (налицо «наращивание» консонантной основы) — *ГОРЯчка ГОРДых парусов* (Пастернак); *нудисты... НАГЛы и НАГи* (Винокуров).

В некоторых случаях аналогично корням в координацию вступают основы слов.

Корни-омонимы — один из наиболее широко используемых источников паронимии: *уКОЛа палец безымянный Мне звенящая оса. ... Посмотри! На пальце безымянном Так красиво гладкое КОЛЬцо* (Ахматова); *Не помню, ЖАЛЬ. Не помню, — ЖАЛЬ, оса, впивайся* (Кушнер); *МОЛтва твоя — МОЛотьба букв* (Жданов); *ЗВЕНело утраченное ЗВЕНю между нами и низшими* (Парщиков). Эффект заключается в том, что повторение определенной звуковой группы, оформляющей корень, воспринимается как повторение основы одного и того же слова.

Наиболее интересны с семантической точки зрения случаи взаимодействия аффиксов с созвучными корневыми морфами: *В НЕОБЪятность НЕБа, ввысь...* (Пастернак); *И облик старой девы ПРОИЗОшел, как ПРОЗа от стиха* (Мориц); *Ты — как Нева, но только до Петра, В предчувствии ВЫСОКих дел петрОВСКих* (Кушнер). В первых двух примерах приставка оттягивает на себя основной признак значения и транслирует его корню (*небо* 'необъятность', *проза* 'производность'); в последнем же, напротив, суффикс под влиянием корня получает дополнительный семантический признак, приближаясь тем самым по значению к «второй основе».

Используя языковые модели словообразования и словоизменения и созвучия с реальными приставками и суффиксами, поэты вычленяют в сходно звучащих словах «приставки»: *проникнуть в ничто, в ко=кон, за=кон* (здесь и далее «квазиморфы» выделены мной — О. С.), *в зрачок, чтобы встретить свое присутствие; но ни начать, ни кончить со=влечение со=ловья / в то, что, не ведая, предвосхитить захочешь* (Драгомошенко); «суффиксы»: *Проходит авг=уст уст, идет тиберий дождей* (Соловьев); и, чаще всего, «корни»: *А я говорю, па=узы наши узы... Ибо связи предметов в тумане прочней, чем без. Ибо узы суть «па» на пуантах...* (Кутик, здесь используется и аналогия

с архаичной словообразовательной моделью, по которой образованы слова *па=водок*, *па=сынок*), *недвижим мнимый со=лов=ей... он ода лов=у*, — *вложен в свет, как тень* (Драгомощенко); *Стрекозы и омут, ос=ины и ос=ы* (Соловьев); *мы, больше ничего не знача, / сойдем в кост=ер своих кост=ей* (Жданов). Во всех приведенных случаях хорошо видна модель деривации поэтической квазиморфемы от морфемы реальной.

При ПА могут наблюдаться случаи перераспределения границ между морфемами в основе хотя бы одного из соотносимых слов. При совпадении корня одного слова с частью корня и аффиксом другого наблюдается «стирание» морфемного шва. Перераспределение происходит: 1) на границе префикса и корня: *Рассветает. И над кузницей ПоДЫМается ДЫМок* (Ахматова); *И ДЫМ поДЫМет хвост трубой* (Мартынов) — выбор варианта корня мотивирован стремлением к «прояснению семантики» связанного корня, который наделяется «предметным» значением; глагол *подыматься* начинает означать способ существования дыма, состояние, вне которого он не мыслится; 2) на границе корня и суффикса: *Суставчатый жиЛИСТый ЛИСТ* (Мориц).

Интерференция квазиморфов наблюдается при осложненной ПА — взаимодействии многоконсонантного паронима, в терминологии Н. А. Кожевниковой, и частично отражающих его консонантный состав коррелятов. Особое внимание — к следующему примеру: *Любите ПЛОТность мира, ТЕПЛОту Земли... На ощупь мир правдивей* (Винокуров) — здесь при помощи корней вводятся смысловые инфинитивы «плоть» и «тепло» (свойство плоти), соответствующие образу «мир во плоти».

Минимум для отождествления «корней» в некоторых случаях может быть представлен сочетанием СГ (где С — консонант, Г — гласный), которое Г. В. Векшин называет «простейшим психологическим и конструктивным, ядерным звеном» звукосмысловой непрерывности текста [2006: 113], постулируя соответствие квазиморфемы фоносиллабеме — «слоговому единству, взятому в постоянстве и значимой варьируемости его силлабической структуры и звукового наполнения» [2006: 118].

Квазиморфемы, глубина звукового повтора в которых достигает вида СГС/СГСГС, воспринимаются как имитирующие структуру нормальных для русского языка корневых морфем: *отчетливость паМЯТных МЕТ* (Самойлов); *ПОРАЗительные ПАРАЗиты* (Маяковский); *Как ваше ЗДОРОВье, — спросил я, — ДЕРЕВья?* (Мартынов).

Это объясняется, по-видимому, тем, что «именной корневой минимум (СГС) является одновременно и универсальным типом корня в русском языке» [Чурганова 1973: 42]. Квазиморфемы, имитирующие структуру корня СГ (глагольная основа), немногочисленны.

О квазиморфонологии ПА, при всей ее парадоксальности, позволяет говорить наблюдаемая аналогия закономерностей процессов взаимоприспособления квазиморфов с теми явлениями морфемного шва, что отмечаются грамматикой русского языка.

Наиболее характерными для ПА следует признать чередования звуков в основе.

Чередования опорных согласных подробно рассматриваются Н. А. Кожевниковой [1981; 1982] и Р. Г. Кадимовым [Кадимов 1985: 83 и след.]. Используя их терминологию, выделим два основных класса изменений — вариации и собственно чередования.

К первому относятся «фонологически» мотивированные чередования согласных: 1) по глухости-звонкости: *вТорженья Дрожь* (Пастернак); *ПоГружался я в море клевера, Окруженный сказками пчел* (Блок); 2) по твердости/мягкости: *гРядом на гРядку*; *ПЫль глотала дождь в ПИюлях* (Пастернак); *ты вТянут в ТАнец их* (Жданов); 3) по месту или способу образования: *многодуМные дубы* (Кушнер); *И взамен Камор — Хоромы* (Пастернак); *В лужах, полных неБесной Весною...* (Матвеева).

Особо стоит остановиться на вариациях сонорных: *Вошла ей в душу игРа — игЛа* (Евтушенко); *сылет осеНь на нас сеМена* (Вознесенский); возможно также чередование сонорного с полугласным: *Прими же боЛЬ, как бой* (Вермишева). Любопытно, что поэты могут осознавать сонорные, как звуки одного класса, располагая их парами: *р-л, м-н* [Шаламов 1976: 135]; именно поэтому даже без поддержки тождественными гласными «парные» сонорные способны отождествлять паронимические корни: Весь *мир* казался *мал* (Винокуров).

Собственно чередования мотивированы аналогичными морфологическими чередованиями согласных русского языка: *поЖар Зари* (Блок); *вьюЧить вьюГи* (Пастернак); *узколиЦая певица улиЧная* (Цветаева); *зрение разлиТое разлиЧий не разлиЧает* (Паршиков).

Сложнее классифицировать и объяснить чередования гласных. Различия в огласовке консонантного каркаса квазиморфемы воспринимаются как чередования лишь в том случае, если гласные занимают одну позицию в «корне» или чередуются с нулем звука. Чаще всего встречаются чередования: 1) гласный/ø — *голубые глубины* (Мартынов); *город горделивый* (Ахматова); 2) о/а — *И проводы, как провода, отТянуты в затОны* (Пастернак); *романтика барОчности*

барАчной (Евтушенко); 3) *о/е* — *весЕнный сОн* (Блок); *грЕшок грОшовый* (Цветаева); 4) *а/е* — *трАва* — *от всяческих трЕвог* (Цветаева); 5) *е/и* — *Я коллЕгой явился в твой дом — не калИкой* (Евтушенко); 6) *о/у* — *лоб склонивши в глУбь ладонную* (Цветаева); 7) *а/у* — *Рябину рубили зорькою* (Цветаева); 8) *а/и, ы* — *И не жАлость — мало жИл...; И дАнь моей гордЫне женской...* (Цветаева); 9) *и,ы/у* — *настЫрные настУрции* (Евтушенко); *крИк накрУчен* (Вознесенский). В некоторых случаях различие графофоном компенсируется тождеством или близостью соответствующих им реальных звуков: *И ризой городская гарь...* (Блок); *И слава будет не слова...* (Тарковский); *слетает лист кленовый* (Самойлов).

Трансформируя исходную систему языковых средств оформления морфем и морфонологической структуры слова, ПА имитирует общезыковые модели. Как отмечает Л. В. Зубова, «паронимическая аттракция... нередко опирается на совпадение звуковых различий, как вокалических, так и консонантных, с историческими чередованиями» [1987: 20]; при этом чередования осмыслены именно как грамматические: «квазифонетика — это фонетика реальных словоформ и паронимических квазиморфем одновременно» [Григорьев 1979: 294]. Речь здесь, как представляется, должна скорее идти не о квазифонемах, а о квазиморфонемах, т. е. единицах, отражающих единство фонем одного класса, рассматриваемых в качестве компонентов реальной квазиморфемы (морфа); фонема при паронимии в большей степени «интегратор», нежели «различитель» смысла [Там же].

Впрочем, современные поэты обращают большее, чем их предшественники, внимание именно на смысловозначительную роль фонем, участвующих в ПА. Можно говорить в таком случае о возникновении при ПА звуковой метафоры, но можно увидеть в таких сближениях и реализацию некой модели «словоизменения» или «словообразования».

При классификации типов квазиморфем можно исходить из предположения, что единицы морфо-семантического уровня, получаемые при неопредельном разложении слова, могут быть как сегментными, так и суперсегментными (например, *рОПОТ — тОПОТ* vs. *рОпОт — зОмОн, хОхОт*; об этом см.: [Lord 1970: 442]). Это подтверждается представлением о квазиморфеме как семантическом множителе, который может кодироваться способами 1) сжатия слова до консонантной свертки или 2) лексикализации слова — усечения основы, приводящего к нейтрализации словоизменительных

и необходимой части словообразовательных отношений, а также различий между однокоренными частями речи [Караулов 1980: 10–11].

Один из классов сегментных квазиморфем представляют омонемы — омонимичные сегменты коррелирующих паронимов: а) соотносящиеся с природными корнями; б) омонемы, не имеющие природных языковых аналогов; к этому же типу относятся омонемы с минимальными чередованиями.

Другой класс, кодирующие сегменты — это а) инициальные омонимичные сегменты основ коррелятов, инициальные сегменты корней, а также квазиомонимичные сегменты; б) морфемы и сегменты основ, различающиеся лишь порядком следования согласных. «Сегмент, — пишет Ю. Н. Караулов, — это своего рода квазиоснова, исключительно семантический идентификатор слова, и способ его получения именно таков, что он выполняет одну-единственную функцию — быть единицей смысла, однозначным средством для опознания семантики слова. Поэтому можно утверждать, что план выражения квазиосновы (побуквенный состав) равен, тождествен его плану содержания» [1980: 11].

Среди суперсегментных квазиморфем можно выделить паронимические «трансфиксы» — консонантные «свертки», имеющие не только различные огласовки (не подводимые под понятие чередования), но и допускающие изменение порядка следования фонем: *ДроЖань* губ и *ДеРЗость* глаз (Цветаева); *Идешь по инею ДоРоЖки*, как по настилу из *РоГоЖ* (Пастернак); *ВулКаН-ВеЛуКаН* в отдаленье дымит (Матвеева); *ТеПло* в *ТуЛуПах* (Васильев); *Но у СеКРеТов* — *голые СКЕЛеТы* (Мориц); а также «конфиксы»: *ЛАЗурь* да *ГЛина*, *ГЛина* да *ЛАЗурь*. ... *Скорей ГЛАЗа* сощурь, *Как близорукий шах над перстнем бирюзовым*, *Над книгой звонких гли...* (Мандельштам); *Генералы СВИТы*, *Славою уВИТы* (Окуджава). Роль конфикса заключается в том, что он позволяет представить группу слов, соотносимую с доминирующим компонентом паронимического сочетания, как единое целое; это суперсегментная единица, выделяемая уже на синтаксическом уровне.

Семантические возможности квазиморфем разных типов различны. Наиболее богатыми в содержательном плане следует признать омонемы, в полной мере обеспечивающие отождествление «корней» в прагматической гиперлексеме. С координацией омонем связаны и многочисленные случаи поэтической этимологии.

Омонимичные кодирующие сегменты становятся знаком морфосемантического поля, с которым потенциально может соотноситься

каждый пароним сочетания: 1) *СТРЕ-* «быстрое движение» — *стремиться, стре-жень, стре-ла, стре-коза.*; 2) *СТА-* «устойчивость», «прочность» — *ста-бильный, ста-вить, ста-до, ста-ль, ста-н, ста-пель.*...

Консонантные «свертки» — скорее показатель соотношения семантических классов, в который входят коррелирующие паронимы, самый общий код семантики слова.

Подобно тому, как одна квазиморфема может представлять собой пучок соответствий, ее семантическая структура также может иметь несколько вариантов. В этом случае можно говорить о конкретных словесных реализациях квазиморфемы как о «лексико-семантических» вариантах прагматической гиперлексемы.

ЛИТЕРАТУРА

Быстрова Л. В., Левицкий В. В. Фонетическое сходство семантически связанных слов // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. Bd. 26. Hft. 6. Berlin: Akademie-Verlag, 1973, ss. 501–601.

Векшин Г. В. Очерк фоностилистики текста. Звуковой повтор в перспективе смыслообразования. М.: Изд-во МГУП, 2006. 461 с.

Векшин Г. В. Метафония в звуковом повторе (к поэтической морфологии слова) // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 90. С. 229–250.

Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. М.: Наука, 1984. 184 с.

Григорьев В. П. Словарь языка русской поэзии: Проспект. Образцы словарных статей. Инструктивные материалы. М.: Наука, 1965. 223 с.

Григорьев В. П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 343 с.

Зубова Л. В. Потенциальные свойства языка в поэтической речи М. Цветаевой (семантический аспект). Л.: ЛГУ, 1987. 87 с.

Кадимов Р. Г. Паронимическая аттракция в русской советской поэзии. Дис. ... канд. филол. наук. М.: ИРЯ РАН, 1985. 210 с.

Караулов Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М.: Наука, 1980. 207 с.

Кожевникова Н. А. Из наблюдений над звуковой организацией стихотворного текста // *Проблемы структурной лингвистики 1979*. М.: Наука, 1981. С. 181–194.

Кожевникова Н. А. Об одном приеме звуковой организации текста // *Проблемы структурной лингвистики 1980*. М.: Наука, 1982. С. 269–284.

Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи. Изд. 2-е, стер. М.: URSS, 2005. 117 с.

Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. М.: Наука, 1977. 315 с.

Минаева Л. В. Лексикология и лексикография английского языка. English lexicology and lexicography / Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. 225 с.

Северская О. И. Паронимическая аттракция как феномен межуровневого взаимодействия в языке и тексте // Основные тенденции развития поэтического языка в XX–XXI вв. / Отв. ред. Н. А. Фатеева. М.: ИЦ «Азбуковник», 2015. С. 20–107.

Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии. М.: Наука, 1973. 239 с.

Шаламов В. Т. Звуковой повтор — поиск смысла // Семиотика и информатика. 1976. Вып. 7. С. 128–152.

Gauthier M. *Les équations du langage poétique / Thèse du Docteur d'Etat*. Lille: Ed. Univ. de Lille, 1973. 624 p.

Guiraud P. *Structures étymologiques du lexique français. Langue et langage*. Paris, Larousse, 1967. 211 p.

Lord R. A new concept in structural semantics. The homoneme. *Actes du X-e Congrès International des Linguistes*. Bucarest, 1970, vol. II, pp. 433–441.

Meul C. *The Romance Reflexes of the Latin Infixes -I/ESC- and -IDI-: Restructuring and Remodeling Processes*. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2013a. 327 p.

Meul C. Variable conditioning of a morphological mechanism. *The Boundaries of Pure Morphology. Diachronic and Synchronic Perspectives*. Cruschina S., Maiden M., Smith J. Ch. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013b, pp. 68–94.

Valesio P. Paronomasia and the articulation of phonological rules. *Proceedings of the XI Int. congress of linguists*. Bologna: II Milano, 1974, pp. 1006–1016.

Branko Tošović, Graz (Österreich/Austria)
Karl-Franzens-Universität Graz

Бранко Тошович, Грац (Австрия)
Грацкий университет им. Карла и Франца
branko.tosovic@uni-graz.at

СТИЛИ ВИРТУАЛЬНОСТИ

Предметом анализа является стилистическая дифференциация языка искусственного интеллекта (ИИ) в рамках его глобального расслоения. Речь идет об области общего языкознания и стилистики, в которой переплетается членение языка человека и членение языка ИИ. В анализе выдвигается вопрос об общем членении языка ИИ и его важной части — стилистической, которое в настоящее время находится в становлении, но уже приобретает первые и видимые контуры.

Ключевые слова: стиль, стилистика, виртуальный, искусственный интеллект, глобальная дифференциация языка.

Одним из существенных аспектов виртуальности языка и стиля является вопрос о глобальной дифференциации языка ИИ, подобной общему расслоению человеческого языка. Стилистическое расслоение языка ИИ представляет собой часть общего членения языка ИИ.¹

1. Вопросами общего расслоения биологического языка мы занимались поэтапно. (а) С 1988 по 2002 гг. мы пытались разобраться в функционально-стилистической дифференции языка как одном из видов расслоения, что было представлено в монографии «Funkcionalni stilovi» («Функциональные стили») [Tošović 1988], а потом в ее значительно расширенной версии [Tošović 2002]². Стержнями представленной в них функционально-стилистической модели языка

¹ На эту тему написан ряд работ типа [Аврорин 1975, Кожин и др. 1982, Леонтьев 1968, Наер 1985, Степанов Г. 1976, Степанов Ю. 1975, Шмелев 1977; Gregory 1967, Hartung, Sconfeld 1981, Radovanović 1986, Strevens 1964] и др.

² Среди других исследований выделяются работы об (а) стилистической дифференциации [Баранникова 1973–1974, Гавранек 1967, Hausenblas 1973, Heinemann 1974, Ivanová-Šalingová 1962, Mistrík 1970, Sanders 1973], (б) функционально-стилистическом расслоении [Билимович 1973, Ярцева 1974, Horálek 1965, Semenjuk 1977, Steube 1974] и др.

были три категории: функциональный стиль, функциональный межстиль и функционально-стилистический комплекс [Tošović 1988: 202]. К функциональным стилям мы относим стили, за которыми стоят глобальные виды деятельности: литературно-художественный (искусство), публицистический (публицистика), научный (наука), официально-деловой (делопроизводство, право, политика) и разговорный (устное общение). Функциональными межстилями называем разновидности стилистического членения языка, которые не укладываются в один функциональный стиль, а находятся на пересечении как минимум двух, в их серой зоне (например, эпистолярный, мемуарный, ораторский, рекламный и др.). Функционально-стилистическими комплексами считаем языковые разновидности, возникающие в парных областях жизни и деятельности человека типа: устный и письменный, светский и религиозный, военный и штатский. При подготовке второго издания «Функциональных стилей» [Tošović 2002] мы пришли к выводу о том, что стилистическое расслоение языка можно системно и комплексно рассматривать, лишь если его соотносить с другими типами глобальной дифференциации. В результате такой ориентации возникла модель общего расслоения языка, представленная в нескольких статьях [Tošović 2004^a, 2004^b, 2004^c, 2006, Тошович 2005]. **(б)** С 2015 по 2018 гг. в поле нашего зрения вошло глобальное членение языка интернета. Оно описано в книгах «Интернет-стилистика» [Тошович 2015] и «Структура интернет-стилистики» [Тошович 2018] и представлено в форме семнадцати типов. В последней книге особое место было отведено генераторскому интернету, т. е. автоматическому порождению текстов в Сети. **(в)** Новый этап начался совсем недавно, когда мы стали заниматься вопросом, можно ли говорить о глобальном членении языка ИИ. В общем, в период с 1988 по 2018 гг. нами создана модель дифференциации языка биологического разума, которую нам хотелось проверить на годность для рассмотрения дифференциации языка виртуального разума, в частности выяснить, насколько виртуальное членение совпадает с биологическим и насколько они отличаются друг от друга.

2. Обычно различаются следующие типы глобальной дифференциации человеческого языка: территориальная (диалекты, говоры, варианты и т. п.)³, социальная (социолекты, жаргоны и т. д.)⁴,

³ См. [Tošović 2004^c].

⁴ См. [Головин 1969, Гухман 1977].

половая (мужской и женский варианты языка), возрастная (детская речь, речь молодых, речь взрослых), функционально-стилевая (функциональные стили) и индивидуальная (идиолекты)⁵. Однако выделение только указанных типов является ограниченным и недостаточным. В нашем подходе мы на это смотрим более комплексно, исходя из двух основных типов членения естественного языка — экстровертного и интровертного.

3. В основе экстровертной дифференциации лежит центробежный процесс, в котором в одном случае из языка **A** возникает **B**, **C**, **D... X** (генеалогическая дифференциация), во втором — языки структурно удаляются друг от друга (типологическая дифференциация), в третьем — проходит спациональное членение (ареальная дифференциация, например, в форме балканского языкового союза), в четвертом — язык получает особенный статус в обществе (престижная дифференциация — международный, мировой, государственный, официальный, рабочий языки), в пятом — язык является выражением коллектива — народа, нации (статусная дифференциация — национальный язык, народный язык) — или индивида (индивидуальная дифференциация языка), в шестом — происходит выделение языка по способу кодового переключения (компетенционная дифференциация — родной и иностранный языки).

Экстровертная дифференциация языка виртуального разума находится все еще в зарождении, так как автоматическая генерация полноценных текстов возникла совсем недавно. Поэтому в настоящее время можно лишь предполагать, в каком направлении будут происходить процесс экстровертного расслоения языка ИИ. Если оно повторит расслоение человеческого языка, то может появиться генеалогическая дифференция языка ИИ, в рамках которой из определенного языка ИИ возникнут новые языки. Если они структурно будут удаляться, то результатом будет типологическая дифференциация языка ИИ. В случае образования в процессе речевой деятельности виртуального разума языковых союзов (типа балканского) в членении естественного языка можно будет говорить об ареальной дифференциации языка ИИ. Один из языков ИИ может взять на себя функцию родного языка, другой иностранного, и тогда появится компетенционная дифференциация языка ИИ. Когда (потенциально)

⁵ Теоретическими и практическими вопросами расслоения языка занимается несколько лингвистических дисциплин, в первую очередь общее языкознание, социолингвистика, ареальная лингвистика и лингвостилистика.

язык ИИ получит особый статус в обществе, это повлечет за собой возникновение престижной дифференциации с международными (даже мировыми), региональными, официальными, рабочими и другими языками.

4. Интровертная дифференциация представляет собой центростремительное расслоение живого языка внутри себя в зависимости от места, времени, причины, способа, предмета, цели, участников коммуникации... Что это значит для членения языка ИИ? Исходя из индивидуальных качеств, свойств, способностей и призвания участников виртуальной коммуникации, места общения, времени, цели и функции общения, способа общения, предмета общения, генератор текста превращает язык-систему в конкретную реализацию, имеющую в глобальном расслоении языка человека различные названия: разновидность языка, способ выражения, вариант, сорт, языковое высказывание, стиль, регистр, дискурс, форма языка / языковая форма, форма существования языка, языковой репертуар, языковая подсистема, подязык и т. п. В настоящее время трудно сказать, что из всего этого даст речевая деятельность ИИ.

Интровертная дифференциация языка ИИ, наверно, как и расслоение языка биологического разума, будет иметь несколько степеней. Первую степень (первичную) уже сейчас образуют факторы членения языка, в первую очередь место и время, способ, причина, предмет, тема и участники общения. Во второй степени происходит конкретное расслоение языка ИИ. Это может быть: (а) локационная дифференциация, которая даст ареальную, социальную и темпоральную, (б) модусная, которая породит стилистическую, регистровую, дискурсивную, текстуральную, ситуативную и медийную, (в) персональная, которая сгенерирует органическую, психическую, ментальную и индивидуальную, (г) ориентационная, которая создаст телеологическую, кодификационную и референтную разновидности. В третьей степени каждый из приведенных типов расслоения ИИ могут породить лекты — конкретные реализации системного типа: 1) в локационной дифференциации — спациолекты (территориальная дифференциация), социолекты (социальная дифференциация), хронолекты (темпоральная дифференциация), 2) в модусной дифференциации — стилолекты (стилистика дифференциация), регистролекты (регистровая дифференциация), дискурсолекты (дискурсивная дифференциация), текстолекты (текстуральная дифференциация), локуциолекты (ситуативная дифференциация), медиалекты (медийная дифференциация), 3) в персональной дифференциации — соматолекты

(соматическая дифференциация), психолекты (психическая дифференциация), рациолекты (ментальная дифференциация), логиколлекты (логическая дифференциация), идиолекты (индивидуальная дифференциация), 4) в ориентационной дифференциации — телеолекты (телеологическая дифференциация), стандартолекты (кодификационная дифференциация), реферолекты (референтная дифференциация). Если членение языка ИИ будет дальше углубляться, появится четвертая степень и в ее рамках сублекты — (а) спациолекты: варианты, диалекты, (б) социолекты: стратолекты, этнолекты, жаргоны, криптолекты, (в) стилолекты: функциолекты, стили, (г) локуциолекты: иллюкуциолекты и перлокуциолекты, (д) медиалекты: устный и письменный, (е) физиолекты: алтеролекты, гендеролекты, патолекты, (ж) нормолекты: стандартолекты и субстандартолекты. Пятую степень могут иметь только некоторые лекты ИИ. Они, например, уже сейчас образуются в формах функциолектов, состоящих из функциональных стилей, функциональных межстилей и функционально-стилистических комплексов.⁶

5. Автоматическое генерирование языковых единиц различной сложности является предметом стилистики виртуальности, которая состоит из трех частей: виртуальной стилистики, паравиртуальной стилистики и генераторской стилистики. Генераторская стилистика изучает стилистические аспекты процесса возникновения, использования и функционирования искусственно созданных текстов. Виртуальная стилистика занимается восприятием и использованием живым человеком стилистического материала, порожденного / порождаемого ИИ. Паравиртуальную стилистику интересует восприятие и использование ИИ стилистического материала, сгенерированного (а) живым человеком (T_{nat}) и (б) ИИ (T_{gen}).⁷ Каждая из трех типов стилистики виртуальности порождает свои стили: генераторские, виртуальные и паравиртуальные.

6. Генераторские стили — это стили, возникающие в рамках стилистической деятельности генераторов (программ для автоматического порождения текста, т. е. ИИ). Два поколения генераторов — первое (до 2022 г.) и второе (после 2022 г.) отличает неодинаковая функциональная нагрузка: первые были преимущественно монофункциональными (использовались для создания текстов только

⁶ Более подробно об этих разновидностях языка человека см. [Тошовић 2004^a, 2004^b, 2004^c, 2006, Тошовић 2005, Тошовић 2018].

⁷ См. [Тошовић 2024].

одного стиля, только на одну тему или для одной области жизни и деятельности), вторые — многофункциональными (предназначались для порождения текстов любого функционального стиля, на любую тему и в любой области). Соответственно результатами речевой деятельности этих двух типов ИИ являются генераторские моностили и генераторские мультистили. Значительное число генераторов, анализируемых в книге «Лингвистика, стилистика и поэтика виртуальности» [Тошович 2024], а их около 130, относятся к моногенераторам. Типичным примером мультигенераторов является ChatGPT.

7. Виртуальные стили — это стили человека, выражающие различные виды ирреальности. Они имеют двойной характер: **а)** представляют собой виртуальный способ выражения человека, в первую очередь в литературе ирреальности, **б)** являются способом толкования стилей, порожденных / порождаемых виртуальным разумом. Такие стили требуют ответа на вопрос, **(1)** как биологический разум стилистически оформляет виртуальные произведения, т. е. тексты о виртуальности, **(2)** как биологический разум воспринимает и использует стили, порожденные / порождаемые виртуальным разумом, какова природа стилей живого человека, рассматривающего стили ИИ.

8. Третьей разновидностью являются паравиртуальные стили, при помощи которых ИИ высказывает оценку о другом стиле ИИ, о тексте другого стиля или о содержании другого текста, созданного ИИ (T_{2gen} о T_{1gen}). Паравиртуальные стили требуют ответа на вопрос, как виртуальный разум относится к стилям, порожденным / порождаемым им самим, причем главный вопрос состоит в том, может ли ИИ узнать свой собственный стиль.

9. Существуют еще два глобальных типа стилей виртуальности: первичные и вторичные. Первичными являются креативные стили на определенную тему, не вызванные другими стилями (в форме реакции типа анализа, оценки, заключения). Вторичными являются метастили, так как речь идет о стилях стилей. Поэтому их можно назвать аналитическими. Их типичный представитель — стиль экспертизы, при помощи которого ИИ высказывает оценку о другом стиле, о тексте другого стиля или о содержании другого текста, созданного человеком (T_{gen} о T_{nat}).

10. В основе каждого из стилей виртуальности лежит определенный прием. Мы выделяем модификацию, подражание, конструкцию, реконструкцию и деструкцию, порождающие (соответственно) модификационный, подражающий, конструктивный и деструктивный стили. Основная часть выделенных нами 22 моделей автоматического

порождения текста [Тошович 2024] основана на этих приемах. Приведем несколько примеров.

Модификационный стиль. В модели «орел — решка» T_1 модифицируется в T_2 . Речь идет о создании нового дизайна, различного формата, об изменении вида символов и т. п. При помощи некоторых генераторов изменяется форма T_1 , а содержание остается одним и тем же. Скажем, на основе T_1 : *сегодня* возникает T_2 : *сезогн*.

Подражательный стиль. В модели «зеркало» одному исходному T_1 имитирующего стиля S_1 соответствует T_2 сымитированного стиля S_1 . Скажем, на нашу просьбу написать художественный рассказ в стиле Бориса Пастернака ChatGPT воссоздал стиль Бориса Пастернака в следующей форме:

Золотой закат покрывал землю своим теплым светом, проникая сквозь ветви старых дубов, образуя красивые узоры на земле. Вдали виднелась река, ее воды переливались разными оттенками синего и зеленого. На берегу стоял маленький домик с красной крышей, окруженный цветущим садом. В саду было тихо и спокойно, только птицы периодически разрывали тишину своим пением. Воздух был наполнен ароматом цветов и свежести после дождя. Это было место, где можно было по-настоящему отдохнуть от суеты и насладиться красотой природы, как любил делать главный герой романа ДОКТОР ЖИВАГО [ChatGPT, 15. 10. 2023].

Конструктивный стиль. Модель «лото» охватывает универсальное генерирование, в котором из различных элементов / частей T_1 собирается T_2 , причем T_1 выступает в форме таблицы с клишированными фразами, расположенными по столбцам и в определенной последовательности. Свои лучшие креативные способности в создании стилей ИИ может проявить в порождении вымышленных миров.

Деструктивный стиль. Исходным материалом для модели «кривое зеркало» являются прецедентные тексты T_1 , которые подвергаются преднамеренному искажению. Сюда относится сетевая поэзия, возникающая в результате искажения (иногда полного) T_1 . Типичным примером являются тексты, порождаемые генератором поэзии в стиле А. С. Пушкина.

T_1 : *Я помню чудное мгновенье: | Передо мной явилась ты, | Как мимолетное виденье, | Как гений чистой красоты. → T_{2gen} : Не помню странное везенье | В моих мечтах стихов листы | Как мимолетное виденье | Как символ липкой суеты [Генератор стихов Пушкина — электронный ресурс].*

Богатый материал для такого анализа предоставляет часть интернета, которую мы называем деструктивной (более подробно см. [Тошович 2018]). В связи с этим ставится вопрос, насколько ИИ внедрен в этот сегмент Всемирной Паутины.

11. Для данной темы важным является вопрос о том, будет ли язык виртуального разума (который все еще находится в фазе становления), полностью повторять процесс, через который прошел (и проходит все еще) язык биологического разума: процесс глобальной дифференциации и в ее рамках — стилистической. Ответ зависит от того, что будет с ИИ, в частности, как будут сосуществовать два разума — биологический и виртуальный: (1) отдельно, (2) в форме гибрида, (3) в форме подчинения биологического разума виртуальному, или наоборот, т. е. многое будет зависеть от того, кто из них будет управляющим, а кто управляемым. Со всем этим связан вопрос, как будет проходить общее расслоение языка ИИ: запрограммированно (предсказуемо) или автономно (непредсказуемо). Последний вариант сильно осложняет любой прогноз.

ЛИТЕРАТУРА

Аврорин П. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975. 276 с.

Баранникова Л. И. К вопросу о развитии функционально-стилевого многообразия языка // Вопросы стилистики. Воронеж: 1973. Вып. 6. С. 70–89; Вып. 7. С. 60–73.

Билимович Н. П. К теории стилевой дифференциации языка в современной лингвистике // Труды Самаркандского ун-та. Самарканд: 1973. Вып. 243. С. 79–88.

Гавранек Б. О функциональном расслоении литературного языка // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 432–443.

Генератор стихов Пушкина. URL: <http://referats.yandex.ru/pushkin/>. 3. 2. 2015.

Головин Б. Н. Вопросы социальной дифференциации языка // Десницкая А. В. и др. (ред.). Вопросы социальной лингвистики. Л.: Наука, 1969. С. 343–354.

Гухман М. М. Соотношение социальной дифференциации и других типов варьирования литературного языка // Гухман М. М. (ред.). Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М.: Наука, 1977. 343 с.

Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцов В. В. Функциональные типы русской речи. М.: Высшая школа, 1982. 223 с.

Леонтьев А. А. Общественные функции языка и их функциональные эквиваленты // Филин Ф. П. (ред.). Язык и общество. М.: Наука, 1968. С. 99–110.

Наер В. Л. Уровни языковой вариативности и место функциональных стилей // Цвиллинг М. Я. (ред.). Научная литература: язык, стиль, жанры. М.: Наука, 1985. С. 3–15.

Степанов Г. В. Об особенностях языковой вариативности // Алексеев М. П. (отв. ред.). Теория языка. Англистика. Кельтология. М.: Наука, 1976. С. 125–133.

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с.

Тошович Бранко. Дифференциально-лектальная экспрессивность // *Stylistika*. Opole: Uniwersytet Opolski, 2005. № 14. С. 151–174.

Тошович Бранко. Лингвистика, стилистика и поэтика виртуальности. М.: Флинта, 2024. 517 с.

Тошович Бранко. Интернет-стилистика. М.: Флинта — Наука, 2015. 238 с.

Тошович Бранко. Структура интернет-стилистики. М.: Флинта — Наука, 2018. 492 с.

Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях: К постановке проблемы. М.: Наука, 1977. 168 с.

Ярцева В. Н. Функционально-стилистическая система литературного языка и ее соотношение с территориальными диалектами // НДВШ: Филологические науки. М., 1974. № 3 (81), 17. С. 45–55.

ChatGPT. URL: <https://chat.openai.com/>. 31. 7. 2023.

Gregory M. Aspects of Varieties Differentiation. *Journal of Linguistics*. Cambridge, 1967, vol. 3, pp. 177–198.

Hartung W., Sconfeld H. (unter der Leitung). *Kommunikation und Sprachvariation*. Berlin: Akad. Verlag, 1981. 471 s.

Hausenblas K. Komplexní a simplexní styly. *Poetyka i stylistika słowiańska*. Skwarczyńska S. (red.). Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo PAN, 1973, ss. 39–46.

Heinemann W. Zur Klassifizierung Stilzügen. *Linguistische Arbeitsberichte*. Mitteilungsblatt der Sektion TAS der Karl-Marx-Universität. Leipzig, 1974. vol. 10, ss. 57–61.

Horálek K. Sprachfunktion und funktionelle Stilistik. *Linguistics*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1965, no. 14, pp. 14–22.

Ivanová-Šalingová M. Ku klasifikácii štýlov spisovného jazyka. *Slavica Pragensia* IV. Philologica 3. Acta Universitatis Carolinae. Praha: Universita Karlova, 1962, ss. 617–622.

Mistrík J. *Štylistika slovenského jazyka*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1970. 422 s.

Radovanović Milorad. *Sociolingvistika*. Novi Sad: Književna zajednica — Dnevnik, 1986. 305 s.

Sanders W. *Linguistische Stiltheorie. Probleme, Prinzipien und moderne Perspektiven des Sprachstils*. Göttingen: Vandenhoeck a. Ruprecht, 1973. 149 s.

Semenjuk N. Stylistic and Functional Differentiation of Literary Languages as a Type of Sociolinguistic Variation (Synchrony and Diachrony). *Theoretical Aspects of Linguistics*. Avrorin P. A. (ed.). Moscow, 1977, pp. 54–60.

Steube A. Funktionalstilistische Differenzierung der Sprache. *Linguistische Arbeitsberichte*. Leipzig: 1974, bd. 10, ss. 114–119.

Stevens P. D. Varieties of English. *English Studies*. Nijmegen (Netherlands), 1964, vol. 45/1, pp. 20–30.

Tošović Branko. Die globale Differenzierung der Sprache. *Zeit — Ort — Erinnerung. Festschrift für Ingeborg Ohnheiser und Christine Engel zum 60. Geburtstag*. Binder, Eva; Stadler, Wolfgang; Weinberger, Helmut (Hg.). Innsbruck, Universität Innsbruck, 2006, ss. 615–628.

Tošović Branko. *Funkcionalni stilovi*. Sarajevo: Svjetlost, 1988. 312 s.

Tošović Branko. *Funkcionalni stilovi. Funktionale Stile*. Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität, 2002. 504 s.

Tošović Branko. Funkcionalno raslojavanje jezika u sistemu opšte diferencijacije jezika. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*. Beograd: MSC, 2004^b. God. 32, br. 1, ss. 25–37.

Tošović Branko. Globalna diferencijacija jezika. *Riječki filološki dani*. Rijeka: Filozofski fakultet Sveučilišta u Rijeci, 2004^a. Ss. 533–546. [Knjiga V]

Tošović Branko. Teritorijalna diferencijacija kao vrsta globalnog raslojavanja jezika. *Riječ*. Rijeka: Filozofski fakultet Sveučilišta u Rijeci, 2004^c, br. 2, ss. 84–91.

ИСТОРИЯ СЛОВ *ВОЛОСТЕЛЬ*, *ИЗБАВИТЕЛЬ*, *КОРМИТЕЛЬ*, *ЛЕЧИТЕЛЬ*, *МСТИТЕЛЬ*, *РОДИТЕЛЬ*

В статье, посвященной юбилею Валентины Николаевны Виноградовой, специалиста как по истории русского языка, так и по современному русскому языку, рассматривается история шести указанных в заглавии отглагольных существительных с суффиксом *-tel'ь*. Все эти слова входят по данным ЭССЯ и *Zagys'a* в праславянский лексический фонд. Описывается полисемия этих слов, их семантическая эволюция, сфера распространения в памятниках письменности и фиксация в исторических и современных словарях русского языка. Указываются сходства и различия в синтаксической сочетаемости производящего глагола и производного отглагольного имени существительного.

Ключевые слова: праславянские слова, изменение значений, мотивированные существительные с суффиксом *-tel'ь*, мотивирующие глаголы, синтаксическая сочетаемость.

История слова *волостель*

Слово подобно старославянизму *властель* (ср. [СС:118; Аникин 2014: 68]) восходит к прасл. **volstel'ь*, которое в свою очередь восходит к **voldtel'ь*, образованному от глагола *volsti, voldŏ* [Zarys 1976:51].

Волостель употреблялось преимущественно в грамотах. Древнейшая фиксация — в Смоленской грамоте 1229 г. в значении «обладающий властью, правитель»: *кп(с)нѣ же рижьскыи фолкоунѣ . мастерь бѣжиихѣ дворанѣ . и вси волостелеве по рижьскои земли . дали двиноу волноу ѡ(т) оустѣа до върхоу*. [Гр 1229, сп.Д (смол.)]. В том же значении слово зафиксировано в летописи (*Володимеръ... слашеть... ѣла... Бѣ поставилъ насѣ волостели. в мѣсть злодѣемъ и в добродѣтель блѣго-ч(с)тивымъ*. [ЛИ ок. 1425: 142 об (1149)] и в церковно-юридическом памятнике: *кии волостель по(д) собою суца зоветь г(д)ою. или кии г(с)нѣ зоветь раба г(с)номъ*. [МПр XIV₂: 230 об].

В значении «должностное лицо в феодальном обществе, правитель области, волости» в [СДРЯ XI–XIV вв., т. I: 468, 469] слово зафик-

сировано только в грамотах, например: *а гдѣ бу(д)тъ кня(з) михаило восла(л) в нашу очѣину в великое княженъе намѣсни(к) или волостели и тыхъ ны сослати доловъ* [Гр 1372 (2, моск.)].

В том же значении слово употреблялось вплоть до его выхода из употребления, видимо, во второй половине XIX века, но архаизмом оно было уже в XVIII в., ср. помету *старин.*, которой снабжено это слово в САР: старин. Начальник над волостью, управляющий волостью [САР, ч. I: 752]

В словаре 1847 г. — аналогичное описание: Стар. Начальник над волостью [Сл 1847, ч. I: 155].

В словаре В. Даля: «властитель, завѣдывающий областью, правительственное лицо, начальник» [Даль, т. I: 234].

В текстах XIX–XX вв. слово употребляется только в описаниях фактов прошлого. Например: *В городах и волостях управляли наместники и волостели, которые могли быть и с боярским судом (с правом судить подведомственных им людей, подобно боярам в своих вотчинах) или без боярского суда* [Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск второй: XV–XVI столетия (1862–1875)]; *Суд осуществляли великий князь, Боярская дума, дворцовые ведомства (путные бояре), наместники и волостели, а также вотчинники* [История дореволюционного суда // «Отечественные записки», 2003]. Оба текста из НКРЯ.

Слово *волостель* употреблялось абсолютно.

История слова *избавитель*

Прасл. *jъzbavitel'ъ представляет собой имя деятеля, производное с суф. *-tel'ь* от глагола *jъzbaviti. «Вероятие позднего (книжн.) распространения и межслав. заимствования здесь очень велико, что, однако, не исключает возможности стар. образования (ср. ст.-слав.)» [ЭССЯ, вып. 9: 13]. Стсл. «избавитель... λυτρωτῆς, ῥύσσης, λυτήριον избавитель, спаситель освободитель...: *г<оспод>и помощьниче мои избавитель мой* Пс. 18, 15 Син. 11 [СС: 248].

В неизменном значении «тот, кто избавляет, избавил кого-чтонибудь от кого-чего-нибудь» слово употреблялось в книжных памятниках: *рече что тако въпикуши и зовеши николау. з[н]аюши ли и. и рѣхъ юмоу не знаю нѣ слышу велика помощьника соуца и избавителя* [Чудн XII: 736]; *Спси ма избавителю* [ПКП 1406: 12 в]; *Тѣ единѣ ес<ть> заступитель твои и стражъ и щит и избавитель от скврѣнных твоихъ сыновъ* [Флавий. Полон Иерус. I: 106. XVI в. ~ XI в.].

Слово фиксируется в словарях XVIII–XX вв.: [СлРЯ XVIII в., вып. 9:8]: *Пелопид . мудрец и воин . Муж великий, избавитель Фив, от ига* [Рдшв СС1:80]; [САР 1789, ч. I: 71]: «свободитель, искупитель, тот, кто избавляет других от чего»; [Сл 1847, т. II: 102]: «избавляющий кого-либо»; [Даль, т. II: 10]: «спаситель, освободитель, заступник; кто избавил кого от бѣды или вообще от чего-либо»; [Ушаков, т. II:1189]: «(книжн.) Спаситель, освободитель»; [СлРЯ, т I: 634, 635]: То же; [ТС:288]: «тот, кто избавляет, избавил кого-что-н. от кого-чего-н.»

Мотивирующий глагол *избавити* регулярно управляет формой винительного падежа, называющей того, кто (что) избавляется, и сочетанием предлога *от* и формы родительного падежа, называющей то, от чего происходит избавление: *и мене грѣшнаго раба своего кюрила . избави въ днь соудныи ѡ(т) вѣчныа моукы* [ЖНиф 1222:175 (запись)].

Вместо названных валентностей в единичных случаях отмечены другие валентности с тем же значением: вместо винительного со значением избавляемого — родительный: *Не достойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всеисилие для того, что не могли **избавить человечества** из оков и пленения?* [А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779–1790)] — НКРЯ; вместо сочетания *от* + род. п. в значении того, от чего происходит избавление, используется форма родительного падежа без предлога: *избави м.а ѡгна вѣчнааго и съпаси м.а* [Стих 1156–1163: 102об]. Сочетанием предлога *из* с формой родительного падежа глагол управляет в значении «освободить»: *азъ есмь георгии. ||клеветръ ѡного старча. **избавльшаго т.а ис тѣмницъ*** [ПрЛ 1282:79а-б].

Валентности имени *избавитель* соотносятся с валентностями мотивирующего глагола *избавити* следующим образом: приглагольной форме винительного со значением того, кто (что) избавляется (*избавити родѣ*) соответствует форма родительного падежа: *и нависа юмоу ѡ||бразомъ ѡако на иконь писань. **избавитель рода члѣвцааго. сѣсъ ѣс х(с)ѣ*** [ПрЛ 1282:134–135]; сочетанию глагола + предлог *от* с род. п. со значением того, от чего происходит избавление, у имени соответствует то же сочетание. Ср. приведенное выше *избавитель от скврѣнных твоихъ сыновѣ* [Флавий. Полон Иерус. I: 106. XVI в. ~ XI в.].

У имени *избавитель* в современном языке отсутствует управление дательным падежом со значением того, кто (что) избавляется: *нависа **избавитель миру*** [СбЧуд к. XIV(1): 140об]. После XIV в. это управление не фиксируется.

Трудно согласиться с описанием сочетаемости слова *избавитель*, данным В. Н. Хохлачевой: «Производящий глагол *избавить* управляет конструкцией *кого от кого-чего*. Для существительных подобное управление зафиксировано лишь в XVIII — начале XIX в.» [Хохлачева, 1969: 87]. Приведенный выше материал показывает, что такое управление существительному *избавитель* было свойственно уже в ранних памятниках древнерусского языка. Утверждение «В современном языке существительное (*избавитель*. — И. У.) употребляется только абсолютно» также противоречит фактам; ср. обычную для современного языка конструкцию: *Тем более что фамилия **избавителя общества от перегибов** будет все той же — Путин* [Виталий Портников. Жена цезаря и молчание президента (2003) // «ПОЛИТКОМ.РУ». 2003.07.29] — НКРЯ.

История слова *кормитель*

Праслав. *kǫrmitel'ъ представляет собой «имя деятеля, производное с суф. *-tel'ъ* от глагола *kǫrmiti... Обращает на себя внимание книжный характер слова; возможны межславянские заимствования» [ЭССЯ, вып. 13: 225].

В древнерусский период слово (в отличие от омонима в значении «то же, что *кормьчии*») фиксируется в следующих значениях: 1. «Тот, кто кормит кого-л., кормилец»: *И <н>равь буди и истииньнъ. съмъренъ... умилень къ бу и къ челвкомъ привътьливъ... и милостивъ, ништимъ **кърмитель** ст[р]аньноприимьникъ.* [Изб 1076: 61]; ср. образное использование слова *кърмитель* для характеристики неодушевленного предмета — креста: *Днь(с) бра(т)ю кр(с)тъ прич(с)тыи въз(д)визаетс.а...//... то бо ксть хранитель встьмъ кр(с)тъ-аномъ. и **кърмитель** всть* [так!] *знаменаньмъ* [Пр 1313:21а–б]; 2. *перен.* «Тот, кто поддерживает кого-л.; заступник, опора; утешитель». (1237): *Бысть же многоъ плачь народа правовърныхъ, зряще отца сирымъ и **кормителя** отшедша и печальнымъ великую утѣху, омрачнымъ звѣзду свѣтоносную зашедиу.* [Ник.лет. X: 111]; 3. «Воспитатель»: *Посла въ Самарію ко княземъ Самаріискимъ и къ старъишинамъ и ко **кормителемъ** сыновъ Ахаавлихъ (πρός τοὺς τιθηνοὺς Ἀχαάβ)* [Цар.4.X.1 (В)] — Срезн., т. 1: 1405; 4. «Правитель»: *Носиши **кърмител-а**, Бце, всего мира.* [Мин. сент. 1096 г.: 170].

Из перечисленных значений в современном языке сохранилось только первое. Приведем в хронологическом порядке фиксации слова *кормитель* сначала в словарях XVIII–XX вв., а затем в НКРЯ, отражающие его семантическую эволюцию.

Кормитель. Сл. То же, что *кормилецъ* в 1 знач. [САР, ч. III:827]: Кормилецъ. 1. В старинном употреблении означало дядьку, пестуна.

Кормитель. 1) Церк. То же, что *кормилецъ* в 1 знач.; 2) Питающий, кормящий [Сл 1847, т. II: 204].

Кормитель. Кто кормить, даетъ кормъ животнымъ [Даль, т. II: 165].

Кормитель. Тот, кто кормит кого-н. [Ушаков, т. I: 1468]. То же в ССРЛЯ, т. V: 1433.

Контексты из НКРЯ:

Уведавши же народъ вси, сошлись бесчисленное множество и плакали по нем бояря, аки заступника их земли, убоги кормителя [В. Н. Татищев. История Российская в семи томах. Том второй (1750)]; *Тут для ребенка мать есть единственное высшее существо, но, достигая сознательного возраста, он видит, что сама мать находится в зависимости от другого высшего существа — его отца, кормителя и защитника всей семьи.* [В. С. Соловьев. Оправдание добра (1894–1899)]; *В России едят грязь, нечистоты, топят голодных детей в речках, И опять литераторы в роли кормителей! Эти прокормят!* [И. А. Бунин. Дневник (1920–1929)]; *Плачу я тебе, благодетель, поитель-кормитель два алтына — и буде!* [А. П. Чапыгин. Гулящие люди (1937)].

Слово зафиксировано не только в многочисленных церковно-книжных памятниках, но и в летописях; ср. приведенный выше отрывок из Ник. лет.; ср. также: *и кормитель блашеть черньцемъ. и черницамъ. и оубогымъ и всакому чину тако възлюбленыи бѣць блашеть.* [ЛИ ок. 1425: 206 (1775)].

Помимо обычного управления формой родительного падежа (ср. приведенное выше *кормителя всей земли* и мн. др.), в древнерусский период слово управляло формой дательного падежа (ср. приведенные выше *ништимъ кърмитель; кормитель блашеть черньцемъ. и черницамъ*; ср. также: *ѣсть кърмитель тѣлоу своемуу* [ПрЛ 1282: 40в и др.]).

История слова *лечитель*

«Производное (nomen agentis) с суф. -tel'ъ от глагола *lěčiti(сę)» [ЭССЯ вып.14: 75].

В значении «тот, кто лечит» зафиксировано в списке XV в. и далее — с XVIII в. вплоть до современности (в НКРЯ), хотя в современ-

ных словарях оно отсутствует: *Помози ми, Ѓи, и боуди льчитель* (esto mihi medicus) [Жит. Март. 12. Мин. чет. февр. сп. XV в.: 138]; *Говорил он рчь... о том, что и какия науки Медику знать надлежит, чтоб он самым искусным и достаточным льчителем быть мог.* [Учен. расс. IV: 50].

Тексты из НКРЯ (в текстах XVIII–XX вв. слово употребляется иногда с негативной оценкой: лечители противопоставляются врачам-специалистам): *Такіе льчители по большей части не творцами, но творцовъ писателями именуются.* [П. И. Погоретский. Опыт о пользѣ трезвья жизни [перевод сочинений Л. Корнелия] (1768)]; *Врач, знакомый с требованиями гигиены и привыкший обращать внимание на санитарную обстановку своих больных и их семейств или вообще тех классов или групп населения, среди которых он призван действовать, принесет несомненно гораздо больше пользы, нежели простой лечитель, способный только к прописыванию рецептов* [Ф. Ф. Эрисман. Общественная гигиена (1871–1908)]; *Лечители по книжке в 30 к. нам не помощники.* [В. П. Клевезаль. Знахарство и гомеопатия // «Вестник гомеопатической медицины» (из газеты «Колокол» № 1445 от 1901. 1911 г.), 1911]; *Не надеюсь... разубедить тех иереев-лечителей, которым удалось уже посрамить врачей-специалистов.* [В. П. Клевезаль. Еще об иереях-учителях].

Слово управляет формой родительного падежа, например: *Я ведь знаю, что это за лечитель телесных недугов, ха-ха-ха!* [Р. Л. Антропов. Герцогиня и «конюх» (1903)] — НКРЯ.

История слова мститель

«Производное... от глагола *мъстити» [ЭССЯ, вып. 21:170].

В ранних памятниках слово имело два значения; одно из них было рано утрачено, другое сохранилось до настоящего времени.

Утраченное значение — «защитник»: *г(с)ь реки азъ юсмь оцѣ сиротамъ и мьстите(л) вдовиць изъ руки грѣшница избавлю га.* [Пр 1383: 156а; то же МПр XIV₂: 23–24]. Ср. *мъстити* в значении «защищать»: *и молитисѧ юмоу. да мьстить обидимыхъ.* [КР 1284: 1016]. В дальнейшем это значение не фиксируется.

С XII века слово регулярно фиксируется в значении «тот, кто мстит, отомстил»: *късть бо бѣ таковымъ мьститель не безъ мучении оставлѧга. своихъ юму заповѣди презрѧщага* (ὁ... ἐχδιχητής) [ЖФСт к. XII: 119об]; *въдоуще гако мьститель есть бѣ и взицеть крови неповиннаго.* [ЛИ ок. 1425: 129об (1147)]; *Сну, безъ вены [вар. вины] крови не проливай, яко мьститель сему бѣ есть.* [Пов. об Акире: 49, XV в. ~

XI–XII вв.]; *Великий Чернобог, яко мститель всем за злость, изготовил твою кончину*. [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766–1768)] — НКРЯ; *Люди... ругают, поносят и проклинают мстителей*. [Коз. ФП: 118]; *Но тогда бы он предстал мстителем за себя, за пережитое унижение, за страх жены, за смертный ужас семилетнего сына*. [Александр Архангельский. Александр I (2000)] — НКРЯ.

Слово имеется во всех основных толковых словарях XVIII–XX вв.: Кто мстит за причиненную обиду, озлобление [САР, ч. IV: 348]; Тот, кто мстит за обиды [Сл 1847, т. II: 329]; Кто мстит [Даль, т. II: 321]. Аналогичное толкование в словарях современного русского языка [Ушаков, т. II: 272]; [ССРЛЯ, т. VI: 1391]; [СЛРЯ, т. II: 421]; [ТС: 464].

Сущ. *мститель* употреблялось и употребляется:

1) абсолютно, ср. приведенный выше контекст из ЛИ ок. 1425, 1290б и многие более поздние контексты, например: *Выходит абреки необязательно гордые мстители и герои* [Фазиль Искандер. Дедушка (1966)] — НКРЯ;

2) с названием объекта мщения, выраженным: (а) формой дательного падежа без предлога, например: *Так крестьяне терновского района... входили в роль суровых мстителей всем тем, кто были повинны перед трудящимися за казнь над революцией* [Н. И. Махно. Воспоминания (1929)] — НКРЯ; (б) формой родительного падежа без предлога: *Я буду холодным как лед, жестоким мстителем всех палачей* [Валентина Осеева. Динка прощается с детством (1969)] — НКРЯ;

3) с названием причины мщения, выраженным: (а) сочетанием предлога *за* + дательный падеж: *Я буду сам мстителем за оскорбление моего величества...* [Ф. В. Булгарин. Дмитрий Самозванец (1830)] — НКРЯ; (б) родительным падежом без предлога: *Святослав... яко вождь и мститель смерти отца своего сам начал битву*. [В. Н. Татищев. История российская в семи томах. Том второй (1950)] — НКРЯ; (в) дательным падежом без предлога (ср. приведенный выше контекст *мститель сему* (т. е. ‘за это’) *бъ есть*).

4) с названием того, кто подвергся действиям, требующим отмщения; *мститель* в этих контекстах управляет: (а) сочетанием предлога *за* + сущ. указанного значения в винительном падеже, например: *В них видели будущих мстителей за отцов* [Надежда Мандельштам. Воспоминания (1960–1970)] — НКРЯ; (б) редко — именем в родительном падеже: *...разбойник стал представляться образцом удали, молодечества, даже покровителем и мстителем страждущих и угнетенных*. [Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях

ее главнейших деятелей. Выпуск пятый: XIX столетие (1862–1875)] — НКРЯ; *Этот мститель веры выявил в лесах Керженца 47 тысяч староверов.* [Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 21–39 (2011)] — НКРЯ.

История слова *родитель*

Прасл. *goditel'ь ...pl. roditele...: roditi [Zarys: 52].

Дрр. *родитель* скорее всего восходит к прасл. *goditel'ь, хотя слово имеется в старославянском языке, где оно зафиксировано в двух значениях:

1. «Родители»: *родитель* *къмоу съвъштаста сѧ женити ї дъвицеж имень ан'на* [Супр: 24, 28, СС: 583]; 2. «Творец, первопричина»: *ω зависти. оубоиствоу родителю* [Супр: 388, 23, СС: 583].

В древнерусских памятниках слово употреблялось в нескольких значениях, некоторые из которых утратились.

Сохранившиеся значения.

1. «Отец»: *не мози чадо мое оутаити мене нъ повъжь родителю (с)воёмоу бывшага си.* (τῷ γεννήτορι) [ЧудН XII: 716]; слово зафиксировано в летописи: *паче же и сѣвъ его* [кн. Романа. — И. У.] *плакахоуся... и послѣдную слоужбоу . створише родителю своему. сопратаваше тѣло его вложиша в гробъ* [ЛИ ок. 1425: 217 (1180)]; *в ноябре месяце родителя моего не стало.* [М. Н. Волконский. Журнал жизни и службы князя Михаила Никитича Волконского (1752)] — НКРЯ; *замечания доброго и умного родителя огорчало и мучило меня всю дорогу.* [О. Н. Сенковский. Осенняя скука (1833)] — НКРЯ; — *Ах, батюшка ты мой! Родитель ты бедный мой!* — *вырвалось у Сеньки.* [А. П. Чапыгин. Гулящие люди (1937)] — НКРЯ; ср. *родитель* в образном выражении: *страхъ гнѣ родитель моудрости.* (γεννήτορ) [СбТр XII/XIII: 105].

2. «Родители, мать и отец»: *отроча же ростгаше кѣрмимъ родителема своима* [ЖФП XII: 276]; *а пишу вамъ се слово того дѣла что бы не перестала память родилии* [так!] *нашихъ и наша и съвѣча бы не оугасла.* [Гр 1353 (моск.)]; *азъ гр(ъ)шныи . ивановъ снѣ быхъ. ї нужю ми створиша родителю . жененьемь.* [СбПаис н. XV: 162 об]; *могут от родителей своих лозами наказаны бысть* [Петр I. Артикул воинский (1715)] — НКРЯ; *Марья Дмитриевна... еще в детстве лишилась родителей.* [И. С. Тургенев. Дворянское гнездо.]

Утраченные значения.

3. «Предки»: *по тѣхъ же члв(к)мъ бывъшемъ не разоумѣша родительство ихъ* (в др. сп. **родитель** свои(х) волю) *нако правды блгоумъ вѣщемъ свѣдѣтели* [в др. сп. **сѣдѣтелѣ**] *пам.а(т)* || *ихъ почтоша* (τῆν τῶν προγόνων γνώμην) [ГА XIV₁: 38–39]; *Кыхъ родитель внуци суть* (γονέων) (Муч. трех отроков) [ВМЧ. Дек. 6–17. 1098. XVI в.].

4. «Покойник»: *У тоѣ церкви... родительямъ кладбища не бывало*. [Ж. Андр. П. 140. XVII в. ~ XVI–XVII вв.].

5. «Родственник, член рода»: *Ксисуфра съ приобщницею и съ родителю* (σὺν...τοῖς συγγενέσιν). [Козьма Инд.: 235. XVI в. ~ XII–XIII вв.]; *И имъ тѣ свои вотчины продати родителемъ же своимъ, или и на сторону* [Ул. Ал.: 121.1649 г.].

6. «Создатель, творец (о Боге)»: *Бѣ ѣстьствомъ . и бѣче мл(с)тию родителю всеи твари. надеже всѣхъ конецъ земли нищъ и оубогъ азъ ѣсмь. призываю чюдьноу и стѣю им.а твою и прошю мл(с)ти ѿ тебе* [СБЯр XIII₂: 95]; *свѣтилникомъ первотворны свѣтъ Родитель вложи* (ὁ Δημιουργός) [Ио.екз. Бог¹, II: 36, XVI в.].

7. В горном деле при углежжении, родителем называется не потухший уголь, находящийся при разломке угольных куч [Сл 1847].

Родитель распространено в говорах. В [СРНГ, т. 35: 135–136]: *Родитель* 1. Мн. В сочетаниях. ♦ Богоданные родители. а) Тесть и теща... б) Родители жениха для невесты, родители невесты для жениха. 2. Мать... 3. Родственник... 4. Возлюбленный, любовник... 5. Покойник; умерший родственник... 6. Мн. Похороны... 7. День поминовения усопших (умерших); родительский день. В [ССРНГ: 491]: 1. Только мн. Отец и мать... 2. чаще мн. Умершие близкие родственники.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 8. (во I — вран). М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2014.

ВМЧ. Дек. 6–17 — Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археограф. комис. Декабрь. Дни 6–17. М., 1904, стлб. 581–1188. XVI в. (Муч. трех отрок.).

ГА XIV₁ — Хроника Георгия Амартола, славяно-русский перевод XI в. в сп. в. четв. XIV в., РГБ, Отдел рукописей, Фунд., № 100. Изд.:

В. М. Истрин. Книги временные и образные Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. 1. Текст. Пг., 1920.

Гр 1229, сп. Д (Смол.) — Торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г.; вторая, рижская редакция, сп. Д, 1270—1277 (Смол. гр.: 58—59) или 1230—1297 гг. (РЛА 414), или первая редакция, сп. 1313—1358 (ПРП, вып. 2: 56) Хран.: РА, ф. 1А, caps. «А», № 17. Изд.: Смол. гр.: 35—39.

Гр 1353 (моск.) — Грамота духовная московского в кн. Симеона Ивановича Гордого, 18 марта — 26 апреля 1353 г. (ДДГ, СГГД, I, № 24) Хран.: РГАДА. Изд.: ДДГ; № 3.

Гр 1372 (2, моск.) — Грамота перемирная послов в кн. литовского Ольгерда Гедиминовича с московским в кн. Дмитрием Ивановичем Донским, 1372 г. (Срезневский, 1863: 106) Хран.: РГАДА.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. 1—4, М., 1955.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.-Л., 1950.

Ж.Адр.П. — Житие и подвиги иг. Адриана Пошехонского и старца Леонида Пошехонского, XVI—XVII вв. — Рукоп. РГБ, ф. 310 (Унд.) № 1308: 102—162, сп. XVII в.

Жит.Март.Мин.чет.февр., сп. XV в. — Житие Мартиниана черноризца изъ Миней четіи февральской по сп. XV в. Моск. Дух. Академіи № 584 и слѣд. — См. Свѣд. и зам., т. II: 379.

ЖНиф 1222 — Житие Нифонта, 1222 г., РГБ, Тр.-Серг., № 35.

ЖФП XII — Житие Феодосия Печерского, по Успенскому сборнику XII в., ГИМ, Усп. № 4. п, л. 26а—67в. Изд.: Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971: 71—135.

ЖФСт к. XII — Житие Нифонта и Феодора Студита, XII в. РГБ, Муз., № 1832. Изд.: Выголексинский сборник. М., 1977: 134—409.

Изб 1076 — Изборник 1076 года. Издание подготовили В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965.

Ио.екз.Бог¹, II — Sadnik L. Johannes von Damaskus | Ἰωάννης ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes. Bd. II. Freiburg i. Br., 1981 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes) Ed. R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weiher. Bd. XIV) XII—XIII вв., вар. XVI—XVII вв.

Козма Инд. — Книга глаголемая Козмы Индикоплова. СПб., 1886 (Изд. ОЛДП. № 86), к. XII — н. XIII в., сп. XVI в.

Коз. ФП — Философические предложения, соч. Яковом Козельским. СПб., 1768.

КР 1284 — Рязанская кормчая, РНБ, F, п. I, 1.

ЛИ ок. 1425 — Ипатьевская летопись сп. ок. 1425 г. // ПСРЛ, т. 2, М., 1962.

Мельн. — Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. М., 1961.

Мин. сент. 1096 г. — Месяц сентябрь // Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. Труд И. В. Ягича. Изд. ОРЯС АН СПб., 1886. С. 03—0242. 1096 г. XII в.

МПр XIV₂ — Мерило праведное вт. пол. XIV в. РГБ, Тр.-Серг., № 15. Изд.: Мерило праведное по рукописи XIV века. М., 1961.

Ник.лет.X — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью // ПСРЛ. т. 10, СПб., 1885, ок. 1526—1530 гг., сп. вт. пол. XVI в.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorgo.ru>.

ОЛДП — Собрание Общества любителей древней письменности, РНБ.

ПКП 1406 — Киево-Печерский патерик (Арсениевская редакция), 1406 г., РНБ, Q. n.1, 31.

Пов. об Акире — Григорьев А. Д. Повесть об Акире Премудром. Исследование и тексты. М., 1913. XI—XII вв., сп. XV в.

Пр 1313 — Пролог сентябрьской половины, перв. четв. XIV в. (1313 г.). ГИМ, Син. № 239.

Пр 1383 — Пролог март-август 1383 г., РГАДА, Тип 172.

ПрЛ 1282 — Пролог «Лобковский» сентябрьской половины, 1282, ГИМ, Хлуд. № 187.

ПРП — Памятники русского права. Вып. 2, М., 1953.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РА — Собрание Внешнего архива магистрата. Хранится в Центральном государственном архиве Латвии (Рига).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

РГБ — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва).

Рдщв СС1 — Радищев А. Н. Собрание оставшихся сочинений. М., 1806—1811, ч. 1—6.

РЛА — Русско-ливонские акты, собранные К. Э. Напьерским. Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1868.

РНБ — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей.

САР — Словарь Академии Российской. Санкт-Петербург, 1789—1794, ч. 1—6.

СбПаис н. XV — Паисиевский сборник, н. XV в., РНБ, Кир.-Белоз., № 4/1081.

СбТр XII/XIII — Сборник слов и поучений, в том числе апокрифических, к. XII — н. XIII в. РГБ, Тр.-Серг., № 12.

СбЧуд к. XIV(1) — Сборник Чудова монастыря, к. XIV в. ГИМ, Чуд. № 20.

СБЯр XIII₂ — Сборник молитв, вт. пол. XIII в. Ярославский областной краеведческий музей, № 15481.

Свѣд. и зам. — И. И. Срезневский. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ; т. I (С.-Пб., 1867), т. II (С.-Пб. 1876), т. III (С.-Пб., 1879), т. IV (С.-Пб., 1880).

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. I. М., 1813, ч. II. М., 1819.

СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988—, т. 1—.

Син — Синайская псалтырь, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: Северьянов С. Н. Синайская псалтырь. Graz, 1954.

Сл 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языков в 4 т. Санкт-Петербург, 1847.

Сл РЯ — Словарь русского языка, т. 1–4, М., 1957–1961.

Сл РЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Ленинград — Санкт-Петербург, 1984—, Вып. 1—.

Смол. гр. — Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963.

Срезн. — Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Репр. изд. т. 1–3, М., 1989.

Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков). Общее повременное обозрение. СПб, 1863.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М., Л.-СПб., 1965—, вып. 1—.

СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, т. 1–17. М., Л., 1950–1965.

ССРНГ — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.

Стих 1156–1163 — Стихирарь, 1156–1163, РНБ, Соф. № 384.

Супр. — Супрасльская рукопись. Труд С. Северьянова. Памятники старославянского языка, т. 2, вып. 1. СПб., 1904.

ТС — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007.

Ул. Ал. — Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производятся, сочиненное и напечатанное при владении государя царя и вел. кн. Алексея Михайловича. М., 1649.

Учен. расс. — Содержание ученых рассуждений имп. Академии наук, изданных в первом-четвертом томе Новых комментариев. СПб., 1750–1759, т. 1–4.

Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1–4, М., 1935–1940.

Флавий. Полон. Иерус. I — La prise de Jérusalem de Josèphe le Juif. Par V. Istrin. T. 1. Paris, 1934. XI в., сп. XV–XVI вв.

Хохлачева В. Н. К истории отглагольного словообразования в русском литературном языке нового времени. М., 1969.

Цар. 4 — Четвертая книга Царств.

ЧудН XII — Златоструй и отрывок торжественника XII в., РНБ, Ф.п. 1, 46: л. 66а–76б — Чудеса Николая Чудотворца.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–, вып. 1–.

Zarys — Zarys słówotwórstwa prasłowiańskiego || Słownik prasłowiański. T. 2. Wrocław. Warszawa. Kraków. Gdańsk, 1976.

М. И. Чернышева, *Москва*
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
chernysheva@bk.ru

«ЗЕЛЕНый КАМЕНЬ» А. БЛОКА В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

На примере стихотворения А. Блока «*Я — меч, заостренный с обеих сторон...*», построенного на отсылках к Апокалипсису и, отчасти, к Книге пророка Исаии, показана связь ключевого символического образа этого стихотворения — «зеленого камня» — с используемыми русскими символистами традиционными представлениями, которые изначально существовали в средневековой греко-византийской и славяно-русской письменности. Понимание внутреннего смысла стихотворения достигается благодаря рассмотрению отдельных членов средневековой понятийной системы, а также установлению внутренней связи стихотворения Блока с пушкинским «Пророком».

Ключевые слова: поэзия, А. Блок, русский символизм, средневековая литература, славяно-русская письменность.

Один из самых непростых вопросов, возникающих при чтении сочинений русской литературы, — это вопрос об идентификации названий камней и, конечно, об их смысловой нагрузке, — особенно, если это касается поэтического произведения.

Попробуем понять, что стоит за дважды упомянутым «зеленым камнем» в стихотворении А. Блока:

*Я — меч, заостренный с обеих сторон
Я правлю, архангел, Ее Судьбой.
В щите моем камень зеленый зажжен.
Зажжен не мной, — Господней рукой.*

*Ему непомерность мою вручу,
Когда отыду на вечный сон.
Ей в мире оставлю мою свечу,
Оставлю мой камень, мой здешний звон.*

*Поставлю на страже звенящий стих.
 Зеленый камень Ей в сердце зажгу.
 И камень будет Ей друг и жених,
 И Ей не солжет, как я не лгу.*
 Александр Блок. Июль 1903

* * *

Религиозные коннотации (... *камень зеленый зажжен...* — *Господней рукой*) сопутствуют мистико-символическому ореолу этого произведения.

Совершенно очевидно, что стихотворение включает аллюзии на Апокалипсис.

Поэт говорит от имени архангела: *Я правлю, архангел, Ее Судьбой...* Четыре архангела, согласно традиции, соотносятся с четырьмя всадниками Апокалипсиса (Апок. 6, 2–8).

«*Я — меч, заостренный с обеих сторон*»... — это обоюдоострый меч Апокалипсиса: «Из уст Его выходил острый с обеих сторон меч» (Апок. 1, 16), «Так говорит Имеющий острый с обеих сторон меч...» (Апокал. 2, 12). По мнению толкователей Священного Писания, он указывает на борьбу Христа с врагами. А византийский богослов Андрей Кесарийский полагал, что обоюдоострый меч — духовное оружие внутренней борьбы. Идея борьбы продолжается в следующей строке, когда возникает *щит*. Вместе с тем, он, обладая плоской поверхностью, может соотноситься со стеной Небесного Иерусалима из Апокалипсиса и с ее «зеленым камнем».

* * *

Теперь попробуем понять, какой же смысл заключен в этом камне: «*В щите моем камень зеленый зажжен*»... «*Зеленый камень Ей в сердце зажгу*».

Русский символизм, как известно, так или иначе связан с символикой, восходящей к ближневосточной и христианской традиции. Вполне правомерно, таким образом, обратиться к ее носителю и хранителю — средневековой греко-византийской и древнерусской литературе.

Очевидна связь «зеленого камня» с библейскими контекстами описаний драгоценных камней: в напернике иудейского первосвященника (Исх. 28: 17–21; Исх. 39: 10–14 — в Септуагинте: Ех. 36, 17–20) и в стене Небесного Иерусалима (Апок. 21: 18–21). Считается, что

в украшение стены Небесного Иерусалима входят те же камни, что находились в наперснике иудейского первосвященника.

Зеленых камней в этих описаниях два: загадочный камень *яспис* и *изумруд* (*измарагд*, *смарагд*).

Яспис (загадочный камень)

Загадочным он назван потому, что существуют самые разнообразные предположения, касающиеся его идентификации с известными нам драгоценными камнями.

Название *яспис* происходит от греч. ἰασπις (< ἰασις ‘исцеление’), евр. *яшпех*.

В наперснике иудейского первосвященник это третий камень второго ряда наперсника (Исх. 28: 17; Исх. 39: 11), а также камень стены и первого основания Небесного Иерусалима (Апок. 21: 18).

Обратим внимание, что *яспису* (ἰασπις) в Синодальном переводе Библии в стене Небесного Иерусалима соответствует *алмаз*¹, хотя в соответствующем месте описания наперсника первосвященника — *берилл*².

Знаменитый русский геммолог И. М. Пыляев писал, что теологи соотносят яспис с алмазом, опираясь на мнение Иоанна Богослова, уподоблявшего жизнь Богочеловека чистоте и безукоризненности цвета ясписа [Пыляев 1888: 381].

Русскому названию ясписа соответствует *яшма*, еще один камень зеленого цвета. Согласно данным, размещенным в Википедии: «В древности под яшмами понимали прозрачные цветные (преимущественно зеленые) халцедоны»³.

По другой версии, ясписом могли называть молочно-белый опал с искорками синего и красного цвета или непрозрачный кварц розового цвета⁴.

¹ Согласно современным сведениям, окраска алмазов может быть желтой, зеленой, голубоватой и синей (другие оттенки встречаются достаточно редко): Энциклопедия «Мир бриллиантов» <http://www.diamanters.ru/color.htm> (дата обращения 23.03.24. 19:56)

² Окраска берилла имеет различные оттенки голубого, голубовато-зеленого, желтого (другие оттенки — редки) <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BB> (дата обращения 23.03.24. 20:12).

³ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Яшма%D0%AF%D1%88%D0%BC%D0%B0> (дата обращения: 21.04.24).

⁴ <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-nustrema/661> (дата обращения: 21.04.24).

Сначала обратимся к греческим знаниям о цвете ясписа в нагруднике иудейского первосвященника, которые так или иначе повлияли на славяно-русские представления об этом камне.

Епифаний Кипрский (ум. 403 г.), один из ранних Отцов Церкви, посвятил описанию 12 камней в нагруднике иудейского первосвященника целое сочинение «О камнях» [Eriph.: 293–304]. Он поведал о разнообразной цветовой гамме ясписа: «Он с виду похож на смарагд (τῷ εἶδει σμαραγδίζων) ... подобно смарагду он зеленоват (κατὰ τὴν σμάραγδόν ἐστι χλωρίζουσα), но тусклее и темнее его. И внутри он зеленый (χλωρός), напоподобие медной ржавчине с прожилками в четыре ряда» [Eriph.: 297].

Епифаний сообщил также, что еще бывает «яспис более нежный (χαυνότερα) и белый (λευκότερα), и не очень блестящий, однако не лишенный блеска, то есть подобный льду на воде (κρυστάλλου ὕδατι ὁμοία)». «Другой же яспис не очень блестящ (οὐ λάνυ λάμλουσα), зелен (χλωρά); он имеет линии посередине». И, наконец, Епифаний говорит о древнем белоснежном ясписе: «И иной есть яспис, так называемый древний, который подобен или снегу (χιόνι), или морской пене (ἀφρῶ θαλάσσης)» [там же].

Возвратимся к идентификации ясписа с алмазом. У Епифания Кипрского есть отдельное описание алмаза (адаманта) [Eriph.: 301–304; Епиф. Кипр.: 279–282⁵]: «Камень алмаз по цвету сходен с воздухом. Его носил первосвященник, когда он входил в Святая Святых... Он [т. е. алмаз — М. Ч.] тогда полагался на груди первосвященника, когда он облакался в поддир, а сверху поддира надевал верхнюю ризу (эпомиду)... А с правой и с левой стороны повыше сосцов, где пришиты были два щитка, свешивались два смарагда. Посередине же их было явление⁶, которое было ничто иное, как упомянутый алмаз, уподоблявшийся воздуху по цвету».

В славяно-русской традиции совершенно утеряно представление о соотношении ясписа с разными видами камней и неким «древним ясписом».

⁵ Далее русский перевод приводится по этому изданию.

⁶ Здесь издатели перевода сочинения Епифания дают примечание: «Евр. урим (אורי) название, доселе служащее предметом спора между толкователями. По словопроизводству от אור — светить, оно значит: световый явления, откровения и относится к тому высокому праву ветхозаветного первосвященника — вопрошать Господа, получать от Него и давать людям ответы, о котором было говорено выше. Св. Епифаний объясняет дело ближе к материальной его стороне, следуя толкованиям некоторых раввинов».

Так, в выборке из трактата Епифания, находящейся в «Симеоновом сборнике», именуемом в древнерусской письменности Изборником Святослава 1073 г., сохранилось название камня, указание на его зеленый цвет и место добычи: *наспись оузелень есть* (τῷ εἶδει σμάρραυδίζων... κατὰ τὴν σμάρραυδόν ἐστὶ χλωρίζουσα)... [Изб.Св. 1073 г.: л. 153а]. Этот текст входит также в Сборник преп. Кирилла Белозерского XV в. [Сб.Кир.-Б.м.: 128 (л. 190 об.)].

Древнерусская Толковая Палея 1406 г. также включает представление о зеленом цвете ясписа: *аспись оубо зеленъ кс<ть>* [Палея Толк.: л. 138 об.]. Здесь приводится еще символическое уподобление ясписа Завулону, шестому сыну Иакова, что не соответствует свидетельству Епифания Кипрского, где «*Неффалим — яспис, Завулон — хризолит*» [Epirh.: 304].

В Изборнике Святослава 1073 г. есть еще указание на лечебные свойства ясписа, полезные при эпилепсии: *трѣбѣ же ксть въ кпипанпскѣ* ... [Изб.Св. 1073 г.: л. 153б], которое отсутствует в греческом оригинале Епифания, но оно сохранилось в рукописи русского Алфавита XVII в. [Алф.: 96 об.]: *Иаспис есть именем камень честен, видом зелен... трѣбѣ же есть во епилисесѣ* [СлРЯ XI–XVII вв., 5: 53]⁷.

Теперь обратимся к описанию ясписа в изображении стены Небесного Иерусалима. В славяно-русской письменности оно находится в переведенном с греческого языка «Апокалипсисе» с толкованиями Андрея Кесарийского [Andr.Caesar.], сохранившемся в древнерусском списке XIII в. [Апокал.].

Андрей (Кесарийский), архиепископ Кесарии Каппадокийской (VI–VII вв.), опираясь, по его собственному признанию, на указанное выше сочинение Епифания Кипрского, предложил свое понимание всех двенадцати камней Небесного Иерусалима в «Апокалипсисе» и дал им символические толкования [Andr.Caesar.: 433–437; Апокал.: лл. 100–101 об.].

Ясписом Андрей Кесарийский, как и Епифаний, считал некий зеленый камень, подобный изумруду. Исходя из этого, Андрей Кесарийский предлагал два символических толкования ясписа. Первое толкование — это указание на вечную жизнь Святых («*построение стены из ясписа показывает... всегда цветущую и неувядаемую жизнь*

⁷ Описание наперсника иудейского первосвященника есть еще в славянском переводе «Хроники» Георгия Амартола, где форма *аспиди* [Хрон. Г.Амарт.: 43] и в первой редакции «Александрии»: *испись* [Александрия: 39] — второй камень второго ряда наперсника.

Святых» [Апокал.Толк.: 188⁸), в славянском переводе: **аспь зеленек и неовѣдающецк житіе сказакъ стѣхъ** (τὴν ἀειθαλῆ καὶ ἀμάραντον ζωὴν τῶν ἁγίων [Апокал.: л. 100]). Обратим внимание, что здесь отсутствует свидетельство о зеленом цвете ясписа, которое есть в греч.: διὰ τῆς ἰάσπιδος χλωρίζουσης τὴν κατὰ τὴν σμάραγδον εἰκὸς τὸν κορυφαῖος Πέτρον δηλοῦσθαι «*ясписом по цвету (подобно смарагду, зеленоватым) правдоподобно обозначен Верховный Петр*». Как видим, вторая символическая часть содержит соотнесение ясписа с апостолом Петром: аспь же Петра сказаеть . како мѣртвость (τὴν νέκρωσιν) **Хѣоу на гѣлѣ свокѣмъ носи а неовѣдѣтъшо** (τὸ ἀειθαλὲς καὶ νεάζον) **вѣроу к Немоу носи и гавлаше**; в греческом оригинале несколько иначе: «[Яспис подразумевает Петра], *носившего в теле мертвость Христову, показавшего непрестанно цветущую и неувядаемую к Нему любовь и теплою верою наставившего нас на место злачное* [т. е. зеленеющее — М. Ч.] (εἰς τόπον χλόης)» [Andr.Caesar.: 433].

Еще раз *яспис* упоминается в Апокалипсисе (Апок. 21, 11) в изображении сияющей Славы Божией Небесного Иерусалима: «... *святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога. Он имеет славу Божию* (τὴν δόξαν τοῦ Θεοῦ). *Светило* (ὁ φωστήρ) *его подобно драгоценнейшему камню* (λίθῳ τιμιωτάτῳ), *как бы камню яспису кристалловидному* (ὡς λίθῳ ἰάσπιδι κρυσταλλίζοντι)».

Изумруд (измарагд, смарагд)

Второй камень, цвет которого никогда не вызывал сомнений, — **изумруд** «*заимств. через тур. zümrüt... также перс.-араб. zimurrud из греч. σμάραγδος*» [Фасмер II: 123], **измарагд, смарагд** — от греч. σμάραγδος, евр. *барекет* — драгоценный камень ярко-зеленого цвета, который входил в первый ряд наперсника иудейского первосвященника и был четвертым камнем Небесного Иерусалима.

В Апокалипсисе еще сказано, что радуга вокруг Божественного престола видом была подобна смарагду (Апокал. 4, 3).

В своем трактате о драгоценных камнях Епифаний Кипрский заметил, что смарагд называют также «зеленым камнем» (λίθος σμάραγδος. οὗτος καλεῖται καὶ πράσινος), он поведал о разных видах этого камня [Epirh.: 296]. В другом месте трактата Епифаний снова повторил, что смарагд в Священном Писании может иначе называться

⁸ Описание камней см.: [Апокал.Толк.: 188–191]. Далее перевод приводится по этому изданию.

«зеленым»: αἱ Θεῖαι Γραφαὶ τὰ ὀνόματα ἐτέρως μετελοίησαντο ὡς τὸν σμάραγδον πράσινον [Epirh.: 300].

Напомним, что у Епифания Кипрского в упомянутом выше описании адаманта (алмаза) приводятся сведения о том, что этот камень, являвший Божественную волю, находился между двумя смарагдами.

Важным представляется соотнесение смарагда с Левием, одним из родоначальников священнослужителей как проводников Божественной воли⁹.

Славяно-русская традиция описания смарагда представлена в Изборнике Святослава 1073 г. во фрагменте, содержащем выборку из трактата Епифания Кипрского, где говорится о его зеленом цвете: *змарагдъ зеленъ оубо ксть* (λίθος σμάραγδος... ἔστι δὲ καὶ χλωρὸς τῷ εἶδει).

Обратим внимание на указание, касающееся способности (повидимому, отполированного) изумруда к зеркальному отражению: *и сила же юго ксть лице видѣти въ немъ* (ἡ δύναμις τοῦ λίθου... πρὸς τὸ ἐνολτρίξεσθαι πρόσωπον) [Изб.Св. 1073 г.: л. 152 об.]¹⁰.

В «Толковой Палее» (при почти полном совпадении с этим описанием — добавлено: *измарагдъ зеленъ ксть ... и свѣтѣль*) и расширена мысль об отражении лица на поверхности изумруда: *«он светел настолько, что в нем, как в зеркале, отражается человеческое лицо» — юже лице члвчскоє видѣти в нем акы в зеркалѣ* [Палея Толк.: 274 (л. 137 об.)]. В «Толковой Палее» этот камень уподобляется Левию, «святителю священнического чина», здесь приводится своеобразное объяснение феномена отражения: *юже и лица члвчскаго не стыднѣтъ имь подовакѣтъ* «*поскольку им* [т. е. священнослужителям — М. Ч.] *не подобает стыдиться человеческого лица*». В. Мильков и игумен Тихонт (Полянский), комментаторы издания Толковой Палеи 2012 г., понимают это как «аллегория предстояния священнослужителей за людей перед Богом и ... принятия ими на себя грехов кающихся» [Палея Толк. 2012: 591]¹¹.

⁹ После событий, описанных в библейской Книге Исход (Исх. 32, 26), «колени Левины» было избрано на высокое дело отправления священнических обязанностей.

¹⁰ Абсолютно тождественный текст находится в Сборнике преп. Кирилла Белозерского XIV–XV вв. [Сб.Кир.-Б.м.: 127 (л. 190 об.)].

¹¹ Комментарий № 924 к с. 349 издания. Далее: «Редкий случай, когда основанием для уподобления служит свойство камня, а не характеристика патриарха».

Андрей Кесарийский в толкованиях на «Апокалипсис» говорит о зеленом цвете смарагда (διὰ τοῦ σμαράγδου χλωροῦ τυγχάνοντος). Однако текст в славянском переводе сильно изменен по сравнению с греческим оригиналом, сохранено только символическое указание на Евангелиста Иоанна — так измарагд назван по причине его «многочестной светлости словесной благодати»: **измарагдъ... многочѣстною свѣтлостью ... словесныа бл҃гдти** [Апокал.: л. 100 об.].

Появление идеи отражения («как в зеркале») при описании измарагда ведет нас к символике зеркала, которое в Средние века включало в себя представления о совести как «душевном зеркале», то есть внутреннем «отражении» скрытой истины [Чернышева 2016]. И сам визуальный образ зеркала мог использоваться в качестве знака непроизносимой, произнесенной или скрытой правды¹².

* * *

Оба зеленых камня — и яспис, и изумруд (смарагд, измарагд), — как совершенно очевидно, являются носителями сакрального смысла.

«Зеленый камень *Ей* в сердце зажгу» — знак обручения с Вышним миром, поскольку: «...камень будет *Ей* друг и жених». Здесь снова возникает контекст Апокалипсиса (21, 2): «И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего».

А идея «зеркальности» «зеленого камня», способного отражать и таким образом открывать истину, явлена в фразе: «... камень... *Ей* не солжет, как я не лгу».

Многомерность сакральной символики этого стихотворения с его библейскими аллюзиями можно рассматривать дальше, поскольку в нем присутствует еще идея огня — сияния, горения и зажигания: *Ей* в мире оставлю мою свечу... камень зеленый **зажжен**... Зеленый камень *Ей* в сердце **зажгу**...», что означает переход на уровень Божественного света и огня¹³ и указывает на действие высшей силы (здесь: архангела). Эта сила известна по чудесному видению пророка Исаии, когда серафим коснулся горящим углем уст пророка (Ис. 6, 6–7). Ее вмешательство Пушкин (в «Пророке») представил значительно сильнее, заменив живое сердце пылающим углем: *И он мне грудь рассек*

¹² Самым ярким примером служит картина Г. Климта «Голая правда» (Nuda veritas) (1899) с обнаженной женщиной, держащей «зеркало истины».

¹³ Ср. [Чернышева 2012].

мечом, / И сердце трепетное вынул, / И угля, пылающий огнем, / Во грудь отверстую водвинул. У Блока вместо угля в сердце вкладывается зажатый — сияющий — «зеленый камень», зеркальный и священнический, и, если принять его идентификацию с изумрудом, носитель истины и проводник Божественной воли.

Если у Пушкина происходит взаимодействие серафима и Поэта-пророка, то у Блока — архангела и Божественной Премудрости.

Осталось сделать последний шаг и поставить на место адресата женского рода, к которому обращается архангел, — самого Поэта.

ЛИТЕРАТУРА

Алф. — Книга глаголемая гречески алфавит. — Рукоп. БАН, Арх. д., № 446. XVII в.

Александрия — *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893.

Апокал. — Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского, на пергамене. Рукоп. Библиотеки Академии наук, Санкт-Петербург (БАН), Никол. № 1. XIII в.

Апокал.Толк. — Толкование на Апокалипсис Святого Андрея, архиепископа Кесарийского. Анонимный перевод Изд. 4-ое. М., 1901.

Епиф. Кипр. — Творения св. Епифания Кипрского. Ч. 6. М., 1884.

Изб.Св. 1073 г. — Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). Т. 3. Гръцки извори. София, 2015.

Палея Толк. — Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892–1896. Вып. 1–2. XIII в., сп. 1406 г.

Палея Толк. 2012: — Палея Толковая. М.: «Согласие», 2012.

Пыляев М. И. Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление. СПб., 1888.

Сб.Кир.-Б.м. — Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского. Российская Национальная библиотека. Кирилло-Белозерское собрание, № XII / Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2003.

СЛРЯ XI–XVII вв., 5 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод и дополнения. О. Н. Трубачева. Т. II. М., 1986.

Хрон.Г.Амарт. — *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. I. Пг., 1920.

Чернышева М. И. Византийская и древнеславянская идея света и славы // ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ. Сб. статей памяти проф. И. С. Чичурова. М., 2012. С. 345–360.

Чернышева М. И. Смысловая и символическая нагрузка идеи зеркала (зеркала) в переводной и оригинальной древнерусской литературе // Церковь в истории России. Сб. 11: К 70-летию Н. Н. Лисового. М.: Ин-т российской истории, 2016. С. 316–337.

Andr. Caesar. — *Andreae Caesariensis Commentarii in Joannis Theologi Apocalypsin* // *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Т. 106. Parisiis, 1863. Col. 216–457.

Epiph. — *S. Epiphanii De duodecim gemmis quae erant in veste Aaronis Liber* // J. P. Migne. *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Т. 43. Parisiis, 1864. Col. 293–304.

doi:10.31912/anniversary_vinogradova_265-274

Л. Л. Шестакова, *Москва*
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
lara.shestakova@mail.ru

А. С. Кулева, *Москва*
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
an_kuleva@mail.ru

СНОСКА К ПОЭТИЧЕСКОМУ ТЕКСТУ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В «СЛОВАРЕ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА»

В статье на материале многотомного «Словаря языка русской поэзии XX века» рассматривается проблема словарного представления информации, не входящей непосредственно в стихотворный текст, в частности — комментариев, оформляемых в виде сносок. На примерах из произведений разных авторов показано, что словарь поэтического языка не только представляет срез словоупотребления определенной эпохи, но и включает большой объем культурно-исторических сведений, что делает лексикографический труд информативным источником как для исследователей, так и для читателей-неспециалистов.

Ключевые слова: лексикология, лексикография, Серебряный век, словарная статья, словарь поэтического языка, сноска.

В середине 1990-х гг. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН под руководством В. П. Григорьева началась работа над «Словарем языка русской поэзии XX века» [СЯРП], который вырос в многолетний многотомный проект. В основу словаря были положены новаторские и перспективные идеи Григорьева и его коллег [Григорьев 1965, 1973, 1979], в частности убеждение, что для изучения поэтической речи необходимо обратиться «к сплошному обследованию и словарной обработке целостных художественных текстов во всей сложности их словесно-образных структур» [Григорьев 1973: 13], с установкой на сопоставительное изучение языка разных поэтов.

По ряду объективных и субъективных причин список авторов, взятых для словарного описания, был ограничен десятью поэтами,

творчество которых традиционно относится к эпохе Серебряного века. Это И. Анненский (в системе помет словаря — *Анн*), А. Ахматова (*Ахм*), А. Блок (*АБ*), С. Есенин (*Ес*), М. Кузмин (*Куз*), О. Мандельштам (*ОМ*), В. Маяковский (*М*), Б. Пастернак (*П*), В. Хлебников (*Хл*), М. Цветаева (*Цѳ*). Следует отметить, что ранний проект «Словарь языка русской советской поэзии» [Григорьев 1965] включал материал произведений двенадцати авторов: Асеева, Багрицкого, Демьяна Бедного, Блока, Есенина, Заболоцкого, Корнилова, Луговского, Маяковского, Пастернака, Хлебникова и Цветаевой. В цикле «Очерки истории языка русской поэзии XX века» [1990; 1993; 1994; 1995а; 1995б] анализировались идиостили и других поэтов, помимо авторов, описываемых в СЯРП. Особого упоминания заслуживают такие работы, как «Словотворчество (И. Анненский, М. Волошин, И. Северянин)» В. Н. Виноградовой [Очерки 1995а: 143–177], «Устойчивые языковые формулы в поэзии XX века (на материале поэзии Д. Бедного и Б. Слуцкого)» М. А. Бакиной [Там же: 106–142], а также исследования поэзии Андрея Белого (очерк Н. А. Кожевниковой [Очерки 1995б: 7–99]), Игоря Северянина (очерк В. Н. Виноградовой [Там же: 100–131]), Николая Заболоцкого (очерк Е. В. Красильниковой [Там же: 449–480]). На материале обширного круга авторов строится проект, начатый выпуском [Кожевникова, Петрова 2000].

Источниками СЯРП послужили предварительно выбранные издания десяти вышеупомянутых поэтов, содержащие достаточно представительный корпус их стихотворных произведений, в том числе поэм и драматических произведений в стихах (см. список источников). С предпочтением определенных изданий связаны многие аспекты подачи поэтических контекстов: с одной стороны, опора на определенные издания вынуждает составителей словаря следовать текстологическим решениям составителей и комментаторов этих изданий, воспроизводить принятое в них оформление текстов (заголовков, подзаголовков и т. п.); с другой стороны, составитель или редактор словаря может исправлять заведомые опечатки, привлекать другие источники, использовать результаты собственной исследовательской работы.

Особенности концепции и устройства СЯРП, проблемы разной степени сложности, которые в разное время решались его составителями, рассмотрены во многих публикациях (см., например: [Григорьев 2001; Шестакова 2011: 89–93, 2022; Кулева 2019]). В контексте данной работы важно подчеркнуть, что одной из интересных и нетривиальных

лексикографических задач стало представление в словаре дополнительной информации, поданной в источниках в виде авторских сносок¹.

Отметим, что речь идет о сносках в определенных изданиях, поэтому между автором-поэтом, составителем словаря и читателем стоят публикаторы, редакторы, издатели. В использованных изданиях принят разный подход к сноскам, но общий принцип в целом соблюдается. В постраничных сносках, обозначенных нередко цифрой или звездочкой, приводится информация двух типов: 1) авторские примечания и 2) перевод иноязычных вкраплений, обычно принадлежащий издателю; авторские комментарии, взятые из опосредованных источников, и исследовательские комментарии приводятся в особом разделе в конце книги. В разных изданиях в сносках либо авторские комментарии приводятся без дополнительных указаний, а издательские сопровождаются пометой *Ред.* (Анненский, Ахматова, Маяковский), либо наоборот: сноски по умолчанию являются редакторскими, тогда как авторские специально отмечены (Блок, Есенин, Пастернак, Хлебников, Цветаева). Естественно, в словарь не должны включаться редакторские сноски, тогда как авторские примечания представляют собой ценное дополнение к поэтическим текстам.

Авторские сноски разнообразны. В большинстве случаев это некий внешний комментарий к стихотворению:

— указание на обстоятельства создания текста, побудительные мотивы его написания:

*Цв917 (I,352.2)*²

... На ревнителей Бога Марса

Ты [дочь Аля] тихонько кривила рот.

Ледяными глазами барса

Ты глядела на этот сброд.

¹ Краткий исторический обзор, посвященный использованию сноски в поэтических текстах и ее функциям, представлен в работе [Орлицкий 2010].

² Подобными шифрами обозначаются цитируемые в словаре произведения. Шифр включает в себя указание на автора, дату создания произведения, ссылку на страницу источника. Если на странице расположено несколько стихотворений, то приводится соответствующий порядковый номер; для многотомных изданий указывается также (римскими цифрами) номер тома. В данном случае приведен шифр стихотворения Цветаевой «Голубые, как небо, воды...».

Был твой лик среди этих, темных,
 До сиянья, до блеска — бел.
 Не забуду — а ты не вспомнишь —
 Как один на тебя глядел.
 6 июня 1917

(NB! с ненавистью — как мне тогда показалось, и весь этот стих — ответ на этот — классовой ненависти — взгляд. МЦ — 1938 г. — *при переписке*)^{3, 4};

— указание на сопутствующие обстоятельства:

Цв917 (I, 351)
 Из строгого, стройного храма
 Ты вышла на визг площадей...
 — Свобода! — Прекрасная Дама
 Маркизов и русских князей.
 Свершается страшная спевка, —
 Обедня еще впереди!
 — Свобода! — Гуляющая девка
 На шалой солдатской груди!
 26 мая 1917

(Бальмонт, выслушав: — Мне не нравится — твое презрение к девке!
 Я — обижен за девку! Потому что — (блаженно-заведенные глаза) —
 иная девка... Я: — Как *жаль*, что я не могу тебе ответить: — «Как
 и иной солдат...»);

— расшифровка «темного» образа, авторского субъективного восприятия или реалии, которая может быть неизвестна читателю:

АБ905 (II, 176)
 ... И в небе сером холодные светы
 Одели Зимний дворец царя,
 И латник в черном* не даст ответа,
 Пока не застигнет его заря.
 * Статуя на кровле Зимнего дворца.

³ В оформлении примеров авторы статьи следуют источникам.

⁴ Знак NB неоднократно использовала в сносках М. Цветаева.

Ахм940-60 (294.4)

... А столетняя чаровница*
Вдруг очнулась и веселиться
Захотела. Я ни при чем.

* Романтическая поэма;

— объяснение неожиданного, непривычного, непонятного или «неправильного» написания или словоупотребления:

Анн899 (77)

... (Тут не рыбы-то по заводам хоронятся,
Да не птицы-то уходят во поднебесье,
Во темных лесах не звери затулилися¹),

¹ Былинная формула.

П913,28 (I,56)

... Туда, голодные, противясь,
Шли волны, шлендая с тоски,
И гóндолы¹ рубили привязь,
Точа о пристань тесаки.

¹ В отступление от обычая восстанавливаю итальянское ударение (*Примеч. Б. П.*);

— расшифровка аллюзий, скрытых или явных цитат (в том числе автоцитат):

АБ898 (I,13)

... Ужель живут еще страданья,
И счастье может унести?
В час равнодушного свиданья
*Мы вспомним грустное прости...**

* стихи Полонского.

Ес925 (III,61)

ПИСЬМО К СЕСТРЕ

... Мне жаль тебя.
Останешься одна,
А я готов дойти
Хоть до дуэли.
«Блажен, кто не допил до дна»¹
И не дослушал глас свирели.

¹ Слова Пушкина. (Прим. С. А. Есенина.)

Ахм940-60 (277)

... Господняя сила с нами!
В хрустале утонуло пламя,
«И вино, как отрава, жжет».*

* Отчего мои пальцы словно в крови

И вино, как отрава, жжет?
(«Новогодняя баллада», 1923).

Как ни странно для сегодняшнего восприятия, иногда авторам можно приписать желание оправдаться перед дотошным читателем, предупредить его вопрос, недоумение:

Ахм940-60 (277)

... Ясно всё:
Не ко мне, так к кому же?*

Не для них здесь готовился ужин,
И не им со мной по пути.

* Три «к» выражают замешательство автора.

Можно заметить, что некоторые пояснения сейчас кажутся избыточными, необязательными:

Анн900-е (64.1)

... И с бадьями журавли,¹
Выпрямляясь, тихо стонут.

¹ На колодцах

или же требуют уточнения, дополнительного пояснения:

П917 (I, 137)

... И какую-то черную доведь¹,
И — с тоскою какою-то бешеной,
К преставлению света готовит,
Конноборцем над пешками пешими.

¹ Д о в е д ь — шашка, проведенная в край поля, в дамы. (Примеч. Б. Пастернака)

В других же случаях авторский комментарий сейчас особенно необходим:

Ахм940-60 (296)

... А земля под ногой гудела,
И такая звезда* глядела
В мой еще не брошенный дом
И ждала условного звука...

* Марс летом 1941 г.

Отсутствие прямого указания на принадлежность примечания самому автору может вступать в противоречие с современным читательским опытом, поскольку такие сноски могут показаться недостаточно информативными или небрежно оформленными (тогда как у автора такие комментарии могли быть не более чем беглыми заметками или частью более широкого контекста). См. примеры из стихотворения Маяковского «Стабилизация быта»:

М927 (274)

... В магазинах — / ноты для широких масс. / Пойте, рабочие и крестьяне, последний / сердцепипательный романс / «А сердце-то в партию тянет!»¹...

¹ Ноты Музторга. Музыка Тихоновой. Слова Чуж-Чуженина [сноска дана на с. 275 источника. — *Л. Ш., А. К.*].

... Свежим ветерочком в республику / вея, / звездой сияя из мрака, / товарищ Гольцман / из «Москвошвея» / обещает / «эпоху фрака»¹...

¹ Стр. 12 № 2 «Экрана» [сноска дана на с. 276 источника. — *Л. Ш., А. К.*].

Редкий и особенно важный с лексикографической точки зрения тип сноски включает вариант слова или стихотворной строки, фрагмента текста, что позволяет заострить внимание на авторской рефлексии, задуматься о причинах выбора того или иного прочтения. К сожалению, в подаче вариантов (ранних, поздних, черновых и т. п.) издания различаются довольно сильно: приведены в самостоятельном разделе и, таким образом, последовательно отражены в словаре только варианты произведений Мандельштама и Пастернака. Варианты,

представленные в сносках, позволяют увидеть работу над словом и других поэтов:

Анн900-е (209.2)

Ни яркий май, ни лира Фруга,
 Любви послушная игла
 На тонкой ткани в час досуга
 Вам эту розу родила.
 Когда б из кружевного¹ круга
 Судьба ей вырваться дала,
 Она б едва ли предпочла
 Сиянье неба, зелень луга
 Приюту Вашего стола.

¹ или плюшевого.

Ахм910 (305.2)

... Скольжу и кружусь в заревом бессилье.
 Богиня! тебе мой гимн*.
 Руки, как крылья, руки, как крылья,
 Над челом золотистый нимб.

* Или «Богиня! покинь Олимп».

На первый взгляд, выбор составительского подхода вполне очевиден: поскольку СЯРП отражает язык поэзии, в словарную статью следует включать сноски, представляющие собой вариант или дополнение к стихотворному тексту, т. е. также стихотворный текст (вопрос в том, должны ли они отмечаться пометой или комментарием). См., например, у Ахматовой:

Ахм940-60 (296)

...Долгу верная, молодая,
 Шла Россия спасать Москву.**

** Раньше поэма кончалась так:

А за мною, тайной сверкая
 И назвавши себя «Седьмая»,
 На неслышанный мчалась пир...
 Притворившись нотной тетрадкой,
 Знаменитая ленинградка
 Возвращалась в родной эфир.

Ср. в словарных статьях СЯРП:

ЛЕНИНГРАДКА [о Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича] А за мною, тайной сверкая И назвавши себя «Седьмая» На несслыханный мчалась пир... Притворившись нотной тетрадкой, Знаменитая л. Возвращалась в родной эфир. *Ахм940-60 (296)*

Собственно прозаический текст не предполагалось включать в материалы словаря, однако он отражается в том случае, если представляет собой ремарку (или текст, близкий к ней), что обозначается специальной пометой *Рем.* Этот принцип, избранный для словаря в целом, логично распространить и на сноски:

ЗНАМЕНИТЫЙ ... Раньше поэма кончалась так: А за мною, тайной сверкая И назвавши себя «Седьмая» На несслыханный мчалась пир... Притворившись нотной тетрадкой, Знаменитая ленинградка Возвращалась в родной эфир. [о Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича] *Рем. Ахм940-60 (296); ...*

Авторские пояснения имеет смысл использовать в зоне комментариев словарной статьи, относящейся непосредственно к контексту; иногда авторское толкование может быть приведено в зоне значения (в частности, если статья содержит единственный контекст). Ср.:

АЗ [Аз и аз; стар. назв. буквы «А»; *мн.* — *перен. разг.* — нач. сведения] В битве азов Властен грех. *РП [рфм. к рассказов] Хл911–12 (205)*; Нет, не знаешь ни аза, *РП [рфм.: глаза] Хл915 (424)*; АЗЫ ИЗ УЗЫ *Загл. Хл919-20-22 (466)*; Через пустыню Азии, Где блещет призрак Аза, [Аз, по Хлебникову, это и «освобожденная личность, освобожденное Я», и сокр. слова «Азия»] *Хл921 (142); ...*

ТЯНУЛИ [«т.»; лакомство, распространенное в средней России (*примеч. Хл*); *см. тж* ТЯНУЧКА] «Если мое скромное допущение справедливо, Что золото, которое вы тянули, Когда, смеясь, рассказывали о любви, Есть обычное украшение вашей семьи, То не верю, чтоб вы мне не сообщили, Любите ли вы «тянули», Птичку «сплю», А также в предмете «русский язык» Прошли ли Спряжение глагола «люблю»? И сливы?» *Хл908 (45.2)*

В некоторых случаях попытка системно отразить авторские комментарии вынуждает создавать новые словарные статьи, что не всегда кажется правомерным:

НАДЯ [няня в семье Цветаевых] — Мне гулять еще охота. Неохота помирать. Хоть бы кто за меня помер! ...Только до ночи и пожил. (Рассказ владимирской няни Нади.) *Рем. Цв917 (I,354.2)*

С другой стороны, в большинстве случаев это касается статей на имена собственные, которые теснее всего связаны с реально-исторической основой произведений. См., к примеру, статью МАМОНТОВ, включающую разные употребления антропонима — в стихотворных строках и в прозаическом тексте, который составляет содержание авторской сноски:

МАМОНТОВ [Константин Константинович (1841–1918) — генерал-лейтенант Белой армии] Царь и Бог! Для ради праздника — Отпустите Стеньку Разина! [Дни, когда Мамонтов подходил к Москве — и вся буржуазия меняла керенские на царские — а я одна не меняла (не только потому, что их не было, но и) потому, что знала, что не войдет в Столицу — Белый Полк!] *Рем. Цв918 (I, 439)*; Живьем, / по голову в землю, / закапывали нас банды Мамонтова. / В паровозных топках / сжигали нас японцы, / рот заливали свинцом и оловом, / отрекитесь! — ревели, / но из / горящих глоток / лишь три слова: / — Да здравствует коммунизм! — *M924 (507)*; партия звала: / «Пролетарий, на коня!» / И красные / скачут / на юг / эскадроны — / Мамонтова / нагонять. *M927 (575)*

Как представляется, решение составителей и редакторов словаря включать в словарные статьи дополнительную информацию, почерпнутую из примечаний и пояснений самих авторов (в издательской практике представленных обычно в виде сносок), позволяет более детально и глубоко описать поэтический язык Серебряного века. Ср. словарные статьи, в которых такая информация сопровождается принятым в словаре типом комментария [примеч. автора]:

РЕКА ... В мире, где реки вспять, На берегу — реки, В мнимую руку взять Мнимость другой руки... *Цв922 (II, 125)*; Ударяются и отрываются первый, четвертый и последний слоги: На — берегу — реки [примеч. автора] *ib.*⁵; ...

РОМАНТИЧЕСКИЙ ... А столетняя чаровница* Вдруг очнулась и веселиться Захотела. Я ни при чем. Кружевной роняет платочек, Томно жмурится из-за строчек И брюлловским манит плечом. *Романтическая поэма. [примеч. автора] *Ахм940-60 (294.4)*

СОЛДАТ ... Бейте, попы, в набат. — Нечего есть. — Честь. — Не терять ни дня! Должен с. Чистить коня... [о Л. Г. Корнилове] *РП Цв917 (I, 378.2)*; NB! Я уже тогда поняла, что это: «Да, и солдаты

⁵ *ib.* — *ibidem* (там же).

должны чистить своих лошадей!» (Москва, лето 1917 г. — речь на Московском Совещании) — куда дороже всего Керенского (как мы тогда говорили). [примеч. автора] *ib.*; ...

СОЛОВЬЁВ [Владимир Сергеевич (1853–1900) — рус. философ, поэт] ... Смерть и время царят на земле — Ты владыками их не зови. *Вл. Соловьёв Эпгрф. АБ901 (I,478.1)*; **АЛЛЕГОРИЯ** См. стих. «Эфиопы и бревно» Вл. Соловьёва. [примеч. автора] *АБ901 (I,479.2)*; ...

СТИХ ... Юношам — жарко, Юноши — рдеют, Юноши бороду бреют. // Старость — жалеет: Бороды греют. (*Проснулась с этими стихами 22 мая 1918*) [примеч. автора] *Цв918 (I,406.1)*; ...

ТЕЛЕЦ [*устар.* теленок, молодой бычок; *устар.* то же, что золотой т.; *тж* в сочет.: золотой (златой) т.] ... — В тартарары тебя, тельца ласкова: «Всем, всем, всем!» На солнцепёке — учба солдатская: — При — цел: семь! *Цв928,29-38 (III,148)*; Т. ласковый — Керенский [примеч. автора] *Цв938 (III,179)*

Опыт составления «Словаря языка русской поэзии XX века» может быть полезен для развития авторской лексикографии, для решения общих и частных задач словарного описания поэтического языка. Такое описание не требует обязательного включения в словарную статью толкования, которое можно найти в общезыковых словарях (например, [СУ]), и тем более пространный исторический комментарий. В словарную статью желательно включать необходимое и достаточное количество информации, в том числе выраженной в форме авторских примечаний, позволяющей дать читателю более объемное представление о языке поэзии конкретной эпохи.

ИСТОЧНИКИ

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель, 1990. С. 51–286.

Анна Ахматова. Сочинения в двух томах. Том 1. М.: Художественная литература, 1986. Реквием // «В то время я гостила на земле...». Стихотворения и поэмы. СПб.: Лениздат, 1995. С. 349–357.

Александр Блок. Собрание сочинений в восьми томах. Тома 1–3. М.—Л.: Художественная литература, 1960.

Сергей Есенин. Собрание сочинений в пяти томах. Тома 1–3. М.: Художественная литература, 1961.

Михаил Кузмин. Избранные произведения. Л.: Художественная литература, 1990. С. 17–328.

Осип Мандельштам. Сочинения в двух томах. Том 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 65–440.

Владимир Маяковский. Стихотворения. Поэмы. Пьесы. М.: Художественная литература, 1969. С. 25–606.

Борис Пастернак. Сочинения в пяти томах. Тома 1–2. Том 3. С. 511–538. М.: Художественная литература, 1989.

Велимир Хлебников. Творения. М.: Советский писатель, 1986. С. 39–504.

Марина Цветаева. Собрание сочинений в семи томах. Тома 1–3. М.: Эллис Лак, 1994.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев В. П. Словарь языка русской советской поэзии: Проспект. Образцы словарных статей. Инструктивные материалы. М.: Наука, 1965.

Григорьев В. П. (ред.). Поэт и слово. Опыт словаря / Под ред. В. П. Григорьева. М.: Наука, 1973.

Григорьев В. П. Поэтика слова / Отв. ред. А. Д. Григорьева. М.: Наука, 1979.

Григорьев В. П. Предисловие // Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I: А–В. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 3–15.

Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1–. М., 2000–.

Кулева А. С. Мнимые неологизмы в поэтическом языке (на материале т. VII «Словаря языка русской поэзии XX века») // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 19. М., 2019. С. 253–259.

Орлицкий Ю. Маленький гимн сноске // Арион. 2010. № 3. URL: <https://www.arion.ru/mcontent.php?year=2010&number=118&idx=2271>.

Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста / Под ред. В. П. Григорьева. М.: Наука, 1990.

Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста / Отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1993.

Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке / Отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1994.

Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация / Отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1995а.

Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыты описания идиостилей / Отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1995б.

СУ — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935—1940.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I—IX— / Сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Колодяжная Л. И. (ред.), Кулева А. С. (ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. М.: Языки славянской культуры, Знак, 2001—2022—.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011.

Шестакова Л. Л. «Словарь языка русской поэзии XX века»: от пробного выпуска до VIII тома // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 2 (32). С. 148—163.

Шестакова, Кулева - doi:10.31912/anniversary_vinogradova_275-287

Научное издание

**Словообразование. Стилистика.
Лингвистическая поэтика**

Сборник научных статей, посвященный юбилею
В. Н. Виноградовой

Макет: *С. В. Родионова*

Гарнитура Newton. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 18,0
Тираж 300 экз. Заказ № 0000